

Александр Владимирович Пыжиков

Питер - Москва. Схватка за Россию

Аннотация

На протяжении долгого времени, практически до октября 1917 года, представления петербуржцев и москвичей о модернизации России сильно различались. Петербург осуществлял свой путь, который реализовывался государственной элитой и столичной предпринимательской группой, а роль оппонента играли московское купечество и кадетская партия, руководившие совершенно иными идеологическими приоритетами.

В чем корень извечного противостояния двух великих городов России – Санкт-Петербурга и Москвы? Почему историческое полотно нашего общего прошлого переполнено эпизодами их конфронтации, конфликта и конкуренции? Александр Пыжиков, доктор исторических наук, автор книг «Рождение „сверхдержавы“: СССР в первые послевоенные годы», «Хрущевская оттепель», «Грани русского раскола», дает возможность читателям по-новому взглянуть на многие узловые точки и значимые вехи российской истории.

Пыжиков А. В.

Питер – Москва.

Схватка за Россию

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Идея данной книги родилась во время подготовки монографии «Грани русского раскола: заметки о нашей истории» (М., 2013). Знакомство с материалами имперского периода показало, что эпизодами противостояния Петербурга и Москвы неизменно переполнено историческое полотно нашего дореволюционного прошлого. Поэтому мысль выделить их в самостоятельный сюжет выглядела весьма интересной и привлекательной. Очевидно, что такая исследовательская «оптика» дает возможность по-новому взглянуть на многие узловые точки имперской России, лучше осознать значимые вехи российской истории.

Конечно, борьба двух столиц в историографии никогда не оставалась без внимания, ее перипетии всегда вызывали интерес. Однако, как правило, это противостояние, происходившее на различных этапах, рассматривалось исследователями или с экономической, или с политической точки зрения. Между тем именно комплексный взгляд на данный процесс представляется наиболее плодотворным. Важное значение имеет исследование происхождения обеих крупнейших группировок российской буржуазии – петербургской и московской, а также рассмотрение их соперничества в пореформенный период, не выходящего тогда за рамки коммерческой сферы.

Но рубеж XIX-XX веков стал переломным этапом в российской истории, когда противоречия питерских и московских интересов сыграли судьбоносную роль. Именно с этого времени борьба двух буржуазных кланов выходит на новый – политический уровень. Объяснение этого, а точнее, политической оппозиционности Первопрестольной является одной из главных задач данной работы. Тем самым в ней делается попытка уйти от того пресловутого классового подхода, который долгие десятилетия оставался краеугольным камнем советской исторической науки. Науки, целью которой было не выяснение истины с опорой на исторические источники, а иллюстрация ленинских выводов и замечаний, высказанных преимущественно в публицистическом ключе и обслуживавших сугубо конкретные задачи.

Особенно интересно противостояние питерского и московского предпринимательских

кланов после крушения царизма в феврале-октябре 1917 года. Эта, казалось бы, хорошо известная страница российской истории при рассмотрении ее с точки зрения, предложенной в книге, становится более проработанной и понятной. Несостоявшийся триумф московского купечества и его политических союзников, попытки питерцев восстановить свои позиции в новых условиях, выступление генерала Корнилова рассматриваются как проявления извечного противоборства двух столиц.

Выделение двух буржуазных групп в качестве объекта исследовательского интереса представляется оправданным еще и потому, что другие региональные группировки капиталистов занимали подчиненное положение по отношению к Петербургу или Москве. К примеру, достаточно мощное волжское купечество издавна ориентировалось на Московский биржевой комитет, видя в нем главного представителя своих интересов на всероссийском уровне. Или южная индустрия, которая была создана на иностранные инвестиции, с момента своего возникновения функционировала в тесном сотрудничестве с бюрократическими верхами. Финансовое обслуживание и кредитование горных и металлургических предприятий осуществляли питерские банки или их филиалы, расположенные на юге страны.

Фактический материал, собранный в книге, подводит к пониманию того, как формировались представления о модернизации России. Петербург выработал свой путь, который и реализовывался столичной предпринимательской группой. Роль оппонента играло московское купечество, руководствовавшееся совсем иными идеологическими приоритетами. О том, как это происходило и какую роль сыграло в отечественной истории, рассказывает данная книга.

Глава 1. ПРАВЯЩИЙ КЛАСС И КУПЕЧЕСКО-КРЕСТЬЯНСКИЙ КАПИТАЛИЗМ

Капиталистические отношения в России, как известно, формировались по-разному, а точнее, двумя путями: сверху и снизу. В первом случае речь идет о реализации государством своих потребностей, главным образом фискального и военного характера. Для этого правительства насаждали промышленное производство и торговлю, способные на должном уровне выполнять разнообразные заказы казны. Во втором случае опорой для развития экономики становилась частная инициатива, стимулируемая непосредственно свободным рынком. По большей части российские деловые традиции восходят к начинаниям властей, заинтересованных в становлении торгово-мануфактурного сектора. Самые значительные из этих начинаний с XVII века осуществлялись приближенными царя, которые ориентировались на зарубежных коммерсантов. Причем предпринимательство как таковое не пользовалось расположением широких народных масс, живущих ремесленным трудом в условиях полунатурального хозяйства.

Экономический переворот в России начала XVIII столетия, разумеется, связан с Петром I. Его масштабные деяния, направленные на то, чтобы реформировать страну и сравнять её по уровню развития с ведущими державами, потребовали мобилизации всех ресурсов. Новые подходы к руководству экономикой зафиксированы в законодательных актах того времени. Так, в 1711 году власти провозгласили право заниматься торговлей и ремеслами *«людям всякого звания... ежели не будет какого препятствия»*¹. Цель обозначалась четко и откровенно:

¹ См.: Указ «О предоставлении права заниматься торговлей людям всякого звания». 2 марта 1711 года // ПСЗ. №2327. Т. 4. СПб, 1830. С. 634.

«Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерия войны».

Неудивительно, что в этом документе говорится и об улучшении персидского торгова, и о приезде армян, которых *«надо приласкать и облегчить в чем пристойно»*². Большие ставки правительство делало, конечно, на европейских мастеров, располагавших нужным опытом и знаниями в организации производств и мануфактур. К примеру, в указе от 5 ноября 1723 года отмечено, что в России (в отличие от западных стран) мало желающих заводить фабрики, поскольку:

«наш народ, яко дети... которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не приневолены бывают, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят»³.

И действительно, попытки властей стимулировать предприимчивость и деловую инициативу находили слабый отклик у тех, кому, собственно, адресовались, – у дворян. Интересы нового правящего сословия концентрировались вокруг землевладения; к различным торговым и ремесленно-мануфактурным делам оно проявляло безразличие, по сути просто брезгуя ими заниматься. Вспомним пушкинского «Арапа Петра Великого». Дворянин Корсаков, вернувшись из-за границы, был глубоко потрясен тем, что на аудиенции российский самодержец принял его в холстяной фуфайке на мачте строящегося корабля. В свою очередь, Петр изумился бархатным штанам молодого человека, которые годились лишь для развлечений, но никак не для работы⁴.

Нежелание служивого дворянства самостоятельно приобщаться к ремеслам и промышленности привело к тому, что организация фабрик и заводов происходила преимущественно сверху. В Российской империи, неумолимо выстраиваемой Петром I на западный манер, занятие промышленностью было в основном уделом непривилегированных сословий; знатные люди не считали для себя возможной стезю предпринимателя. В этом состоит сущностная черта высшего российского общества, в корне отличавшая его от европейских элит, давно оценивших преимущества торговли и производства. На Западе промышленное становление происходило благодаря предпринимательским инициативам различных слоев населения, а в России – благодаря усилиям государства, понимающего, что иначе занять достойное место среди европейских стран будет сложно. Вспомнили даже о тех, кто был вытеснен из управленческой вертикали, отстранен от собственности (земельного фонда страны), – о старообрядцах. Правительство, серьезно заинтересованное в развитии торговли и промышленности, быстро ощутило созидательный настрой этой категории населения, а потому уже Петр I религиозные проблемы отодвинул на второй план, хотя, разумеется, и не снял окончательно. Главным критерием стала полезность в хозяйственном строительстве, а не активность в вероисповедных дискуссиях. Собственно, сама легализация раскола, предпринятая Петром I, была продиктована прежде всего экономическими мотивами. Отсюда хорошо известные свидетельства терпимости и поощрения им тех представителей раскола, кто демонстрировал готовность проявить себя не на

² См.: Сенатский указ «Подробные распоряжения в исполнение Высочайших пунктов, состоявших 2 марта 1711 года». 13 апреля 1711 года // ПСЗ. №2349. Т. 4. С. 663-664.

³ См.: Сенатский указ «О заведении в России фабрик, об освидетельствовании мастеров, вызванных из других государств, об отпуске их в отечество по миновении сроков по контрактам и др.». 5 ноября 1723 года // ПСЗ. №4345. Т. 7. С. 150-151.

⁴ См.: Пушкин А.С. Арап Петра Великого. Т. 5. М., 1960. С. 21, 25 // Собр. соч.: В 10 т. М., 1959-1962.

идеологическом, а на хозяйственном поприще. Так, император не брезговал контактами с Андреем Денисовым – легендарной фигурой староверческого мира, основателем Выгорецкой общины, развернувшей обширную экономическую деятельность и снабжавшей стройматериалами и продовольствием быстро растущий Петербург. Прикрепление этого общезжителства к Олонецким петровским заводам коренным образом изменило его правовое положение. Выговцы обязывались разрабатывать месторождения руды, взамен же получали возможность вести богослужение по старопечатным книгам. Их община признавалась самостоятельной хозяйственной единицей с выборным старостой, что подтверждалось специальными указами, ограждающими его от обид и притеснений со стороны светских и духовных лиц⁵. Эксплуатацию горных заводов Урала Петр I поручил тульскому кузнецу раскольнику Никите Демидову, который вошел в историю как один из организаторов российской металлургии. Очевидно, что и здесь главным критерием были деловые качества, а не конфессиональная принадлежность.

Привлекая в торгово-мануфактурную сферу свежие силы, правительство пыталось перегруппировать ее и внедрить в отечественную практику цеховую производственную систему. В 1721 году был введен «Регламент Городского Магистрата», которым посадское население городов делилось на две гильдии по цеховому принципу. В первую были включены банкиры (ростовщики), лекари, аптекари, живописцы, шкиперы кораблей, крупные купцы, имеющие отъездные торги; во вторую – резчики, токари, слесари, столяры, портные, сапожники и т.д. Все прочие, «*обретающиеся в наймах и черных работах*», числились «*подлыми людьми*»⁶. К тому же представители каждого ремесла образовывали «*свои особливые цехи*» со своими уставами и правилами, определяющими права ремесленных людей. Формуляр к «Регламенту», подразделяющий жителей городов в соответствии с их профессиональной принадлежностью, содержит около шестидесяти наименований специальностей⁷. Такой подход был призван реформировать торгово-промышленное население городов по западному образцу, однако дальнейшее заимствование внешней стороны европейской организации дело не пошло. Спущенная сверху новая предпринимательская структура довольно быстро начала растворяться в прежней купеческой градации московского царства, которая базировалась исключительно на финансовой и имущественной состоятельности. В результате распределение городского населения согласно переделанной на европейский манер торгово-ремесленной системе снова происходило не по профессиональному, а по хорошо знакомому принципу тяглоспособности⁸. Эта практика полностью соответствовала менталитету предпринимательских слоев той поры. Так, идеолог российского купечества первой половины XVIII века Иван Посошков в своем известном труде «О скудности и богатстве» предлагал даже одевать торговых и посадских людей, исходя из их благосостояния:

«У кого сколько капитала, в зависимости от этого и одевать»⁹.

И далее следовало подробное описание гардероба для обладателей определенных

⁵ О взаимоотношениях выговцев и властей в петровскую эпоху см.: Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Т. 1. М., 2002. С. 39-44.

⁶ См.: «Регламент, или Устав Главного Магистрата». 16 января 1721 года // ПСЗ. №3708. Т. 6. С. 295.

⁷ См.: Там же. С. 306-307.

⁸ См.: Кизеветтер А.А. Посадская община в России в XVIII в. М., 1903. С. 4, 130 и др.

⁹ См.: Посошков И.Т. О скудности и богатстве. М., 2003. С. 115.

денежных сумм, а тех, «кто оденется не своего чина одеждою, то наказание чинить ему жестокое»¹⁰. Неудивительно, что возврат к старой структуре, подразделявшей предпринимателей не по профессии, а по объявленному капиталу, государство окончательно совершило уже в начале сороковых годов XVIII столетия. Оставив затею с цеховой системой, Елизавета I специальным указом разделила все купечество на три гильдии. Собственно, этот документ адресовался купеческим старшинам и старостам, обязанным учитывать входящих и выходящих из гильдий, записывать их перемещения, а главное – строго контролировать сборы податей, «которые неотложно по указам собираемы быть имеют»¹¹. О какой-либо градации по профессиональному принципу здесь речь уже не шла.

Неудача этой реформы весьма показательна: усилия Петра I в промышленной сфере не получили того развития, на которое рассчитывал их начинатель. Приходится констатировать, что в последующие годы его многообразные инициативы не привели к формированию рыночных условий хозяйствования. Немногочисленные акты по регулированию промышленной сферы в первой половине XVIII века свидетельствовали, что правительство заботилось не столько о формировании рынка, сколько об обеспечении российской армии необходимой продукцией. Например, при Анне Иоанновне в указе от 7 января 1736 года говорилось о необходимости «размножения фабрик, а особливо суконных и прочих надлежащих к мундиру и амуниции» – именно таким производствам обещалась казенная поддержка¹². Или указ от 18 ноября 1732 года: он ставил задачу снабжения сукнами (без закупки иностранных) не населения империи в целом, а именно российских войск¹³. Индустриализация, инициированная сверху, предусматривала привилегии производствам в сочетании с плотной опекой государства, ждущего безусловного удовлетворения своих запросов. В результате участники создаваемого таким путем мануфактурного мира воспринимали себя не свободными предпринимателями западного типа, а своего рода правительственными агентами, хорошо осознающими, что без поддержки власти затевать какие-либо дела бессмысленно. Предприниматели той поры безоговорочно признавали экономическую власть правительства, которое может командовать частным хозяйством, как своими вооруженными силами.¹⁴ Государство выступало главным потребителем продукции промышленного сектора, помогало в условиях дефицита рабочими, а потому жестко регламентировало производственные процессы, устанавливало штрафы за плохое качество. Понятно, что в подобной обстановке охотников открывать фабрики находилось весьма немного¹⁵. К тому же законы той поры запрещали заведение фабрик и мануфактур

¹⁰ См.: Там же. С. 116-117.

¹¹ См.: «Инструкция Московского купечества первой, второй и третьей гильдии Старшинам и Старостам с товарищи». 19 января 1742 года // ПСЗ. №8504. Т. 11. С. 560-565.

¹² См.: Указ «Об укреплении за фабриками оказавшихся у них на мануфактурах разного ведомства людей и крестьян». 7 января 1736 года // ПСЗ. №6858. Т. 9. С. 708.

¹³ См.: Указ «О способах к размножению фабрик суконных, для удовлетворения сукнами войск, без покупки чужестранных». 18 ноября 1732 года // ПСЗ. №6262. Т. 8. С. 976-977.

¹⁴ Мысль о всевластии правительства в промышленных и финансовых делах хорошо прослеживается в творчестве идеолога купечества И.Т. Посошкова. Примечательно, что он усматривал в этом обстоятельстве не минус, а крупное преимущество отечественного предпринимательства перед иноземным.

См.: *Посошков И.Т.* О скудности и богатстве. С. 110, 209.

¹⁵ См.: *Нисселович Л.Н.* История фабрично-заводского законодательства российской империи. Ч. 1. СПб., 1883. С. 54, 60.

крестьянам¹⁶, что, с учетом нежелания дворянства погружаться в хозяйственные дела, являлось серьезным сдерживающим фактором в развитии производств.

Тем не менее подходы, намеченные Петром Великим, получили с пятидесятих годов XVIII века всестороннее развитие. К этому времени правящий класс все больше осознавал Российскую империю подлинно европейской державой, чье место среди ведущих государств не должно вызывать сомнений. Однако амбициям такого уровня требовался прочный финансовый фундамент, позволяющий претворять их в реальную политику. С необходимостью финансовой поддержки возрастающих международных претензий при остром дефиците казны столкнулось правительство дочери царя-преобразователя – Елизаветы Петровны. Военно-экономическими вопросами ведал в ту пору ближайший соратник императрицы граф П.И. Шувалов¹⁷.

Он выступил с цельной программой экономического развития страны. Речь в ней шла, во-первых, о «сбережении» русского народа, или, говоря иначе, о кардинальном расширении круга налогоплательщиков, а во-вторых – о максимальном вовлечении «сберегаемого» народа в торгово-мануфактурные и ремесленные дела. Программа презентовалась как непосредственное продолжение традиций великого преобразователя. К утверждению курса на развитие торгово-промышленного сектора власти подходили опять-таки с фискальных позиций, видя здесь серьезный источник бюджетных поступлений. Поэтому в повестку дня включалось создание условий для торгово-мануфактурной деятельности (по сути со времен Петра I в этом направлении делалось крайне мало). Но главное было в другом: теперь акцент делался не на поддержке конкретных лиц, а на формировании рыночной среды. Отсюда возник вопрос о расчистке внутреннего рынка страны, опутанного всевозможными региональными пошлинами. В таких условиях ни о какой полноценной рыночной торговле говорить не приходилось: таможенные барьеры вели к неоправданному удорожанию продукции и затрудняли товарооборот в целом. Конечно, власти знали об этом и раньше, но только елизаветинское правительство проявило политическую волю, решив кардинально изменить существующее положение. 20 декабря 1753 года был обнародован указ, уничтожающий на территории России многочисленные внутренние пошлины¹⁸. Эта мера способствовала активизации внутрироссийской торговли, и с принятия данного акта, собственно, и началось реальное структурирование торгового ландшафта империи. Как заметил С.М. Соловьев:

«русская земля была давно собрана, но внутренние таможи разрывали ее на

¹⁶ См.: Указ «О способах к размножению фабрик суконных, для удовлетворения сукнами войск, без покупки чужестранных». 18 ноября 1736 года // ПСЗ. №6262. Т. 9. С. 976.

¹⁷ П.И. Шувалов (1711-1762) – один из активных участников возведения на трон Елизаветы I, с 1746 года граф. Его жена М.Е. Шепелева являлась наперсницей императрицы, а двоюродный брат И. И. Шувалов с 1749 года был ее фаворитом. П.И. Шуваловым разрабатывались и вносились в Сенат многие значимые проекты законов и указов по экономическим вопросам. Свою деятельность по развитию капиталистических отношений в России он определял как продолжение преобразований Петра Великого. П.И. Шувалов также являлся крупным предпринимателем, владея различными предприятиями и развивая их, участвуя в обширной экспортной торговле. Вел роскошный образ жизни, оставив после себя около одного миллиона рублей долгов, из-за чего многие его заводы были конфискованы казной. Подробнее о нем см.: *Корякина Е.П.* Программа социально-экономических преобразований П.И. Шувалова. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1992.

¹⁸ См.: Указ «Об уничтожении внутренних таможенных и мелочных сборов». 20 декабря 1753 года // ПСЗ. №10164. Т. 13. С. 947-953. Идеи данного указа закреплялись в «Таможенном Уставе», принятом 1 декабря 1755 года. Его преамбула гласила: «К облегчению всенародному надлежит все внутренние пошлины уничтожить и разного звания пошлинные и прочие изнутри Нашего Государства собираемые сборы, от которых всегдашнее Нашим подданным происходило отягощение и немалое разорение» // ПСЗ. №10486. Т. 14. С. 462.

множество отдельных стран, уничтожением внутренних таможен Елизаветой заканчивалось дело, начатое Иваном Калитой»¹⁹.

Но для нас наиболее важен другой аспект. Создание внутреннего российского рынка требовало определить движущую силу, которая бы наполнила это экономическое пространство реальным содержанием. Неповоротливое дворянство, далекое от торгово-мануфактурных дел, и пока еще малочисленное купечество были не в состоянии освоить открывавшиеся возможности. К тому же они традиционно были завязаны на внешнюю торговлю и на выполнение государственных заказов, а потому с опаской относились к рыночной среде, считая ее недостаточно надежной. Все это хорошо понимал архитектор нового экономического курса П.И. Шувалов. И потому сделал ставку на самое многочисленное сословие – крепостное крестьянство (другого просто не было). Это выглядело новаторски. Напомним: людям из крестьянского сословия всегда запрещалось заведение фабрик и мануфактур, а организация так называемых «безуказных» производств, т.е. начатых без разрешения властей, жестко каралась конфискационными мерами²⁰. Мелкая крестьянская торговля представляла собой по большому счету обычный натуральный обмен, лишенный каких-либо фискальных перспектив. Только вовлечение как можно большего количества людей в товарно-денежную сферу могло преобразить экономику, став надежным источником налоговых поступлений в казну. Поэтому П.И. Шувалов предусматривал создание условий для обширной крестьянской торговли. Собственно, на решение этой задачи нацеливалась и денежная реформа, проведенная в стране по его инициативе. В обращение вводились более мелкие денежные единицы, что позволило осуществлять в первую очередь незначительные и массовые торговые расчеты. Осознавая дефицит таких денег, правительство выпустило значительное количество медных и серебряных разменных монет²¹.

Стремление дать крестьянству предпринимательскую свободу вызывало немалые опасения со стороны старого купечества, привыкшего к системе опеки. Поэтому в процессе обсуждений проекты по поддержке крестьянской торговли смягчались с учетом требований крупных купцов²². Но главное было достигнуто: торгово-ремесленная сфера повсюду стала наполняться крестьянским людом. Важно подчеркнуть, что это стало возможным благодаря стремлению создать условия не для избранных сверху, а для всех желающих заняться торговлей, ремеслами и промыслами; задать параметры той хозяйственной среды, в которой можно самостоятельно проявить себя. Очевидно, что этот подход заметно отличался от порывов Петра I, который выхватывал годных для строительства мануфактур и фабрик людей в ходе случайных встреч.

Реализация шуваловских идей явилась главным делом продолжительного царствования Екатерины II – ключевого периода для формирования российского капитализма. Императрица твердо следовала курсу, намеченному ее предшественниками. В частности, она продолжила политику по возвращению в страну бывших подданных, тем более что негативные последствия миграции предыдущих десятилетий ни у кого не вызывали

¹⁹ См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1964. С. 179.

²⁰ См.: Указ «О запрещении заводить фабрики без дозволения Мануфактур-Коллегии». 15 октября 1751 года // ПСЗ. №9889. Т. 13. С. 507.

²¹ См.: Указ «О делании новых медных копеек для лучшего распространения и умножения коммерций». 7 марта 1755 года // ПСЗ. №10370. Т. 14. С. 323; «О делании новых серебряных пятикопеечников». 25 мая 1755 года // ПСЗ. №10415. Т. 14. С. 369.

²² См.: Волков М.Я. Отмена внутренних пошлин в России // История СССР. 1957. №2.

сомнений. (По полученным правительством данным, к началу шестидесятых годов XVIII века в Польше и Турции, например, проживало не менее 1,5 млн бывших российских подданных и их потомков – это только мужского пола²³.) Наиболее ранним и значимым на этом пути законодательным актом можно считать Манифест от 4 декабря 1762 года – о позволении всем иностранцам (кроме евреев) селиться в России. Особенно же он был обращен к бывшим подданным – к ним помимо прочего адресовалось материнское увещевание²⁴. О том, что авторы манифеста рассчитывали на возвращение прежде всего беглых россиян, красноречиво свидетельствует изданный спустя десять дней специальный указ – о позволении старообрядцам прибывать в отечество и селиться не только в «порожных отдаленных местах», но и в губерниях Центра и Поволжья, перечисленных в реестре. Причем текст указа был практически идентичен формулировкам манифеста²⁵. А через месяц с небольшим это приглашение продублировал еще один указ, но уже с существенным дополнением: раскольники могут поселяться вообще где угодно, обид им чинить никто не посмеет²⁶. Все эти призывы сопровождались обещаниями различных льгот, освобождением от податей и работ в течение шести лет. Вместе с тем власть показала, что ее благорасположение имеет четкие пределы: оно распространялось исключительно на тех, кто самовольно покинул страну до опубликования Манифеста; если же это произошло после 4 декабря 1762 года, беглецов ожидало суровое наказание²⁷.

О конкретных целях, которые преследовало правительство, проводя такую политику, можно судить по программе освоения Новороссийской губернии, подготовленной в 1764 году. В соответствии с этим документом всем иностранным и российским подданным, прибывавшим из Польши и других мест, позволялось не только заниматься обработкой земли, но и записываться в купечество. Любой желающий мог основать фабрику или завод, а губернские власти обязывались предоставлять для этого наиболее удобные места. Кроме того, создание пока еще недостаточно распространенных в стране производств давало право беспошлинно продавать их продукцию как внутри империи, так и за ее пределами в течение десяти лет. Поощрялось распространение коммерции в Новороссийском крае и приграничных турецких владениях²⁸. Нетрудно заметить, что торгово-промышленная направленность составляет сердцевину представленной программы. И в дальнейшем все

²³ См.: Челобитная, поданная в Правительствующий Сенат, вышедшего из Польши доропецкого купца Мирона Плотникова. Март 1762 года // РГАДА. Ф. 248. Он. 113. Д. 1491. С. 138-139.

²⁴ См.: Манифест «О позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу». 4 декабря 1762 года // ПСЗ. №11720. Т. 16. С. 126-127.

²⁵ См.: Указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России на местах, означенных в прилагаемом реестре». 14 декабря 1762 года // ПСЗ. №11725. Т. 16. С. 129.

²⁶ См.: Указ «О распоряжениях по поселению выходящих из Польши беглых раскольников и об отпуске их без обид и удержания в те места, кто куда для поселения идти пожелает». 20 января 1763 года // ПСЗ. №11758. Т. 16. С. 140-142.

²⁷ См., напр.: Указ «О вызове из Польши и Литвы беглых российских помещичьих и всякого звания людей, о дозволении им селиться в казенных волостях, где кто пожелает, и о даче им льготы от податей и работ на 6 лет». 13 мая 1763 года // ПСЗ. №11815. Т. 16. С. 247-248; «О распространении силы Манифеста от 4 декабря 1762 года на тех только, кто до состояния оногo Манифеста из отечества своего самовольно отлучились». 5 марта 1764 года // ПСЗ. №12074. Т. 16. С. 600-601.

²⁸ См.: «О плане раздачи в Новороссийской губернии казенных земель к их заселению». 22 марта 1764 года // ПСЗ. №12099. Т. 16. С. 666-667.

правление Екатерины II характеризуется уверенным продвижением к свободе предпринимательства в имперских масштабах. Каждому, независимо от звания и положения, разрешалось проявлять коммерческую инициативу – насколько позволяют финансовые возможности. Уже в 1769 году правительство даровало право всем, кто захочет, заводить ткацкие станы. Здесь действовал все тот же фискальный принцип: *«сколько размножение всякого рукоделия служит к обогащению государства»*. Поэтому в указе четко прописывались параметры этого *«обогащения»*: с каждого стана по одному рублю или по одному проценту с капитала ежегодно. Причем квитанция по уплате налога заменяла какие-либо разрешительные документы²⁹. Еще одним важным шагом в поощрении предприимчивости стало позволение крестьянам принимать участие в откупах, чем те не замедлили воспользоваться³⁰. Взятый курс закреплял Манифест от 17 марта 1775 года «О Высочайшем даровании разным сословиям милостей, по случаю мира с Портой Оттоманской». Этот примечательный документ – сплав амнистии и льгот. Прощение и прекращение следственных действий для участников Пугачевского бунта объявлялись на фоне дарования экономических свобод. Узаконивалась конкуренция, подтверждался уведомительный порядок устройства любых производств, отменялись специальные сборы с фабрик и заводов³¹.

Эти меры привели к демонтажу прежней неповоротливой системы доступа к предпринимательской деятельности и к появлению на российском внутреннем рынке большего количества субъектов товарно-денежных отношений, иными словами – тех, кто способен вести торговлю, развивать ремесла, заводить мануфактуры. А наиболее массовым участником всего этого являлось крепостное крестьянство, и без него оживление экономики едва ли было возможно. О том, насколько стремительно вживалось крестьянство в новые рыночные реалии, свидетельствуют дебаты о крестьянской торговле в ходе работы Уложенной комиссии 1767-1768 годов. Крупные купцы требовали ограничения растущей крестьянской торговли (вплоть до запрещения розничной), видя в ней подрыв своих коммерческих позиций³². Дворянство же, напротив, поощряло участие крестьян в торгах и мануфактурах, усматривая здесь дополнительный источник дохода: по существу, в этом и состояла главная причина интереса правящего сословия к внутренней торговле. Однако у властей планы были гораздо шире, чем просто увеличение прибылей. Летом 1777 года вышел специальный указ, разрешающий крестьянам записываться в купечество. В этом документе, который декларировал развитие идей Манифеста от 17 марта 1775 года, упоминались просьбы крестьян с разных мест о вхождении в гильдии. Дозволение на это давалось любому крестьянину, обязавшемуся уплачивать гильдейский сбор, а также обыкновенные подати³³. Для социальных реалий страны этот шаг властей имел значение,

²⁹ См.: Указ «О дозволении всем желающим заводить ткацкие станы, с объявлением о том в Мануфактур-Коллегию и с платежом положенным на них». 30 октября 1769 года // ПСЗ. №13374. Т. 18. С. 1007-1008.

³⁰ См.: Высочайше утвержденный доклад Сената «О допущении к откупам не только Дворян и разночинцев, но и крепостных людей и крестьян». 13 февраля 1774 года // ПСЗ. №14123. Т. 19. С. 914-915. Правда, надо заметить, что указ допускал к участию в откупах только тех крестьян, за кого *«надежные помещики в исправном платеже откупной суммы обяжутся»* // Там же.

³¹ См.: Указ «О Высочайше дарованных разным сословиям милостях, по случаю мира с Портой Оттоманской». 17 марта 1775 года // ПСЗ. №14275. Т. 20 С. 82-86.

³² См.: Исторические сведения о Екатерининской комиссии // Сборник Русского исторического общества. Т. 8. СПб., 1871. С. 42-43.

³³ См.: Сенатский указ «О записывании крестьян в купечество». 25 июля 1777 года // ПСЗ. №14632. Т. 20. С. 339.

которое трудно переоценить. Приток сельских коммерсантов преобразил российское купечество. Чтобы упорядочить формирующуюся предпринимательскую среду, государство утвердило единую для всей империи градацию из трех купеческих гильдий. Ранее величина сборов зависела от региона; теперь же вхождение в ту или иную гильдию стали определять по единственному строгому критерию: по величине объявляемого капитала (третья от 500 рублей до 1 тысячи рублей, вторая – от 1 до 10 тысяч, первая гильдия – от 10 до 50 тысяч рублей). При этом объявление средств для зачисления в гильдии было:

«оставлено на совесть каждому... и никаким об утайке капитала доносам и следствиям, нигде ни под каким видом места иметь не должно».³⁴

Крестьяне быстро адаптировались в стремительно расширяющейся рыночной среде, чего нельзя сказать о дворянстве и старом крупном купечестве. Уже к концу XVIII века купеческий состав претерпел невиданные изменения. Например, в Москве из действовавших в середине столетия 382 первостатейных купцов в 1790-х годах лишь 26 смогли сохранить свое положение. Такое резкое обновление объясняется массовым вытеснением прежних купеческих родов, главным образом безвестными предпринимателями из низов³⁵. В России этот процесс был интенсивным и протекал повсеместно, не случайно во многих серьезных исследованиях давно отмечено, что отечественный капитализм рос из крестьянского корня³⁶. Это подтверждают и такие данные: при Александре I на волю выкупилось около 30 тысяч душ мужского пола, причем за выход из крепостного состояния разбогатевшие крестьяне выплачивали помещикам весьма значительные суммы³⁷. В начале XIX века хозяевами 77% мануфактур различных отраслей являлись крестьяне и вышедшие из крестьянской среды купцы, и только 16% российских промышленных заведений принадлежали дворянам³⁸. О сохранении этой тенденции и в дальнейшем свидетельствуют такие данные: известно около 900 имен владельцев промышленных предприятий в Москве первой половины столетия. Историкам удалось выяснить происхождение 400 из них: 58 были выходцами из торгового купечества, 138 – из крестьян, 157 – из мещан и

³⁴ См.: Указ «О сборе с купцов вместо подушных, по одному проценту с объявленного капитала, и о разделении их на гильдии». 25 мая 1775 года // ПСЗ. №14327. Т. 20. С. 145-146. Напомним, что в ноябре 1779 года Мануфактур-Коллегия, надзиравшая за промышленностью, была упразднена. Правительство перестало видеть в ней какую-либо надобность, поскольку всем предоставлялась свобода коммерческой инициативы. Правда, почти двадцатилетие спустя Павел I снова восстановил ее. См.: Указ «Об уничтожении Ману-фактур-Коллегии и ее конторы». 22 ноября 1779 года // ПСЗ. №14947. Т. 20. С. 882.

³⁵ См.: *Аксенов А.И.* Генеалогия московского купечества XVIII века. Из истории формирования русской буржуазии. М., 1988. С. 61.

³⁶ См, напр., работу советского периода И.В. Мешалина и монографию российского ученого А.В. Ковальчука: *Мешалин И.В.* Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века. М., 1950. С. 240-245; *Ковальчук А.В.* Мануфактурная промышленность Москвы во второй половине XVIII века. М., 1999. С. 81.

³⁷ См.: *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922. С. 89.

³⁸ См.: *Предтеченский А.В.* Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX века. М., 1957. С. 33. Таких же оценок придерживалась известный советский историк А.М. Панкратова. По ее утверждению, в первой половине XIX века в руках дворян находилось всего лишь 15% действующих мануфактур. См.: *Рабочее движение в России в XIX веке.* Т. 1. М., 1951. С. 24 (вступ. ст.).

ремесленников, а только 20 являлись дворянами и 35 – иностранцами³⁹. Приобщению крестьян к коммерческим делам способствовало также законодательное ограничение барщины тремя днями в неделю⁴⁰ в сочетании с распространением оброка в денежной форме. И если в 1766 году крестьяне составляли только 2,6% от всего количества торгующих в Москве, то в сороковых годах XIX века их доля превысила 42%⁴¹.

Бурный рост крестьянской торговли делал необходимой ее регламентацию. Так, в указе от 29 декабря 1812 года подчеркивалось, что данный акт направлен против «стеснения свободной промышленности крестьян». Их торги делились на четыре категории в зависимости от оборотов с выдачей соответствующих свидетельств, которые разрешали крестьянам вести такие же дела, что и купцам, но только без распространения на них купеческих сословных прав⁴². В 1824 году торгующие крестьяне делились уже на шесть категорий – эта мера преследовала цель обложить налогом даже мелких торговцев⁴³. Вообще фискальные цели оставались у государства определяющими в отношении всего предпринимательства. Раздражение правительства вызывали любые задержки по платежам в казну. Так, с купцов, допустивших недоимки по уплате гильдейского сбора (1% с капитала ежегодно), взыскивались пени в размере того же самого процента за каждый месяц задержки⁴⁴.

Важно подчеркнуть, что на фоне широкого купеческо-крестьянского предпринимательства участие дворян в торговле и промышленности продолжало оставаться крайне слабым. Правящее сословие не реагировало на упреки отдельных энтузиастов, ратовавших за торговлю и промышленность:

«Дворянство английское, тамошние лорды, меньше ли вас благородны? Но они торгуют, они развели в своем государстве овец испанских, они завели отличные фабрики и мануфактуры... Не заслуживает ли это подражания?»⁴⁵

Но интересы отечественного дворянства традиционно продолжали вращаться вокруг сельского хозяйства. Оно неизменно выступало за земледельческий статус России и развитие главным образом сельской экономики. Дворянская печать доказывала преимущества земледельческого труда перед фабричным, прямо противопоставляя эти сферы

³⁹ См.: Куйбышева К.С. Крупная московская буржуазия в период революционной ситуации в 1859-1861 годах // Революционная ситуация в России в 1859-1861 годах. Сб. ст. М., 1965. С. 318.

⁴⁰ См.: Манифест «О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика и о непринуждении к работе в дни воскресные». 5 апреля 1797 года // ПСЗ. № 17909. Т. 24. С. 577.

⁴¹ См.: Яковцевский В.Н. Купеческий капитализм в феодально-крепостнической России. М., 1957. С. 149.

⁴² См.: Указ «О дополнительных правилах для дозволения крестьянам производить разными товарами торговлю с получением на сие право свидетельств и с платежом определенных пошлин». 29 декабря 1812 года // ПСЗ. №25302. Т. 32. С. 491-492.

⁴³ См.: Манифест «Об устройстве гильдий и о торговле прочих состояний». 14 ноября 1824 года // ПСЗ. №30115. Т. 39. С. 601.

⁴⁴ См.: Указ «О записке крестьян в купеческое звание; о переписке купцов из города в город; о даче купцам паспортов на случай отлучек их по коммерции и о взыскивании недоимок». 19 августа 1820 года // ПСЗ. №28389. Т. 37. С. 420-421.

⁴⁵ См.: Левшин В. Русский полный фабрикант и мануфактурист. Т. 1. М., 1812. С. 8.

деятельности⁴⁶. Видя это, правительство тем не менее не оставляло попыток вовлечь дворян в торговлю и промышленность – при Екатерине II не особенно активно, но с начала XIX века все более настойчиво. В 1802 году помещикам специально было дозволено самостоятельно вести оптовые торги с зарубежными партнерами – коммерческие возможности правящего сословия расширялись⁴⁷. А Манифестом от 1 января 1807 года дворянам-помещикам вообще предоставлялось право (которым они, надо заметить, пользовались крайне неохотно) записываться в первую и вторую купеческие гильдии⁴⁸.

Затем правительство решило освоить и новые для России формы приобщения к торгово-мануфактурным делам: первое положение об учреждении акционерных компаний появилось в 1836 году⁴⁹. Вне всякого сомнения, данный шаг был рассчитан прежде всего на европеизированное дворянство, для которого просто вложение денег в предприятие выглядело более привлекательным, нежели непосредственное участие в производственных хлопотах. Однако усилия властей не достигали поставленной цели: дворянство продолжало рассматривать торгово-промышленную деятельность как недостойную своего высокого статуса. Это хорошо передал И.А. Гончаров в знаменитом романе «Обломов»: его главный герой – дворянин-помещик до мозга костей – был возмущен предложением начать какое-нибудь предприятие, так как считал недопустимым делать из дворянина мастерового. Его коммерческое мышление не шло дальше оформления имени под залог в банке и существования на положенные проценты⁵⁰.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что с семидесятых годов XVIII века и до середины XIX капиталистические тенденции в России имели своеобразные формы. Невосприимчивость правящего класса к торгово-ремесленному духу обусловила социально-экономическое явление, которое, на наш взгляд, наиболее точно характеризуется формулой **«купеческо-крестьянский капитализм»**. Во многом это положение объясняется слабостью российского города, не сразу ставшего сосредоточием торгово-промышленных процессов, развертывание которых происходило прежде всего в сельских местностях усилиями сельского крестьянства. Именно из крестьян рекрутировался костяк российской купеческой буржуазии. Например, в первой четверти XIX столетия при записи в купеческие гильдии и объявлении капитала фамилии сплошь и рядом отсутствовали, а потому многие записывались так: *«прозвищем Сорокованова позволено именоваться 1817 года июля пятого»* или *«фамилиею Серебряков позволено именоваться 1814 года января 17 дня»*⁵¹.

Образовательный и культурный уровень купцов из крестьян был, конечно, невысок,

⁴⁶ Особенно преуспел в этом «Дух журналов», выходявший с 1815 по 1820 год. Издание пропагандировало земледельческий труд (мол, сельский народ – самый здоровый телом и духом, а фабричные люди по большей части хворые и больные), неизменно ратовало за вложение капиталов прежде всего в сельское хозяйство и выступало за прекращение покровительственной политики по отношению к промышленности. См.: *Туган-Барановский М.И.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1991. С. 292-295.

⁴⁷ См.: Указ «О дозволении помещикам производить заграничную оптовую торговлю». 4 ноября 1802 года // ПСЗ. №20493. Т. 27. С. 340.

⁴⁸ См.: Манифест «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий». 1 января 1807 года // ПСЗ. №22418. Т. 29. С. 973.

⁴⁹ См.: «Высочайше утвержденное положение о компаниях на акциях». 6 декабря 1836 года // ПСЗ (2). №9763. Т. 11. Отд. 2. С. 257-266.

⁵⁰ См.: *Гончаров И.А.* Обломов. Т. 4. М., 1979. С. 179 // Собр. соч.: в 8 т. М., 1977-1980.

⁵¹ См.: *Кузьмичев А.Д., Петров Р.Р.* Русские миллионщики. М., 1999. С. 7.

однако их деловая сметка поражала современников. Вот одно из наблюдений с крупнейшей Нижегородской ярмарки, куда съезжалось все российской купечество:

«Поистине надо удивляться – как удивляются иностранцы – природной даровитости русской природы, и именно даровитости к коммерческому делу, когда видишь, как самородные наши торговцы, едва умеющие разобрать купеческий счет и подписать вексель, справляются с этими иностранцами, большей частью прошедшими, до конторы, полный курс наук в средних и даже высших учебных заведениях»⁵².

Именно такие кадры крестьянского происхождения, а не дворянство, брезговавшее заниматься торговлей и мануфактурами, определяли лицо российского капитализма в дореформенную эпоху. Купечество той поры уже выходило с серьезными хозяйственными инициативами, например, о строительстве собственными силами железных дорог, что должно было принести необычайную пользу России, и когда:

«дан будет русскому купечеству новый быт... оно будет выведено из зависимости иностранцев»⁵³.

Напомним, что в это же самое время главный экономический стратег николаевской эпохи – министр финансов Е.Ф. Канкрин ставил под сомнение целесообразность железнодорожного строительства в российских условиях!

В первой половине XIX века участие купеческо-крестьянских слоев в экономике России было по достоинству оценено видным историком и издателем Н.А. Полевым⁵⁴. Он рассматривал эти сословия прежде всего как набирающий силу аналог классической западной буржуазии. Купечеству как наиболее деятельной части общества, кормильцу миллионов россиян, уготована роль локомотива развития, считал Полевой. Обращаясь к представителям сословия, он взывал:

«Если Россия есть земля надежд, вы одна из лучших надежд ее, вы, русские купцы, граждане, люди свежего и бодрого силами поколения. Вам принадлежит исполнить то, что мы в утешительной думе предполагаем для чести и славы Отечества»⁵⁵.

На страницах своего популярного тогда журнала «Московский телеграф» (1825-1834)

⁵² См.: *Безобразов В.* Очерки Нижегородской ярмарки. // Русский вестник. 1866. Т. 61. С. 277.

⁵³ См.: Записка макарьевского купца Оланцова «О московской железной дороге» // ГАРФ. Ф. 109. 2-я экспедиция. 1830. Д. 390. Л. 96.

⁵⁴ Н.А. Полевой (1796-1846) – писатель, историк, журналист. Издатель популярного журнала «Московский телеграф» (1825-1834). Выходец из купечества, занимался самообразованием при Московском университете и за границей. Много путешествовал по России, особенно по Сибири. Надежды на экономическое развитие страны связывал с развитием купеческого сословия и промышленности. Выступал против гегемонии дворянства в русской культуре. Из-за невозможности соперничать с дворянскими литераторами обратился к изучению истории русского народа. Неодобрительно относился к бунтам Разина и Пугачева, превозносил Петра I как устроителя русской промышленности, давшего долгожданный толчок ее развитию. Подробнее о воззрениях Н.А. Полевого см.: *Ставрин С.Н.* А. Полевой и «Московский телеграф» // Дело. 1875. №5, 6, 7; *Шикло А.Е.* Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981.

⁵⁵ *Полевой Н.А.* Речь о купеческом звании, и особенно в России, читанная на торжественном акте после открытых испытаний в Московской практической коммерческой академии 10 июля 1832 года. М., 1832. С. 18.

Н.А. Полевой постоянно помещал материалы о нарождающейся промышленности, в частности о таких новых явлениях общественной жизни, как публичные выставки мануфактурных изделий, проходившие в Петербурге и Москве. Причем эти материалы демонстрировали два разных подхода к организации выставок. В Петербурге преобладали столичный блеск и великолепие. В более практичной Москве выставки получались гораздо обширнее и богаче: это было не развлечение, а смотр результатов трудов. Здесь отразилась разность духа двух столиц: в Петербурге – политика, двор, близость Европы; Москва – «*матка нашей русской фабрикации*», никакой политики, вся биржа помещается на крыльце Гостиного двора, а предприятия работают, не думая о понижении или повышении курса облигаций⁵⁶.

В этих словах – важный смысл с точки зрения не только региональных отличий, но и социально-экономических приоритетов. Н.А. Полевой упрекал правящий класс России в том, что он не хочет замечать достижений отечественной промышленности, предпочитая модные магазины с иностранными товарами⁵⁷. Региональное распределение потребления в стране имело ярко выраженную сословную составляющую: в северной столице удовлетворялись потребности преимущественно аристократии и правящего класса, тогда как центральный регион обслуживал низшие и средние слои населения. Поэтому, отодвинув в сторону Петербург, именно Первопрестольная стала играть роль главного центра, из которого «*питаются торговые обороты Империи*»⁵⁸. Как подчеркивалось, на Руси нет ни одного уголка, где бы:

«не нашлось какого-нибудь московского изделия, хотя бы прохоровского ситца или тучковского платка»⁵⁹.

Купеческо-крестьянский капитализм вырастал из недр внутреннего рынка страны. В первые десятилетия XIX века ежегодные обороты внутренней торговли, уже достигшие примерно 900 млн руб., практически целиком приходились на произведенные и потребленные внутри страны промышленные товары. В то же время внешняя торговля, на 96% состоящая из вывоза зерна и другого сырья, уступала внутреннему торгу. Находясь в руках дворянства, экспортировавшего продукцию своих имений, и купечества крупных портовых городов, в абсолютном выражении внешнеторговые обороты не превышали 250 млн руб.⁶⁰

Кстати, растущая внутренняя торговля в дореформенное время протекала преимущественно вне бирж, появившихся в тот период. Этот торговый институт европейского типа не привлекал внимания русского купечества. Например, московская биржа, открывшаяся в 1839 году, не очень интересовала местные деловые круги: большинство не спешило ее посещать, предпочитая собираться в трактирах в ее окрестностях. Лишь в начале 1860-х годов купцов и фабрикантов удалось буквально загнать

⁵⁶ См.: Вести из Москвы // Московский телеграф. 1831. Часть XXXIII. С. 394, 396.

⁵⁷ См.: Прогулки по Московской выставке российских изделий // Московский телеграф. 1830. Часть XXXVIII. С. 425.

⁵⁸ См.: *Кокорев И.Т.* Московские рынки. Часть 3. С. 30 // Кокорев И. Т. Очерки и рассказы в 3 частях. М., 1858.

⁵⁹ См.: Там же. С. 32.

⁶⁰ См.: *Киняпина Н.С.* Политика русского самодержавия в области промышленности в 20-50-е годы XIX века. М., 1968. С. 103.

внутри здания⁶¹. Те же впечатления после посещения биржи города Рыбинска в 1843 году передает и А. Гакстгаузен⁶²: «простые русские купцы не могут привыкнуть к этому новому учреждению» с его суетой и шумом. Они ведут переговоры в трактирах: там обсуждаются большие дела⁶³. Куда более уютно, чем на бирже, купечество чувствовало себя на ярмарках и в розничной торговле. Например, за первую половину XIX века обороты Нижегородской ярмарки, обслуживавшей прежде всего внутренний российский рынок, увеличились в четыре раза. К концу 1850-х годов на ней реализовывалось продукции на 57 млн руб.; к этому надо добавить, что только в лавках и магазинах Москвы в конце 1840-х годов ежегодно продавалось товаров примерно на 60 млн руб.⁶⁴

Изучение купеческо-крестьянского капитализма требует дальнейшего расширения наших представлений об этой хозяйственной реальности. Однако пока осмысление фактического материала происходит в традициях, присущих исследованиям капитализма классического типа. А ведь применительно к России это затрудняет выяснение природы протекавших здесь экономических процессов. Определить их специфику, опираясь на уже наметившиеся в историографии подходы, – актуальная задача исторической науки. По нашему убеждению, принципиально важным обстоятельством, определившим характер купеческо-крестьянского капитализма в России, было то, что он формировался преимущественно в рамках старообрядческой религиозной общности. Изучение взаимосвязи между идеологическими доктринами старообрядчества и развитием новых отношений в экономической сфере должно стать предметом особенного внимания исследователей. Но при рассмотрении этой сущностной особенности отечественного капитализма специалисты, как правило, ограничиваются простой ее констатацией.

Продвижение по этому пути необходимо начать с сопоставления как экономических, так и религиозных характеристик дореформенного периода. Общеизвестно, что в период с семидесятых-восемидесятых годов XVIII века и до середины XIX повсеместно развиваются ремесла и мануфактуры. И почти в каждое десятилетие этого периода промышленный потенциал российской экономики в среднем удваивался. При этом нельзя не заметить, что начало хозяйственного оживления, а затем и поступательный рост экономики совпадают с утверждением новой политики в отношении старообрядцев. Конец конфессиональным притеснениям был положен из прагматических соображений: на первый план вышли экономические потребности государства. Закономерным следствием этого поворота, который наметился еще в конце царствования Елизаветы I, стало постепенное возвращение

⁶¹ См.: Епифанова Л.М. Московская биржа как представительная организация крупной буржуазии // Экономическая история. Ежегодник. 1999. М., 1999. С. 239.

⁶² Барон Август фон Гакстгаузен (1792-1866) – прусский юнкер, учился в Геттингенском университете. Затем занялся изучением народной жизни, фольклора и истории Пруссии, которую объехал в 1830-1837 годах. В качестве ученого был приглашен в Петербург. Для барона целью знакомства с Россией являлось научное изучение русского крестьянства. Его поездка по стране, включая Закавказье, состоялась в 1843-1844 годах. Царское правительство осталось довольным результатами его исследований. Подробно о нем см.: Авдеева О.А. Август фон Гакстгаузен и его труды о России (49-60-е годы XIX в.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. ист. наук. М. 1998.

⁶³ См.: Гакстгаузен А. Исследование внутренних отношений народной жизни, и в особенности сельских учреждений в России. М., 1870. Т. 1. С. 94. Приведём описание купеческого трактира, сделанное Гакстгаузеном: «Мы вошли в большой трактир рядом с биржей: действительно, все богатые биржевые купцы сидели неподвижно вдоль стен, как идолы, чинно молча, все в поту, пили чай, и только изредка шепотом менялись словами с соседями. Несмотря на то что тут сидело более ста человек, шума было меньше, чем при десяти посетителях в пивной немецкого городка».

⁶⁴ См.: Киняпина Н. С. Указ. соч. С. 100.

староверов в общественно-экономическую жизнь. Важная веха на этом пути – август 1782 года: выход знаменитого указа Екатерины II об отмене сбора с раскольников двойного оклада; таким образом, они приравнивались ко всем остальным подданным империи⁶⁵. Затем власти отказались от самого термина «**раскольники**», разрешили принимать их судебные свидетельства и допустили к выборным должностям по Городскому положению 1785 года⁶⁶. В таких условиях староверие как религиозная общность пережило бурный расцвет. Как отмечали синодальные чиновники:

«зло усилилось до такой степени, какой и ожидать прежде было невозможно. Хотя раскол существует давно, но важнейшие успехи его принадлежат последней половине прошлого и началу нынешнего столетия (*последние десятилетия XVIII и первые десятилетия XIX века. – А.П.*), т. е. именно к тому времени, которое отличалось крайней веротерпимостью правительства и вместе с тем было временем общего преуспеяния отечества нашего»⁶⁷.

Сопоставление развития купеческо-крестьянского капитализма и распространения старообрядчества подводит к мысли о том, что это не изолированные, а взаимоувязанные процессы. Русские крестьяне и выходцы из них – купцы всех трех гильдий – представляли народную среду с присущими ей традициями, бытом, языком. Объединительным началом выступала старая вера, являвшаяся своего рода идентификатором данного социума – главной силы торгово-промышленного развития в дореформенный период. Сравним свидетельства двух ключевых правительственных ведомств – финансов и внутренних дел, касающиеся Москвы. Из заключений МВД следовало, что раскол «*соединяется преимущественно по оконечностям города*», где оседают массы староверов, половина из которых пришлые⁶⁸. А вот обращение московского гражданского губернатора в Министерство финансов (март 1845 года). Он пишет о превращении Москвы в крупнейший чисто мануфактурный центр, объясняя это в первую очередь тем, что «*многие фабрики по недостатку у нас в людях, сведущих по сей части, и самим способом сбыта произведений нигде в другом месте, кроме окрестностей столицы, существовать не могут*»⁶⁹. Оба эти высказывания убедительно иллюстрируют, какой же именно капитализм с конфессиональной точки зрения преобладал в крупнейшем фабричном центре империи. Для нас представляет интерес и такое наблюдение полиции: известный капиталист-беспопoveц Е. Морозов (старший сын основателя династии Саввы Морозова) задался целью увековечить между раскольниками свое имя, присвоив его новому толку – морозовскому. Для этого он развернул пропаганду собственной персоны как защитника староверия, причем не где-нибудь, а по фабрикам и промышленным заведениям Москвы и Московской губернии, что указывает, где концентрировались раскольничьи

⁶⁵ См.: Указ «О несобирании в казну двойного оклада с городских и сельских жителей». 20 августа 1782 года // ПСЗ. №15473. Т. 21. С. 634.

⁶⁶ См.: «О неупотреблении причтами ни в письменных актах, ни в разговорах наименования раскольников». 6-7 марта 1783 года // Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Т. 1. СПб., 1860. С. 710.

⁶⁷ См.: Всеподданнейшая докладная записка Св. Синода. 2 апреля 1855 года // РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 452. Л. 15.

⁶⁸ См.: РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 212. Л. 43.

⁶⁹ См.: Письмо московского гражданского губернатора министру финансов Ф.П. Вронченко. 5 марта 1845 года // РГИА. Ф. 40 Оп. 1. Д. 11. Л. 154-155.

гнезда⁷⁰. Добавим, что в Москве старообрядцами являлось подавляющее большинство фабрикантов: из семнадцати крупных предприятий Лефортовской стороны всего лишь два принадлежали никонианам⁷¹.

Заметим, что ключевая роль староверия в формировании российского капитализма отчетливо прослеживается и в региональных материалах. Так, на Украине раскольники заметно выделялись своей предприимчивостью среди местного населения. Известный российский статистик К.И. Арсеньев замечал:

«Пользуясь дозволением Екатерины II, раскольники поселились на Черниговских равнинах, внося в Малороссию новую жизнь, своей деятельностью, трудолюбием далеко опередили малороссиян в промышленности... Их посадки наиболее зажиточные»⁷².

И действительно: например, в Каменец-Подольской губернии на 10 тысяч раскольников приходилось 200 человек купцов, а между мещанами и крестьянами господствующей церкви не имелось ни одного⁷³. Немецкий ученый барон А. Гакстгаузен, путешествовавший в 1843 году по ряду российских регионов, писал, что большая часть виденных им фабрик создана бывшими русскими крестьянами, не умевшими писать и читать. Среди этих вышедших из низов предпринимателей распространено староверчество, при этом *«между ними совсем нет дворян, как нет ни ученых, ни теологов»*⁷⁴.

Эти факты свидетельствуют о взаимосвязи экономических и религиозных характеристик. Хозяйственные инициативы старообрядцев определили динамику купеческо-крестьянского капитализма. Экономическое развитие, основанное на единоверческой общности, сопровождалось не только расширением производств, но и распространением староверия. Торговые предприятия и мануфактуры, сосредоточенные в руках раскольников, становились центрами религиозного влияния, которые привлекали значительное количество людей, увеличивая численность старообрядческих обществ. Это дало основание известному историку С.А. Зеньковскому говорить о распространении раскола в России в соответствии с известным принципом **«чья страна, того и вера»**, но в применении к экономической сфере – *«чье предприятие, того и вера»*⁷⁵.

Ярко выраженная староверческая окраска крестьянско-купеческого капитализма конца XVIII и первой половины XIX века вызывала в царской России неоднозначное отношение. Многие обращали внимание на своеобразие его истоков, или, говоря иначе, на особенности первоначального накопления. В купеческо-крестьянской экономике все процессы протекали

⁷⁰ См.: Записка д.с.с. Игнатьева министру внутренних дел Д.Г. Бибикову «О современном положении раскола безпоповщинской секты в Москве и ее окрестностях». 19 июня 1854 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 212. Л. 22-23, 32.

⁷¹ См.: *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. №7-8. С. 74.

⁷² Рапорт К.И. Арсеньева министру внутренних дел Л. Перовскому «О Черниговских скитах и расколе в губернии». 14 июля 1850 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 205. Д. 140. Ч. 1. Л. 46 об.

⁷³ См.: *Витковский Г.* О раскольниках в Подольской губернии // Отечественные записки. 1862. №5. С. 360.

⁷⁴ См.: *Гакстгаузен А.* Исследование внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Т. 1. М., 1870. С. 110, 240.

⁷⁵ См.: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. Т. 2. М., 2006. С. 616.

настолько стремительно, что возникал вопрос: уместно ли в данном случае вообще говорить об этом – характерном для классического капитализма – этапе. Данное обстоятельство подметил А.Н. Островский в своих «Записках замоскворецкого жителя» (1846). Его рассказ об одном купце-раскольнике начинается таким образом:

«Как он сделался богатым, этого решительно никто не знает. Самсон Савич, по замоскворецким преданиям, был простым набойщиком в то время, как начали заводиться у нас ситцевые фабрики; и вот в несколько лет он миллионщик»⁷⁶.

Подобные примеры в российской действительности – правило, а не исключение. Знакомясь с историями успешных предпринимательских родов, мы сталкиваемся с одним и тем же явлением: большие средства внезапно оказывались в распоряжении людей, ранее занимавшихся разве что мелкой торгово-кустарной деятельностью. Невольно создается впечатление, что купцами и промышленниками становились случайные люди, волею судеб в мгновение ока оказавшиеся обладателями целых состояний. Неудивительно, что на столь благоприятной почве расцвели легенды о криминальном происхождении крестьянско-купеческого капитализма. Этому способствовали чиновничьи круги, и прежде всего сотрудник МВД, а также известный специалист по расколу П.И. Мельников (А. Печерский). Объясняя, как бедные крестьяне, не имея за душой практически ничего, через несколько лет оказывались состоятельными предпринимателями и начинали ворочать миллионами, он предложил свою версию. Катализатор этих невероятных метаморфоз явилось якобы нашествие Наполеона в 1812 году. Французский император привез и сбросил в Москве фальшивые русские ассигнации, намереваясь дестабилизировать финансовую систему самодержавия. Этим-то и воспользовались староверы: фальшивые деньги дали повод гусякам, вохонцам и прочим заняться сверхприбыльным делом – благо было на кого списать свои деяния⁷⁷.

Мнение о криминальных причинах стремительного обогащения вчерашних крестьян из староверов прочно утвердилось в России. Так, князь В.П. Мещерский, описывая наследнику Александру Александровичу (будущему императору Александру III) свои поездки по стране, сообщил о распространенном среди староверов производстве фальшивых денег, которые сбывались на Нижегородской ярмарке. Он рассказал, в частности, что происхождение богатства от подделки ассигнаций предание приписывает:

«знаменитому дому Морозовых, ныне владеющих громадными бумагопрядильнями... Савва Морозов, глава этого дома, недавно умерший, вышел из Гуслиц и был там простым ткачом и вдруг стал со дня на день владельцем значительного капитала»⁷⁸.

В литературе дореволюционного периода о подобных аферах раскольников говорилось как о не вызывающих сомнения фактах. Например, близкий к славянофилам А.С. Ушаков в книге «Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны» (1865-1867) пишет, что в тридцатых-сороковых годах XIX века много незаметного народу «*выходило в люди*» из уездных городов, сел и посадов. В том числе и из старообрядческих районов, где:

⁷⁶ Островский А.Н. Записки замоскворецкого жителя. Т. 13. М., 1952. С. 37 // Поли. собр. соч.: В 16 т. М., 1949-1953.

⁷⁷ См.: Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. С. 409-411. М., 1976.

⁷⁸ См.: Письма В.П. Мещерского цесаревичу Александру Александровичу // Вестник церковной истории. 2006. №2. С. 51-52. (публ. Н.В. Черниковой).

«с доморощенными станками для фальшивых ассигнаций и вырастающими с помощью их бумагопрядильнями так скоро и споро ковались русские купеческие капиталы»⁷⁹.

Известный писатель-народник Н.Н. Златовратский, оставивший зарисовки русской деревни, характеризовал отношение к раскольникам как настороженное, замешенное на уважении и страхе; православные священники редко ездили в селения староверов. И хотя те жили аккуратно и зажиточно, ощущение, что *«все это добыто ими не чисто»*, никогда и никого не покидало⁸⁰. Того же мнения придерживался известный литератор, непосредственно вышедший из народа, – М. Горький. В его рассказах о купеческой среде неизменно упоминается сомнительное происхождение средств (фальшивые деньги, разбой, грабежи), с которых началось восхождение торгово-промышленных семейств⁸¹. По словам Горького, эту уверенность ему еще в детстве (в конце 1870-х – начале 1880-х) внушил дед. Он внушал внуку Алеше Пешкову, что все крупные купцы или их отцы староверческого Нижнего Новгорода – это бывшие фальшивомонетчики и грабители, которым, по народной пословице, просто повезло: *«если не пойман, то не вор»*⁸².

Для того чтобы описать староверческую модель капитализма в целом, необходимо проследить, как же на самом деле происходило становление раскольничьих хозяйств. На наш взгляд, криминальные версии, какими бы увлекательными они ни казались, несостоятельны. Более оправданной и убедительной кажется иная точка зрения: староверческий капитализм основан на общинном кредите, о чем свидетельствуют исследователи, обстоятельно изучавшие экономику староверия⁸³. Неслучайно в религиозных воззрениях раскола душеспасительной признана такая торгово-производственная деятельность, которая направлена на сохранение веры и поддержание единоверцев. Достижение этих целей являлось совместным делом, когда каждый вносил свой вклад в общие усилия. Общинный подход в экономике наиболее полно выражал духовно-нравственные ценности, лежащие в основе жизнедеятельности староверия. Конечно, этот подход не исключает возможность возникновения криминальных элементов, но определяющую роль они играть никак не могли.

Староверческий капитализм развивался не по классическим, а по собственным духовным и организационным правилам. Они сформировались еще в первой половине XVIII века в знаменитой Выговской поморской общине и определялись необходимостью выживать во враждебной никонианской среде. Краеугольным камнем этого выживания стало равенство всех членов общины – как в хозяйственном, так и в духовном смысле. Род занятий, положение в общине зависели от способностей каждого и от признания их со стороны

⁷⁹ Ушаков А.С. Наше купечество и торговля с серьезной и карикатурной стороны. Ч. 3. С. 33. М., 1867 // Части 1-3. М., 1865-1867.

А.С. Ушаков (1836-1902) – соратник И.С. Аксакова, работал во всех его изданиях, выходящих в 60-80-х годах XIX века. Кроме публицистической деятельности писал и книги, в их числе пьеса «Старообрядка».

⁸⁰ Златовратский Н.Н. Устои. Т. 2. С. 246 // Собр. соч.: В 3 т. СПб., 1897.

⁸¹ См.: Горький М. Фома Гордеев // Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1960-1963. Т. 3. 1960. С. 103.; Он же. Жизнь Матвея Кожемякина // Там же. Т. 6. 1961. С. 118; Он же. Дело Артамоновых // Там же. Т. 11. 1962. С. 11.

⁸² См.: Горький М. Н.А. Бугров // Горький М. Собр. соч.: В 18 т. М., 1960-1963. Т. 18. 1963. С. 191.

⁸³ См.: Шахназаров О.Л. Отношение к собственности у старообрядцев // Вопросы истории. 2004. №4. С. 53-70.

единоверцев: простой крестьянин мог стать наставником или настоятелем. Это обеспечивала практика внутренней открытости и гласности, когда ни одно важное дело не рассматривалось тайно. Любой имел право заявить свои требования, и они выслушивались и поддерживались – в случае, если другие считали их отвечающими общей пользе. В таких условиях решались и ключевые хозяйственно-экономические вопросы. Взаимодействие внутриобщинных сил, братское доверие позволили Выговскому общежителю скопить громадные капиталы – своего рода общую кассу для различных коммерческих инициатив⁸⁴. В результате Выговское староверческое общежитие трансформировалось в самодостаточную, не зависящую от властей структуру, развивающуюся по своей внутренней логике. Известный писатель М.М. Пришвин – выходец из старообрядческой среды – воспевал край Выга, где его предки:

«боролись с царем Петром и в государстве его великом создавали свое государство, не совсем ему дружественное»⁸⁵.

Кстати, именно здесь произошел интересный поворот староверческой мысли, связанный с обоснованием позитивного отношения к торговле и производствам. Ранее у приверженцев древнего благочестия подобные дела не пользовались особым расположением. Теперь же со стороны духовных лидеров староверия коммерция стала признаваться благодатным занятием, если она поддерживала существование единоверцев⁸⁶. Устройство Выговской общины послужило моделью для хозяйственной и управленческой организации старообрядцев по всей стране. Со второй половины XVIII века, то есть когда начал складываться внутренний российский рынок и ослабли гонения, раскол превращается в прогрессирующую экономическую силу в купеческо-крестьянском облике. Уже в 1770-х годах, в правление Екатерины II, происходит легализация староверия посредством оформления его новых крупных центров в Москве и Поволжье. Выйдя из-за границы, из лесов и подполья, старая вера начала заполнять российские просторы, преобразуя их своей хозяйственной деятельностью. Однако экономика, выросшая из раскольничьей религиозной идеологии, не была капиталистической в полном смысле слова. Ее движущая сила и предназначение были связаны не с конкуренцией развивающихся хозяйств, как это происходит и происходило в Европе, а с утверждением солидарных начал, обеспечивающих существование во враждебных условиях.

Эта особенность не осталась незамеченной. В 1780-х годах князь М.М. Щербатов подчеркивал, что все старообрядцы *«упражняются в торговле и ремеслах»*, демонстрируя большую взаимопомощь и *«обещая всякую ссуду и воспомоществование от их братьев раскольников; и через сие великое число к себе привлекают»*⁸⁷. В первой половине XIX столетия эта особенность старообрядчества уже вызывает у многих серьезные опасения.

Например, у московского митрополита Филарета: он объяснял распространение раскола наличием общественной собственности, которая, будучи его твердою опорой,

⁸⁴ См.: Аристов Н.Я. Устройство раскольничьих общин. М., 1863. С. 2, 6, 27.

⁸⁵ См.: Пришвин М.М. Осударева дорога // Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1982-1984. Т. 6. 1984. С. 8, 21.

⁸⁶ Духовные аспекты позитивного санкционирования торговли и производств в староверческом мире обстоятельно рассмотрены в монографии российского ученого В.В. Керова: Керов В.В. «Се человек и дело его». Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства. М., 2004. С. 462-467.

⁸⁷ См.: Щербатов М.М. Статистика в рассуждении России // Щербатов М.М. Собр. соч.: В 7 т. СПб., 1896. Т. 1. 1896. С. 550-551.

«скрывается под видом частной»⁸⁸. К тому же раскольничьи наставники, проживающие не где-нибудь, а в столице на Охте (имелся в виду Павел Онуфриев Любопытный), в своих сочинениях открыто «проповедуют демократию и республику»⁸⁹. По убеждению знаменитого архиерея господствовавшей церкви, это доказывает, что раскол стал особой сферой:

«в которой господствует над иерархическим демократическое начало. Обыкновенно несколько самовольно выбранных или самоназванных попечителей или старшин управляют священниками, доходами и делами раскольничьего общества... Сообразно ли с политикою монархической усиливать сие демократическое направление?»

– вопрошал митрополит Филарет⁹⁰. С ним нельзя не согласиться: очевидно, что собственность, которая через механизм выборов наставников и попечителей оказывается принадлежащей не конкретным людям, а общине, не может быть частной. Хотя для внешнего мира и государственной власти она именно такой и представлялась. Внутри же староверческой общины действовало правило: твоя собственность есть собственность твоей веры. Как отмечал один из полицейских чиновников, изучавших раскол:

«Закон этот глубокая тайна только агитаторов (*то есть наставников*. – А.П.), но она проявляется в завещаниях богачей, отказывающих миллионы агитаторам на милостыни, и в готовности всех сектаторов разделить друг с другом все, если у них одна вера»⁹¹.

Факты подтверждают, что именно таким образом и функционировала раскольничья экономика. Обратимся, например, к знаменитому комплексу старообрядческих монастырей на Большом Иргизе. В финансовом отношении их основание связано с деятельностью волжского купца конца XVIII – начала XIX века В.А. Злобина, который оплачивал значительную часть расходов на их строительство и содержание. Как водится, этот староверческий благодетель взялся словно бы ниоткуда: в молодости трудился пастухом, а выучившись грамоте, стал писарем в одном из селений. Но затем некие старики, убедившись в уме и деловых качествах молодого человека, решили вывести его в люди. У него быстро появляются деньги и общие дела с князем А.А. Вяземским, тогдашним генерал-прокурором, чьи владения простирались вдоль Волги. И за несколько лет В.А. Злобин превратился в миллионера. После 1785 года, когда староверам разрешено было занимать общественные должности, он избирался головой города Волгска. Его связям и знакомствам в Петербурге, в том числе и с министрами, могли позавидовать многие. Но главным делом В.А. Злобина всегда оставался Иргиз. Благодаря его доходам в монастыри лился денежный поток, благодаря его влиянию – выносились нужные административные решения и даровались льготы. Однако славная история злобинской семьи завершилась так же стремительно, как и

⁸⁸ См.: «Мысли и предположения митрополита Филарета о средствах по уменьшению расколов». 1835 год // Собрание мнений и отзывов Филарета по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 2. СПб., 1885. С. 366.

⁸⁹ См.: «Донесение митрополита Филарета Св. Синоду с отзывом о рукописях московского раскольника, мещанина Леонтия Круглоумова». 5-10 ноября 1841 года // Там же. Доп. т. М., 1887. С. 90.

⁹⁰ См.: Там же. Т. 3. С. 254.

⁹¹ См.: *Синицын И.И.* Раскол в Ярославской губернии // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В.И. Кельсиев. Вып. 4. Лондон, 1862. С. 148.

началась. Сам глава скончался в 1813-м, его сын погиб годом раньше в возрасте тридцати шести лет. А внук, законный наследник громадного состояния, успел вкусить столичной жизни и не пожелал приобщиться к вере своих предков. В результате после смерти жены В.А. Злобина – ревностной староверки, похороненной в одном из иргизских монастырей, состояние семьи незаметно растворилось. Нерадивый внук получил в наследство от знаменитого деда какую-то деревянную чернильницу, несколько книг и поступил на службу в Петербурге – чиновником архива министерства иностранных дел⁹².

Принцип «*твоя собственность есть собственность твоей веры*» прослеживается и в хозяйственном укладе Преображенского кладбища в Москве. В распоряжении исследователей имеются донесения полицейских агентов, расследовавших деятельность московских старообрядцев во второй половине сороковых годов XIX века⁹³. Для внешнего мира это было место, где располагались погосты с богадельнями, приютами и больницей. На самом же деле «*кладбище*» служило финансовой артерией беспоповцев федосеевского согласия. По наблюдениям МВД, касса «*кладбища*» помещалась в тайниках под комнатами федосеевского наставника С. Козьмина⁹⁴. В них хранились общинные капиталы, направляемые по решению наставников и попечителей на открытие или расширение различных коммерческих дел. Единоверцам предоставлялось право пользоваться ссудами из общинной кассы, причем кредит предусматривался беспроцентный, допускались и безвозвратные займы. Именно благодаря этим средствам образовалось огромное количество торгов и производств⁹⁵. Однако возратить взятое из кладбищенской казны и стать полноправным хозяином своего дела, то есть попросту откупиться, не представлялось возможным. Был лишь один вариант: отдать предприятие, запущенное на общинные деньги. Как известно, беспоповцы-федосеевцы не признавали брака, а значит, наследственное право не играло здесь роли, что усиливало общинное начало хозяйств. Воспитанниками Преображенского приюта были незаконнорожденные дети богатых купцов из разных регионов страны. Капиталами их отцов в конечном счете распоряжались выборные наставники и попечители Преображенского кладбища⁹⁶.

Любопытны и результаты наблюдения полиции за торговыми оборотами купцов Первопрестольной. Оказывается, перед Пасхой, когда рабочих распускали по домам, почти все фабриканты православного исповедания прибегали к займам для необходимых расчетов.

⁹² См.: *Леопольдов А.* Биография Волгского именитого гражданина Василия Александровича Злобина. Саратов, 1871. С. 4-26.

Своему вхождению в высшие сферы В.А. Злобин обязан тогдашнему генерал-прокурору А.А. Вяземскому. Занимаясь делами этого сановника в волжском регионе, В.А. Злобин приобрел его полное доверие. Руководителем канцелярии генерал-прокурора являлся способный чиновник А.И. Васильев, который впоследствии стал первым министром финансов России (1802-1807) и расположением которого пользовался доверенный партнер А.А. Вяземского. После смерти А.И. Васильева министром финансов стал его племянник Ф.А. Голубцов, начинавший карьеру в канцелярии того же А.А. Вяземского под руководством своего дяди. Отсюда и связи В.А. Злобина в Петербурге.

⁹³ Эти материалы из бумаг И.П. Липранди были опубликованы А.А. Титовым в ряде выпусков «Чтений в Обществе истории и древностей российских» под названием «Дневные дозорные записи о московских раскольниках», см.: Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1885. Кн. 3, 4; М., 1886. Кн. 1; М., 1892. Кн. 1, 2.

⁹⁴ См.: Записка «О Преображенском кладбище». 6 мая 1847 года // РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 87. Л. 21.

⁹⁵ См.: *Васильев В.* Организация и самоуправление Федосеевской общины на Преображенском кладбище в Москве // Христианское чтение. 1887. Ч. 2. С. 578-579.

⁹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 722. Оп. 1. Д. 549. Л. 193.

Однако купечество из кладбищенских прихожан никогда не нуждалось в деньгах: в их распоряжении была общинная касса⁹⁷. Попытки выяснить хотя бы приблизительные объемы средств, которые циркулировали на Преображенском кладбище, ни к чему не приводили. Как утверждала полиция, немногие, кроме наставников и попечителей, осведомлены о реальном обороте общественных капиталов этого богадельного дома, а исчисление его доходов:

«едва ли может быть когда сделано при всех стараниях лиц, правительством назначаемых наблюдать за кладбищем»⁹⁸.

Общинный характер собственности отчетливо просматривается в завещаниях староверов. Независимо от занимаемого положения раскольники с легкостью отдавали имеющиеся у них собственность и капиталы в распоряжение общин, а не законным, с точки зрения правительства, наследникам. Например, богатый купец Ф. Рахманов один миллион рублей отписал монастырю в Белой Кринице и на помощь бедным; другая же часть его капитала оказалась в распоряжении купца-единоверца К.Т. Солдатенкова, предусмотрительно введенного в число душеприказчиков (так было положено начало его богатству); в результате деньги продолжали работать под контролем старообрядцев Белокриницкого согласия, московским центром которых было Рогожское кладбище⁹⁹. Иногда власти опротестовывали передачу собственности и средств, незаконную с точки зрения гражданского законодательства. Так, было признано не имеющим юридической силы завещание московской купчихи Капустиной о передаче дома и земли в пользу Рогожского кладбища после смерти ее мужа и сестры. Это решение вызвало бурную реакцию властей, которые запретили передавать имущество указанному адресату и распорядились отдать его только законным наследникам. Московский военный генерал-губернатор князь Д. Голицын указал по этому поводу:

«Сие совершенно справедливо... и может быть полезно не только в настоящем, но и во многих других подобных случаях, и быть некоторым способом к обузданию раскола»¹⁰⁰.

В Петербурге по духовному завещанию купца Долгова принадлежавшие ему дома должны были достаться Выголексинскому общежителю. Власти и здесь вмешались, обеспечив передачу имущества умершего его юридическим наследникам; буква закона была соблюдена: все перешло законной наследнице – купчихе Голашевской. Однако вскоре выяснилось, что она является владелицей лишь номинально, реальный же собственник – все та же Выголексинская община, на нужды которой и идут доходы этой купчихи¹⁰¹.

Вмешательство полиции в завещательные дела, ставшее постоянным с середины 1830-х

⁹⁷ См.: Дневные дозорные записи о московских раскольниках. 1846 год // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1892. Кн. 2. С. 202.

⁹⁸ См.: Там же. С. 200.

⁹⁹ См.: РГИА. Ф. 1473. Оп. 1. Д. 35. Л. 101; *Ливанов Ф.В.* Раскольники и острожники. СПб., 1868. С. 43-46.

¹⁰⁰ См.: «О завещании московской купчихи Капустиной в пользу Рогожского старообрядческого богадельного дома». 28 сентября 1837 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 197. Д. 147. Л. 1-3.

¹⁰¹ См.: Собрание постановлений МВД по части раскола. СПб., 1875. С. 161; ГАРФ. Ф. 109.2 экспедиция. 1838. Д. 33. С. 35 об.

годов, вызывало болезненную реакцию раскольников. Один из них обратился в МВД по поводу закрытия моленных в Москве и передачи домов, где они размещались, в пользу наследников. Ставя в пример Екатерину II, он писал:

«что всякого государства благосостояние основано на внутреннем спокойствии и благоденствии обитателей, и что тогда только обладатели государств прямо наслаждаются спокойствием, когда видят, что подвластный им народ не изнурен от разных приключений, особливо от поставленных над ними начальников и правителей»¹⁰².

Однако то, что государственные власти не желали мириться с перемещением капиталов и собственности исключительно внутри старообрядческой общности, вполне объяснимо. Ведь эти процессы определялись сугубо внутриконфессиональными неписаными законами, но при этом из официального правового поля государства они выпадали.

Перераспределяясь внутри замкнутого староверческого социума, финансовые средства затем использовались на разных предпринимательских уровнях купеческо-крестьянского капитализма. Проиллюстрируем это на столь любимом историками семействе Рябушинских, точнее – на одном факте, сыгравшем ключевую роль в их восхождении. Основатель династии Михаил Рябушинский перешел в раскол из православия в 1820 году, женившись на старообрядке (и сменив фамилию со Стеколыцкого на Рябушинского). До этого он подвизался в качестве обычного мелкого розничного торговца, но благодаря своим коммерческим способностям в новой среде смог организовать более серьезную торговлю, став купцом третьей гильдии. В 1843 году произошло важное событие: супруги Рябушинские устроили брак своего сына Павла с А.С. Фоминой. Она была внучкой священника И.М. Ястребова – одного из самых влиятельных деятелей Рогожского кладбища, где ничего не происходило без его благословения. Новое родство открыло им доступ к денежным ресурсам рогожцев, и уже через три года у Рябушинских имелась крупная фабрика с новейшим по тем временам оборудованием. Это позволило им подняться на вершины предпринимательства Москвы. Ко времени кончины основателя династии (1860) его состояние превышало 2 млн рублей¹⁰³. Как тут не согласиться с мнением, что:

«многие из главных московских капиталистов получили капиталы, положившие основание их богатству, из кассы раскольничьей общины»¹⁰⁴.

Разумеется, подобная циркуляция денежных средств не могла быть отражена в каких-либо официальных статистических отчетах. Но о том, что дело обстояло именно таким образом, косвенно свидетельствуют собираемые властями данные о действующих

¹⁰² См.: «Письмо старообрядца Леонтия Гаврилова Министру внутренних дел Д.Н. Блудову». 7 октября 1838 года // РГИА. Ф. 1284. Оп. 197. Д. 6. Л. 8-9.

¹⁰³ См.: Торговое и промышленное дело Рябушинских. М., 1913. С. 22, 26.

¹⁰⁴ Брак П.М. Рябушинского и А.С. Фоминой, состоявшийся по воле родителей и против его желания, оказался неудачным. В браке родилось шесть дочерей, один сын умер во младенчестве. Как только скончались родители П.М. Рябушинского, он развелся, женившись вновь на старообрядке из купеческой семьи. Как известно, у них было восемь сыновей, ставших впоследствии видными участниками политической, деловой и культурной жизни страны.

И.М. Ястребов (1770-1853) – один из наиболее известных иереев Рогожского кладбища с 1825 года. Во время вторжения Наполеона в Москву прятал там общинную кассу, иконы и проч. Являлся духовным наставником многих прихожан кладбища, в том числе и самых влиятельных. Подробнее о нем см.: *Мельников П.И.* (Андрей Печерский.) Очерки поповщины. Т. 7. С. 437-441 // Мельников П.И. Собр. соч.: В 8 т. М., 1976.

Андреев В.В. Раскол и его значение в русской народной истории. СПб., 1870. С. 163.

мануфактурах. В этих материалах обращает на себя внимание формулировка: фабрика «заведена собственным капиталом без получения от казны впомощения» ; в просмотренном нами перечне, включающем более сотни предприятий Московского региона, она встречается практически в 80% записей¹⁰⁵.

Подобные источники финансирования крестьянско-купеческого капитализма были распространены повсеместно. О них дают представление записки Д.П. Шелехова, который в дореформенные годы путешествовал по старообрядческому Владимирскому краю. В одной сельской местности, в шестнадцати верстах от г. Гороховца, Шелехов столкнулся с «русскими Ротшильдами», банкирами здешних мест. Братья Большаковы располагали капиталом в несколько сот тысяч рублей, ссужая их промышленникам и торговцам прямо на месте их работы. Передача купцам и крестьянам денег – порой немалых – происходила без оформления какой-либо документации: на веру, по совести. Летом оба брата выезжали в Саратовскую и Астраханскую губернии для размещения там займов. Удивление автора записок не знало границ, когда при нем какому-то мужику в тулупе выдали 5 тыс. рублей с устным условием возврата денег через полгода. Опасения в вероятном обмане, высказанные им как разумным человеком, были отвергнуты. По утверждению кредиторов, такого не могло произойти, поскольку все не только хорошо знакомы, но и дорожат взаимными отношениями. К тому же о делах друг друга каждый неплохо осведомлен, и обмануть здесь удастся лишь один раз, после чего уже и «глаз не показывай и не живи на свете, покинь здешнюю сторону и весь свой привычный промысел». Д.П. Шелехов заключает:

«Вот вам русская биржа и маклерство!.. Господа писатели о финансах и кредите! В совести ищите основание кредита, доверия, народной совестью и честью поднимайте доверие и кредит, о которых так много нынче говорят и пишут ученые по уму, но без участия сердца и опыта».¹⁰⁶

Эти примеры убедительно доказывают, что рост купеческо-крестьянского капитализма происходил на общинных ресурсах. Существовавшая в тот период финансовая система не была нацелена на обслуживание многообразных коммерческих инициатив, а кредитные операции в дореформенный период находились в руках иностранных банкирских домов, обеспечивавших бесперебойность интересовавших их внешнеторговых потоков.¹⁰⁷ Банковские же учреждения России, созданные правительством, концентрировались на другой задаче: поддержании финансового благосостояния российской аристократии и дворянства, что обеспечивалось предоставлением им ссуд под залог имений. Что же касается кредитования непосредственно коммерческих операций, то для этого начиная с 1797 года открывались учетные конторы в Петербурге и Москве, а также в портовых городах: Одессе, Архангельске, Феодосии. Однако эти структуры работали опять-таки только под залог экспортных товаров. В 1817 году они были преобразованы в Государственный коммерческий банк, с сохранением функций по обслуживанию исключительно экспортно-импортных операций. Незрелость коммерческого кредита приводила к накоплению весьма

¹⁰⁵ См.: Ведомость, учиненная в Мануфактур-Конторе о московских фабрикантах // РГИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 13; Л. 4-61.

¹⁰⁶ См.: Шелехов Д. П. Путешествия по русским проселочным дорогам. СПб., 1842. С. 27, 39-40.

¹⁰⁷ В тот период все крупные операции в России осуществлялись через иностранных банкиров. В это время действовало несколько банкирских домов – Штиглица, Юнкера, Симона Якоби, Кенгера и др. Примечателен такой факт: когда крах потерпел английский банкир Сутерланд, основной кредитор российского правительства в 1780-1890 годах, то оказалось, что жертвами его банкротства являются в основном казна и аристократия. Лишь изредка среди деловых партнеров Сутерланда встречались купцы, причем только те, которые вели внешнюю торговлю // См.: Ананьич Б.В. Банкирские дома в России. 1860-1914 гг. Л., 1991. С. 12-13.

значительных сумм, которые негде было разместить, кроме как под залог дворянской недвижимости. Этот процесс продолжался всю первую половину XIX века. Перед отставкой министра финансов Е.Ф. Канкрин в 1843 году общие вклады в системе госбанков достигали 477 млн рублей; при этом выплачивать проценты по ним был обязан собственник, то есть российское правительство¹⁰⁸. Отсюда правомерен вывод: вся кредитная система России имела целью лишь обеспечение интересов господствующего сословия – дворянства и не сыграла большой роли в мобилизации капиталов для развивавшейся промышленности¹⁰⁹. Купеческо-крестьянский капитализм формировался и существовал вне государственной банковской системы того периода.

Продолжая его характеристику, следует обратить внимание на отношения, существовавшие внутри якобы капиталистических хозяйств. Считали их именно общинной, а не частной (то есть конкретно чьей-то) собственностью не только те, кому было поручено управлять ею, но и рядовые единоверцы, работавшие на производствах. Вот одно из свидетельств конца XVIII века. В Хамовнической стороне Москвы двое братьев-купцов завели ситцевую фабрику. На ней трудились сто вольнонаемных мастеров, которые, как следует из архивного документа, вели себя вполне самостоятельно, по-хозяйски контролируя ход производства и время работы. Один из владельцев пошел на конфликт с людьми, причем поссорился не только с ними, но и с братом, который не поддержал его в этой ситуации. В результате для продолжения деятельности ему пришлось просить у власти разрешения на покупку трех сотен душ крепостных мужского пола с условием: где тех крестьян будет дозволено купить, туда фабрика и переедет. Этот пример показывает реальное положение и вес простых рабочих в делах того предприятия, на котором они трудились. Очевидно, данный случай выходит далеко за рамки представлений о наемном труде, свойственных классической капиталистической практике¹¹⁰.

Своеобразные отношения между рабочими и хозяевами фиксировали также внимательные наблюдатели. Православный священник И. Беллюстин, публиковавший заметки о старообрядчестве, описывал посещение сапожного производства в большом (в несколько тысяч человек) раскольничьем селении Тверской губернии. Староверы образовывали здесь артели по 30-60 работников, которые не только обладали правом не соглашаться с хозяином (то есть с тем, кто представлял интересы работников вне их мира) по самым разным вопросам, но и могли подчинить его своему мнению. И. Беллюстин оказался, например, свидетелем горячих споров в артели о вере:

«Тут нет ничего похожего на обыкновенные отношения между хозяином и его работником; речью заправляют, ничем и никем не стеснясь, наиболее начитанные, будь это хоть последние бедняки из целой артели; они же вершат и поднятый вопрос»¹¹¹.

Хозяин в спорных случаях оказывался перед серьезным выбором: или подчиниться артели (а между артелями в селении существовала подлинная солидарность), или встать в

¹⁰⁸ См.: Мигулин П.П. Наша банковская политика (1729-1903 г.г.). Харьков, 1904. С. 35.

¹⁰⁹ См.: Рожкова М.К. Экономическая политика правительства // Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М., 1959. С. 366; Полянский Ф.Я. Первоначальное накопление капитала в России. М., 1958. С. 101.

¹¹⁰ Подоплеку этих событий позволила выявить переписка между правительством и купцом, связанная с переводом фабрики и покупкой крестьян. См.: РГИА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 27. Л. 2-14.

¹¹¹ См.: Беллюстин И. Еще о движениях в расколе // Русский вестник. 1865. Т. 57 (№6). С. 762.

разлад с нею, то есть с целым обществом. Неудивительно, что, как правило, хозяин предпочитал первое, поскольку каждый, независимо от рода занятий и своей роли, был крепко вплетен в этот социальный организм.

Подобные отношения между работниками и хозяевами существовали и на появляющихся крупных мануфактурах. Например, в староверческом анклав Иванове уже в 1830-1840-х годах насчитывалось около 180 фабрик. Имена их владельцев – Гарелины, Кобылины, Удины, Ямановские и др. – были широко известны в центральной России. Заметим, что возглавляемые ими предприятия состояли из артелей, являвшихся основной производственной единицей. Артель непосредственно вела дела, «рядилась с хозяином», получала заработанное, то есть оказывала ключевое влияние на весь ход фабричной жизни¹¹². В таких условиях сформировался особый тип «*фабричного*», «*мастерового*», психологически весьма далекий от обычного работника по найму в классическом капиталистическом смысле этого слова. Серьезно изучавшие дореформенную мануфактурную Россию замечали: если высший класс с завистью, но без уважения относится к этим капиталистам из крестьян, то:

«чернь... богатство их считает своим достоянием, выманивая его по частям посредством ловкости и хитрости»¹¹³.

Это порождало разговоры о том, что фабрика портит народ, что под ее влиянием простолюдин утрачивает чистоту нравов. Официальные власти усматривали здесь криминализацию взаимоотношений, недоумевая: как могут простые фабричные работники держаться с хозяевами с наглой самоуверенностью и ставить себя с ними на равных? Эту черту фабричной жизни дореформенной России подметили и советские историки. Правда, их вывод был своеобразным: якобы:

«фабричная жизнь начинала вырабатывать людей, не безропотно переносящих произвол и эксплуатацию»¹¹⁴.

Таким образом, российский капитализм в процессе своего роста и формирования приобретал довольно специфический облик, заметно отличавшийся от европейского бизнеса. Уже в первой половине XIX века четко обозначилась тенденция: капитализм сверху – в исполнении правящих классов, развивавшийся по классическим канонам, – сильно отличался от деловой активности крестьянских низов, которые рассматривали предпринимательство в социальном формате, основанном на солидарных принципах, а не на частной собственности и конкуренции. Такая модель крестьянско-купеческого капитализма, во многом навеянная староверческими воззрениями, подверглась жестокому правительственному прессингу. Власти усматривали здесь коммунистические идеалы собственности и управления, которые в то время активно пропагандировал ряд европейских мыслителей. В пятидесятых годах XIX столетия правительство осуществило настойчивую попытку ввести в законодательное поле Российской империи деятельность торгово-мануфактурных предприятий. К шестидесятым годам эта задача была в целом выполнена¹¹⁵. Одним из основных итогов этой трансформации стало появление на отечественной деловой арене крупной торгово-

¹¹² См.: *Нефедов Ф.Д.* Наши фабрики // Повести и рассказы. Т. 1. М., 1937. С. 14-15.

¹¹³ См.: *Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле: В 2 частях. Ч. 1. СПб., 1846. С. 187.

¹¹⁴ См.: *Козьмин Б.П.* Рабочее движение в России до революции 1905 года. М., 1925. С. 21-22.

¹¹⁵ См.: *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола. Заметки о нашей истории. М., 2013. С. 184-207.

промышленной группы, нацеленной на укрепление своих позиций уже исключительно в рамках капиталистических ценностей. Финансово-производственный потенциал группы позволил ей серьезно претендовать на весьма значимое место в экономической жизни страны. С этого времени мы можем говорить о развернувшейся конкуренции между, с одной стороны, купеческой элитой, обосновавшейся в Москве, а с другой – дворянским и иностранным капиталом, поддерживаемым петербургской бюрократией.

Крупная схватка между ними произошла в ходе продажи Николаевской железной дороги. В 1868 году власти решили провести конкурс на право эксплуатации наиболее прибыльной железнодорожной ветки между Петербургом и Москвой. Рассматривались четыре заявки: от Главного общества российских железных дорог, рязанского купца первой гильдии Самуила Полякова, американского гражданина В. Уайненса и Московского товарищества. Между Москвой и основным ее конкурентом – Главным обществом – развернулось лоббистское противостояние. Московское товарищество, состоявшее из девяноста двух человек, включало цвет староверческого купечества и славянофилов. Его предложение выглядело действительно привлекательно: произвести все ремонтные работы на путях и увеличить подвижной состав, употребив на это – без всякого пособия и гарантий правительства – собственный капитал в 15 млн рублей (из них 10 млн наличными, а 5 млн – процентными бумагами)¹¹⁶. Преимущества этого предложения очевидны на фоне других заявок, предусматривавших максимально большие правительственные гарантии. Неудивительно, что оно смогло привлечь многих министров, высказавшихся в пользу этого ходатайства. Представители Московского товарищества около семи месяцев постоянно проживали в Петербурге, руководя усилиями лоббистов¹¹⁷. Даже наследник престола – будущий Александр III – публично одобрил московскую инициативу; в этом проявились его взгляды на поддержку отечественных промышленников и защиту их от иностранных конкурентов (эти взгляды привил ему учитель по экономике профессор И.К. Бабст – видный сторонник московского клана)¹¹⁸.

Дело о продаже Николаевской дороги имело как экономическое, так и общественно-политическое значение. В этом были уверены прежде всего участники Товарищества: для них речь шла не столько о конкретной хозяйственной проблеме, сколько о том направлении, по которому должна развиваться отечественная промышленность. В их записке, направленной в правительство, впервые четко выражена позиция, которая противоречит интересам дворянского клана, связанного с иностранным капиталом:

«Русская предприимчивость не имеет в своем Отечестве поля, на котором она могла бы разрастись и развиваться. Все современные предприятия России, организуясь на иностранные капиталы, подпадают неизбежно под влияние

¹¹⁶ См.: Финансовые предложения на приобретение Николаевской железной дороги образуемым в Москве Товариществом // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3344. Л. 757.

¹¹⁷ См.: Записки Александра Ивановича Кошелева. Берлин. 1884. С. 191-192.

¹¹⁸ См.: *Кокорев В.* Экономические провалы. Из воспоминаний. М., 2002. С. 276; *Уортман Р.* Сценарии власти. Т. 2. М., 2004. С. 253-254.

И.К. Бабст (1821-1881) – известный экономист, преподавал в Казанском университете. Выступил там с речью «О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала», сделавшей его популярным в научных кругах страны. С 1857 года – профессор Московского университета, автор ряда книг; участвовал в изданиях Чижова и Аксакова, публикуя статьи по экономической проблематике. В 1862 году приглашен учителем экономики к цесаревичу Николаю, а после его кончины – к Александру, будущему императору; сопровождал его в поездках по стране. Тесно сотрудничал с московским купечеством, участвуя в продвижении банковских проектов, много лет возглавлял крупнейший банк Москвы – Московский купеческий, из-за чего в 1874 году оставил профессию. Подробно о нем см.: *Чуров Л. И.* Иван Кондратьевич Бабст. М., 1881.

иностранцев или руководимы ими, питают их промышленные силы и им несут свои прибыли и доходы... Товарищество, владеющее и руководящее Николаевской дорогою как одним из огромных промышленных предприятий Европы и задавшееся неперменным желанием сохранить и поддерживать это предприятие силами и способами русской деятельности, может, бесспорно, получить сильное орудие для излечения помянутого недуга»¹¹⁹.

Однако высшая власть в лице императора Александра II имела совсем другие планы, и прибыльный актив достался Главному обществу российских железных дорог, основанному французскими финансистами и высшей российской аристократией. Такое решение мотивировалось необходимостью поддержать стоимость акций этого Общества, чему и способствовало приобретение крупного транспортного актива¹²⁰. Возмущение сторонников Московского товарищества не имело пределов. М.Н. Катков не уставал разбирать это скандальное дело на страницах своего издания, подчеркивая невыгодность его исхода для российского государства. Он разъяснял, что Главное общество, по сути, не подвергая себя никакому риску, возлагало ответственность за будущие результаты своего хозяйничанья на то же правительство. Иными словами, обещая перечислять часть прибыли от эксплуатации дороги государству, оно требовало от него же гарантий на эти доходы. Это как если бы кто-нибудь заложил свой дом, восклицали «Московские ведомости», а ответственность по уплате процентов возложил на кредитора¹²¹. М.Н. Катков сожалел, что «это дело пришлось решить не в пользу Русского Товарищества» с его выгодными условиями, и выражал пожелание, чтобы лица, составившие его, «не покинули свое намерение послужить железнодорожному делу в России»¹²². Беспокоился именитый публицист напрасно: эти лица не собирались оставлять своих намерений и уже вскоре нацелились на следующий объект, претендуя на покупку Курской железной дороги. В этот раз правительство, видимо желая компенсировать московской группе репутационные и материальные издержки от предыдущего поражения, не стало чинить ей препятствий, и в 1871 году право на эксплуатацию Курской ветки перешло к ней¹²³.

Другим жизненно важным делом купеческой буржуазии являлась борьба за высокие таможенные пошлины, ограждающие производства от конкуренции с иностранными товарами. Это направление деятельности еще с первой половины XIX века стало традиционным для торгово-промышленного купечества, своего рода его визитной карточкой. Развитие хозяйственной деятельности все более отчетливо выявляло противоположность интересов основных субъектов экономической жизни. Интересы правящего дворянства, ратующего за расширение внешнеторговых оборотов, были далеки от потребностей мануфактуристов, желавших, напротив, сокращения экспортно-импортных операций. Ведь объем поставок русской продукции на европейский рынок зависел от объемов ввоза, а поскольку экспорт империи практически полностью состоял из продуктов сельского хозяйства, то требования дворян-землевладельцев оказывались несовместимыми с нуждами

¹¹⁹ См.: Докладная записка уполномоченных Московского Товарищества по приобретению Николаевской железной дороги // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3344. Л. 462-463

¹²⁰ См.: Дельвиц А.И. Полвека русской жизни. Т. 1. М.; Л., 1930. С. 465.

¹²¹ См.: «Главное общество российских железных дорог». 6 февраля 1868 года // Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1868 год. М., 1897. С. 70.

¹²² См.: Передовая «Московских ведомостей» от 14 июля 1868 года // Там же. С. 339.

¹²³ См.: РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3533. Л. 332-335.

промышленников. Русское купечество поднялось на защиту внутреннего рынка страны, так как от этого зависели его коммерческие перспективы. С начала XIX столетия эти выходцы из крестьян писали ходатайства по ограждению торгового пространства от западной конкуренции, высказывая настойчивые просьбы о повышении таможенных тарифов. Как показывает знакомство с этими документами, все они строились по одной схеме: в России из-за высокой стоимости сырья и оборудования, недостатка путей сообщения, дорогого кредита, неудовлетворительного качества рабочей силы условия производства менее выгодные, чем за границей. Кроме того, поскольку *«произведения российские»* предназначены для широких народных масс, а не для роскоши избранных, отечественная продукция обязана быть дешевой, чему и должны способствовать высокие пошлины на заграничные товары. Ходатаи с подлинно народной прямоотой просили *«удостоверить навсегда о запрещении ввоза всех иностранных изделий»*, поскольку они мешают открывать новые фабрики, проявлять предприимчивость и смекалку¹²⁴. Подобные заявления в адрес правительства поступали с завидной регулярностью как непосредственно от самих промышленников, так и от местных властей, время от времени проникавшихся их нуждами¹²⁵.

Наверху всегда довольно спокойно реагировали на подобные просьбы, не останавливая на них внимания. Однако в 1860-х годах деятельность промышленников по обоснованию необходимости введения высоких таможенных ставок стала заметно более осмысленной. Во многом это объясняется как раз тем, что в пореформенной России крестьянская по своему происхождению буржуазия обрела союзников из правящего сословия, помогавших полнее выражать ее разнообразные насущные интересы. Применительно к таможенным делам эту функцию выполнял экономист и предприниматель А.П. Шипов¹²⁶. На встречах с лидерами московского клана он зачитывал свои готовившиеся к печати сочинения о благотворности русских деловых начинаний и о вреде иностранного предпринимательства в России¹²⁷. Вот характерная выдержка из одной его книги:

«Эти господа имеют лишь в виду вести Россию к сближению с теорией свободной международной торговли, о чем так хлопочут наши благодетели – западные иностранцы, и приставляют к нам особых агентов, чтобы убеждать нас в том, что поспешное понижение пошлин... есть неременное условие

¹²⁴ См.: Ходатайства московских и других русских фабрикантов и заводчиков между 1811 и 1816 годами // Сборник сведений и материалов по ведомству министерства финансов. Т. 3. СПб., 1865. С. 155-159, 179.

¹²⁵ См.: Всеподданнейшее прошение московских фабрикантов о некоторых изменениях в ныне действующем тарифе. 25 октября 1827 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 404. Л. 2-8; Записка московского военного генерал-губернатора Д.В. Голицына «Об упадке в Москве торговой промышленности». 7 ноября 1840 года // РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1065. Л. 3-4.

¹²⁶ А.П. Шипов (1800-1878) – из дворян Костромской губернии, учился в Институте путей сообщений, откуда был отчислен за дуэль с преподавателем, в течение десяти лет служил в Преображенском полку, затем состоял по ведомству государственных имуществ в г. Костроме. Основал там механический завод, сблизился с московским купечеством. Автор многих трудов по российской экономике; страстно выступал за введение высоких пошлин на иностранные товары. Будущее страны А.П. Шипов связывал с развитием отечественной промышленности. Вместе с Ф.В. Чижовым участвовал в издании журнала «Вестник промышленности». Пользовался большим уважением в купеческих кругах. В 70-х годах XIX века являлся председателем Нижегородского ярмарочного комитета.

¹²⁷ Сошлемся, например, на сведения о встрече, проходившей 23 февраля 1856 года в особняке почетного гражданина А.И. Хлудова. На ней присутствовали пятнадцать крупнейших действующих лиц промышленной Москвы и А. Шипов читал отрывки из своего сочинения «О значении хлопчатобумажной промышленности в России» // РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 1584. Л. 30.

рациональности и должно быть целью наших действий»¹²⁸.

Интеллектуальные наработки А.П. Шипова оказались как нельзя более кстати, когда после отмены крепостного права правительство, исходя из либеральных побуждений, взяло курс на понижение таможенных ставок. Министр финансов М.Х. Рейтерн представил Александру II выводы о применении пошлин в предыдущий период; из них следовало, что увеличение таможенного дохода наблюдалось по всем тем статьям, по которым пошлины понижались. К тому же, по оценке Рейтерна, снижение не только не причинило вреда российской экономике, но и дало импульс ее росту. Поэтому предлагалось продвигаться по данному пути и *«допустить некоторое уменьшение чрезмерных пошлин... на сколько еще представляется возможным без вреда отечественной промышленности»*¹²⁹, а также учреждалась правительственная Комиссия по пересмотру таможенного тарифа. В нее вошли и представители староверческой буржуазии центральной России: Ф. Рязанов, Т. Морозов, Н. Четвериков, В. Крестовников – от Московского региона, В. Каретников, Н. Гарелин – от Владимирского. В ходе работы комиссии они выступили единым фронтом, доказывая пагубность снижения таможенных ставок.

О происходившей в комиссии напряженной борьбе дают представление стенограммы заседаний. Чиновники Министерства финансов и купечество не стеснялись во взаимных обвинениях в некомпетентности, неискренности, предвзятости и т.д. Руководители департамента таможенных сборов Министерства финансов доказывали, что в случае высоких тарифов не произойдет нужного притока капитала, будет затруднена всякая конкуренция, да и избыточная пошлина всей тяжестью ляжет на потребителя, а внутреннее производство не расширится¹³⁰. В ответ звучали страстные речи Т.С. Морозова:

«Теперь мы, как русские, желаем, чтобы промышленность была восстановлена, а вы, как иностранцы, желаете больше торговать иностранными товарами»¹³¹.

Правительственные чиновники считали купцов людьми невежественными, и велико было их удивление, когда эти выходцы из народа начали довольно умело оспаривать понижение пошлин. Как вспоминал участник этих баталий (впоследствии председатель Московского биржевого комитета) Н.А. Найденов:

«тут была пробита брешь в том понятии, которое существовало о московском торговом люде; комиссия стала относиться к купеческим депутатам с большой осторожностью»¹³².

Кстати, после заседаний купеческие представители собирались в номере гостиницы у главного критика таможенной политики правительства А.П. Шипова, которого власти

¹²⁸ См.: *Шипов А.П.* Практическое применение к началам рационального тарифа. СПб., 1868. С. 286.

¹²⁹ См.: Всеподданнейший доклад министра финансов М. Рейтерна по вопросу о пересмотре таможенного тарифа. 30 июня 1867 года // РГИА. Ф. 1244. Оп. 16. Д. 1. Ч. 1. Л. 65-66.

¹³⁰ См.: Заседание экспертной комиссии по статьям тарифов о бумажной пряже и тканях. 28 ноября 1867 года // РГИА. Ф. 1244. Оп. 16. Д. 1. Ч. 1. Л. 700.

¹³¹ См.: Там же. Л. 712.

¹³² См.: *Найденов Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 2007. С. 186.

предусмотрительно не пригласили для работы в комиссии. На этих встречах, продолжавшихся до глубокой ночи, обсуждалось все происходившее на заседаниях и намечалась линия поведения на следующий день¹³³.

Большую помощь купечеству оказывал И.К. Бабст, который во время занятий с будущим Александром III сообщал ему о ходе таможенных дискуссий. Тот просил руководителя департамента Государственного совета К.В. Чевкина, к которому должны были поступить документы комиссии, принять и выслушать купеческих фабрикантов¹³⁴. Несмотря на это, споры о таможенных тарифах завершились так, как, собственно, и должны были завершиться – победой правительства. При посредничестве того же Бабста делегация от купечества, участвовавшая в трудах таможенной комиссии, была представлена наследнику; он выразил искреннее свое сожаление по поводу итогов работы, сказав о чиновниках: «Ничего с ними не поделаешь»...¹³⁵ Поражение купеческой буржуазии вызвало и заметный общественный резонанс; на него по-своему откликнулись даже революционные круги. В прокламации «К русскому купечеству» констатировалось: оно «становится рабом всякого чиновника» и в конце концов останется ни с чем, а надо, чтобы оно:

«подняло голову, униженно склонившуюся перед чиновничеством и барством, проживающим на ворованные у вас деньги»¹³⁶.

В политическом отношении купеческая буржуазия и ее сторонники значительно уступали чиновничье-дворянскому клану, издавна облюбовавшему все административные должности империи. Официальный Петербург пребывал в понятиях о Москве как о большой деревне: столичная бюрократия редко признавала ее значение¹³⁷. Осознавая недостаточность своего лоббистского потенциала, купечество Первопрестольной старалось приобрести устойчивые позиции во властных структурах. С этим связаны усилия по созданию отдельного правительственного ведомства – Министерства торговли и промышленности. Проект образования этого органа посредством выделения из структуры Министерства финансов был подан известным купцом В.А. Кокоревым великому князю Константину Николаевичу, который весьма благосклонно отнесся к этой инициативе. Предполагалось, что во главе нового министерства непременно должен встать какой-либо авторитетный представитель русского купечества¹³⁸. Некоторые рассматривали фигуру самого Кокорева; среди его сторонников был и князь А.И. Барятинский, с юности состоявший в дружеских отношениях с императором. Популярный фельдмаршал со славянофильскими наклонностями был заметно впечатлен зажигательными речами этого самородка. Он признавал, что Кокорев вышел совсем из иной мировоззренческой среды, нежели все прочие крупные правительственные чиновники, но был убежден, что

¹³³ См.: Там же. С. 191.

¹³⁴ См.: Там же. С. 192.

¹³⁵ См.: Там же. С. 207.

¹³⁶ См.: Прокламация «К русскому купечеству». 1870 год // Литературное наследие. Т. 41-42. М., 1941. С. 141.

¹³⁷ См.: Мемуары графа С.Д. Шереметева. Т. 1. М. 2004. С. 302.

¹³⁸ См.: ГАРФ. Ф. 109.3-я экспедиция. Секр. Архив. Д. 1963. Л. 1-2.

препятствием для ведомственного служения это являться не может¹³⁹.

Однако в коридорах чиновничьего Петербурга все оказалось гораздо сложнее, чем на кавказских фронтах. Власти не желали назначать купца, пребывавшего в расколе, ни на какую чиновную должность, не говоря уже о столь высоком poste. Интересно, что московская группа, понимая сложившуюся ситуацию, предлагала не отдавать министерство под руководство какого-либо авторитетного купца, а создать коллегиальное управление. В фонде Минфина содержится записка с проектом создания Министерства коммерции и промышленности, во главе которого находится совет, состоящий из людей, хорошо знакомых с данными отраслями. В него должны были входить одиннадцать членов: трое от правительства и по четыре от торгующих купцов и от фабрикантов-производственников. Причем правительственных чиновников предполагалось назначать указами императора, а остальных избирать. Но и такой подход к управлению новым ведомством вызвал резкие возражения, которые объяснялись тем, что большинство голосов в совете фактически принадлежало бы купеческому сословию. Это признавалось в принципе недопустимым, особенно для России – «*при недостаточной просвещенности наших купцов*»¹⁴⁰.

Власти с недоверием относились к инициативам московского клана, блокируя их хорошо выверенными аппаратными способами. Например, в 1870 году состоялся Петербургский торгово-промышленный съезд, который провела столичная буржуазия, легко получившая на то дозволение свыше. Заметим, это первый в истории страны крупный публичный форум, устроенный предпринимательскими кругами. Вскоре московская группа также решила обсудить нужды торговли и промышленности на своем съезде в Первопрестольной. В конце 1871 года начал работу распорядительный комитет по устройству мероприятия; купечество Центрального региона буквально завалило его предложениями и просьбами¹⁴¹. Пришлось даже умерять пыл потенциальных участников форума: Общество для содействия русской промышленности и торговли указало, что количество вопросов, намечаемых для обсуждения, не должно быть большим, иначе повестка дня окажется сильно перегруженной. Наконец в мае 1872 года ходатайство о проведении съезда на тех же основаниях, на каких был разрешен петербургский, поступило в Министерство финансов. Но там после рассмотрения представленной программы мероприятия и списка его участников пришли к заключению, что намечаемый разговор, особенно о развитии совещательных учреждений по торговле и промышленности, является несвоевременным, так как не может иметь практической пользы. Все эти вопросы планировалось обсуждать в Государственном совете, а потому ходатайство не было

¹³⁹ См.: Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. М., 1891. С. 172-174.

А.И. Барятинский (1815-1879) – российский фельдмаршал, командовал войсками на Кавказе в ходе заключительной стадии военных действий. Отличался славянофильскими взглядами. В частности, ратовал за перенос столицы из Петербурга в Киев – подальше от онемеченной бюрократии, поближе к славянским истокам. (Александр II с иронией воспринимал подобные предложения.) Также фельдмаршал предложил вмешаться в конфликт 1866 года между Пруссией и Австро-Венгрией, что, по его убеждению, привело бы к развалу Австрийской империи: ее славянские территории отошли бы к России, под сенью которой объединятся все славянские народы.

¹⁴⁰ См.: Записка «О создании министерства коммерции и промышленности» (без подписи) // РГИА. Ф. 560. Оп. 14. д. 292. Л. 12-17.

Российский исследователь Л.Е. Шепелев считает, что вероятным автором данной записки является Ф.В. Чижов, см.: Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1981. С. 53.

¹⁴¹ См.: Письмо Общества для содействия русской промышленности и торговли в распорядительный комитет по устройству промышленного съезда в Москве. 17 января 1872 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

удовлетворено¹⁴².

В шестидесятые – семидесятые годы XIX века правительственной поддержкой пользовались деловые начинания в первую очередь представителей дворянской верхушки – в этом заключалась особенность капиталистического развития России. Привилегии предоставлялись тем акционерным обществам, в которых российская знать и иностранный бизнес имели интересы и долю. Например, английский предприниматель Юз начинал деятельность в России в союзе с князем С.В. Кочубеем. Именно связи этого аристократа в правительственных кругах помогли Юзу получить в конце 1860-х годов разрешение на беспошлинный ввоз оборудования для предприятия по производству рельсов и добиться премии с каждого произведенного пуда продукции¹⁴³. Проталкивать в придворных и правительственных сферах подобные коммерческие проекты купеческая буржуазия в тот период была еще не в состоянии. Очевидная слабость ее позиций перед чиновничеством послужила даже темой для известного романа Д.Н. Мамина-Сибиряка «Приваловские миллионы». По сюжету завод, принадлежащий раскольничьей семье Приваловых-Гуляевых, становится, говоря современным языком, объектом рейдерской атаки правительственных чиновников. Чтобы покрыть накопившуюся задолженность предприятия, его пустили с молотка. В результате многомиллионный актив достался какой-то неизвестной компании, которая приобрела его с рассрочкой платежа на тридцать семь лет, то есть практически задаром. Позже выяснилось, что за этим удачливым покупателем стоят те же самые чины, которые довели приваловское предприятие до банкротства. Попытки хозяев воспрепятствовать такому ходу событий ни к чему не привели. Как заметил Д.Н. Мамин-Сибиряк, после растворения миллионов оставалось вплотную заняться другим делом – не дать погибнуть приваловскому роду¹⁴⁴.

Обратимся теперь к ситуации в банковской сфере, развитие которой с 1860-х годов стало одним из основных направлений российской экономики. Соперничество буржуазных группировок проявилось здесь не менее наглядно, чем в железнодорожном строительстве и таможенных делах. Московское купечество много лет безуспешно пыталось учредить собственный крупный банк; проект «О городском общественном банке» был представлен властям еще в 1834 году. Тогда просьба мотивировалась необходимостью создания особого «хлебного» капитала на случай неурожая. Но даже столь благородная цель успеха не обеспечила: власти не отреагировали на просьбу купечества¹⁴⁵. И в новых, пореформенных реалиях банковские проекты Москвы начала 1860-х по-прежнему оставались без внимания, как, например, проект Ф.В. Чижова о создании Народного железнодорожного банка, попросту проигнорированный министерством финансов¹⁴⁶. Первый российский

¹⁴² См.: Письмо Министра финансов М. Х. Рейтерна в Министерство внутренних дел. 23 мая 1872 года // РГИА. Ф. 1286. Оп. 32. Д. 286. Л. 2-5.

¹⁴³ Такое положение дел хорошо известно; наглядные примеры приведены советским исследователем, изучавшим российский капитализм: *Лаврычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974. С. 47-48.

¹⁴⁴ См.: *Мамин-Сибиряк Д.Н.* Приваловские миллионы // Собр. соч.: В 8 т. М. Т. 2. С. 449-460.

¹⁴⁵ Докладная записка по этому делу явно показывает, что вопрос о хлебом продовольствии для предотвращения голода отошел на второй план, сделавшись частью обширного проекта, в котором продовольственная нужда сочеталась с кредитными задачами для торговли и промышленности. Данный проект представлял купец О.Л. Свешников. Ответа от правительства не было в течение девяти лет. Лишь в 1843 году купечество решилось напомнить о проекте по созданию хлебного магазина и Городового банка. Однако новый военный генерал-губернатор Москвы князь А.А. Щербатов дал понять, что настаивать на этой просьбе не стоит. См.: *История Московского купеческого общества.* Т. 2. Вып. 1. М., 1916. С. 370-374, 393.

¹⁴⁶ См.: *Симонова И.* Федор Чижов. С. 211.

коммерческий банк был утвержден, разумеется, в Петербурге в 1864 году¹⁴⁷. Его организатором стал председатель Петербургского биржевого комитета Е.Е. Бранд.

Будучи доверенным лицом министра финансов М.Х. Рейтерна и управляющего Государственным банком барона А.Л. Штиглица, он заручился их поддержкой. В пятимиллионном уставном капитале один миллион рублей составлял вклад правительства, еще один – по рекомендации Штиглица – иностранных банкиров¹⁴⁸. Подобная картина наблюдалась и при учреждении других петербургских банков: неизменными участниками их создания выступали правительственные чиновники и предприниматели иностранного происхождения. Управляющий Государственным банком Е.И. Ламанский (в 1867 году он сменил на этом посту Штиглица) вспоминал, как он уговаривал Г. Рафаловича, готовившего устав Петербургского учетного и ссудного банка, пригласить в состав учредителей кого-нибудь из русского купечества; возглавил же правление этого банка бывший министр внутренних дел П.А. Валуев. А сам Ламанский стал председателем правления Русского банка для внешней торговли, учрежденного в 1871 году по инициативе банкирских домов Гвинера, Гинзбурга, Мейера и других¹⁴⁹. От столичного русского купечества в банковском строительстве участвовал довольно ограниченный круг деятелей. Так, в составе акционеров разных петербургских банков неизменно фигурировали братья Елисеевы. Но подобные примеры являлись исключениями: погоду здесь делали не купеческие представители. Неудивительно, что столичные банки, тесно связанные с высшей имперской бюрократией, пользовались безраздельной поддержкой российского правительства, поручавшего им проведение различных коммерческих операций. Например, М.Х. Рейтерн наделял упоминавшийся Петербургский учетный и ссудный банк правом реализации и пополнения золотого запаса страны на финансовых рынках европейских стран¹⁵⁰.

Совсем иначе складывалась ситуация с банковским учредительством в Москве. В 1866 году было наконец выдано разрешение на создание Московского купеческого банка, проект устава которого уже давно находился в Министерстве финансов¹⁵¹. Возглавили его Ф.В. Чижов и И.К. Бабст. Иностраный капитал в создании банка не участвовал, однако это детище купечества Первопрестольной демонстрировало завидную финансовую динамику. Очевидно, что работа на растущем внутреннем рынке имела свои сильные стороны, позволявшие конкурировать с Петербургом. Например, если вскоре после открытия Московского купеческого банка туда поступило свыше 10 млн рублей, то уже через пять лет по его текущим счетам проходило свыше 134 млн рублей¹⁵². Эти большие средства шли на обратное обслуживание торгово-промышленных активов, принадлежащих купечеству. Те же цели преследовало и учреждение в 1869 году Московского купеческого общества взаимного кредита; в его правление вошел И.С. Аксаков, ставший вскоре председателем этого общества.

¹⁴⁷ См.: Высочайше утвержденный устав Петербургского частного коммерческого банка. 28 июля 1864 года // ПСЗ-2. № 41122. Т. 39. Отд. 1. СПб., 1867. С. 664-668.

¹⁴⁸ См.: Из воспоминаний Евгения Ивановича Ламанского // Русская старина. 1915. №11. С. 209.

¹⁴⁹ См.: Там же. С. 211.

¹⁵⁰ См.: Там же // Русская старина. №12. С. 412-413.

¹⁵¹ См.: Устав Московского Купеческого банка. 1 июня 1866 года // ПСЗ-2. №43360. Т. 41. Отд. 1. СПб., 1868. С. 613-622.

¹⁵² См.: *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы (конец XIX века – 1914 год). М., 1998. С. 28.

Тем не менее, даже располагая такими крупными структурами, в банковской сфере Москва уступала Петербургу. Столичные банки благодаря поддержке властей являлись более мобильными: они делали ставку на создание филиальных сетей, а также на привлечение иностранных финансовых ресурсов. Именно это обеспечивало им большие конкурентные преимущества, что серьезно беспокоило купечество. Поэтому московская предпринимательская группа решила диверсифицировать свои финансовые источники. Для этого в 1870 году было инициировано создание нового Московского учетного банка. Его акционерами стали проверенные партнеры купечества: Кноп, Вогау и другие, а также крупные русские торговцы и промышленники, тесно связанные между собой деловыми отношениями: И.В. Щукин, К.Т. Солдатенков, С.И. Сазиков, Боткины, кондитерский фабрикант А.И. Абрикосов¹⁵³. Проект предназначался специально для внешнеторговых операций и привлечения прямого финансирования из-за рубежа, минуя петербургские деловые круги. Фабрикант С.И. Сазиков подчеркивал:

«Известно, что по части банковской Москва находилась всегда в зависимости от Петербурга. Наш банк поставил себе задачей установить по этой части непосредственные отношения Москвы с Европой»¹⁵⁴.

Считалось, что немецкие связи Кнопа и Вогау будут способствовать этому процессу. Заметим, что решить поставленную задачу не удалось: европейские партнеры прекрасно сознавали, в чьих руках находится административный ресурс, и серьезно вкладываться в инициативы купечества не собирались. Другой крупной и более удачной инициативой купечества стало учреждение Волжско-Камского банка. Среди его организаторов мы видим весь цвет деловой старообрядческой элиты того периода: В.А. Кокорева, Г.И. Хлудова, Т.С. Морозова, К.Т. Солдатенкова, братьев Милютиных, Сыромятниковых и др.; из двадцати учредителей только двое не принадлежали к купечеству¹⁵⁵. В дальнейшем крупнейшими акционерами банка стали семьи поморских беспоповцев Кокоревых и Мухиных. Банк сразу сделал ставку на создание мощной региональной сети: уже к 1873 году он обосновался в обеих столицах и восемнадцати крупных городах России, главным образом в Поволжье, причем правление этого коммерческого учреждения располагалось непосредственно в Петербурге¹⁵⁶. Кстати, в данном случае акционеры сумели привлечь в руководство банка крупного столичного чиновника, о котором говорилось выше, – Е.И. Ламанского; он занял пост председателя совета в 1875 году. Пресса считала, что Волжско-Камский банк сохранял русское купеческое лицо; в пореформенный период он наряду с Московским купеческим банком считался наиболее успешным проектом буржуазии Первопрестольной¹⁵⁷. Заметим, что на этом фоне начинания в банковской сфере московского дворянства, не обладавшего прочными связями в торгово-промышленном мире, оказались явно несостоятельными. Такие банки, как Московский ссудный и Промышленный, просуществовав несколько лет, в 1875-

¹⁵³ См.: *Найденов Н.А.* Указ. соч. С. 224.

¹⁵⁴ См.: Речь, сказанная Сергеем Игнатьевичем Сазиковым на обеде, данном учредителями Московского учетного банка Алексею Ивановичу Абрикосову. М., 1871. С. 3.

¹⁵⁵ См.: Волжско-Камский коммерческий банк. Краткий обзор за 25 лет (1870-1894 годы). СПб., 1895. С. 10.

¹⁵⁶ См.: Там же. С. 4.

¹⁵⁷ См.: Московские ведомости. 1899. 22 января.

1876 годах завершили свою деятельность по причине банкротства¹⁵⁸.

Но настоящие успехи купеческой буржуазии на экономическом поприще начались с воцарения на троне Александра III. Они связаны с изменениями всего государственного курса, предпринятого императором-руссофилом под влиянием русской партии. Ее лидеры начали «опекать» Александра еще с конца 1860-х годов, когда после смерти старшего брата Николая он превратился в наследника российского престола. Собственно, вокруг его фигуры и произошло сплочение политических групп, получивших наименование русской партии. Организатором их выступил князь В.П. Мещерский, состоявший в дружеских отношениях с Александром Александровичем. Именно Мещерский ввел его в круг своих идейных единомышленников, став инициатором их регулярных встреч. На этих вечерах присутствовали М.Н. Катков, И.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин, князь В.А. Черкасский, литератор Ф.М. Достоевский, учителя цесаревича К.П. Победоносцев, И.К. Бабст и др. Весьма интересно, что наследник престола зачитывался староверческой эпопеей П.И. Мельникова-Печерского «В лесах», публиковавшейся в катковском журнале «Русский вестник»; встречался и с автором романа, который поведал ему много интересных сведений о расколе¹⁵⁹. Конечно, подобные встречи оказали большое влияние на формирование молодого человека. В этой интеллектуальной атмосфере складывался круг тех людей, которые при Александре III во многом определяли российскую политику. Русская партия дождалась того часа, когда она, встав у руля, смогла повернуть государство в русло своих национально-патриотических представлений. Это образно описал князь В.П. Мещерский:

«Русская партия, словно наш национальный сказочный богатырь, который, отсидев сиднем десятки лет, начал расти и крепнуть не по годам, а по дням... с усилением народного развития и сознания начала быстро возрастать и усиливаться»¹⁶⁰.

Одновременно с русской партией просыпается – правда, как думается, никогда особо и не дремавшее – староверческое купечество. Вне всяких сомнений, оно было хорошо осведомлено о сдвигах в верхах и осознавало, какие перспективы сулит ему этот политический поворот. Если советской историографией 1880-1890-е годы трактуется как мрачный период контр-реформ, то для староверческой буржуазии это было время долгожданного и плодотворного диалога с властью, породившее немало надежд на будущее.

Восхождение на престол Александра III ознаменовалось в Москве торгово-промышленным съездом, послужившим трибуной для декларации программных намерений московского клана. На сей раз никаких затруднений с разрешением мероприятия не возникло; более того, с приветствием к съезду выступил родной брат императора великий князь Владимир Александрович. Заклеймив европейские теории как непригодные для России, купечество повело речь на излюбленную тему: об охранительных пошлинах (а лучше вообще о запретительных). Известный ученый Д.И. Менделеев, хорошо знакомый московской буржуазии и ценимый ею, вернулся к идее создания отдельного учреждения (министерства) для защиты интересов русской промышленности¹⁶¹. О пользе повышения

¹⁵⁸ См.: *Найденов Н.А.* Указ. соч. С. 220, 234.

¹⁵⁹ См.: Письмо Цесаревича Александра к К.П. Победоносцеву. 6 апреля 1875 года // К.П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 2001. С. 39.

¹⁶⁰ См.: Нечто о «смутной» партии (передовая) // Гражданин. 1886. 27 апреля. №34.

¹⁶¹ См.: Доклад Д.И. Менделеева «Об условиях развития заводского дела в России» // Труды Высочайше разрешенного торгово-промышленного съезда, созванного обществом для содействия русской промышленности и торговли в Москве в июле 1882 года. СПб., 1883. С. 8-9.

таможенных тарифов говорили видные представители делового мира Москвы: Г.А. Крестовников, Т.С. Морозов, Н.И. Прохоров, С.И. Кузнецов и др. Они уверяли, что охранительная таможенная политика – единственный путь для выхода богатырских капиталов из русской земли¹⁶². Съезд настолько проникся этим духом, что даже проигнорировал призывы министра финансов Н.Х. Бунге не рассматривать увеличение ставок в качестве панацеи от всех бед; его предостережения тонули в хоре голосов большинства¹⁶³.

После торгово-промышленного форума, задавшего вектор развития российской экономики, купеческая элита перешла к практическим действиям по ограждению внутреннего рынка от иностранной продукции. Первый удар пришелся на так называемый закавказский транзит – путь, по которому при Александре II был разрешен беспошлинный провоз зарубежных товаров для дальнейшего следования в азиатские страны. Но этим удобством пользовались многие торговцы: транзит Тифлис–Баку–Джувляфа нередко использовался для беспошлинного экспорта в Россию. Московская буржуазия, обеспокоенная наличием этой таможенной дыры, давно выступала за прекращение этого безобразия и требовала прекратить подрыв русской промышленности¹⁶⁴. В семидесятых годах XIX столетия борьбу за закрытие транзита возглавляли М.Н. Катков и Н.А. Шавров, который даже публиковал научные труды по данному вопросу. С началом восьмидесятых хлопоты купечества стали гораздо более успешными. Теперь на его стороне выступило Общество для содействия русской промышленности и торговле¹⁶⁵. Как выяснилось в ходе состоявшихся там дебатов, в свободном транзите были заинтересованы крупные столичные предприниматели. Они так аргументировали свое желание сохранить эту практику: *«Нельзя все интересы такого обширного государства, как Россия, сосредоточить около одной Москвы»* – ведь Российская империя существует для блага всех своих областей¹⁶⁶. Предлагалось компромиссное решение: оставить закавказский путь, но установить умеренные пошлины для товарных потоков. Именно за такой вариант выступал министр финансов Н.Х. Бунге. Но Московский биржевой комитет держался неколебимо и добился подчинения закавказского транзита действующим таможенным правилам. Причем Александр III при рассмотрении вопроса высказал пожелание не передавать его в Государственный совет, чтобы избежать там нежелательных дискуссий. Как говорили в верхах, в этом проявилось *«торжество московской агитации и петербургской интриги против Бунге»*¹⁶⁷.

Но настоящая схватка купечества и русской партии непосредственно с министром финансов произошла в 1884 году при обсуждении устава русско-американской компании. Это предприятие бралось построить по стране сеть элеваторов, чтобы существенно снизить

¹⁶² См. напр., наиболее яркое выступление Г.А. Крестовникова // Там же. С. 264-265.

¹⁶³ См.: Речь Министра финансов Н.Х. Бунге // Там же. С. 119.

¹⁶⁴ Заявление Московского биржевого комитета «По вопросу о транзите иностранных товаров через Закавказский край». 5 ноября 1882 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 98. Л. 24-26.

¹⁶⁵ См.: *Куприянова Л.В.* Буржуазия и проблемы протекционизма в России. 1860-1880 годы // История предпринимательства в России. Кн. 2. М., 2000. С. 185, 197.

¹⁶⁶ См.: О Закавказском транзите // Труды Общества для содействия русской промышленности и торговли. Часть 13. СПб., 1883. С. 128-129.

¹⁶⁷ См.: *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 1. М., 2005. С. 40.

затраты на транспортировку зерна, идущего на экспорт. Представитель и акционер компании П.П. Дурново не скрывал, что прежде всего отстаивает интересы землевладельцев-дворян. Данную коммерческую инициативу всячески продвигал Н.Х. Бунге, который, со своей стороны, не мог не приветствовать такие крупные инвестиционные вложения. В этом деле он решил заручиться поддержкой Государственного совета¹⁶⁸. Однако против учреждения русско-американской компании резко выступили «представители народной политики» в лице Московского биржевого комитета и его политических союзников. «Московские ведомости» в пух и прах разносили проект, напрочь отвергая представленные экономические расчеты. Вместо игры в цифры издание предложило рассудить, кому в полное распоряжение достанется хлебная торговля. И сделало вывод: этот исконно русский бизнес отдается в жертву иностранцам, а местное купечество будет довольствоваться крохами, которые русско-американская компания пожелает им выделить. Слушания в Госсовете передовая статья газеты окрестила «торгом со своей совестью»¹⁶⁹. А когда сторонники проекта указали, что в правлении компании будут отнюдь не только иностранцы, но и русские подданные, М.Н. Катков многозначительно заметил, что «между русскими подданными есть всякие»¹⁷⁰.

Тем не менее стараниями Н.Х. Бунге и П.П. Дурново общее собрание Государственного совета большинством проголосовало за создание русско-американской компании (за – 33 члена, против – только 8). Но тут к ее противникам присоединился сам государь император. Александр III выразил недоумение тем, что это дело вообще оказалось в Государственном совете, и недвусмысленно назвал представление министра финансов «очень легкомысленным»¹⁷¹. В результате он утвердил мнение меньшинства, отметив в своей резолюции, что подобная коммерческая инициатива опасна для России. (Очень интересно, что император вспомнил при этом известный тендер 1868 года по продаже Николаевской железной дороги: тогда одна из проигравших участниц – американская фирма – предъявила претензии российской стороне и та потом долго и мучительно с ней развязывалась.) Эпизод с русско-американской компанией стал крупной лоббистской победой купеческой буржуазии, а также первой серьезной трещиной в отношениях Александра III и его министра финансов. Лишь благодаря усилиям государственного секретаря А.А. Половцова высочайшую резолюцию решили не обнародовать, чтобы не бросать явную тень на Бунге¹⁷².

Следующая операция москвичей в экономической сфере оказалась еще более масштабной. Купечество настроилось нейтрализовать промышленный потенциал Польши: конкуренция с этим западным районом империи уже давно раздражала русских фабрикантов. Детальное изучение вопроса поручили верному последователю М.Н. Каткова и И.С. Аксакова публицисту С.Ф. Шарапову¹⁷³. В 1885 году он побывал в регионе, после чего представил доклад о перспективах конкуренции с Польшей. Сразу отметим, что речь шла не только о хозяйственных проблемах, но и об их политической подоплеке. Как известно,

¹⁶⁸ См.: Там же. С. 132.

¹⁶⁹ См.: Передовая // Московские ведомости. 1884. 29 января.

¹⁷⁰ .См.: Там же.

¹⁷¹ См.: Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. Т. 1. С. 212-213.

¹⁷² См.: Там же. С. 209-210.

¹⁷³ Подробно о жизненном пути и деятельности Шарапова см.: Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа преобразований. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. М., 1995.

значительная часть промышленности Польши находилась в руках у немцев, облюбовавших там командные высоты экономики. Это стало возможным благодаря тому покровительству, которым выходцы из Германии неизменно пользовались в Петербурге. По наблюдению Шарапова, даже железнодорожная сеть России являлась простым продолжением германских торговых путей внутрь нашей страны¹⁷⁴. При поддержке центральной власти развитие польской промышленности шло быстрыми темпами; выдерживать конкуренцию с ней становилось все труднее. В результате коренные русские фабрики и мануфактуры оказались под угрозой, «чувствуя, как шаг за шагом почва уходит из-под ног»¹⁷⁵. И вот пришло время изменить положение, при котором немецкий капитал процветает за счет русского купечества. Для этого предлагалось повысить налогообложение польских предприятий и ввести повышенные железнодорожные тарифы на импортные грузы от границ России к центру. Вновь прозвучало напоминание о необходимости создать специальный орган, призванный оберегать собственно русскую экономику¹⁷⁶. Форсируя события, Московский биржевой комитет продемонстрировал, что значит стоять на страже интересов коренных частей страны: им было подано ходатайство о восстановлении таможенной границы между польскими губерниями и Россией.

На это требование шокированный министр финансов Н.Х. Бунге согласиться никак не мог¹⁷⁷. Тем не менее фабриканты Лодзи сполна ощутили возросший лоббистский потенциал купечества Первопрестольной. И теперь жалобы стали раздаваться уже с их стороны: они указывали на уменьшение прибылей, что стало прямым следствием ухудшения общих условий хозяйствования.

Пользуясь политической поддержкой, лидеры московской буржуазии начали постепенно осваиваться в стенах Министерства финансов; теперь главное экономическое ведомство вынуждено было считаться с их требованиями. Если прежде обращения фабрикантов назывались «*домогаательствами*», то теперь они становились ориентирами для практических шагов в экономике. Характерный пример этого обнаруживается в переписке Министерства финансов и Московского биржевого комитета. В конце 1883 года двадцать четыре крупных промышленника Центрального региона обратились в правительство с просьбой плотнее привлекать сведущих и заинтересованных лиц для трудов в комиссии по пересмотру общего таможенного тарифа¹⁷⁸. Согласие со стороны министерства последовало незамедлительно. Особенно обращают на себя внимание такие слова:

«В совещаниях могут быть высказаны мнения противоположные тем, кои будут положены в ожидаемом от Московского биржевого комитета заключении. Департамент торговли и мануфактур по поручению господина министра финансов считает нужным сообщить: не будет ли признано полезным назначить особых представителей от Московского биржевого общества к участию в предположенных совещаниях по одному или два лица для каждого из производств. О том, кто будет

¹⁷⁴ См.: Шарапов С.Ф. Речь о промышленной конкуренции Лодзи и Сосновиц с Москвой // Шарапов С.Ф. Сочинения. Т. 1. СПб., 1892. С. 84.

¹⁷⁵ См.: Там же. С. 92.

¹⁷⁶ См.: Там же.

¹⁷⁷ См.: Лившиц Р.С. Размещение промышленности в дореволюционной России. М., 1955. С. 190.

¹⁷⁸ См.: Письмо за подписями 24 крупных фабрикантов Центрального региона в Московский биржевой комитет. 23 ноября 1883 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 61. Л. 53-54.

избран, просьба сообщить»¹⁷⁹.

Встретив такое расположение к своим инициативам, купеческая буржуазия начала высказываться по разнообразным экономическим вопросам. То ее представители озаботились появлением англичан на реке Енисее и потребовали прекратить подрыв торговли с сибирским краем¹⁸⁰. То настаивали на поддержке импорта риса через азиатскую границу, дабы уменьшить европейские экспортные потоки и обеспечить загрузку отечественных судов и т.д.¹⁸¹

Апогей купеческого влияния пришелся на отставку Н.Х. Бунге: его пребывание на посту главы финансового ведомства вызывало все большее недовольство капиталистов из народа и их друзей из русской партии. В.П. Мещерский и М.Н. Катков настойчиво добивались его ухода, расчищая путь для приверженцев протекционизма. 1 января 1887 года министерство возглавил И.А. Вышнеградский – креатура русской партии. В августе он посетил Нижегородскую ярмарку, где стал почетным и желанным гостем. Обращаясь к новому министру, председатель ярмарочного комитета П.В. Осипов откровенно заявлял:

«[Русское купечество] знает, какое знамя поднято вашим высокопревосходительством и по какому пути решили вы вести русское государственное хозяйство»¹⁸².

Ободренная сочувствием властей, купеческая буржуазия представила обширную программу торговой экспансии, призвав решительно осваивать рынки Закавказья, Персии, Средней Азии, Дальнего Востока¹⁸³. Именно министр финансов И.А. Вышнеградский с энтузиазмом завершил протекционистскую таможенную эпопею. Он принял решение о резком повышении пошлин: их предполагалось сделать самыми высокими в Европе. Для обоснования этих намерений из столичного Технологического института, где ранее трудился И.А. Вышнеградский, была приглашена группа профессоров вместе с тем же Д.И. Менделеевым, которому поручалось выработать ставки по товарам химической промышленности. Однако Менделеев не ограничился скромной, на его взгляд, задачей и подготовил программу тарификации всех хозяйственных отраслей, сгруппировав их по двенадцати разделам. Его обширная записка передавалась для заключений в биржевые комитеты. Все участники проекта демонстрировали твердую убежденность в необходимости упрочить таможенную систему страны¹⁸⁴. Идею эту эту работу обеспечивали издания «Московские ведомости» и «Русь», которые уже давно обосновывали преимущества

¹⁷⁹ См.: Письмо Министерства финансов в Московский биржевой комитет. 15 января 1884 года // Там же. Л. 62-62 об.

¹⁸⁰ См.: Письмо ряда фабрикантов Центрального региона в Московский биржевой комитет. 15 ноября 1888 года // Там же. Л. 115.

¹⁸¹ См.: Письмо членов Московского биржевого комитета. 1 мая 1889 года // Там же. Л. 137.

¹⁸² См.: Ярмарочная хроника // Нижегородские губернские ведомости. 1887. 26 августа.

¹⁸³ См.: Докладная записка торгующего на Нижегородской ярмарке всероссийского купечества // Нижегородские губернские ведомости. 1887. 2 сентября.

¹⁸⁴ См.: Записка Министерства финансов «Об общем пересмотре таможенного тарифа» в Государственный совет. 1891 год // РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 225. Ч. 5. Л. 526.

покровительственной экономической политики¹⁸⁵. Вообще по сравнению с 1868 годом ситуация сложилась прямо противоположная. Либеральные круги, выступавшие за свободу торговли, теперь оказались проигрывающей стороной. Им оставалось только подмечать, что, например, пошлины на хлопчатобумажные изделия уже и так превышают ставки 1868 года, когда их как высшего предела домогались те же самые московские деятели. Аграрии предрекали, что неоправданный рост тарифов увеличит производство сверх рыночных потребностей и естественным образом вызовет кризис¹⁸⁶. Но участники таможенной эпопеи оставались глухи к подобным аргументам. Как вспоминал чиновник финансового ведомства В.И. Ковалевский, министр Вышнеградский к запросам:

«земледелия относился с безразличием, вступая в беспощадную борьбу с аграриями во всех случаях, когда из их уст делались выпады против его любимого детища – общего таможенного тарифа»¹⁸⁷.

Успехи на ниве таможенной политики вдохновили московскую группу на новые шаги. С начала девяностых годов XIX века купеческая элита начинает требовать допуска к эмиссионным операциям министерства финансов. Эта сфера давно являлась своего рода монополией петербургских банков, теперь же Первопрестольная все настойчивее предлагает использовать потенциал Московского купеческого банка: он-де располагает обширной клиентурой и обладает необходимыми средствами для размещения государственных, гарантированных правительством процентных бумаг. Начались хлопоты по открытию филиала Купеческого банка в столице¹⁸⁸.

Московская группа планировала экспансию в разные сферы экономики; об этом свидетельствуют ее намерения организовать ряд новых коммерческих банков. В 1889 году был подготовлен устав Каспийского банка для содействия нефтяной промышленности и среднеазиатской торговле; его правление предполагалось разместить в Москве, а отделения – в Баку и в Батуме. Примечательно, что владельцами именных акций могли стать только российские подданные¹⁸⁹. Видные промышленники Москвы (клан Морозовых и др.) заключили соглашение с рядом петербургских дельцов о создании Русского торгово-промышленного банка для финансовых операций в Северо-Западном регионе¹⁹⁰. Однако столичный бизнес был не в восторге от стороннего проникновения на его традиционный рынок: контрольный пакет банка москвичам пришлось продать наследникам известного железнодорожного дельца фон Дервиза. С Каспийским банком также возникли трудности: английские капиталисты, заправлявшие нефтяной отраслью, резко воспротивились усилению конкурентов в Закавказье. В такой ситуации москвичи решили ограничиться открытием

¹⁸⁵ См, напр.: Свободная торговля и покровительственная система. 4 июня 1885 года // *Катков М.Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1885 год. М., 1898. С. 321-322.

¹⁸⁶ См.: Ходатайство Вольного экономического общества об изменениях в русском таможенном тарифе // РГИА. Ф. 1152. Оп. 11. Д. 225. Ч. 5. Л. 229 об.

¹⁸⁷ См.: *Ковалевский В.И.* Воспоминания // Русское прошлое. 1991. №2. С. 39.

¹⁸⁸ См.: *Левин И.И.* Акционерные коммерческие банки в России. Пг., 1917. С. 290.

¹⁸⁹ См.: Проект Устава Каспийского банка. М., 1889. С. 2-3.

¹⁹⁰ См.: Об утверждении Устава «Русского торгово-промышленного банка в С.-Петербурге» // Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1890 год. Первое полугодие. СПб., 1890. С. 248-255.

Бакинского филиала Волжско-Камского коммерческого банка¹⁹¹.

Но это нисколько не охладило пыл московской буржуазии. Ее коммерческие устремления были созвучны тем задачам, которые стояли в тот период перед правительством. Так, новый министр финансов С.Ю. Витте (выходец из русской партии, племянник одного из ее идеологов Р.А. Фадеева) начал свою бурную деятельность на ключевом правительственном посту (1893) с борьбы против колебаний курса рубля, на котором играли биржевые спекулянты¹⁹². В этом главу финансового ведомства с радостью поддержало московское купечество: его давно раздражали колебания курсов на бирже, что отражалось на стоимости производимой продукции. В начале 1893 года Московский биржевой комитет направил С.Ю. Витте просьбу пресечь биржевые спекуляции и ограничить круг лиц, вовлеченных в игру на бирже. В письме признавались трудности контроля над спекулятивными сделками, а потому правительству предлагалось вывести борьбу с ними на законодательный уровень¹⁹³. Министр финансов энергично откликнулся на просьбу промышленников: уже в июне Александр III утверждает мнение Государственного совета, направленное против биржевых спекулятивных операций. Принятые решения должны были устранить ненормальные колебания стоимости ценных бумаг и валюты, а также предупреждали вовлечение в подобные игры неопытных лиц. Приказчики и конторщики могли отныне осуществлять биржевые операции исключительно от имени своих хозяев, обязанных снабжать их соответствующей доверенностью. Предусматривались санкции за распространение на бирже заведомо ложных слухов вплоть до лишения права участвовать в торгах¹⁹⁴. Купечество с энтузиазмом бросилось исполнять данное распоряжение: в Москве было установлено около сотни лиц (судя по фамилиям, более половины из них составляли евреи), которые после окончания биржевых торгов устраивали сходки рядом со зданием биржи¹⁹⁵.

Неплохо шли дела московской группы в железнодорожных предприятиях. К примеру, совместно со столичными деловыми структурами она была вовлечена в продажу железных дорог государству (которое как раз в это время занялось выкупом сети у частных собственников). Так, Московско-Курская и Донецкая ветки были с успехом пристроены в казну при участии петербургских банков, но уже на основе равноправного сотрудничества с московскими¹⁹⁶.

Нельзя не упомянуть и еще об одном знаковом событии в экономической жизни купечества. В 1890 году министерство финансов разрешило крупному купцу-старообрядцу С.И. Мамонтову приобрести Невский механический завод¹⁹⁷. Это первая серьезная покупка

¹⁹¹ См.: Волжско-Камский коммерческий банк. Краткий обзор за 25 лет (1870-1894 годы). СПб., 1895. С. 4.

¹⁹² Подробнее о противодействии С.Ю. Витте валютным спекуляциям см.: *Ильин С.С.* Ю. Витте. М., 2006. С. 144-150.

¹⁹³ См.: Письмо Московского биржевого комитета к Министру финансов С.Ю. Витте. 27 января 1893 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 157. Л. 1-2.

¹⁹⁴ См.: Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О некоторых изменениях в постановление о биржах». 8 июня 1893 года // ПСЗ-3. №9742. Т. 13. С. 412-413.

¹⁹⁵ См.: Письмо Н.А. Найденова к биржевому маклеру Шлезингеру. 26 августа 1895 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 157. Л. 5-6.

¹⁹⁶ См.: О выкупе казной Московско-Курской железной дороги. 1893 год // РГИА. Ф. 273. Оп. 15. Д. 277. Л. 1-16; О приобретении в казну Донецкой железной дороги. 1893 год // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 107. Л. 43-54.

¹⁹⁷ См.: *Гиндин И.Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства. М., 1960. С.

в сфере тяжелой промышленности, совершенная представителем московского купеческого мира; прежде подобные приобретения делались, как правило, выходцами из военной аристократии и высшего чиновничества. Интересы купечества явно выходили за пределы традиционной текстильной отрасли. Московская группа уже была готова играть первые роли в российской экономике (хотя ее планы в банковской сфере и оставались нереализованными).

Успешное продвижение на коммерческой ниве купечество рассматривало как закономерное следствие выбранной им стратегии. Политически опираясь на представителей русской партии, правившей бал при Александре III, капиталисты из народа с энтузиазмом демонстрировали верноподданнические взгляды. В ответ правительство стало регулярно награждать всевозможными знаками отличия лидеров староверческого клана. Если совсем недавно (в 1860-х годах) они только получили право их удостаиваться, то теперь награды полились потоком: почтенный К.Т. Солдатенков имел целую коллекцию наград, С.Т. Морозов в свои тридцать лет получил Орден св. Анны, нижегородец Н.А. Бугров – Орден св. Анны, Орден св. Станислава и золотую медаль к нему для ношения на ленте¹⁹⁸. Московские купцы подчеркнуто позиционировали себя в качестве верных – не менее верных, чем дворяне, – государевых слуг. И никакие неудачи не могли поколебать их настроения. Например, купечество неизменно оказывало демонстративные знаки внимания бывшему министру финансов в правительстве Александра II М. Х. Рейтерну, несмотря на то что в свое время немало претерпело от него откровенных унижений. Так, в ознаменование его десятилетней службы на посту министра Московский биржевой комитет учредил именные стипендии для учащихся по коммерческой части, отметив, что делает это в знак признания заслуг Рейтерна *«в преобразовании нашей экономической жизни»* ¹⁹⁹. (О тендере по Николаевской железной дороге или о таможенных баталиях 1867 года предусмотрительно умолчали.) В начале восьмидесятых годов XIX века купеческая элита активно шла в «Священную дружину» и «Добровольную охрану», созданные для борьбы с крамолой и для охраны императора. Во время коронационных торжеств в Москве купечество профинансировало обеспечение порядка в городе и выставило для этого около четырех тысяч старообрядцев, в том числе представителей более чем двухсот известных предпринимательских фамилий; значительная часть из них удостоилась специальных наград²⁰⁰. Другой характерный пример консервативно-почвеннических настроений московского купечества: городской голова купец Н.А. Алексеев (прихожанин Рогожского кладбища) на заседаниях городской Думы прерывал неуместные, на его взгляд, выступления выкриками: *«Нельзя ли без революционеров и без конституционеров?»* ²⁰¹ А в 1891 году, после назначения генерал-губернатором Москвы великого князя Сергея Александровича (брата императора Александра III), городская Дума не замедлила переименовать Долгоруковский переулок, называвшийся в честь прежнего генерал-губернатора В.А. Долгорукова, в переулок Сергея Александровича²⁰².

Однако за столь бурным выражением преданности скрывалось отчетливое осознание

22.

¹⁹⁸ См.: РГИА. Ф. 20. Оп. 2. Д. 787.

¹⁹⁹ См.: Положение о стипендиях статс-секретаря, д.т.с. М.Х. Рейтерна // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.

²⁰⁰ См.: Сенчакова Л.Т. «Священная дружина» и ее состав // Вестник Московского университета. Серия «История». 1967. №2. С. 67-73.

²⁰¹ См.: Дорошевич В.М. Воспоминания. М., 2008. С. 24.

²⁰² См.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 486 // Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960.

своей реальной силы. Об этом свидетельствует конфронтация купеческого клана с тем же московским генерал-губернатором великим князем Сергеем Александровичем. Прибыв в Москву, его императорское высочество потребовал, чтобы здесь, как и в Петербурге, перекрывали улицы во время следования его кортежа. Глава городской Думы Н.А. Алексеев заявил о невозможности исполнить подобное желание, что стало причиной их крупной ссоры²⁰³. Конфликт обострился осенью 1891 года, когда великий князь собрал купечество для внесения пожертвований в пользу голодающих районов. Он не упустил возможность продемонстрировать полное отвращение к деловой элите Первопрестольной, и ее представители немедленно удалились²⁰⁴. Затем, в конце 1892 – начале 1893 года, последовал конфликт в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, которое фактически содержалось на средства купечества. Местные меценаты, входившие в совет Московского художественного общества, потребовали устранить из этого учебного заведения инспектора Н.А. Философова, но великий князь Сергей Александрович встал на сторону инспектора. В результате почти все члены совета (так называемая партия П.М. Третьякова) подали в отставку (о перипетиях этого конфликта можно узнать из переписки вице-президента Академии художеств графа И.И. Толстого)²⁰⁵. Согласимся, что немногие могли решиться так демонстративно выразить свое отрицательное отношение к действиям брата императора. Правда, эти редкие выпады против властей имели эмоциональную подоплеку: в Москве очень невзлюбили Сергея Александровича. А какие-либо политические мотивы здесь, как и во всей остальной деятельности московского предпринимательства, совершенно отсутствовали. Так, купеческую элиту абсолютно не затрагивали возникавшие время от времени либеральные брожения пореформенного периода. Видные деятели русской партии, не щадя живота своего, вставали преградой на пути подобных европейских веяний. Народные же капиталисты, в отличие от своих политических союзников, сил на идейные баталии тратили немного: требования конституции и ограничения самодержавной власти не вызывали у них ни малейшего интереса. Они не усматривали в них никакой практической пользы.

Глава 2. ФОРМИРОВАНИЕ БУРЖУАЗНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ И КУПЕЧЕСКАЯ ЭЛИТА

Трансформация неограниченной монархии в буржуазную – узловая точка российской истории, всегда привлекавшая повышенное внимание как советских, так и зарубежных специалистов. Но несмотря на обильные научные изыскания, эта тема продолжает оставаться своего рода «белым пятном» в историографии. Причина неизученности столь важного исторического момента кроется в том, что долгое время на него смотрели сквозь густую пелену наслоений идеологического характера. Прежде всего речь идет о ленинском идейном наследии, в котором анализ событий начала XX века занимает центральное место. Бурные события той поры (в первую очередь формирование большевистской партии и ее вступление на политическое поприще) трактовались обычно как непосредственный результат деятельности оформившихся в партию кружков социал-демократов. Такая интерпретация

²⁰³ См.: *Богданович А.В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 144.

²⁰⁴ См.: *Половцов А.А.* Дневник государственного секретаря. Т. 2. С. 415.

²⁰⁵ Граф И.И. Толстой и его корреспонденты. 1889-1898 годы / Вступ. ст. и коммент. С.В. Куликова). М., 2009. С. 301, 331.

вытекала непосредственно из ленинских взглядов на дореволюционную политическую практику. В начале своей карьеры, в 1902 году, В.И. Ленин провозгласил аксиому:

«Авангардом революционных сил сумеет стать в наше время только партия»²⁰⁶.

Разумеется, глава этой партии, исходя из практических потребностей, рассчитывал в первую очередь на могильщика старого строя – пролетариат, который возьмет на себя задачу свержения самодержавия. А вот другой силой – общественным либеральным движением, нацеленным не на слом государственного строя, а на его реформирование, – Ленин интересовался меньше. По его убеждению, эта социальная гниль, не способная противостоять режиму, обречена плестись в хвосте событий. Либералы, по словам вождя революции, предлагали:

«точку зрения лакея, которому барин позволяет совещаться с поваром об устройстве обеда»²⁰⁷.

Правда, Ленин допускал, что и они могут демонстрировать недовольство, но это удел десяти Рябушинских и сотни Милюковых²⁰⁸.

Разумеется, названные деятели совсем по-иному оценивали свою роль в событиях начала XX века. И ни о Ленине, ни о большевиках никто из них тогда и не думал. Общественный подъем и учреждение Государственной думы объявлялись исторической заслугой исключительно либералов: именно они вынудили самодержавного царя и его правительство отказаться от сохранения абсолютистского режима и удовлетворить требования передовой части общества. И в рамках этого дискурса утвердилось представление о двух противоборствующих политических силах: прогрессивной общественности и косном чиновничестве – главном тормозе в развитии страны. Заметим, что правящая бюрократия предшествующего периода воспринималась гораздо более позитивно. В царствование Александра II ряд сановных аристократов уже выдвигал предложения конституционного характера. Как известно, наиболее подготовленным явился проект министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова, вокруг которого в 1880-1881 годах группировались реформаторски настроенные высокопоставленные чиновники (Д.А. Милютин, А.А. Абаза, М.С. Каханов, Д.М. Сольский и др.)²⁰⁹. Однако гибель Александра II отодвинула их планы на два с лишним десятилетия. Но теперь, в начале XX века, о преобразовательной инициативе просвещенной бюрократии речи уже не велось: задачи государственной модернизации возлагались исключительно на расправившее крылья общественно-либеральное движение. Нетрудно заметить, что здесь, как и в случае с ленинской схемой, действовала та же логика. Сложилась забавная ситуация, когда совершенно разные политические силы, каковыми являлись большевики и либералы, сходились в одном – резком неприятии отечественной бюрократии и отказе ей в каком-либо конструктивном значении. Трансформация самодержавия в конституционную монархию произошла вопреки правящей бюрократии – в этом были уверены и одни, и другие.

²⁰⁶ См.: Ленин В.И. Что делать? // ПСС. М., 1979. Т. 6. С. 90.

²⁰⁷ См.: Ленин В.И. Анкета об организациях крупного капитала. Май 1907 года// ПСС. М., 1980. Т. 21. С. 295-296.

²⁰⁸ См.: Там же. С. 305.

²⁰⁹ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-80-х годов. М., 1964.

Однако сегодня на первый план наконец выдвигается другой тезис: в конституционной модернизации абсолютизма в начале XX столетия была заинтересована прежде всего сама власть. Если отрешиться от партийно-политической предвзятости и объективно рассмотреть действия правительства Николая II, такой вывод придет сам собой. Рубеж веков ознаменовался утверждением нового стратегического курса правительства на масштабное привлечение иностранных вложений в российскую экономику. За этим стояло вполне осознанное стремление приобщиться к рынку международного капитала, что сулило очевидные преимущества. Именно с этой целью и была проведена денежная реформа 1897 года, привязавшая рубль к золоту; конвертируемость российской валюты обеспечивала более свободную циркуляцию финансовых потоков. Но, хотя инвестиционная привлекательность России заметно повышалась, для желаемой интеграции этого было недостаточно. Требовались определенные шаги не только в хозяйственной, но и в политической сфере. Либерально-экономическая инициатива плохо совмещалась с самодержавной формой правления, которая в глазах западных партнеров выглядела откровенным рудиментом. Неограниченные монархии в то время уже не могли полноценно присутствовать на международном рынке капиталов. В начале XX века в Европе повсюду действовали представительные выборные органы власти (пожалуй, лишь Османская империя – синоним отсталости – обходилась без подобных институтов). Оказавшись в новой экономической реальности, Николай II не мог пренебречь потребностями политической модернизации: стремиться в мировой финансовый рынок и пытаться при этом консервировать абсолютистский режим – действия взаимоисключающие. Еще учитель Николая, либеральный профессор Н.Х. Бунге (министр финансов в 1882-1886 годах), ратовавший за введение золотого рубля, вне всякого сомнения объяснил будущему императору очевидность таких вещей²¹⁰. Другое дело, что далеко не все в правящей верхушке осознавали необходимость адаптации к новым экономическим условиям. В своих мемуарах С.Ю. Витте подчеркивал наивность распространенного в России мнения, будто *«иностранным держателям наших фондов и банкирам все равно, какой у нас будет образ правления»*. Он указывал на тесную связь между доступом к иностранному кредиту и политическим строем государства, институты которого должны гарантировать предсказуемость и прозрачность политики²¹¹.

Однако если необходимость экономической модернизации российская власть обосновывала вполне либеральной аргументацией, то к изменениям в государственном устройстве подход был абсолютно иным. По убеждению Николая II, русские люди – приверженцы монархических воззрений и неспособны к осуществлению конституционного творчества по европейским образцам. После совещания губернских предводителей дворянства в 1897 году государь, беседуя с князем П.Н. Трубецким, уверял его в своей готовности поделиться властью с народом, однако назвал причину, препятствующую осуществлению данного шага. Он считал, что крестьянское население страны воспримет ограничение царских прерогатив как насилие интеллигенции над самодержцем; а в этом случае народ просто-напросто сотрет с лица земли высшие слои общества²¹². Ту же мысль император повторял и позже. Князь С.Д. Урусов, оставивший воспоминания об одной из аудиенций у Николая II, записал его слова, чрезвычайно важные для характеристики позиции государя:

²¹⁰ В частности, Бунге, выступавший за перевод обращения на золотой рубль, разъяснял наследнику престола суть и значение реформ Александра II и называл их благодетельными для России. См.: *Ковалевский В.И. Воспоминания // Русское прошлое. 1991. №2. С. 34.*

²¹¹ См.: *Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 500-501.*

²¹² См.: *Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. №6. С. 128.*

«Да, при теперешних обстоятельствах надо всем соединиться и думать о России. Вот, например, – монархия! Вам она не нужна; мне она не нужна; но пока она нужна народу, мы обязаны ее поддерживать»²¹³.

О таком обосновании императором необходимости сохранения в России абсолютистско-монархической формы правления вспоминал и высокопоставленный чиновник В.И. Гурко. По его наблюдениям, Николай II руководствовался не желанием удержать в своих руках неограниченную власть, а глубоким убеждением, что Россия не доросла до самоуправления и передача государственной власти в руки общественности была бы губительной для страны²¹⁴. Люди, знавшие императора в обыденной жизни, также не замечали у него большой тяги к самовластию. Так, принц П.А. Ольденбургский (муж младшей сестры Николая II Ольги Александровны) часто повторял, что если бы государь «был частным лицом, то был бы самым большим либералом из всех либералов»²¹⁵. И в этих – неожиданных для многих – свидетельствах на самом деле нет ничего удивительного. Вспомним, что любимыми учителями Николая II являлись упоминавшийся Н.Х. Бунге²¹⁶, яркий представитель либерального лагеря, и шотландец Карл Хис, большой почитатель английского премьера-либерала Гладстона²¹⁷. Едва ли тесное общение с ними могло сформировать у их воспитанника глубокие симпатии к радикальному консерватизму. Николай II не был тем оголтелым обскурантом, каким его упорно изображали политические противники: он принимал роль монарха, хорошо сознавая народные предпочтения. По этой логике учреждение в России представительного органа – думы – могло быть подано только в качестве доброй воли царя, жертвующего своей единоличной властью. Дарование самодержцем конституции позволяет избежать деструктивных издержек при смене основ государственного строя и обеспечивает правовую трансформацию абсолютизма в конституционную монархию. Основным инструментом в таком случае выступают реформы, постепенно осуществляемые по инициативе самой верховной власти. Подобный подход уже был реализован при освобождении крестьян от крепостной зависимости в 1861 году, и какие-либо иные сценарии были бы тогда абсолютно неприемлемыми.

Теперь же на повестке дня стояла политическая модернизация самодержавия ради соответствия новым финансово-экономическим потребностям государства. Однако за образец была принята не только реформа 1861 года: в России начала XX века был использован японский опыт. Как известно, аналогичные преобразования у нашего восточного соседа произошли чуть ранее: власть там с 1889 года существовала в формате конституционной монархии, во многом напоминавшей ту, за которую в свое время ратовали

²¹³ См.: Урусов С.Д. Три года государственной службы. М., 2009. С. 597.

Характерно, что, приводя эти слова государя, Урусов сделал указание: «Цитирую буквально, не изменив ни одного слова».

²¹⁴ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 580.

²¹⁵ См.: Мейендорф В.М. Мемуары фрейлины императрицы. М., 2012. С. 85.

²¹⁶ О влиянии Бунге на Николая II см.: Покровский Н.Н. Комитет министров и его канцелярия в 90-х годах XIX века // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 6.

²¹⁷ Карл Хис был первым воспитателем Николая II, с которым император сохранял самые искренние отношения вплоть до его смерти в 1900 году. При дворе говорили: чем был швейцарец Лагарп для Александра I или поэт В.А. Жуковский для Александра II, тем был – в смысле интеллектуальном и духовном – Карл Хис для Николая II. См.: Мордвинов А.А. Каким я знал моего государя и каким знали его другие // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 517. Л. 6.

М.Т. Лорис-Меликов и его соратники. Особо подчеркнем, что движущей силой государственных реформ в Японии стала высшая бюрократия. Именно она разработала для смены режима такой сценарий, по которому главным действующим лицом был император, дарующий стране конституцию и учреждающий представительный орган власти. Даже специальную комиссию по разработке Основного закона образовали не где-либо, а при Министерстве императорского двора, дабы особо подчеркнуть, по чьей воле все это происходит²¹⁸. Кстати, японские чиновники вдохновлялись германским правовым творчеством: юридические определения, вошедшие в текст японской конституции, в большинстве случаев представляли отредактированный перевод с немецкого²¹⁹. С точки зрения японской бюрократии, конституция – это инструмент для упорядочивания и укрепления политической власти в стране. Она в соответствии с современными правовыми принципами гарантирует права подданных, но, с другой стороны, сохраняет большие властные прерогативы за императором как за объединяющей национальной фигурой. Предпринятое в Японии политическое реформирование увязывалось с финансово-экономическим оздоровлением страны, настраивая государственную систему в соответствии с современными реалиями. Ключевыми пунктами проводимой экономической программы стали поднятие стоимости обесцененных бумажных денег, введение золотой иены, а главное – форсированное развитие индустрии. В результате страна, знавшая только мелкое производство, преобразилась; к концу XIX столетия в ней действовало уже около трех тысяч заводов²²⁰.

Но самое интересное, что реформаторские усилия японской бюрократии получили чрезвычайно высокую оценку на Западе. Политику императора Мэйдзи и его приближенных называли дальновидной, давшей возможность отсталой стране совершить громадный рывок к прогрессу. Европейские источники рубежа XIX-XX веков изобилуют такими оценками:

«Факт – беспримерный в летописях мировой истории, как беспримерно то головокружительное превращение этой восточной монархии в просвещенную страну свободы и права»²²¹.

Или:

«Эти люди [местные чиновники] помогли стране пройти очень счастливо через целый ряд преобразований; они превратили ее из феодального государства в государство современное, с правильной армией, дали ей хорошие финансы, привели к военному торжеству»²²².

Качество функционирования японской бюрократии оценивалось столь высоко, что европейских наблюдателей тревожила сама возможность передачи ею рычагов управления

²¹⁸ См.: *Говоров А.В.* Предыстория принятия первой японской конституции // Проблемы истории и историографии нового и новейшего времени. Сб. науч. тр. М., 1999. С. 10.

²¹⁹ См.: *Зибельд А., фон.* Эпоха великих реформ в Японии. СПб., 1905. С. 64.

²²⁰ См.: *Вейлерзе Г.* Япония наших дней. Социологические этюды. СПб., 1904. С. 238.

²²¹ См.: Японцы о Японии. Сборник статей первоклассных японских авторитетов, собранных и отредактированных А. Стэдом. СПб., 1904. С. IX.

²²² См.: *Леруа-Божье П.* Япония: обновление Азии. М., 1904. С. 155.

палате депутатов²²³. На Западе пребывали в уверенности, что японские общественные силы, сформированные по партийному принципу, не могли самостоятельно реализовать модернизационный курс: их состав был непостоянен, действия противоречивы. К тому же для большинства крестьян и ремесленников непререкаемым авторитетом продолжал оставаться император, а парламентским дебатам народные массы не сочувствовали, крайне вяло интересуясь их ходом²²⁴.

С учетом сказанного не может не удивлять, что намеченный в России аналогичный сценарий преобразования абсолютной монархии в конституционную на Западе поспешили дискредитировать. Планы отечественной бюрократии по политической модернизации сверху были названы вынужденными уступками. Высшее российское чиновничество и сам Николай II были объявлены неспособными к каким-либо конструктивным действиям. (И вот эту-то несостоятельность как раз и должно было компенсировать общественно-либеральное движение.) Более того, российской правящей бюрократии отказали не просто в способности к политическому реформированию, но даже в самом желании его осуществлять. Получалось, будто власть в России начала XX века мечтала только о консервации абсолютизма в духе мрачных дореформенных порядков. Конечно, общественно-либеральное движение тех лет с огромным удовольствием эксплуатировало эти мотивы. Подчеркнем: изложенной парадигмы до сих пор придерживаются западная и подавляющая часть постсоветской историографии.

И тем не менее либеральные идеи в России вызревали не столько в общественных кругах, сколько – традиционно – в недрах высшей бюрократии. Здесь необходимо вспомнить о деятельности Петербургского юридического общества, основанного в 1878 году при столичном университете. Это единственное учреждение, которое, не имея официального статуса, пользовалось авторитетом у высших должностных лиц. Многие из них считали весьма почетным участие в работе общества, где обсуждались различные законопроекты. На его заседаниях царила свободная дискуссионная атмосфера, критиковались важные министерские и сенатские решения. В руководящий орган Юридического общества входили члены Государственного совета, бывшие министры и их товарищи, научные деятели. Например, заметную роль в нем на протяжении 1880-1890-х годов играл руководитель департамента законов Госсовета Э.В. Фриш²²⁵; именно под его руководством в рамках общества было разработано новое Уголовное уложение, утвержденное в марте 1903 года²²⁶. Яркой фигурой в составе общества и одним из его основателей был профессор Петербургского университета А.Д. Градовский (1841-1889). Он занимался проблемами государственного строительства, а также стал одним из идеологов политической трансформации самодержавия. На рубеже 1870-1880-х годов наработки Градовского оказались востребованными группой просвещенных бюрократов во главе с М.Т. Лорис-

²²³ См.: Там же.

²²⁴ См.: Там же. С. 157.

²²⁵ См.: *Слюзберг Г.Б.* Дела давно минувших дней. Париж, 1933. С. 232-233.

²²⁶ См.: *Балыбин В.А.* Уголовное уложение Российской империи 1903 года. Дис. на соиск. науч. степ. канд. юр. наук. Л., 1982 С. 70.

Юридическое общество при Петербургском университете внесло определяющий вклад в подготовку нового Уголовного уложения. Даже в работе советского времени отмечено, что этот документ «окрашен» либеральными веяниями. Добавим: новое уложение оказалось более либеральным, чем уголовные законодательства европейских стран и США. В нем предусматривалось не такое широкое применение смертной казни, прослеживалась тенденция к смягчению многих наказаний, была введена специальная глава о преступлениях против личной свободы.

Меликовым²²⁷. По глубокому убеждению ученого, переход от самодержавия к конституционно-монархическому строю отвечал потребностям России, преобразованной реформами шестидесятых годов: новые порядки требовали иных способов управления. Однако, как утверждал петербургский профессор, начала парламентского управления приемлемы далеко не для всех стран и необходимо наличие условий, которые делают его целесообразным. Эффективное взаимодействие законодательной и исполнительной власти предполагает наличие устойчивых политических партий со своими определенными программами. К примеру, в Великобритании такие партии, несомненно, есть, хотя – сообразно времени – они и наполняются новым содержанием. То же самое наблюдается в Бельгии, где во власти происходит чередование двух основных партий (их возникновение относится ко времени образования Бельгийского королевства)²²⁸. В то же время существуют государства, в которых партийные институты играют значимую, но пока еще не определяющую роль. Градовский указывал на Германию, где народное представительство сформировалось при сильной королевской власти. Сделав уступки новому времени, она тем не менее осталась краеугольным камнем государственного устройства. В прусской системе кайзер мог назначать министров по своему усмотрению, даже из лиц, не входящих в состав палат: министром становится тот, кто в данный момент был удобен верховной власти с политической точки зрения²²⁹. Таким образом, европейская практика демонстрирует два типа конституционной монархии: монархию с полным парламентским устройством и монархию, не зависящую от законодательного парламента. Симпатии Градовского были целиком на стороне последней. Неслучайно именно этой государственной модели он посвятил свой двухтомный труд «Германская конституция»²³⁰.

Идеи А.Д. Градовского взяли на вооружение его последователи на новом историческом этапе, в конце XIX – начале XX века. Его преемником по кафедре в университете стал другой видный российский правовед Н.М. Коркунов (1853-1904). Он также был активным членом Петербургского юридического общества и входил в его совет; несколько лет прослужил помощником статс-секретаря в Государственной канцелярии Госсовета²³¹. Коркунов широко использовал сравнение конституционных порядков в европейских странах, ратовал за утверждение прав и свобод законодательным путем, разрабатывал организацию выборов. Он настойчиво продвигал идею конституционного строительства по немецкому образцу. Идеалом для него являлся просвещенный монарх-реформатор, постепенно превращающий неограниченное самодержавие в конституционную монархию. Ведя научно-преподавательскую деятельность, Коркунов стремился показать всю сложность государственного организма. Подходить к перестройке форм, складывавшихся веками, говорил он, следует осторожно, учитывая конкретно-исторические условия²³² и оставаясь

²²⁷ См.: *Твардовская В.А.* Александр Дмитриевич Градовский // *Российские либералы*. М., 2001. С. 142-144.

²²⁸ См.: *Градовский А.Д.* Государственное право важнейших европейских держав // *Градовский А.Д.* Собр. соч.: В 8 т. СПб., 1898. Т. 5. С. 131-132.

²²⁹ См.: Там же. С. 129.

²³⁰ См.: *Коркунов Н.М.* А.Д. Градовский // *Сборник статей Н.М. Коркунова*. 1877-1897 годы. СПб., 1898. С. 105.

²³¹ См.: *Экимов А.И.* Н.М. Коркунов. М., 1983. С. 14.

Любопытный факт: в апреле 1891 года профессор Коркунов принимал экзамен по государственному праву у Владимира Ульянова, отвечавшего на вопрос о сословных учреждениях. Ответ будущего вождя пролетариата был оценен как «весьма удовлетворительный».

²³² См.: *Романов В.Ф.* Старорежимный чиновник. Из моих личных воспоминаний от школы до эмиграции.

свободным от либеральной догмы. Коркунов неоднократно повторял: предоставление человеку юридических свобод при отсутствии материальных средств пользоваться ими очень часто сводится к незавидной свободе умирать с голода²³³.

В России Градовский и Коркунов по праву считаются вдохновителями научной школы государственного либерализма, оформившейся в рамках Петербургского юридического общества²³⁴. К ней идейно примыкал и еще один крупный мыслитель того времени – Б.Н. Чичерин (1828-1904). Любопытно, что он был москвичом, короткое время (1882-1883) даже возглавлял Московскую городскую думу (и ушел в отставку из-за конфликтов с генерал-губернатором В.А. Долгоруким)²³⁵. Чичерин внес весомый вклад в разработку вопросов государственного строительства. Его взгляды отличались умеренным либерализмом и органично дополняли идеи петербургской школы, разработанные Градовским и Коркуновым. Чичерин также считал конституционную монархию *«бесспорно лучшим образом правления»*²³⁶. В своем фундаментальном труде «Курс государственных наук» он дал подробное описание преимуществ данной модели государственного устройства. К демократическим формам правления Чичерин относился крайне настороженно; диктат масс в делах управления находил опасным и контрпродуктивным. По его мнению, активное и пассивное избирательное право должно предоставляться только на основе имущественного ценза:

«Кто не платит местных налогов, тот не должен иметь права голоса в расходах»²³⁷.

Отдавая должное парламентскому правлению как высшей форме конституционного порядка, Чичерин не считал его панацеей. Оно требует политического развития народа, крепкого общественного мнения и организованных партий, способных встать во главе управления. Если эти условия не соблюдены, парламентское правление *«может породить бесконечную шаткость»*²³⁸. Труды Чичерина пользовались большой популярностью у бюрократической элиты. По свидетельству сенатора А.Ф. Кони, в верхах многие

1864-1919 годы // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 87.

²³³ См.: Экимов А.И. Н. М. Коркунов. С. 67-69.

²³⁴ Заметим, что историография традиционно выделяет в составе юридического общества при Петербургском университете группу лиц, оказавшихся затем в рядах кадетской партии (М.М. Винавера, В.М. Гессена, В.Д. Набокова и др.). Они изображаются «душой» общества, хотя на самом деле передовые роли здесь всегда оставались за представителями либеральной столичной бюрократии. Исключение составляет Набоков: сын министра юстиции и секретарь общества, он был своим в кругу высшего чиновничества, но, решив посвятить себя исключительно общественной деятельности, он государственной службе предпочел карьеру независимого политика и стал одним из лидеров кадетов.

²³⁵ Биографическую справку о Б.Н. Чичерине см. в: Писарькова Л.Ф. Московская городская дума. 1863-1917 годы. М., 1998. С. 167-169. Добавим, что Чичерин был хорошо известен в придворных кругах. Его младшая сестра Александра Николаевна Чичерина (жена Э.Д. Нарышкина – обер-гофмаршала Александра III) занимала видное место при императорском дворе. Николай II также весьма благосклонно к ней относился и даже называл ее «тетя Шура». См.: Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005. С. 215; Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 264, 282.

²³⁶ См.: Чичерин Б.Н. Курс государственных наук. Ч. 3. Политика. М., 1998. С. 232.

²³⁷ См.: Там же. С. 501.

²³⁸ См.: Там же. С. 248.

зачитывались его «Политикой»²³⁹.

Взгляды Градовского, Коркунова, Чичерина диссонировали с идеологией набиравшего силу общественного либерализма. Его «лабораторией» стало Московское юридическое общество, которое, как и Петербургское, играло значимую роль в научном мире. Однако в глазах власти оно было менее влиятельным, так как в его состав не входили лица, занимавшие высокие должности. Главой общества был профессор С.А. Муромцев, впоследствии первый председатель Государственной думы. Московское общество специализировалось не столько на строго юридических вопросах, сколько на общественно-политической проблематике. Здесь часто заслушивались доклады на темы, связанные с земством и самоуправлением. Деятельность общества вызывала большой интерес у широкой общественности далеко за пределами Москвы. К концу XIX века оно заслужило репутацию чуть ли не крамольного: передовые позиции здесь безоговорочно принадлежали сторонникам общественного либерализма²⁴⁰. Подчеркнем, что для историографии, в том числе и современной, именно московские деятели и юристы олицетворяют российский либерализм как таковой. Примером тому служит обстоятельная монография отечественного исследователя А.Н. Медушевского, посвященная девяти наиболее видным конституционалистам рубежа XIX-XX столетий. Большая их часть – выпускники Московского университета: С.А. Муромцев, П.И. Новгородцев, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, а также связанные с ними Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский (выходцы из Киевского университета) и В.М. Гессен (из Новороссийского). М.Я. Острогорский окончил Петербургский университет, служил в Министерстве юстиции, был членом первой Государственной думы. А школу государственного либерализма представляет в монографии лишь Н.М. Коркунов – профессор Петербургского университета и сотрудник Государственной канцелярии²⁴¹. Б.Н. Чичерин среди видных конституционалистов рубежа веков вообще отсутствует. Заметим, что перечисленные выше представители общественного либерализма стали заметными членами конституционно-демократической и других либеральных партий; они неизменно вызывают интерес у отечественных и зарубежных специалистов. А вот школа государственного либерализма, сформированная в недрах столичной бюрократии, не может похвастаться вниманием современных историков.

Говоря о распространенности либеральных воззрений, исследователи традиционно имеют в виду главным образом научную среду²⁴², категорически противопоставляя ей реакционное чиновничество. При этом совершенно игнорируется тот факт, что во властных структурах также присутствовало сильное либеральное течение, ориентированное на конституционную реформу сверху, по доброй воле монарха. Любые иные пути государственного строительства оценивались здесь как нецелесообразные, подверженные избыточным политическим рискам. Как показывают источники, значительная часть высшей бюрократии исповедовала конституционно-либеральные воззрения, причем проявлялись они гораздо более осязательно, чем в конце царствования Александра II. Круг чиновников, обсуждавших конституционные перспективы, стал теперь, в начале нового столетия, гораздо

²³⁹ См.: Письмо А.Ф. Кони к Б.Н. Чичерину. 15 ноября 1898 года // Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1969. Т. 8. С. 145.

²⁴⁰ См.: *Слюзберг Г.Б.* Дела минувших дней. С. 234.

²⁴¹ См.: *Медушевский А.Н.* Диалог со временем: российский конституционализм конца XIX – начала XX в. М., 2010.

²⁴² К примеру, в монографии Л.В. Селезневой речь идет о целой плеяде кадетствующих профессоров, а тому же Коркунову уделено буквально полстраницы (*Селезнева Л.В.* Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995. С. 46-47).

шире. Противники ограничения абсолютизма не сомневались, например, что в среде сановников много конституционалистов,²⁴³ а в правительстве образовалось деятельное конституционное крыло²⁴⁴. Вопреки сложившемуся мнению лидером этого крыла был не С.Ю. Витте: эту роль он во многом приписал себе сам (см., например, его обширные мемуары). На самом деле Витте трудно назвать последовательным борцом за либеральные ценности. Напомним, что на рубеже 70-80-х годов XIX века, когда представители просвещенной бюрократии готовили конституционные проекты, будущий финансовый гений находился под влиянием своего родного дяди Р.А. Фадеева, рьяно клеймившего и либерализм, и все, что с ним связано. В таком же ключе Витте писал для изданий М.Н. Каткова и И.С. Аксакова; в начале 1880-х годов он не прошел мимо «Священной дружины», собравшей цвет патриотически настроенных подданных²⁴⁵. Прямо скажем, не лучший бэкграунд для предводителя либерального движения. Лишь в середине 1890-х годов Витте расстается со своим славянофильским имиджем и стремительно вживается в образ государственного деятеля западного типа²⁴⁶. Однако в исторической литературе именно он по-прежнему олицетворяет все самое либеральное, что только могло возникнуть в «реакционных» верхах эпохи Николая II.

Данное обстоятельство вплоть до сегодняшнего дня оставляет в тени подлинного лидера российской либеральной бюрократии рубежа XIX-XX столетий – Д.М. Сольского. Об этом видном государственном деятеле следует рассказать поподробнее, поскольку он, к сожалению, известен лишь крайне узкому кругу специалистов²⁴⁷. Начав служебную карьеру еще в 60-х годах XIX века, Сольский занимал ключевые посты в государственном управлении, неизменно входя в группу либерально настроенных деятелей, приверженцев конституционного пути развития. Профессиональные качества позволили ему остаться в правительстве Александра III, не особо привечавшего поборников либерализма. Сольский выступал за отмену подушной подати (это было осуществлено стараниями Н.Х. Бунге), не одобрял еврейских притеснений, критиковал земскую реформу 1890 года министра внутренних дел Д.А. Толстого и т.д.²⁴⁸ При Николае II позиции Сольского серьезно усилились. Возглавляя Департамент экономии Государственного совета, он играл одну из ключевых ролей в выработке многих решений, в частности поддерживал денежную реформу С.Ю. Витте. Современники отзывались о нем не иначе как «*о выдающемся по уму и государственному опыту сановнике*»²⁴⁹; именно Сольский пользовался наибольшим

²⁴³ См.: Киреев А.А. Дневник. 1905-1910 годы. М., 2010. С. 78.

²⁴⁴ См.: 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. 1930. №2. С. 67.

²⁴⁵ См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. С.Ю. Витте и его время. СПб., 1999. С. 17-20.

²⁴⁶ См.: Прилежаев В.В. Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 7.

²⁴⁷ Сольский Д.М. (1833-1910) – сподвижник вел. кн. Константина Николаевича (младшего брата Александра II). Он являлся секретарем Государственного совета, управляющим II канцелярией Е.И.В. С 1878 по 1889 год – государственный контролер. Затем Сольский возглавил в Государственном совете Департамент экономии, утверждавший бюджеты всех министерств и ведомств. С 1903 года, по болезни вел. кн. Михаила Николаевича, исполнял обязанности председателя Государственного совета.

²⁴⁸ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов. М., 1964. С. 417, 429; Он же. Российское самодержавие в конце XIX века. М., 1970. С. 115.

²⁴⁹ См.: Менделеев П.П. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 1.

влиянием в верхах²⁵⁰. Как правило, ему поручалось рассмотрение разнообразных и сложных межведомственных разногласий. Показательно свидетельство прошедшего большой аппаратный путь Н.Н. Покровского:

«"Комиссия Сольского" – это было какое-то нарицательное слово: стоило возникнуть какому-нибудь более или менее сложному вопросу в области финансов, кредита, государственной экономии, а впоследствии – и государственного строительства вообще – и тотчас для его рассмотрения образовывалась высшая комиссия или комитет из министров и других сановников под неперменным председательством графа Д.М. Сольского. К этим комиссиям относились с особым уважением ввиду авторитета их председателя, мнение которого имело обыкновенно решающее значение»²⁵¹.

Компетентность Сольского была настолько высока, что представители ведомств старались узнать его мнение до начала заседаний: благодаря этому упрощалось решение самых спорных и сложных вопросов²⁵². Будучи крупным государственным деятелем, Сольский всегда действовал в соответствии со своими либеральными предпочтениями. А потому в начале XX века именно он символизировал преемственность с эпохой правительственного либерализма Александра II. Заметим, что Сольский выступал за введение конституционных начал в государственную практику исключительно по доброй воле императора и постепенно. Он понимал непригодность для российских условий иных путей продвижения в сторону конституционализма.

Таких же взглядов на переход неограниченной монархии на конституционные рельсы придерживался и еще один яркий представитель верхов – В.К. Плеве. Сразу заметим, что в историческом смысле ему повезло еще меньше, чем Сольскому. Если последний просто пребывает в забвении, то имя министра внутренних дел Плеве на слуху, и это именно тот случай, когда известность пошла во вред: Плеве окружен устойчивым ореолом махрового реакционера. Это неудивительно: человеку, возглавившему образованный в 1880 году Департамент государственной полиции, трудно рассчитывать на какую-либо иную репутацию (причем не только в глазах советских историков). Правда, на этот высокий пост тридцатитрехлетнего Плеве назначил не кто-нибудь, а конституционный реформатор поры Александра II М.Т. Лорис-Меликов, вокруг которого группировалась просвещенная бюрократия. И молодой Плеве оказался в этом кругу явно не случайно: его взгляды уже тогда были во многом созвучны либеральным веяниям. В частности, народник В.Г. Короленко вспоминал, что Плеве, еще будучи скромным товарищем прокурора Варшавской судебной палаты, в ходе следствия по делу о тайном революционном обществе «Пролетариат» позиционировал себя как убежденный конституционалист. Он охотно рассуждал о политических преобразованиях, необходимость которых осознают и просвещенное общество, и государь. А препятствуют им революционеры, всей своей деятельностью только мешающие проведению реформ. По словам Короленко, подследственные были очень удивлены речами прокурорского служащего²⁵³.

²⁵⁰ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 95.

²⁵¹ См.: Покровский Н.Н. Комитет министров и его канцелярия в 1890-х годах // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 39. Л. 9.

²⁵² См.: Коковцов В.Н. Обрывки воспоминаний из моего детства и лицейской поры. М., 2011. С. 251-252.

²⁵³ См.: Короленко В.Г. История моего современника. Т. 7. С. 147-148 // Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1954-1956.

В течение девяти лет В.К. Плеве занимал важнейшую должность государственного секретаря и на заседаниях Государственного совета находился рядом с Д.М. Сольским. Нельзя не упомянуть интересную деталь: кумиром «законченного реакционера» являлся не кто иной, как известный российский реформатор-либерал М.М. Сперанский. Плеве хранил кресло, в котором тот в свое время сидел за работой, и с гордостью демонстрировал его своим визитерам²⁵⁴. В начале XX века Плеве инициировал реформу самого Государственного совета, которая до сих пор не получила должного освещения. В новом документе об утверждении этого органа, подписанном Николаем II, имелся специальный раздел «Об особых совещаниях и Подготовительных комиссиях», который предусматривал возможность приглашения в них специалистов – не членов Государственного совета²⁵⁵, что фактически означало привлечение представителей широких слоев общества для разработки законодательных решений. Впервые столь заметное событие в жизни правительственных верхов произошло при рассмотрении положения о портовых сборах. В совещании участвовали начальники портов, представители местного городского общественного управления и купечества от городских дум и биржевых обществ²⁵⁶. Помимо этого Плеве предлагал узаконить практику, при которой император мог бы утверждать только те мнения Государственного совета, которые получили одобрение большинства²⁵⁷. Будучи уже министром внутренних дел, он задумал создание при своем министерстве Совета по делам местного хозяйства, состоящего не только из чиновников центрального аппарата, но и из выборных представителей с мест. Один из разработчиков этого нового проекта С.Е. Крыжановский настаивал, что «в деле утверждения Совета по делам местного хозяйства сквозила мысль создания народного представительства»²⁵⁸. Привлечение общественности к обсуждению различных государственных проблем постепенно стало практиковаться все шире. Характерен такой эпизод: при подготовке итогового документа комиссии по проведению губернской реформы обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев просил исключить из текста выражение «*русская интеллигенция*», ссылаясь на то, что в русском языке такое слово отсутствует, однако министр внутренних дел В.К. Плеве этого не сделал²⁵⁹. Суть его намерений хорошо отражает одна высказанная им мысль:

«Россия – это огромный воз, влекомый по скверной дороге тощими клячами – чиновничеством. На возу сидят обыватели и общественные деятели и на чем свет стоит ругают власти, ставя в вину плохую дорогу. Вот этих-то господ следует снять с воза и поставить в упряжку, пусть попробуют сами везти...»²⁶⁰.

²⁵⁴ См.: Романов В.Ф. Старорежимный чиновник. Из личных воспоминаний от школы до эмиграции. 1864-1919 годы // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 598. Л. 169.

²⁵⁵ См.: Высочайше утвержденное Утверждение Государственного совета. 30 марта 1901 года // ПСЗ-3. №19883. Т. 21. Отд. 1. СПб., 1903. С. 177.

²⁵⁶ См.: Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. С. 42.

²⁵⁷ См.: Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания. 1902-1906 годы // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 276.

²⁵⁸ См.: Допрос С.Е. Крыжановского // Падение царского режима. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 387.

²⁵⁹ См.: Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания. 1902-1906 годы // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 49.

²⁶⁰ См.: Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1991. №2. С. 118-119.

Подчеркнем, что правительство не ожидало больших затруднений в претворении в жизнь консервативного сценария политических преобразований. Самостоятельная инициатива по ограничению самодержавия снизу была крайне слабой; на протяжении многих лет министерство внутренних дел фиксировало активность лишь небольшого круга лиц:

«Либералы играют самую жалкую роль и, ограничиваясь праздной болтовней, не могут решиться, по свойственной им трусости, ни на какой серьезный шаг; исключение составляет только серьезный и достойный уважения кружок, не превышающий 10-15 человек, которые действительно готовы жертвовать и своим состоянием, и своим положением»²⁶¹.

В итоге инициативу проявило само правительство: в Петербурге в феврале 1896 года с санкции верховной власти было созвано совещание губернских предводителей дворянства. Ничего подобного не происходило со времени отмены крепостного права в уже далеком 1861 году. Дворянские лидеры получили неограниченную возможность высказывать в ходе совещания свои взгляды по широкому кругу проблем общегосударственного значения²⁶². Подавляющее большинство участников одновременно являлись также земскими выборными в своих губерниях. В последующие годы уже в этом качестве они продолжили практику совместных встреч для обсуждения насущных вопросов. Кстати, многие участники совещания 1896 года впоследствии стали видными общественными деятелями, депутатами Государственной думы: кн. П.Н. Трубецкой, кн. Б.А. Васильчиков, М.А. Стахович, Н.И. Новосильцев, В.А. Капнист, граф А.А. Бобринский и др. А это означает, что правительство фактически дало толчок развитию тому земскому движению, о котором с упоением повествуют позднейшие историки. Только вот зарождение этого движения никак не получается назвать актом, совершившимся под давлением оппозиции. Его организаторы ратовали за расширение выборного начала единственно ради укрепления самодержавия, ради придания ему посредством выборных механизмов большей устойчивости²⁶³. Какие-либо крамольные намерения у земских деятелей популярностью не пользовались. Как заметил чиновник министерства внутренних дел Д. Н. Любимов, выступления русской общественности той поры были невинны и в большинстве случаев скромны: в них напрочь отсутствовали не только нападки на государя, но даже намеки на них²⁶⁴.

Благонамеренно-реформистские настроения власть охотно культивировала. Особенно преуспели в этом «Санкт-Петербургские ведомости». В конце XIX – начале XX века это официозное издание по сути являлось рупором правительственного либерализма: им руководили близкий к Николаю II кн. Э.Э. Ухтомский и А.А. Столыпин (родной брат будущего премьера П.А. Столыпина). С редакцией сотрудничали многие либерально настроенные персоны, например директор элитного Александровского лицея А.П. Соломон,

²⁶¹ См.: Донесения чиновника МВД по особым поручениям Рачковского. 16-28 октября 1894 года // ГАРФ. Ф. 102.1898. Д. 6. Ч. 47. Л. 75.

²⁶² См.: *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 222.

²⁶³ См.: Записка Горемыкина И.Л. о слухах, распространившихся в связи с созывом съезда предводителей дворянства. 15 марта 1896 года // РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 200. Л. 1-2.

²⁶⁴ См.: *Любимов Д.Н.* События и люди. Воспоминания. 1902-1906 годы // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 30.

впоследствии автор одного из проектов Основных законов²⁶⁵. Но самое интересное, что гранки набора «Санкт-Петербургских ведомостей» отсылались в Царское Село и просматривались лично императором; говорили даже, что он выступал в роли редактора газеты²⁶⁶. При этом на ее страницах часто появлялись такие публикации, на которые решилось бы далеко не каждое издание. «Санкт-Петербургские ведомости» неизменно откликались на юбилейные даты известных либерально-демократических персонажей российского прошлого. Например, здесь восторженно писали о В.Г. Белинском: с его *«именем в истории нашего общественного самосознания связана целая эпоха духовного подъема»*²⁶⁷. А в знаковом событии политической жизни того периода – открытии 16 августа 1898 года памятника Александру II в Москве – столь близкое к императору издание видело утверждение незыблемости судьбоносных преобразований Царя-освободителя. При этом газета цитировала речь Николая II на открытии памятника, назвавшего их *«великим подвигом своего деда, столь необходимым для блага России, который история занесет на свои скрижали золотыми письменами»*²⁶⁸. И торжества, по мнению «Санкт-Петербургских ведомостей», не смогли испортить те более или менее *«удачливые Аракчеевы, с невероятной злобой клеветавшие годами на эти реформы»*. Теперь, считала газета, эти господа вынуждены – не важно, искренне или нет – отдать им всю дань уважения²⁶⁹. В те же дни состоялось еще одно событие, имевшее большое символическое значение, а именно присвоение звания фельдмаршала одному из ближайших сподвижников Александра II Д.А. Милютину²⁷⁰. Публикации о Царе-освободителе буквально заполнили страницы «Санкт-Петербургских ведомостей»²⁷¹. Важно еще раз подчеркнуть, что именно власть, а не либеральная общественность внесла определяющий вклад в формирование культа царствования Александра II на рубеже XIX-XX веков²⁷². Это подтверждает и количество памятников, установленных императору с конца 1890-х годов: по всей России их насчитывалось несколько тысяч²⁷³. (Это даже напоминает ритуальное почитание советского вождя В.И. Ленина.) Царствование же Александра III «Санкт-Петербургские ведомости» называли, конечно, не реакцией, *«а скорее охраной и укреплением того, что было совершено Его предшественником»*: лишь благодаря нравственной мощи Александра III

²⁶⁵ См.: Шерих Д.Ю. Голос родного города. Очерк истории газеты «Санкт-Петербургские ведомости». СПб., 2001. С. 160-165.

²⁶⁶ См.: Кольшко И.И. Великий распад. Воспоминания. СПб., 2009. С. 39.

²⁶⁷ См.: Белинский В.Г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 26 мая.

²⁶⁸ См.: Передовая // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 21 августа.

²⁶⁹ См.: Там же.

²⁷⁰ См.: Высочайший рескрипт, данный на имя члена Государственного совета генерал-адъютанта, генерал-фельдмаршала Милютин // Русское слово. 1898. 20 августа.

²⁷¹ См., напр.: По поводу открытия памятника в Москве // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 19 августа; Гольмстрем В.О. царственном служении // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 16 августа; Император Александр II в Бессарабии // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 20 августа, и др.

²⁷² См.: Селиванов Н. Ответ на открытое письмо кн. Д.Н. Церетелева // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 10 сентября.

²⁷³ См.: Сокол К. Памятники Российской империи. Каталог. М., 2006. С. 87-149.

реформы не погибли²⁷⁴.

Намечая реализацию консервативно-конституционного сценария, власть была уверена в доброжелательном отношении к нему и со стороны отечественных капиталистов. Они никогда не проявляли какой-либо политической самостоятельности; их заветной мечтой была государственная опека, с которой увязывались их коммерческие перспективы. Даже купеческая элита крестьянского происхождения, выросшая без правительственной поддержки на внутренних ресурсах, видела в системе опеки гарантированный способ приумножения своих состояний. Однако стремление России к рынкам международного капитала серьезно изменило экономический климат. Петербургский бизнес, и прежде всего банки, традиционно связанные с иностранным капиталом, могли только приветствовать усилия властей по проведению политической модернизации и повышению инвестиционной привлекательности страны. Но с купеческой буржуазией дело обстояло гораздо сложнее. Приобретя значительную мощь в период царствования Александра III, капиталисты из народа постепенно стали претендовать на «контрольный пакет» в российской экономике: они полагали, что как истинно русские люди имеют на это право.

Вместе с тем невиданный приток иностранных инвестиций застал купеческую элиту врасплох. Руководивший экономической реформой С.Ю. Витте выступал не просто за индустриальное развитие, а за финансовый, биржевой капитализм, при котором первую скрипку играют банковские структуры, располагающие большими денежными ресурсами и способные контролировать промышленные активы и целые отрасли. Характерно, что ключевым советником С.Ю. Витте по этим вопросам стал директор Петербургского международного банка А.Ю. Ротштейн; его называли в то время *«главнокомандующим всех соединенных сил столичной биржи и банков»*²⁷⁵. Этот банкир стоял во главе дельцов, ратовавших за скорейший переход на золотой рубль, а следовательно – за широкий приток иностранного капитала, ставку на который традиционно делали петербургские банки. Бурный хозяйственный подъем во многом обеспечили тогда именно иностранные инвестиции, хлынувшие в Россию.

В концентрированном виде обоснование этой политики содержится в известной записке С.Ю. Витте, адресованной на имя Николая II:

«Очевидно, наша внутренняя промышленность, как ни широко она развивалась, все же еще количественно слишком мала. Она не достигла таких размеров, чтобы в ней могла развиваться животворящая сила знания, предприимчивости, подвижности капитала... Нужно не только создавать промышленность, нужно и заставлять ее дешево работать, нужно в возникшей промышленной среде развить более деятельную и стремительную жизнь... Что требуется для этого? Капитал, знания, предприимчивость... А нет капиталов, нет и знаний, нет и предприимчивости»²⁷⁶.

Мы привели этот программный отрывок еще и потому, что в нем содержится диагноз состояния тогдашней российской экономики: она, как считал Витте, была неспособна к подлинной конкуренции. Все предшествовавшее десятилетие здоровые механизмы рыночного соперничества подавлялись охранительным таможенным законодательством.

²⁷⁴ См.: Два царствования (передовая) // Санкт-Петербургские ведомости. 1898. 11 августа.

²⁷⁵ См.: *Большаков С.* Наш новейший «капитализм» // Русский труд. 1898. 25 апреля.

²⁷⁶ «Всепопданнейший доклад С.Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непременно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи» // Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 181-182 (публ. И.Ф. Гиндина).

Встряхнуть эту окостеневшую промышленную среду был способен лишь иностранный капитал с его огромной эффективностью и мобильностью; это по сути был единственный способ быстро продвинуться вперед. Серьезным препятствием на намеченном пути, по убеждению С.Ю. Витте, выступало нежелание местных капиталистов допускать конкурентов на освоенный и привычный внутренний рынок. Российские промышленники были озабочены лишь сохранением монопольных прибылей и ни при каких условиях не собирались менять свое выгодное положение²⁷⁷. Критиковал министр и архаичные формы организации многих российских предприятий, большая часть которых существовала в виде семейных товариществ, тогда как давно устоявшаяся в Европе акционерная форма не пользовалась популярностью²⁷⁸.

Высказанное мнение об отечественной промышленности не оставляло сомнений:

«ее услуги обходятся стране слишком дорого, и эти приплаты, разрушительно влияя на благосостояние большинства населения, преимущественно земледельческого, долгое время не могут быть им выдержаны»²⁷⁹.

С.Ю. Витте не устал повторять, что покровительственная политика обходится стране в 500 млн рублей ежегодно. К тому же у России нет времени ждать, пока местная промышленность разовьется до необходимого уровня: в этом случае отставание от западных держав примет необратимый характер²⁸⁰. Согласитесь: перед нами своего рода приговор в косности и некомпетентности, вынесенный министром финансов целой группе отечественной буржуазии. Группе, перед которой еще недавно преклонялись пестовавшие ее М.Н. Катков, Ф.В. Чижов, И.С. Аксаков и И.А. Вышнеградский и которой он сам в свое время отдавал дань уважения, но ныне полностью потерявшей в его глазах былую значимость. Теперь перспективы развития страны соотносились не с народными капиталистами, а с иностранным капиталом, который С.Ю. Витте объявлял панацеей от национальных экономических недугов. Без преувеличения, подобного удара купеческое сообщество, выросшее на старообрядческих, конфессиональных корнях, не испытывало давно. Пожалуй, с конца 50-х годов XIX века, когда для включения в одну из гильдий потребовалось либо подтвердить свою принадлежность к православию (в синодальной версии), либо переходить на зыбкое временное (на один год) гильдейское право. Но если тогда ситуацию удалось исправить, выказав верноподданнические чувства, то теперь этого было недостаточно. Такое давно проверенное средство, как демонстрация полной благонадежности, уже не обеспечивало традиционной защищенности. Политика, проводившаяся могущественным министром финансов С.Ю. Витте, вполне могла в недалеком будущем вытеснить московскую буржуазию на задворки российской экономики. Это подтолкнуло ее к активным действиям по дискредитации курса на оплодотворение русской экономики западными финансами. В январе 1899 года Московский биржевой комитет принял постановление о вредной роли иностранного капитала и об опасности расширения сферы его влияния в российской экономике²⁸¹. Купечество выступило против

²⁷⁷ См.: Там же. С. 184.

²⁷⁸ См.: Там же. С. 185.

²⁷⁹ См.: Там же. С. 191.

²⁸⁰ См.: Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. 1931. №3. С. 119–120.

²⁸¹ См.: Постановление Московского биржевого общества // Московские ведомости. 1899. 22 января.

насильственного насаждения промышленности руками чуждых зарубежных элементов, равнодушных к тому, что станет с Россией, *«когда они, набив свои карманы и истощив источники ее богатств, с презрением ее покинут»* 282. Предлагалось, осознав всю серьезность положения, создаваемого открытием России для операций иностранных компаний, законодательным путем установить правила участия их в промышленных предприятиях страны²⁸³.

Московская печать постоянно держала под прицелом работу предприятий, учрежденных на зарубежные средства, причем критика была всеобъемлющей. Например, «Московские ведомости» разразились циклом публикаций о Южном металлургическом районе. Приход англичан, французов, бельгийцев и создание ими предприятий описывались как национальная катастрофа. Вторжение иностранцев, по словам газеты, привело к разорению некогда цветущего края, который превратился в вотчину сомнительных коммерсантов, ищущих легкой добычи; русские собственники стали подвергаться настоящей травле, технический персонал, почти полностью иностранный, нещадно выжимает силы рабочих и т.д.²⁸⁴ Нужно сказать, эта критика экономической реформы находила отклик и в верхах: там не всем пришлась по душе активность набравшего силу С.Ю. Витте²⁸⁵. Одним из недовольных оказался великий князь Александр Михайлович. Он настойчиво пытался дискредитировать инициативы министра финансов в глазах императора, подавая всеподданнейшие записки и обосновывая пагубность курса на неограниченное привлечение иностранного капитала, в частности в нефтяные районы Закавказья²⁸⁶.

Отпор противникам иностранных инвестиций давали издания близкие к правительству. Так, «Торгово-промышленная газета» предложила своим читателям целый исторический экскурс в то, как ведущие европейские державы использовали иностранные финансовые ресурсы для подъема своих экономик. Были предложены детальные обоснования благотворности такой политики и необходимости для России следовать этому проверенному опыту²⁸⁷. Образцом для подражания объявлялся Петр Великий, который *«стремился овладеть для своей страны знаниями опередившей нас Европы»* 288. Подчеркнутое внимание уделялось угрозам, которые якобы несут иностранные инвестиции. Как убеждал рупор министерства финансов, их просто не существует: приходя на российский рынок, иностранные вложения становятся все более русскими. Издание напоминало об уважаемых в Москве капиталистах, тесно связанных с купеческим кланом: о Кнопе, Вогау, Гужоне, –

282 См.: Там же.

283 См.: Передовая // Русское слово. 1898. 5 августа.

284 См.: *Вольнец А.* Иностранцы и наша южная горнопромышленность // Московские ведомости. 1898. 18; 21; 22; 24; 25; 28; 30; 31 декабря.

285 Подробнее об этом, см.: Соловьев Ю.Б. Противоречия в правящем лагере России по вопросу об иностранных капиталах в годы первого промышленного подъема // Из истории империализма в России. Сб. статей. М.; Л., 1959. С. 361-380.

286 См.: «Докладная записка в. кн. Александра Михайловича императору Николаю II о нецелесообразности передачи российской нефтяной промышленности на Каспии иностранным компаниям и о мерах по развитию нефтедобычи на участках в Бакинском уезде». 20 марта 1898 года // ГАРФ. 543. Оп. 1. Д. 579. Л. 1-9.

287 См.: *Федоров М.* Письма о русской промышленности и иностранных капиталах // Торгово-промышленная газета. 1899. 24; 26; 27 января.

288 См.: Откровенные ходатаи // Торгово-промышленная газета. 1899. 29 января.

тонко замечая, что «едва ли Московское биржевое общество смотрит на них как на иностранцев, против вторжения которых оно желает принять меры»²⁸⁹. Поэтому иностранному капиталу, успешно осваивавшему юг России, мешать не следует. Петербургская пресса описывала перспективы экономического развития региона под началом иностранцев исключительно в восторженных тонах: на берегах могучего Днепра вырастают заводы, возводимые французскими и бельгийскими акционерными обществами; железные дороги и порты переполнены грузами – словом, кипит райская промышленная жизнь²⁹⁰. Так:

«не лучше ли бы было, если во главе мануфактурных предприятий стоял не только Савва Морозов, но и еще несколько бельгийцев, французоз, англичан, благодаря участию коих рубашки стали бы дешевле»²⁹¹.

Из всего этого купеческая буржуазия уяснила, что ее конкурентные перспективы весьма призрачны: она не располагала таким финансовым потенциалом, как иностранные компании, и не обладала необходимым административным ресурсом. Об обладании «контрольным пакетом экономики» России пришлось забыть; речь шла уже не о лидирующих позициях, а о непривлекательных миноритарных ролях. Привычные апелляции к верховной власти в данной ситуации теряли смысл. Это означало, что прежняя верноподданническая модель поведения практически исчерпана: она уже не помогает сохранить устойчивость в стремительно меняющемся экономическом пространстве. Осознание этого и предопределило переход московского купечества на новые политические рубежи. Иначе говоря, в начале XX века у этой части российских буржуа появились собственные причины для борьбы за изменение существующего государственного порядка, за ограничение власти и утверждение прав и свобод, устанавливаемых конституционно-законодательным путем; причины, обусловленные жесткими экономическими условиями, а не теоретическими соображениями общего характера.

Отношения с оппозиционными силами завязались у купечества не сразу. Это происходило постепенно, во многом в ходе осуществления масштабного просветительского проекта, инициированного представителями московского клана в конце XIX столетия. Как известно, Первопрестольная всегда позиционировала себя в качестве общерусского культурного центра, противостоящего официальной европеизированной культуре Петербурга²⁹². Теперь различие культурных оттенков дополнилось ярко выраженным оппозиционно-политическим подтекстом. Он проявился в ряде общественно-культурных начинаний, оставивших заметный след в отечественной истории. Издательства, театры, галереи распространяли либерально-демократический дух, который благодаря новым возможностям проникал в широкие интеллигентские слои и в российское общество в целом. Этот процесс целенаправленно финансировался видными представителями купеческой элиты. Иначе говоря, именно они оплачивали формирование той среды, где утверждались либеральные представления, неприятие чиновничьей опеки и протест против полицейского произвола. Многогранный культурно-просветительский проект купеческой буржуазии в течение каких-нибудь пяти-шести лет серьезно изменил общественную атмосферу в крупных

²⁸⁹ См.: Там же.

²⁹⁰ См.: *Авдаков Н.С.* Горнопромышленное движение на юге России // Новое время. 1896. 16 августа.

²⁹¹ См.: *Карцев А.С.* Иностранный капитал // Торгово-промышленная газета. 1899. 26 февраля.

²⁹² Подробнее об этом см.: *Гавлин М.Л.* Предприниматели и становление русской национальной культуры // История предпринимательства в России. М., 2000. Кн. 2. С 467-549.

городах страны. Взгляды, ранее принадлежавшие узкому кругу лиц, стремительно врывались в общественное сознание; множилось число тех, кто жаждал отказа от рудиментарного политического устройства. Политическая среда значительно расширялась за счет притока образованных людей, ставших носителями либеральной идеологии.

Но кроме этого следует обратить внимание на еще один важный аспект. Профинансированный купеческой элитой проект фиксировал ее полное размежевание со славянофильскими кругами, которые в течение десятилетий политически обслуживали капиталистов из народа. Теперь они решительно распрощались с иллюзиями относительно возможности дальнейшего развития на верноподданнической монархической почве. Взамен купечество обретало новых союзников – либерально настроенных дворян из земств и научной интеллигенции, также убежденных, что монархия *«стала игрушкой в руках бюрократической олигархии»*, превратилась *«в тормоз свободного развития России»*²⁹³. В начале XX столетия интересы традиционных поборников конституции и ее новых сторонников в лице купеческой буржуазии сошлись. Как вспоминал граф Д.А. Олсуфьев, хорошо знавший купечество Первопрестольной, в середине 1890-х годов московская деловая элита еще находилась во власти консервативно-славянофильских воззрений, а в начале XX века признаком хорошего тона в этой среде уже стала поддержка революции²⁹⁴.

Благодаря меценатским усилиям московской буржуазии в обществе сформировалась мода на либеральные взгляды. А это, в свою очередь, обусловило интерес к разнообразной политической периодике, впервые ощутившей под собой благодатную почву. Оживившиеся группы интеллигенции наладили выпуск газет, которые отражали их идеологические предпочтения. Примерно с 1903 года наблюдается устойчивое распространение нелегальных периодических изданий, критиковавших самодержавные устои и имперскую бюрократию. В одном из перлюстрированных полицией писем констатировалось, что в российском обществе задают тон такие печатные органы, как «Освобождение» и «Революционная Россия», популярностью пользуются «Искра» и «Заря»²⁹⁵. Упомянутые издания перекинули мостик от культурно-просветительского проекта непосредственно к политическому, качественно усилив политизацию общественной жизни. Судя по источникам, это происходило не только в обеих столицах, но и в губернских городах. Так, полицейское начальство, характеризуя обстановку в Нижнем Новгороде весной 1903 года, сообщало о заметной активности разных неблагонадежных лиц, о появлении большого количества крамольных газет и прочей литературы – и местной, и заграничной. Как отмечалось в донесении, *«в обществе чувствовалась расшатанность, в силу чего чуть не каждый считал своим долгом проявить свой либерализм»*²⁹⁶. А ведь всего четыре-пять лет назад ничего подобного не наблюдалось: в городе тогда существовало всего несколько кружков из студентов, преподавателей и лиц без определенных занятий, которые устраивали чтения и беседы, мало кого интересовавшие²⁹⁷.

²⁹³ См.: Шаховской Д.И. Доклад на Учредительном съезде «Союза освобождения». 3-5 января 1904 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. М., 2001. С. 69.

²⁹⁴ См.: Олсуфьев Д.А. Революция (из воспоминаний о 90-х годах и о моем товарище Савве Морозове) // Возрождение. 1931. 27 июля; Он же. Москва и революция // Возрождение. 1931. 31 июля.

²⁹⁵ См.: Копия письма с подписью «Л-вь» в г. Штутгарт г-ну Ф. Цунделю. 2 апреля 1903 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1904. Д. 1860. Л. 8 об.

²⁹⁶ См.: Рапорт начальника нижегородского охранного отделения в Департамент полиции МВД. 1 апреля 1903 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1898. Д. 9. Ч. 2. Л. Б. С. 49.

²⁹⁷ См.: Там же.

Разумеется, для властей такая популяризация либеральных устремлений стала неприятным сюрпризом. Особенно пугало то, что эти веяния глубоко укоренялись в образованных слоях, чего прежде не происходило. Общество все отчетливее осознавало себя движущей силой политического реформирования. Эта тенденция вызывала в верхах противоречивую реакцию. До осени 1904 года основной была точка зрения В.К. Плеве: правительство не должно выпускать преобразовательную инициативу из своих рук. Любые попытки общественности примерить на себя руководящую роль в этом процессе следует пресекать, а *«не плыть по течению, стараясь быть всегда впереди»*²⁹⁸. Однако после гибели Плеве от рук террориста возобладала другая концепция, продвигаемая С.Ю. Витте, который считал нужным пойти навстречу растущему общественному движению – и овладеть им. Эту политику попытался реализовать новый министр внутренних дел князь П.Н. Святополк-Мирский. Будучи довольно слабым руководителем, он сразу подпал под влияние Витте. По свидетельству В.Н. Коковцова осенью 1904 года ни дня не проходило без встречи между ними²⁹⁹. Князь Святополк-Мирский провозгласил новую политику, вошедшую в историю под названием *«курса взаимного доверия власти и общества»*. Этот шаг вызвал широкий общественный резонанс – канцелярия министерства не успевала фиксировать поступающие телеграммы. Всех охватило воодушевление, за исключением, правда, самого министра, которого все происходящее испугало³⁰⁰. Беспокоился он не зря: задуманный курс уже не мог укрепить авторитета власти, окончательно подорванного культурно-просветительским проектом купечества. Все большим спросом пользовались альтернативные сценарии утверждения конституционализма снизу. Обуздать или тем более возглавить либерально-реформаторские порывы, расцветавшие в обществе, не удавалось. Конкретным результатом «политики доверия» стало усиление общественного подъема; страна буквально наводнилась оппозиционной печатью (как заметил автор одного перлюстрированного письма, *«теперь все интересные книги вышли в легальной литературе, так что нет смысла читать нелегальщину»*³⁰¹).

Стержнем «политики доверия» стало взаимодействие министра внутренних дел князя П.Н. Святополк-Мирского с земскими деятелями, которые тогда шли в авангарде либерального движения. С начала октября 1904 года он начал приглашать их на беседы, и те с готовностью воспользовались новой возможностью влиять на государственную политику. Кстати, к этому времени относятся и первые случаи открытого участия лидеров московской купеческой группы в оппозиционном движении. В череде частных собраний, посвященных конституционному переустройству, принимали участие С.Т. Морозов, В.П. Рябушинский, С.В. Сабашников, А.И. Гучков, С.И. Четвериков и др. Эти мероприятия подготовили Первый съезд земских представителей, не без трудностей, но все же легально прошедший 6-9 ноября 1904 года в Петербурге. Земцы, разумеется, не удержались от требований конституции и реформ; они считали эти требования результатом собственной работы, и это вполне понятно: таким образом оппозиционные силы обретали внятную политическую перспективу. Легальный выброс реформаторской энергии произвел отнюдь не умиротворяющий эффект. Даже сами участники съезда характеризовали его не иначе как *«начало первой русской*

²⁹⁸ См.: Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания. 1902-1906 годы // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 71.

²⁹⁹ См.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 годы. М., 1992. Кн. 1. С. 58.

³⁰⁰ См.: Менделеев П.П. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 5971. Оп. 1. Д. 109. Л. 188-189.

³⁰¹ См.: Выписка из полученного агентурным путем письма с подписью «Лена» к Н. Плотниковой в Псковскую губернию. 7 июня 1905 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 24. Л. 38.

революции»³⁰². Московская буржуазия – уже не частным образом, а публично – поддержала общественно-либеральное движение. Так, 30 ноября 1904 года гласные только что избранной Городской думы перед обсуждением сметы на будущий год заявили: единственным выходом из создавшегося положения «представляется установление начала законности как общегосударственного условия плодотворной деятельности и создания законов при постоянном участии выборных от населения»³⁰³. Московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович тут же опротестовал это заявление, однако Думу поддержал Московский биржевой комитет³⁰⁴. (В этом, правда, не было ничего удивительного, поскольку ряд авторитетных гласных думы одновременно заседали и в биржевом комитете.)

Нарастающее не по дням, а по часам общественное движение не замедлило объявить своей крупной победой издание указа от 12 декабря 1904 года, которым власть провозгласила начало политических реформ в стране. Повсюду развернулись дискуссии по этой животрепещущей теме, особенно в Москве, утверждавшейся в роли оппозиционного центра. В домах Ю.А. Новосильцева, князей Павла и Петра Долгоруких, неподалеку от храма Христа Спасителя, регулярно собирались земцы: обсуждали переустройство страны, устраивали земские съезды, на которые более правые дворяне-земцы уже перестали являться³⁰⁵. Подобные мероприятия проводились и в купеческих особняках. Как сообщали очевидцы, «масса людей захвачена этим, везде и всюду только и разговоров, что об этих собраниях»³⁰⁶. Среди интеллигенции популярностью пользовались встречи у известной купчихи В.А. Морозовой на Воздвиженке. Будущий кадет А.А. Кизеветтер вспоминал, что «этот дом вообще играл важную роль в общественной жизни», либеральная профессура и журналистика многим были ему обязаны³⁰⁷. Ежедневно сюда стекалось до трехсот человек, которые вели не только теоретические дебаты, но и планировали создание комитета пропаганды с целью свержения самодержавия. В стенах этого дома раздавались призывы вынудить Николая II отречься от престола с передачей прав малолетнему наследнику, а в случае отказа – истребить царскую фамилию³⁰⁸. В мае 1905 года здесь прошел учредительный съезд Союза союзов. Лидеры земского движения считали, что на Воздвиженке собирались, как деликатно выразился князь П.Д. Долгорукий, «элементы с наиболее отзывчивым темпераментом... до последнего времени воспитывавшиеся на конспиративных нелегальных организациях»³⁰⁹. Еще одно излюбленное место радикальной публики – особняк М.К. Морозовой (невестки В. А. Морозовой) на Смоленском

³⁰² См.: *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Прага, 1934. С. 355.

³⁰³ См.: «Заявление 74 гласных, рассмотренное и единогласно принятое в собрании Московской городской думы». 30 ноября 1904 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 50. Л. 2 об.-3.

³⁰⁴ См.: *Ерманский А.* Крупная буржуазия // Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2. С. 63-64.

³⁰⁵ См.: *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 285.

³⁰⁶ См.: Выписка из полученного агентурным путем письма к А. Самойловой в г. Казань. 1 апреля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Л. 9.

³⁰⁷ См.: *Кизеветтер А.А.* На рубеже веков. Воспоминания. М., 1997. С. 168.

³⁰⁸ См.: ГАРФ. Ф. 63. 1904. Д. 806. Т. 2. Л. 10.

³⁰⁹ См.: Съезд «Союза земцев-конституционалистов» в Москве. 9-10 июля 1905 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. М., 2001. С. 364.

бульваре.³¹⁰ Здесь проявили себя многие известные в будущем деятели Государственной думы. Тут же состоялась и громкая политическая дуэль П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова по польскому вопросу, ставшая впоследствии «первой чертой водораздела между кадетами и октябристами»³¹¹.

Царизм начал движение в сторону трансформации абсолютной монархии в конституционную – весной-летом 1905 года это ни у кого не вызывало сомнений. Но отношение к этому повороту в разных слоях общества было далеко не одинаковым. Правительство собиралось идти навстречу тем, кого устраивал конституционно-монархический сценарий развития страны, и одновременно выдавливать на политическую периферию остальные группы. Один из идеологов такой модели поведения власти, Д.Ф. Трепов, любил повторять:

«революция не страшна, когда ее делают революционеры, но становится опасной в случае присоединения к ней умеренных элементов, которые всем существом своим должны стоять за существующий государственный порядок»³¹².

Поэтому речь шла о вовлечении в правительственный конституционный проект участников земского движения и профессуры. Этим высокообразованным слоям давалось понять, что их заветные либеральные чаяния осуществимы только при взаимодействии с властью. Иначе говоря, их подлинным союзником выступает именно власть, а не те деятели, которые предпочитают внутригосударственную конфронтацию с малопредсказуемыми последствиями. И надо заметить, что у многих сторонников либеральной идеологии весной-летом 1905 года сотрудничество с правительством отторжения не вызывало: вооруженные методы выяснения отношений с властью в земской и профессорской среде явно не пользовались популярностью.

Остановимся на малоизвестных фактах, свидетельствующих о желании властей и оппозиционных сил нащупать точки взаимодействия. В мае-июне князь Андрей Ширинский-Шихматов (его родной брат Алексей недолгое время в 1906 году был обер-прокурором Св. Синода) по протекции сестры императрицы Елизаветы Федоровны (вдовы убитого в феврале великого князя Сергея Александровича) получает высочайшую аудиенцию. Он обстоятельно информирует Николая II об общественных настроениях в Первопрестольной. В итоге ему поручается отвезти в Москву собственноручное письмо государя и посоветоваться там с некоторыми видными деятелями по поводу составления проекта конституции. Он проводит ряд встреч, на которых присутствовали Д.Н. Шипов и другие земские представители³¹³. Поручение этой специальной миссии А.А. Ширинскому-Шихматову явно неслучайно: другой лидер московской либеральной общественности проф. С.А. Муромцев испытывал к нему большее личное расположение (в свое время Муромцев даже сватался к сестре князя, но получил родительский отказ; привязанность к своей возлюбленной он сохранил до конца жизни)³¹⁴. Однако переговоры Ширинского-Шихматова по конституционным проблемам не получили развития: их содержание получило огласку через зарубежную прессу, что вызвало

³¹⁰ См.: Донесение Московского градоначальника в Департамент полиции. 29 апреля 1905 года // ГАРФ. Ф. 63. 1904. Д. 806. Т. 2. С. 43, 72-73.

³¹¹ См.: Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 282.

³¹² См.: Бельгард А.В. Воспоминания. М., 2009. С. 228.

³¹³ См.: Графиня Комаровская Е.А. Воспоминания. М., 2003. С. 144-145.

³¹⁴ См.: Там же. С. 60-61.

недовольство в верхах. Тем не менее вариант проекта Основных законов, подготовленный земцами и профессорами, увидел свет. Известно, что это стало упреждающим действием на ожидающееся обнародование проекта конституции с совещательной думой, который разрабатывался у министра внутренних дел А.Г. Булыгина. Как откровенно признавался И.И. Петрункевич, было «важно заменить чем-нибудь проект Булыгина»³¹⁵.

Суть проекта Муромцева и его соавторов также сводилась к эволюционному переходу от абсолютизма к конституционной монархии. В нем предусматривалось учреждение Государственной думы, состоящей из двух палат: народного представительства и земской. Если первая избиралась бы всем населением страны, то вторая – земскими губернскими собраниями и городскими думами. В этом контексте монархическая власть приобретала ограниченный характер, но в то же время выступала верховным гарантом права и законности³¹⁶. Как опытный юрист, Муромцев пытался сочетать стремление к коренным реформам с умеренностью при обсуждении тактических вопросов³¹⁷. Он подчеркивал: после государя первое лицо в государстве – председатель Государственной думы. Особое отношение было у него к провозглашению политических прав личности и общества; соответствующий раздел проекта разработан подробно и тщательно³¹⁸. Московские либеральные круги высоко оценивали появление проекта, поскольку его наличие лишало власть монополии на инициативу при трансформации неограниченной монархии в конституционную. Конечно, оппозиция жаждала закрепить роль инициаторов преобразований и посредников между старой и новой Россией за собой³¹⁹. Но позднее, в эмиграции, некоторые видные оппозиционные деятели той поры невысоко оценивали свою правовую работу в сравнении с работой либеральной бюрократии. Например, В.А. Маклаков спустя двадцать с лишним лет откровенно указывал на беспомощность общественности и непригодность «тех собственных конституций, которые она в составе лучших своих сил приготовила»³²⁰. Хотя современные исследователи именно проект Муромцева считают теоретической основой последующего конституционного движения в России³²¹. Примечателен такой факт: в 1905-1906 годах, когда возникла практическая потребность в наработках конституционной мысли, Государственная канцелярия выпустила специальное издание по этой проблематике. В нем содержались обширные выдержки из трудов А.Д. Градовского, Н.М. Коркунова, Б.Н. Чичерина, а вот работы поборников общественного либерализма из московских ученых и правоведов там отсутствовали³²².

И все же нельзя сказать, что либеральная бюрократия начала XX века игнорировала

³¹⁵ См.: Общероссийский съезд земско-городских деятелей в Москве. 6-8 июля 1905 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. М., 2001. С. 277.

³¹⁶ См.: Там же. С. 279-280, 286.

³¹⁷ См.: Из записок Ф.А. Головина // Красный архив. 1933. №3. С. 143.

³¹⁸ См.: Записки Ф.А. Головина // Красный архив. 1926. №6. С. 132.

³¹⁹ См.: *Тыркова-Вильямс А.* На путях к свободе. Лондон. 1990. С. 246-247.

³²⁰ См.: *Маклаков В.А.* Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Париж, 1936. Т. 3. С. 558.

³²¹ См.: *Медушевский А.Н.* Сергей Андреевич Муромцев // Российские либералы. М., 2001. С. 277.

³²² См.: Самодержавие. История, закон, юридическая конструкция. Б. м., б. г.

московское конституционное творчество. К примеру, с ним посчитал нужным ознакомиться патриарх государственного либерализма Д.М. Сольский. Его продолжительная беседа с тем же Муромцевым состоялась 3 июля 1905 года, накануне очередного земского съезда, где рассматривался его проект Основного закона. Непосредственным организатором встречи выступил директор знаменитого петербургского Александровского лицея А.П. Саломон: он хорошо знал Муромцева, с 1898 года читавшего в лицее курс по гражданскому праву³²³. С другой стороны, еще лучше Д.М. Сольскому был известен Саломон: он приходился племянником уже покойному министру народного просвещения А.В. Головину – либеральному деятелю эпохи Александра II. На Муромцева встреча произвела большое впечатление, он оценил своего собеседника как человека, *«искренно преданного делу народного представительства и достаточно просвещенного в области конституционных вопросов»*³²⁴. Сольскому также не могло не импонировать решение московских авторов конституции придать ей консервативный характер: группа Муромцева стремилась обеспечить органичное включение подготовленного Основного закона в общий законодательный свод империи. Конечно, не осталось незамеченным, что отдельные фразы ключевой статьи проекта о государственном устройстве взяты не только из постановления земского съезда, но и из Рескрипта от 18 февраля 1905 года³²⁵. Неудивительно, что труд Муромцева и его соавторов оказал влияние на текст правительственных Основных законов, правда, не в такой степени, как хотелось бы самим земцам³²⁶. Видимо, поэтому соратник С.А. Муромцева Ф.Ф. Кокошкин, оставивший любопытные воспоминания, утверждал задним числом, что Сольский, при всей своей симпатии к земскому движению, не мог побудить правительство пойти ему навстречу³²⁷. Этот вывод Кокошкина спорен, поскольку последующие события вокруг земских съездов свидетельствуют как раз об обратном: Сольский оказывал им большую поддержку.

Вспомним, в какой сложной обстановке проходил земский съезд 6-8 июля 1905 года, где и обсуждался, и был принят проект Муромцева. Открытию съезда препятствовала администрация города, заседание было фактически запрещено московским генерал-губернатором А.А. Козловым. На квартиру Ф.А. Головина, где заседало оргбюро, явилась полиция; в день открытия съезда в особняк князей Долгоруких тоже пожаловали полицейские наряды; у ряда участников съезда прошли обыски. Власти опасались, что собрание провозгласит себя учредительным и приступит к формированию альтернативного правительства³²⁸. Ф.А. Головин – будущий председатель II Государственной думы – посетил Козлова, дабы выразить свое возмущение действиями полиции. Но тот в свое оправдание сослался на петербургское начальство.

куда и просил адресовать жалобы. Вместе с тем, видимо в знак сочувствия, он дал явно неслучайный совет: обратиться в столице к Д.М. Сольскому³²⁹. Головин, который уже

³²³ См.: Милуков П.Н. С.А. Муромцев. Биографический очерк // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. М., 1911. С. 44.

³²⁴ См.: Там же.

³²⁵ См.: Кокошкин Ф.Ф. С.А. Муромцев и земские съезды // Там же. С. 224-225.

³²⁶ См.: Там же. С. 227.

³²⁷ См.: Там же. С. 226.

³²⁸ См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 48.

³²⁹ См.: Из записок Ф.А. Головина // Красный архив. 1933. № 3 (58). С. 146.

много слышал хорошего об этом высокопоставленном сановнике от Муромцева, именно так и поступил. Встреча полностью оправдала его ожидания. Сольский долго расспрашивал его о земском движении, интересовался съездами и настроениями участников, выразил свое позитивное отношение к законодательному представительству. О конкретной жалобе, с которой и пришел к нему Головин, он обещал поговорить с государем³³⁰. Головин возвратился в Москву преисполненный энтузиазма: полиция зафиксировала несколько частных совещаний земских и городских деятелей, где активно обсуждалась его петербургская встреча³³¹. Последствия визита не заставили себя долго ждать. Уже 15 июля 1905 года Первопрестольная получает нового генерал-губернатора П.П. Дурново. (Правда, в молодости, в начале 70-х годов XIX века, он уже был московским губернатором, отметившись громким конфликтом с городским головой купцом И.А. Лямыным.) В мемуарах Витте прямо говорится, что это назначение состоялось благодаря протекции Д.М. Сольского, который покровительствовал Дурново (и в частности, обеспечил его вхождение в Государственный совет). Заметим, что новый московский генерал-губернатор имел устойчивую репутацию либерала³³², и она оправдалась уже 3 августа 1905 года – во время его официального представления в должности. П.П. Дурново много говорил о готовящейся конституции, о народном представительстве и призвал всех оказать поддержку новым начинаниям правительства³³³. Лично он такую поддержку продемонстрировал: во время службы Дурново в Москве прекратилось давление на земцев. Так, подготовка и проведение их очередного съезда в середине сентября 1905 года впервые обошлись без каких-либо эксцессов, что не осталось незамеченным устроителями мероприятия³³⁴.

Столь же важным для земского движения, как назначение П.П. Дурново, оказался визит в Москву сенатора К.З. Постовского. Он был послан по высочайшему повелению для выяснения обстановки после июльского съезда. Николая II встревожило оглашенное на нем обращение земцев к населению. К тому же существовала опасность сближения земских кругов с революционными элементами. Заметим, что Постовскому были даны четкие указания: не устраивать ни допросов, ни тем более преследований³³⁵, – и общение получилось вполне благожелательным. Один из земцев, В.И. Вернадский, писал:

«"Постовский и его помощники" убедились в полной нашей легальности. В действительности из всех ныне существующих политических групп мы как раз являемся наиболее умеренными в форме нашей деятельности, а по программе своей представляем настоящую государственную группу»³³⁶.

³³⁰ См.: Там же.

³³¹ См.: Докладная Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 27 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 113.

³³² См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 549.

³³³ *Си.: Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 67.

³³⁴ См.: *Кокошкин Ф.Ф.* С.А. Муромцев и земские съезды // Сергей Андреевич Муромцев. Сб. статей. С. 240.

³³⁵ См.: Земцы и сенатор Постовский // Освобождение. 1905. 18(5) сентября. С. 506.

³³⁶ См.: Выписка из письма В.И. Вернадского к Е.А. Короленко в Петербург. 27 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 160.

Такую самооценку, прозвучавшую из уст видного съездовского деятеля, следует признать вполне справедливой. Примечательно, что земцы решили до окончания миссии сенатора воздержаться от какой-либо активной политической деятельности: если вдруг она будет расценена как незаконная, участники съездов могут лишиться возможности быть избранными в думу³³⁷. По поводу обращения к народу, так встревожившего власть, земские деятели уверяли, что оно преследовало единственную цель – успокоить народ. С долей обиды они указывали на воззвания к тому же русскому народу, которые беспрепятственно распространялись господами Шараповыми и Грингмутами (редактор промонархической газеты «Московские ведомости»)³³⁸. Вообще приверженцы либерализма старались не отставать от ура-патриотической пропаганды: к примеру, прием земской делегации Николаем II они сделали поводом для целой агитационной кампании. Десятки тысяч печатных сообщений о высочайшей аудиенции распространялись по губерниям, а кое-кто, как, например, князь П.Д. Долгорукий, лично объезжали волости в Московской губернии, чтобы поведать крестьянству эту радостную весть³³⁹.

Все перечисленные выше эпизоды очень важны для понимания всего, что случилось позднее в 1905 году. Они совершенно не укладываются в стереотипное представление, будто царизм был нацелен на консервацию самодержавных порядков и на дух не переносил земских преобразовательных устремлений. Тем не менее шаги, предпринятые властью до октябрьско-декабрьского обострения, свидетельствуют о стремлении правительства включить движение, развивающееся снизу, в свой конституционный сценарий. И это стремление отнюдь не было утопическим, что подтверждают итоги очередного общероссийского съезда земских и городских деятелей, состоявшегося в середине сентября 1905 года. На этом крупном мероприятии обсуждалось отношение оппозиционной общественности к Высочайшему Манифесту, обнародованному 6 августа. Конечно, конституционное творчество верхов никого не могло оставить равнодушным, но что касается земцев, то большинство из них склонилось к поддержке булыгинской думы. Профессор М.М. Ковалевский объяснял это тем, что:

«ею разрывалась цепь, связующая нас с бюрократическим самовластием и „временными правилами“, почти всецело заступившими место законов в царствование Александра III»³⁴⁰.

Земское движение, занимавшееся проблемами государственного строительства, не поддержало бойкот совещательной думы, призвав участвовать в предстоящих выборах и войти в будущую думу сплоченной группой. Интересно, что весомым аргументом в пользу такого решения стало для земцев исключение из числа избирателей представителей остальных слоев общества. В докладе В.Е. Якушкина прямо подчеркивалось, что по условиям изданного избирательного закона из тех, кто мог бы выступать с самостоятельной программой, только земские и городские деятели не устроятся от выборов. А потому участие в избирательной кампании становится для них крайне ответственным делом и

³³⁷ См.: Докладная записка Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в г. Москве в Департамент полиции. 29 июля 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 159-159 об.

³³⁸ См.: Письмо И.И. Петрункевича к сенатору К.З. Постовскому // Архив русской революции. Т. 21. С. 459.

³³⁹ См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 1000. Ч. 1. Т. 2. Л. 69, 165.

³⁴⁰ См.: Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания М., 2005. С. 340.

приобретает особый смысл³⁴¹. При этом в докладе говорилось о дальнейшем усовершенствовании как самой Государственной думы, так и порядка избрания в нее. Подход, обозначенный в Манифесте от 6 августа, объявлялся руководством к будущим действиям³⁴². Радикальным же элементам, настойчиво призывавшим к коренной ломке государственного строя, адресовался упрек в недостаточной сплоченности и организованности³⁴³.

Подобная думская конструкция совсем не устраивала новых приверженцев конституционных ценностей – купеческую буржуазию. Не ради таких итогов она делала ставку на либеральный проект. (И это ключевое обстоятельство недостаточно оценено исторической литературой, включая современную³⁴⁴.) Заметим, купеческая элита не принимала активного участия в партийном строительстве промышленников (хотя партийная горячка охватила тогда всех). Инициатива принадлежала Петербургу, откуда правительству была направлена просьба привлечь представителей биржевых комитетов к обсуждению законодательных проектов³⁴⁵. Но приезд в Москву 4 июля 1905 года одного из организаторов торгово-промышленной общественности, В.И. Ковалевского, лишь заставил купечество продемонстрировать острое недовольство совещательной думой в земледельческом облике. На этом заседании представители биржевых комитетов центра, Поволжья и Урала высказались за введение конституционного строя, за снятие всех ограничений для развития промышленности и за крестьянские реформы, способствующие росту народного благосостояния³⁴⁶. Глава московских биржевиков Н.А. Найденов, испугавшись всплеска эмоций, даже попросил всех покинуть помещение биржевого комитета; заседание продолжилось в доме П.П. Рябушинского³⁴⁷. Уже тогда можно было почувствовать, что воинственный порыв купеческой элиты сильно отличался от настроений, преобладающих среди тех же земских деятелей. Правительству политические дебаты доморощенных буржуа радости, конечно, не доставили, и тем не менее оно не ожидало от них серьезных угроз, а тем более срыва консервативно-конституционного сценария. Власти были уверены: купеческие претензии растворятся в инициативе петербургской буржуазной группы, не помышлявшей действовать вне правительственного курса; и эти ожидания полностью подтвердились. Промышленники Петербурга и Юга России решили избегать политических дебатов и сконцентрировались на деловой проблематике. В результате возникла идея вместо партии создать экономическое объединение. Вскоре оно и появилось

³⁴¹ См.: Доклад В.Е. Якушкина на Общероссийском съезде земских и городских деятелей в Москве. 12-15 сентября 1905 года // Либеральное движение в России. 1902-1905 годы. С. 404.

³⁴² См.: Там же.

³⁴³ См.: Там же. С. 406.

³⁴⁴ Хотя здесь начали происходить позитивные сдвиги. Наиболее ярким примером является монография польского ученого Э. Вишневецки, специально изучавшего московское купечество и его участие в первой русской революции. Автор не соглашается с краеугольным тезисом советской историографии о контрреволюционности крупной русской буржуазии. См.: *Вишневецки Э.* Капитал и власть в России. М., 2006. С. 297.

³⁴⁵ О попытках буржуазии создать свою партию см.: *Шенгелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904-1914 годах. Л., 1987. С. 77-82.

³⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. 63. 1905. Д. 793. Л. 30-31.

³⁴⁷ См.: Там же. С. 39-40.

под названием «Совет съездов представителей промышленности и торговли». Кстати, московская деловая элита осталась в стороне и от этой предпринимательской организации.

Оценивая партийные начинания российской буржуазии, следует признать их политическую несостоятельность: оппозиционность отечественных капиталистов в публичной сфере не была серьезной. Но вместе с тем именно здесь находится узловая точка всех последующих перипетий 1905 года. Если у питерских буржуа, ориентированных на правительство, инициативы политического характера, едва обозначившись, быстро иссякли, то капиталисты из народа двинулись иным, не публичным путем. У них имелся собственный сценарий, который не ограничивался созданием торгово-промышленной партии и должен был нарушить планы властей по избранию совещательной думы. В конце июля 1905 года представители крупной московской буржуазии еще раз, теперь в узком кругу, вернулись к вопросам, поднятым на совещании биржевиков 4 июля. На мероприятии в доме фабриканта И. А. Морозова (сына В. А. Морозовой, обычно собиравшей радикальные элементы в своем особняке) присутствовало около тридцати видных промышленников. По сведениям полиции, они занимались согласованием конкретных действий на тот случай, если Государственная дума будет объявлена лишь законосовещательной, а не законодательной. Предлагалось противодействовать такому правительственному решению; звучали угрозы приостановить фабрики и заводы для создания массового рабочего движения, препятствовать реализации внутренних займов, отказаться платить промысловый налог и т. д.³⁴⁸ Очевидно, что купеческую элиту занимали не конституционные искания в стиле Муромцева и его группы, а практические шаги по противодействию правительственным планам. В августе обсуждение было продолжено в Нижнем Новгороде, во время проведения ярмарки. Участники этой встречи сосредоточились (что очень примечательно) на состоянии рабочего движения³⁴⁹. По сути, был взят курс на социально-политическую конфронтацию. Для этого у московского купечества имелись не только денежные средства, но и необходимые связи в тех кругах, которые были способны предельно обострить ситуацию. Включившись в борьбу за конституционный строй, купеческая элита не ограничилась посещением земских съездов, понимая, что реформаторского порыва дворянско-интеллигентской публики будет недостаточно для того, чтобы заставить власть осуществить чаемые перемены, и потому предусмотрительно обратилась к наиболее радикальным деятелям. Таковые концентрировались в кружках социал-демократов и социал-революционеров. Они делали ставку на силовое выяснение отношений с царизмом: требования конституции и свобод под аккомпанемент взрывов и выстрелов звучали куда более убедительно. Тогда ни для кого не являлось секретом, что многие из купеческих тузов завязали и поддерживали отношения с крайними экстремистами.

К осени 1905 года купечество оказалось не только чрезвычайно заинтересованным, но и наиболее подготовленным участником развернувшегося преобразовательного процесса. Имеющиеся у купеческой верхушки связи во всех кругах оппозиционного движения обеспечили ей особое положение в спектре социально-политических сил того времени. Согласимся: каждая существовавшая в тот период оппозиционная группа действовала в конкретной политической нише, не имея большого влияния за ее пределами. Поэтому эскалацию напряженности, переросшую в массовые беспорядки, осуществлять было просто некому, кроме купеческой буржуазии, обладавшей разносторонним коммуникативным и широким финансовым ресурсом. Любопытно отметить, что до осеннего обострения в Москве проправительственные круги слабо представляли, кто разогревает оппозиционные силы. Главным образом им виделся след иностранных врагов, стремившихся создать внутренние затруднения во время военных действий. О японских усилиях на этой ниве (связь

³⁴⁸ См.: Там же. С. 68-69.

³⁴⁹ См.: Там же. С. 94.

с эмиграцией, средства на покупку оружия) власти были неплохо осведомлены³⁵⁰. Эти сведения дополняли разоблачения англичан, якобы финансировавших рабочее движение. И.о. московского градоначальника Руднев распространял среди населения слухи и листовки такого содержания: сочувствуя забастовкам, русские люди играют на руку злейшим врагам родины – англичанам. Посол Великобритании даже выражал по этому поводу протест российскому МИДу³⁵¹. А вот о роли московской буржуазии в дестабилизации обстановки до декабрьского восстания говорили мало. Ее заинтересованность в революционных событиях власть осознала гораздо позже. Впоследствии сообщалось даже о случаях шантажа именитых купцов, когда различные авантюристы вымогали у них крупные суммы за неразглашение сведений о жертвованиях на организацию беспорядков осенью 1905 года³⁵².

Московское обострение, или, как говорили советские историки, высший подъем первой русской революции, представляет собой короткий отрезок времени, во время которого был сорван конституционный сценарий власти и инициатива перешла от правительства к оппозиции. Здесь уместно привести прогноз, сделанный в свое время В.К. Плеве:

«Революция у нас будет искусственной, необдуманно сделанной так называемыми образованными классами, общественными элементами. У них цель одна: свергнуть правительство, чтобы самим сесть на его место, хотя бы только в виде конституционного правительства. У царского правительства, что ни говори, есть опытность, традиции, привычка управлять. Заметьте, что все наши самые полезные, самые либеральные реформы сделаны исключительно правительственной властью, по ее почину, обычно даже при несочувствии общества... из лиц, из общественных элементов, которые заменят нынешнее правительство, – что будет? – одно лишь желание власти, хотя бы даже одушевленное, с их точки зрения, любовью к родине. Они никогда не смогут овладеть движением. Им не усидеть на местах уже по одному тому, что они выдали так много векселей, что им придется платить по ним и сразу идти на уступки. Они, встав во главе, очутятся силою вещей в хвосте движения. При этих условиях они свалятся со всеми своими теориями и утопиями при первой же осаде власти. И вот тогда выйдут из подполья все вредные преступные элементы, жаждущие гибели и разложения России, с евреями во главе»³⁵³.

Эти мысли Плеве высказал в ходе спора с Витте в октябре 1902 года. Сила его предвидения не может не поражать.

Результатом осенних событий 1905 года стало вынужденное, противоречившее планам властей учреждение законодательной думы. Своего рода девизом этих беспрецедентных событий может служить восклицание нового председателя Московского биржевого комитета Г.А. Крестовникова на приеме у С.Ю. Витте:

«Дайте нам скорее Думу, скорее соберите Думу!»³⁵⁴

³⁵⁰ См.: Павлов Д.Б., Петров С.А. Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 53-55.

³⁵¹ См.: На чей счет содержатся революционные шайки? // Московские ведомости. 1905. 19 марта.

³⁵² См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1912. Д. 56. Т. 1. Л. 35.

³⁵³ См.: Любимов Д.Н. События и люди. Воспоминания. 1902-1906 годы // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 72-73.

³⁵⁴ См.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 168.

В организации этих московских перипетий явно чувствуется «купеческая рука». Как известно, всероссийская октябрьская стачка началась в конце сентября. Первыми выступили московские печатники и булочники, точнее, типографии И.Д. Сытина и пекарни Д.И. Филиппова. Одновременно с ними активизировались и представители пищевой отрасли: недаром «молочный король» Первопрестольной А.В. Чикин каждое воскресенье отправлял работников за город выслушивать пламенные речи ораторов-социалистов – Скворцова-Степанова, Лядова, Красикова и др.³⁵⁵ Современные исследователи, специально занимавшиеся этими эпизодами, утверждают, что забастовки всячески провоцировали сами хозяева: они подогревали ситуацию, выплачивая рабочим зарплату в стачечные дни, и с этих предприятий забастовочная волна покатила дальше, захватывая железные дороги³⁵⁶. Параллельно с нарастанием забастовки активизировался Московский биржевой комитет. От его имени в Министерство финансов было направлено обращение, извещавшее о намерении остановить фабрики, что еще больше осложнит положение в городе³⁵⁷. Причем в этом обращении не ощущается никакой тревоги, скорее – слышны ноты угроз в адрес правительства: мы закроем предприятия, выставим людей на улицу (т.е. усилим забастовочную волну), а там посмотрим, как вы справитесь. О настрое фабрикантов можно судить и по их специальному заявлению, опубликованному прессой в разгар стачек³⁵⁸. В нем сказано, что рабочее движение вызвано не экономическими, а политическими причинами, и выражен категорический протест против введения военного положения в городе (оно названо *«трудно поправимым бедствием»*). Рецепт же успокоения, по мнению купечества, состоит совсем в другом – в безотлагательном удовлетворении требований общества *«по устройению нашей жизни на началах, вполне ограждающих нас от возможности возврата к старым формам, приведшим Россию на край гибели»*. К числу таких начал в первую очередь отнесено расширение прав Государственной думы и превращение ее в законодательный орган, а также пересмотр закона о выборах³⁵⁹.

Здесь следует вспомнить, что забастовочному движению предшествовали попытки Московской городской думы добиться вывода из города расположенных в нем казачьих войск. Об этом некоторые гласные начали говорить уже в конце сентября 1905 года³⁶⁰.

³⁵⁵ См.: Малашкин С.И. В поисках юности. М. 1983. С. 44. Будущий советский писатель Сергей Малашкин (уроженец Тульской губернии) в начале XX века подростком начал работать в фирме московского купца Чикина, и был хорошо знаком с политическими пристрастиями хозяина. Кстати, компаньоном Чикина являлся родной брат известного в Москве адвоката Н.В. Тесленко, ставшего видным членом кадетской партии.

³⁵⁶ См.: Островский А.В. Сентябрьские события 1905 года в Москве // Политическая история России первой четверти XX века. СПб., 2006. С. 137-142.

³⁵⁷ См.: Письмо министра финансов В.Н. Коковцова к Д.Ф. Трепову. 9 октября 1905 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1905. Д. 2555. Л. 159-159 об.

³⁵⁸ См.: Заявление выборных от фабрикантов г. Москвы к Московскому генерал-губернатору // Русское слово. 1905. 16 октября.

³⁵⁹ См.: Там же.

³⁶⁰ См.: Письмо Председателя Московского биржевого комитета Н.А. Найденова к Московскому генерал-губернатору П.П. Дурново. 21 сентября 1905 года, // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 235. Л. 24-24 об.

Найденов, двадцать пять лет возглавлявший Московский биржевой комитет, с трудом принимал перемены, происходящие в купеческой среде, в частности ее переход к конституционно-либеральным ценностям. Особенно это стало заметно в 1905 году, в период обострения отношений с правительством. Найденов опасался поддерживать радикальные инициативы купеческой элиты, но никак не мог им противостоять. Он скончался в ноябре 1905 года.

Кроме того, дума поручила городской управе обратиться к военному ведомству с просьбой о предоставлении помещения Манежа, находящегося напротив Александровского сада, для народных собраний³⁶¹. Требования вывести казачьи войска усилились после беспорядков в день похорон Н.Э. Баумана (20 октября), а кроме того, городская дума настаивала, чтобы казаки до их удаления из города не привлекались к полицейской службе³⁶². Однако военные власти не собирались выполнять подобные просьбы и наотрез отказались предоставлять для собраний Манеж, сославшись на ремонтные работы³⁶³. Совершенно очевидно, что описанные действия ряда гласных московской думы напрямую связаны с планами предстоящих решительных действий. Надеемся, никто не возьмется утверждать, что думские инициативы осени 1905 года – это продуманная тактика большевиков, готовивших вооруженное восстание. На самом деле они, конечно, были не в состоянии влиять на то, что происходило в буржуазной городской думе.

Еще более явно роль купечества прослеживается по источникам в декабрьском вооруженном восстании – предмету особой гордости советских историков. Как нас уверяли, большевики планировали дать бой царизму в Москве, хотя социал-демократы планомерно наращивали силы в Петербурге. Кстати, В.И. Ленин, приехав в Россию из Швейцарии, сразу обосновался именно в столице, развив там бурную деятельность. Московский совет, образованный по аналогии с петербургским, в развертывании боевых действий ориентировался на столичную инициативу. Уже в канун вооруженного восстания москвичи постановили:

«чутко прислушиваться к ответу петербургских рабочих на дерзкий вызов правительства (*арест председателя Петербургского совета.* – А.П.) и присоединиться к борьбе, как только они решат дать сражение врагу»³⁶⁴.

Здесь следует вспомнить и решение ЦК РСДРП назначить IV (объединительный) съезд партии в те же дни – только не в Москве, а в Петербурге. Понятно, что в указанный срок он не открылся: чуть раньше вспыхнули московские беспорядки и прибывающие на съезд эсдеки, естественно, стремглав кинулись туда. К этому любопытному эпизоду относится письмо М. Горького к Е.П. Пешковой: он сообщает о своем прибытии в Петербург на съезд и срочном – после полученных известий – отъезде к месту начавшихся боевых действий³⁶⁵.

Ударной силой вооруженного восстания стали рабочие ряда московских предприятий. Внимательный взгляд обнаруживает в действиях мятежного пролетариата некоторые странности. Если следовать здравому смыслу, что должны были бы делать рабочие, доведенные своими хозяевами до отчаяния? Очевидно, выступить против непосредственных виновников своего бедственного положения. Однако в декабре 1905 года ничего подобного не произошло. Восставшие бросили силы не на хозяев-кровопийц, а на полицейских и

³⁶¹ См.: Письмо Московского градоначальника к Московскому генерал-губернатору. 28 сентября 1905 года // ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 139. Д. 45. Л. 111.

³⁶² См.: Там же. С. 103.

³⁶³ См.: Письмо Штаба Московского военного округа к Московскому генерал-губернатору. 12 ноября 1905 года // Там же. С. 115.

³⁶⁴ См.: Декабрьское восстание в Москве 1905 года. М., 1920. С. 221.

³⁶⁵ См.: Письмо М. Горького Е.П. Пешковой. 2 декабря 1905 года // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 396.

прибывших им на помощь солдат. Это разительно отличается от поведения крестьян, которые, видя в помещиках источник всех своих бед, жгли усадьбы и захватывали их земли. В Москве же отряды рабочих формировались и вооружались непосредственно на фабриках, принадлежащих крупным купцам. Наиболее преуспели в этом Прохоровская мануфактура и мебельная фабрика Н.П. Шмидта. Как следует из допросов арестованных дружинников, владельцы названных фабрик играли определяющую роль в организации боевых групп на собственных предприятиях. На Прохоровской мануфактуре этим занимался административно-управленческий персонал: его усилиями устраивались собрания рабочих в специально отведенных помещениях, приглашались агитаторы от партий социал-революционеров и социал-демократов. Так, инженер Н. Рожков постоянно интересовался сходками, давая указания вовлекать в них побольше народу. Рабочие депутаты, посетив самого Н.И. Прохорова, совместно с ним решили остановить производство, после чего:

«его стали просить, чтобы он выдал рабочим заработок до 9 декабря, на что он охотно согласился, что и было исполнено»³⁶⁶.

Участникам дружин, сформированных на Пресне, выплачивались деньги (из расчета средней месячной зарплаты в 30 рублей), выдавались винтовки и револьверы³⁶⁷.

Факты, изложенные в протоколах полицейских допросов, подтверждаются анонимными сообщениями, которые поступали в охранное отделение. Автор одного такого письма делился информацией о преступной деятельности мастеров Прохоровской фабрики, которые, по его утверждению, руководили строительством баррикад, раздачей денег и оружия, а после подавления мятежа отправляли активных участников дружин по Московской губернии для укрытия³⁶⁸. (Кстати, в Московском биржевом комитете тоже активно обсуждали роль Н.И. Прохорова в создании боевых дружин во время декабрьских боев³⁶⁹.) Н.П. Шмидт, молодой хозяин мебельной фабрики, также расположенной на Пресне, оплачивал покупку оружия для рабочих как своего предприятия, так и других. Деньги же, по его свидетельству, он снимал с текущего счета своего родственника фабриканта А.В. Морозова в Волжско-Камском банке (А.В. Морозов – родной брат матери Н.П. Шмидта)³⁷⁰. Как известно, эта фабрика стала ареной яростных сражений с правительственными войсками и была полностью разрушена. Интересно, что после ареста и гибели Н.П. Шмидта в тюрьме его тело не выдавали матери и сестрам, настаивая на приезде А.В. Морозова. Московский градоначальник барон А.А. Рейнбот лично предупредил дядю

³⁶⁶ Протокол допроса С. Дмитрева. 23 февраля 1906 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 65. Т. 1. Л. 524-527.

³⁶⁷ См.: Протокол допроса А. Папе. 20 января 1906 года // Там же. Л. 250.

³⁶⁸ См.: Анонимное письмо о преступной агитации, ведущейся на фабрике «Товарищества Прохоровской мануфактуры», в Московское охранное отделение. 14 января 1906 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 785. Т. 2. Л. 180-182.

³⁶⁹ См.: Письмо И.Н. Дербенева братьям. 14 декабря 1905 года // ГАИО (Государственный архив Ивановской области). Ф. 154. Оп. 1. Д. 609. Л. 114.

И.Н. Дербенев – крупный фабрикант г. Иваново-Вознесенска, городской голова, член Московского биржевого комитета.

³⁷⁰ См.: Протокол допроса Н.П. Шмидта. 21 декабря 1905 года // ГАРФ. Ф. 63. Оп. 14. Д. 839 Л. 53.

В ходе следствия Н.П. Шмидт объяснял, что закупал оружие из чисто оборонительных соображений: он опасался нападения на его фабрику черносотенцев и просто старался защитить свою собственность. Рабочие использовали оружие в других целях, но его вина лишь в том, что он легкомысленно доверился их обещаниям не употреблять оружие иначе, как против «Черной сотни» (там же. Л. 39).

погибшего об ответственности за соблюдение порядка во время похорон и потребовал поручиться, что беспорядки в городе не повторятся. На это А.В. Морозов ответил, что он не ведает полицией, а потому за порядок пусть отвечает тот, кто ею руководит³⁷¹.

Во время декабрьского восстания купеческая буржуазия занималась и другими, более свойственными ей делами. Лидеры московского клана не преминули использовать эти бурные события в коммерческих целях, во всяком случае, они попытались получить доступ к ресурсам Государственного банка России. С 1897 года эта ключевая финансовая структура действовала по новому уставу, который предусматривал возможность выдачи кредитов крупным частным обществам. Не надо объяснять, насколько ощутимой была для них такая поддержка. Однако воспользоваться ею могли главным образом заводы и банки, тесно связанные с правительственными и придворными кругами, а также с иностранным капиталом. Об этом свидетельствует перечень ссуд на начало 1904 года: крупнейшими получателями значились петербургские предприятия тяжелой индустрии, «Лензолото», принадлежавшее англичанам, Московский торговый дом Полякова, с начала XX века находившийся под контролем столичного чиновничества, и т.д.³⁷² Московский же клан в основном оставался в стороне от этого ресурса: ему никак не удавалось по-крупному зачерпнуть из государственного денежного источника.

Революционные события осени привели к тому, что российское правительство, оказавшись перед угрозой финансового краха, попыталось получить заем в размере 100 млн руб. у французов. И в этот момент, сославшись на небывалый ущерб, который им нанесли революционные события, московские воротилы попросили власти предоставить их банкам субсидии в размере 50 млн рублей. Их мотивация была проста: беспорядки привели к нарушению экономической жизни и хорошо бы возместить убытки за государственный счет. Ради этого Московский биржевой комитет повел переговоры с Министерством финансов и Государственным банком о создании консорциума банков для предоставления им гарантий от правительства. Переписка по этому вопросу обнаруживает крайне любопытные детали. Так, ряд московских финансистов потребовал для предполагаемого консорциума права юридического лица: в этом случае Государственный банк, фактически предоставляющий свои ресурсы для создаваемого объединения, по сути превращался в простого исполнителя его поручений³⁷³. Причем когда чиновники Госбанка ознакомились с заявками на кредиты, они обнаружили, что некоторые ходатайствующие фирмы испытывали финансовые затруднения еще задолго до осенних событий 1905 года³⁷⁴. Получалось, что московские банки решили просто поправить свое положение за счет государства. Да и весь этот эпизод оставляет впечатление скорее закамуфлированного шантажа, нежели паники в связи с революцией. Поэтому, как только (к февралю 1906 года) острота экономического кризиса начала спадать, премьер-министр С.Ю. Витте незамедлительно пресек все разговоры о возмещении ущерба московским дельцам³⁷⁵.

Итак, курс на формирование конституционной монархии в России не был плодом усилий общественно-либеральных слоев, как это традиционно изображалось историками.

³⁷¹ См.: Андриканис Е. Хозяин «Чертова гнезда». М., 1975. С. 211-212.

³⁷² См.: Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., 1954. С. 212-213.

³⁷³ См.: Письмо управляющего московской конторой Государственного банка управляющему Госбанком С.И. Тимашеву. 19 января 1906 года // РГИА. Ф. 587. Оп. 40. Д. 1161. Л. 124-125.

³⁷⁴ См.: Письмо управляющего московской конторой Государственного банка управляющему Госбанком С.И. Тимашеву. 28 января 1905 года // Там же. Л. 158 об.

³⁷⁵ См.: Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 168.

Планы правящей бюрократии по политической модернизации являлись логическим следствием проводимых ею экономических реформ, целью которых было вхождение страны в сложившийся рынок мирового капитала. Общественно-либеральные круги, со своей стороны, использовали эту ситуацию для повышения собственного политического капитала, попытавшись отобрать у власти роль модератора при переходе от самодержавия к конституционной монархии. Но главной особенностью этого процесса стало участие в нем московской буржуазной группы. Ранее она не проявляла никакого интереса к либеральной проблематике, однако ставка царизма на иностранные инвестиции кардинально преобразила экономический ландшафт страны. Коммерческие позиции купечества серьезно пошатнулись, и это обстоятельство стало отправной точкой в пересмотре его отношений с властью. В переходе от верноподданничества к либерализму капиталисты, вышедшие из народа, видели способ ограничить самодержавие и обуздать всевластие правящей бюрократии. Присоединение купеческой элиты к либеральному общественному движению превратило его в мощную политическую силу и вызвало далеко идущие последствия.

До сих пор роль купеческой группы в общественном подъеме начала XX столетия оставалась традиционно недооцененной; считалось, что эта группа лишь следовала либо за пролетариатом, либо за либеральными силами. Такие взгляды историков были обусловлены общим непониманием причин политических метаморфоз, происшедших с московским кланом в этот период. Истоки его оппозиционности, равно как и заинтересованность в переформатировании государственного строя мало соотносились с теми экономическими проблемами, с которыми столкнулась купеческая буржуазия на рубеже веков. Она не пожелала довольствоваться уготованной ей миноритарной ролью в российской экономике и выступила одним из последовательных организаторов общественного подъема. Утверждение конституционной монархии в России совпало с ее оппозиционным дебютом на отечественной политической арене.

Глава 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА, ЧИНОВНИЧЬЕ-БАНКОВСКИЙ ПЕТЕРБУРГ И МОСКОВСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Революционные баталии 1905 года, приведшие к введению в России конституции и учреждению Государственной думы, остались позади. Однако эти бурные события стали причиной того, что ограничение абсолютной монархии, отвечающее новому этапу финансово-экономического развития России, пошло не по сценарию петербургской бюрократии. Последствием срыва государственного строительства в консервативно-конституционном ключе стало формирование думы по избирательному закону от 11 декабря 1905 года, появление которого было вызвано острейшим политическим кризисом. Как известно, выборы в Государственную думу первого и второго созывов, проведенные по этому закону, привели в нижнюю палату значительное число радикально-оппозиционных депутатов, неизменно нацеленных на конфронтацию, а не на сотрудничество с правительством. В такой обстановке дума как законодательный орган не могла надлежащим образом выполнять свое назначение, что выяснялось довольно быстро (первая и вторая думы просуществовали всего по три месяца). Усилиями альянса кадетов, кичившихся своим либерализмом, с левыми весь пакет правительственных реформ оказался заблокированным³⁷⁶. Поэтому корректировка избирательного закона, произошедшая 3 июня 1907 года по инициативе премьера П.А. Столыпина, была оправдана необходимостью

³⁷⁶ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917 год. М. 2011. С. 258-260.

превращения нижней палаты из постоянно действующего антиправительственного митинга в плодотворно действующую площадку для законотворческой работы. Как заметил депутат граф В.А. Бобринский, если первая дума напоминала безрассудный порыв необузданного отрока, вторая – угар юноши, то третья – дожила до возраста зрелости³⁷⁷.

Именно III Государственная дума, сформированная уже по новым правилам, стала тем местом, где либеральные группировки и правительственная бюрократия отстаивали свои политические взгляды на модернизацию страны. Теперь о демонтаже власти как таковой никто не говорил: оппоненты правительства не были заинтересованы в таком исходе. И все-таки либеральные воззрения (с ярко выраженным акцентом на созидательный потенциал общественности и силу свободного предпринимательства) активно противопоставлялись управленческой модели (где в качестве несущей конструкции выступали в первую очередь опыт и компетентность бюрократии, определявшей ключевые векторы модернизации). Примечательно, что соперничество этих политических концепций протекало в русле все того же противостояния Москвы и Петербурга, которое мы наблюдали, рассматривая предшествующий исторический период. Причем Москва, как родина российского общественного либерализма и колыбель думских партий, проявляла заметную агрессивность, нещадно критикуя столичное чиновничество и выставляя его главным тормозом развития, неспособным к чему-либо конструктивному. Купеческое «Утро России» постоянно муссировало эту тему; передовицы газеты именовали Петербург не иначе как искусственным городом, искусственным сердцем России, «канцелярской затеей на болотной окраине», созданной не в государственных, а в личных интересах определенных групп³⁷⁸. Петербург ест хлеб казенный, это город чаевых, и ему «Москва снова мешает, как мешала она с лишком 200 лет тому назад, когда ее обрили, остригли, разорили»³⁷⁹. Но теперь времена изменились: перефразируя известного публициста М.Н. Каткова, бросившего в 80-х годах XIX столетия лозунг:

«Встаньте, господа! Правительство идет, правительство возвращается»,

«Утро России» в начале XX века заявляло:

«Встаньте, господа! Москва идет, Москва возвращается!»

Причем возвращается на свое первопрестольное место, откуда была когда-то выбита по капризу петербургской бюрократии, и ныне ее голос – это «глас подлинных общественно-народных сил»³⁸⁰.

Петербургская пресса не оставалась в долгу. «Новое время», например, в противовес неославянофильским публицистическим выпадам развивало на своих страницах такие мысли: Москва настойчиво пытается подчинить общерусские интересы своим, рассматривая «всю остальную Россию как пьедестал для своего "ганзейского" могущества». Усевшись, как паук, в центре, она считает это положение не просто удобным для себя, но и самым естественным, только и заботится о том, как бы вплести в свою паутину еще лишнюю ниточку. Ей нет дела до того, что неподвижность и косность московского капитала

³⁷⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 56 от 29 апреля 1908 года. Стб. 2513.

³⁷⁸ См.: Борьба Москвы с Петербургом // Утро России. 1910. 17 сентября.

³⁷⁹ См.: Петербург и Москва // Утро России. 1911. 3 апреля.

³⁸⁰ См.: Там же.

накладывает печать инертности на всю экономическую жизнь страны. Провинция стонет от его гнета, подкрепленного выгодным железнодорожным положением Первопрестольной; развитие страны ныне возможно только за счет уменьшения гегемонии пресловутого «сердца России»³⁸¹. А как злится Москва на ненавистный ей Петербург, когда тот пытается уберечь страну от ее «ганзейских лапок»! Россия интересуется Москву главным образом в качестве прекрасной рамки для нее же самой. Между тем облик Первопрестольной за последние два десятилетия сильно изменился: она «ожирела», а главным московским храмом (какого-то неопределенного культа) стал ресторан «Яр» на Тверском шоссе. «Новое время» делало вывод: претензии Москвы на российское лидерство ни в экономическом, ни в духовном смысле не выдерживают никакой критики³⁸².

Таковыми же «любезностями» обменивались, соответственно, либеральные круги и их союзники в лице купеческой буржуазии, с одной стороны, и представители правящей бюрократии – с другой. Но главное, конечно, не эмоциональная окраска их соперничества, а его содержательные аспекты. Как уже было сказано, III Государственная дума с момента образования стала центром борьбы либеральных и правительственных сил. Главной думской прерогативой было принятие законодательных актов, связанных с государственным бюджетом и сметами отдельных министерств и ведомств. Их руководителям приходилось теперь обосновывать свои запросы, испрашивая согласия на те или иные ассигнования, что, конечно, становилось предметом серьезного торга. Впрочем, для Первой и Второй дум дебаты на финансовые темы были не очень характерны; повестку дня определяли иные темы. Лишь законодатели третьего созыва смогли наконец сосредоточиться на бюджетных вопросах. И надо сказать, было на чем сосредотачиваться. Прежде всего поражали стремительно растущие объемы российского бюджета: если в 1897 году его доходы составляли около 1,5 млрд руб., то за следующие десять лет они увеличились на целый миллиард; еще через пять лет, то есть к 1913 году, бюджетные поступления возросли еще на миллиард – до 3,5 млрд руб.³⁸³ Такой рост стал следствием того, что государство контролировало целый ряд ключевых позиций в экономике: монополии (свыше 25% доходов давала только винная монополия), 70% всех железных дорог, огромный земельный и лесной комплекс. К тому же в ту эпоху власти не имели дорогостоящих социальных обязательств перед населением. Все это превращало российскую казну в крупный источник финансовых средств, особенно в глазах тех, кто еще в недостаточной мере им пользовался. Правительство прекрасно осознавало, чем среди множества планов и дел не замедлит заняться Дума. Поэтому указом от 8 марта 1906 года были предусмотрительно утверждены правила рассмотрения бюджета в новом законодательном органе, согласно которым около 40% всех расходов исключались из ведения законодателей: их нельзя было менять или сокращать³⁸⁴.

Третья дума сразу столкнулась с этим препятствием, что вызвало бурю негодования уже на одном из первых пленарных заседаний. Министр финансов В.Н. Коковцов попытался охладить пыл депутатов. Он заявил, что финансовая система государства как плод работы не одного поколения должна находиться в стабильном состоянии и вносить какие-либо резкие изменения в ее уклад недопустимо.

³⁸¹ См.: Не-москвич. Московские очерки // Новое время. 1913. 23 апреля.

³⁸² См.: Там же.

³⁸³ См.: Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Кн. 2. М., 1992. С. 309-310.

³⁸⁴ См.: Высочайше утвержденные правила о порядке рассмотрения Государственной росписи доходов и расходов, а равно о производстве из казны расходов, росписью непредусмотренных. 8 марта 1906 года // ПСЗ-3. №27503. Т. 26. Отд. 1. СПб., 1909. С. 223-224.

«Всякий раз, – *подчеркнул он*, – когда увлечения или случайные и скоро проходящие общественные течения вносили резкую ломку в бюджет, результатом их являлся или финансовый кризис, или упорно затягивавшееся на долгие годы финансовое расстройство»³⁸⁵.

Место думы в бюджетном процессе Коковцов сравнил с положением врача, который впервые подходит к пациенту, не проявляющему признаков какого-либо серьезного заболевания: в этой ситуации требуется спокойное обследование, а не панические действия³⁸⁶. Однако депутаты не приняли предложенную им логику. Забронированность целого ряда бюджетных позиций стала для них камнем преткновения, и бурные прения по росписи неизменно вращались вокруг этой темы. Так, октябрист А.В. Еропкин напоминал, что государственная роспись – это счет, который правительство обязано обосновать, а дума – проверить, но навязанные думе правила делают проверку попросту неосуществимой³⁸⁷. П.Н. Милуков указывал, что бронирование статей, относящихся к операционным расходам по монополиям, казенным железным дорогам и т.д., оставляет львиную долю бюджета по-прежнему исключительно в руках чиновников. Законодателям не предоставляли целый ряд крайне важных документов, в том числе кассовый отчет Министерства финансов, годовой отчет Государственного банка, отчеты Дворянского и Крестьянского банков. В этих условиях, по убеждению лидера кадетов, роль Думы в бюджетном процессе сводилась к нулю.³⁸⁸

Уже в конце 1907 года за подписью сорока депутатов Государственной думы был внесен законопроект по расширению прав нижней палаты при рассмотрении бюджетной росписи. 12 января 1908 года с думской трибуны этот документ представил кадет М.С. Аджемов. Он начал с того же, о чем шла речь прежде: закон от 8 марта не позволяет депутатам исполнить свой долг перед избирателями. Правила рассмотрения бюджета – продукт бюрократического творчества – приняты за полтора месяца до созыва думы. Они не только по содержанию, но и текстуально восходят к разработкам того времени, когда о законодательном органе еще и речи не было. Оратор напомнил, что согласно проекту несостоявшейся Булыгинской думы 1905 года при возражении думцев по поводу выделения каких-либо средств и при согласии с их претензиями профильного министерства предполагалось исключать соответствующую статью расходов из росписи. В случае же отсутствия ведомственного одобрения ассигнования, выделенные даже по Высочайшему повелению, считались условными, «висящими в воздухе». Таким образом, заключал депутат, проект законосоветательной думы давал ей более широкие права при формировании бюджета, чем те, что имеются у законодательной думы сейчас³⁸⁹.

М.С. Аджемов указал и на одно любопытное обстоятельство: правила от 8 марта 1906 года не одинаково оберегали различные министерства от вмешательства депутатов. Более молодые ведомства оказались менее защищенными. Например, по отношению к недавно

³⁸⁵ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 1. Заседание И от 27 ноября 1907 года. Стб. 603-604.

³⁸⁶ См.: Там же. Стб. 632.

³⁸⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 1. Заседание 11 от 27 ноября 1907 года. Стб. 636-637.

³⁸⁸ См.: Там же. Стб. 668-669.

³⁸⁹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 1. Заседание 19 от 12 января 1908 года. Стб. 1161-1162.

созданному Министерству торговли и промышленности или Главному управлению землеустройства и земледелия Думе предоставлены довольно широкие полномочия, тогда как Министерство внутренних дел, Министерство иностранных дел, Святейший Синод великолепно забронированы³⁹⁰.

Особое раздражение вызывала невозможность обсуждать государственные займы и кредиты. Ссылка на сохранение государственной тайны не признавалась обоснованной:

«Под видом тайны могут делаться расходы, которых мы не знаем. Но кроме этого, кто же, спрашивается, устанавливает понятие тайны в конкретном применении – это есть целая область таких гаданий, которых быть не может в той стране, где имеется народное представительство»³⁹¹.

Выход из такого ущемленного положения виделся авторам законопроекта по расширению бюджетных прав думы в следовании западному опыту, где законодательства предоставляли парламентам возможность обсуждать любой вопрос, как, например, во Франции³⁹². Это утверждение, прозвучавшее из уст европеизированного кадета Аджемова, на самом деле выглядит весьма странным. В европейских странах того периода законодательные права парламентов немногим отличались от думских. Как установили современные исследователи, в царской России из-под власти депутатов выводилась примерно такая же часть бюджета, что и в других развитых государствах (за исключением упомянутой Франции, которая, между прочим, являлась республикой, и потому сравнивать с ней Россию было не очень корректно). Более того, российские расходы на армию и флот втировались в Думе ежегодно, а не на определенный длительный период, как в той же Германии или Австрии³⁹³. Именно это имел в виду В.Н. Коковцов, утверждая, что столь не полюбившиеся депутатами правила в действительности предоставляют им немало созидательных возможностей. Однако судить об этом Дума сможет, только когда приобретет опыт работы по этим правилам и сформирует определенное мнение. А предъявлять правительству выводы о достоинствах и недостатках предложенных правил спустя всего месяц после открытия Думы по меньшей мере несерьезно³⁹⁴.

Состоявшиеся дискуссии практически не повлияли на позиции сторон. Орган деловой Москвы «Утро России» продолжал настойчиво повторять:

«До тех пор пока не будут устранены хотя бы главные несообразности правил 8 марта, до тех пор обсуждение нашего бюджета будет иметь какой-то ненормальный характер, противоречащий не только духу конституционализма, но и самым насущным интересам налогоплательщиков государственных налогов»³⁹⁵.

³⁹⁰ См.: Там же. Стб. 1168-1169.

³⁹¹ См.: Там же. Стб. 1170.

³⁹² См.: Выступление М.С. Аджемова // Там же. Стб. 1165-1166.

³⁹³ См.: Куликов С.В. Народное представительство Российской империи в контексте мирового конституционализма начала XX века: сравнительный анализ // Таврические чтения. 2009. СПб., 2010. С. 91.

³⁹⁴ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 1. Заседание 19 от 12 января 1908 года. Стб. 1173-1174.

³⁹⁵ См.: Передовая // Утро России. 1910. 4 сентября.

Со своей стороны, Министерство финансов всячески препятствовало прохождению законопроекта о расширении думских бюджетных прав. Тем не менее его обсуждение и принятие все-таки состоялись в мае 1911 года. Правительство не принимало участия в прениях, ограничившись подтверждением прежнего взгляда на правила 8 марта 1906 года. В то же время в речах его оппонентов слышались новые ноты. Оппозиционные ораторы учли прозвучавший двумя годами ранее упрек Министерства финансов о недопустимости делать какие-либо выводы, не располагая конкретным опытом. Теперь они приступили к критике существующих правил со знанием дела, обогащенные практикой участия в бюджетном процессе. Не случайно тон выступлениям задавал кадет Н.Н. Кутлер, служивший до начала думской карьеры в финансовом ведомстве, а значит, обладавший нужной компетенцией. Он заявил, что недоверие к народному представительству со стороны правительства не дает возможности правильно осуществлять государственное строительство. Обрести же необходимое доверие можно, если следовать примеру западноевропейских стран и не копировать японскую конституцию, откуда и заимствованы частично бюджетные правила 8 марта.³⁹⁶ Характерно, что хотя бы ради справедливости депутат не упомянул о другом: японская конституция создавалась по образцу прусской и воспроизводила многие ее нормы, в том числе и по порядку рассмотрения бюджета. Очевидно, это выглядело неуместным напоминанием на фоне призывов ориентироваться на западные конституционные образцы. Кутлер поднял также тему некомпетентности чиновничества. Анализируя бронированные расходы, он говорил об их формальном отнесении к данной категории. В течение десятилетий копились законодательные документы, которые сегодня можно считать мусором. Правительство само плохо ориентируется во всем этом законодательном материале, *«точное соблюдение которого оно ставит в обязанность законодательным учреждениям»*³⁹⁷. Кутлеру вторил социал-демократ И.П. Покровский, заявивший, что бюрократически-кре-постнический уклад старого строя остается неприкосновенным. А Дума – выразительница обновленного строя – благодаря действующим правилам вынуждена охранять это ветхое здание³⁹⁸. По словам главы бюджетной комиссии Государственной думы М.М. Алексеенко, многие ведомства затрудняются обосновать имеющиеся расходы, а существуют даже Высочайшие повеления о тех или иных тратах, которые не были не только обнаружены, но и отпечатаны в типографии. Заметим, что Алексеенко все же признал нужным учиться у бюрократии, поскольку опыт Думы еще крайне мал. В этой связи он назвал первоочередной задачей согласование бюджетных правил с духом Основных законов³⁹⁹. Явно компромиссный настрой главы бюджетной комиссии вызвал недовольство кадетов: его речь о корректировке правил 8 марта 1906 года была названа *«благодарушно-безразличной»*⁴⁰⁰.

В конце концов думский проект, хотя и в более мягкой форме, чем первоначальный, был принят Думой. Она не вняла призывам правых депутатов и не выяснила, как вопрос о компетенции народного представительства соотносится с вопросом о государственном строе, в рамках которого функционирует это представительство. Правый лагерь считал, что без

³⁹⁶ См.: Выступление Н.Н. Кутлера // Государственная дума. Стенографические отчеты. Сост. III. Сессия 4. Часть 3. Заседание 110 от 11 мая 1911 года. Стб. 3999-4000.

³⁹⁷ См.: Там же. Стб. 4002.

³⁹⁸ См.: Там же. Стб. 4030.

³⁹⁹ См.: Там же. Стб. 3985-3986.

⁴⁰⁰ См.: Выступление Н.Н. Кутлера // Там же. Стб. 3991.

выяснения этого вопроса нельзя обсуждать расширение компетенции Государственной думы в бюджетной сфере. Как заметил один из депутатов, в деле государственном, в подзаконном деле нельзя проповедовать беззаконие⁴⁰¹. Государственный же совет, куда поступил принятый Думой законопроект, поступил именно так. Верхняя палата благополучно похоронила творчество коллег, сведя на нет их усилия.

Со столь же твердых позиций либералы намеревались обсудить статус Государственного контроля. Этот правительственный орган имел большое значение для всей управленческой системы и мог использоваться нижней палатой в качестве инструмента серьезного воздействия на правящую бюрократию. Неслучайно лидер кадетов П.Н. Милюков сразу после открытия III Думы провозгласил, что Государственный контроль должен стать первым другом и помощником народного представительства. Только с помощью этого ведомства:

«мы можем следить за игрой интересов, за борьбой всех этих поставщиков, подрядчиков, чиновников с личным влиянием и связями, за всевозможными тонкими формами обхода законов»⁴⁰².

Поэтому в данном случае стержнем политики оппозиционной части Думы стала борьба за независимость Государственного контроля от исполнительной власти. Интересно, что первой бюджетной росписью, которую рассматривала нижняя палата, оказалась как раз смета контрольного ведомства. Оппозиционные круги считали это «*в высшей степени счастливым предзнаменованием*»⁴⁰³. Они представили развернутое обоснование в пользу полной самостоятельности Государственного контроля с предоставлением его руководству права самостоятельно входить с отчетами и заявлениями в нижнюю палату. Депутаты напомнили, что требование это не ново: прежде за него ратовало просвещенное чиновничество в лице графа П.Д. Киселева и министра финансов А.М. Княжевича. В 60-х годах XIX века за независимость этого органа выступал первый российский государственный контролер В.А. Татаринов, изучивший европейскую ревизионную практику. Однако заложенные им традиции не получили развития: ведомство пребывало в составе кабинета министров, что существенно снижало эффективность его работы, абсолютно не отвечающей условиям обновленного государственного строя⁴⁰⁴. А Совет министров, включавший в себя контрольное ведомство, даже окрестили «*кладбищем для ревизий*»⁴⁰⁵.

После такого исторического экскурса ораторы занялись недостатками существовавшего контроля. Во-первых, таким недостатком они посчитали медлительность, с которой осуществляется ревизионная деятельность. Проверки ведомств, ведающих громадными хозяйствами, происходили с пяти-шестилетними задержками. Прежде всего это относилось к винной монополии, железным дорогам, казенным заводам; в военной сфере к моменту

⁴⁰¹ См.: Вступление А.М. Бакалеева // Там же. Стб. 4017,4025.

⁴⁰² См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 1. Заседание 11 от 27 ноября 1907 года. Стб. 670.

⁴⁰³ См.: Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 38 от 18 марта 1908 года. Стб. 638.

⁴⁰⁴ См.: Выступление И.В. Лучицкого // Там же. Стб. 626.

⁴⁰⁵ См.: Выступление И.В. Лучицкого // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 79 от 23 марта 1910 года. Стб. 1607.

обсуждения этого вопроса в Думе все еще не приступили к ревизии Русско-японской войны, обошедшейся бюджету в 2,5 млрд руб.; более того, были не завершены проверки счетов по Русско-турецкой войне 1877-1878 годов!⁴⁰⁶ К тому же явственно прослеживалась неспособность органов контроля прекращать всякого рода нарушения. В связи с этим ведомству предлагалось предоставить помимо независимого статуса всю полноту следственной власти, а его чинам – пользование судебской несменяемостью⁴⁰⁷. Во-вторых, ораторы констатировали крайне низкий уровень сотрудничества Государственного контроля с народным представительством, из-за чего ревизионный опыт не мог быть использован для реорганизации государственного строя. Доказательством служил такой факт: от Государственного контроля в нижнюю палату поступили только два тома цифровых отчетов, в которых неспециалисту разобраться было невозможно. Более понятные материалы, включавшие всеподданнейшие доклады и отчеты, в думу вообще официально не направлялись; с ними можно было ознакомиться только в частном порядке⁴⁰⁸. (Некоторые особо активные избранники народа требовали предоставлять им всю документацию по Государственному контролю, хотя это означало ежегодную доставку материалов объемом примерно в 60 вагонов⁴⁰⁹.) Исправлять же то ущербное состояние, в котором, по мнению депутатов, находится российский контроль, следовало испытанным способом: настойчиво воспроизводить западные образцы ревизионной практики, и чем быстрее и успешнее, тем лучше для всей отечественной управленческой системы. Иные рецепты либеральные круги признавали негодными или лишеными смысла.

Приведенные аргументы звучали на думских сессиях с завидным постоянством. Однако правительство выступало категорически против выделения Государственного контроля из состава Совета министров, так как это подрывало саму идею объединенного кабинета; к тому же Государственный контроль с момента своего образования обладал и управленческими функциями, что ставило его в один ряд с другими ведомствами⁴¹⁰. Позицию правительства отстаивал с думской трибуны руководитель Государственного контроля П.А. Харитонов. Он, несмотря на свою репутацию либерала, к использованию европейского опыта относился не столь страстно и безоговорочно, как его думские оппоненты. Прежде всего, он старался привлечь внимание к тому, что на Западе формы контрольного надзора не являются единообразными. Существенные различия в организации контроля не случайны: они складывались исторически, в соответствии как с учреждениями страны, так и с характером бюджета и даже населения. Все эти факторы, считал чиновник, в полной мере относятся к России, и не учитывать их было бы не просто неосмотрительностью, а большой ошибкой⁴¹¹. По мнению Харитонova, главный недостаток отечественного контроля – отсутствие единства приемов ревизии и возможность у

⁴⁰⁶ См.: Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Стб. 641-642.

⁴⁰⁷ См.: Выступление И.П. Покровского // Там же. Стб. 650.

⁴⁰⁸ См.: Там же. Стб. 647-648.

⁴⁰⁹ См.: Выступление И.М. Коваленко // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 79 от 23 марта 1910 года. Стб. 1597-1598.

⁴¹⁰ См.: *Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906-1914 годы). М., 2011. С. 316-317.

⁴¹¹ См.: Выступление И.М. Коваленко // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 79 от 23 марта 1910 года. Стб. 1591.

подотчетных учреждений избегать исполнения требований проверяющих. Именно это очень затягивало ревизионные производства и делало их непродуктивными. Недостатки планировалось устранять в рамках специального ревизионного устава, который должен был обязательно включать в себя перечень конкретных мер взыскания за несвоевременное предоставление требуемых контролерами данных. Относительно приравнивания чинов Государственного контроля к судьям глава ведомства напомнил: воплощение этого заманчивого предложения потребует решить вопросы с образовательным цензом, служебным стажем, что сопряжено с трудностями кадрового подбора необходимого количества контролеров. Легче утвердить практику направления контрольных дел в случае выявленных нарушений непосредственно в суды⁴¹². Но главная мысль, которую глава Государственного контроля пытался донести до думцев, жаждающих немедленных преобразований, звучала так:

«Все меры требуют всесторонних соображений и разработки, прежде чем они выльются в формы, которые могли бы служить предметом законодательного разрешения»⁴¹³.

Эти слова ясно показывают различие между доктринерством, пусть и облеченным в яркие либерально-прогрессивные одежды, и профессиональным подходом, основанным в первую очередь на целом комплексе конкретно-исторических факторов, а не на отвлеченной идее.

Наиболее мощные атаки на правящую бюрократию предпринимались Государственной думой в ходе ежегодного рассмотрения сметы Министерства внутренних дел. Заседания, посвященные этому вопросу, проходили крайне напряженно, эмоции буквально захлестывали нижнюю палату. Роль главного оппонента Министерства внутренних дел с энтузиазмом выполнял один из кадетских лидеров В.А. Маклаков. В своем выступлении в апреле 1908 года он сразу заявил, что было бы непростительным формализмом при обсуждении министерской сметы ограничиться бухгалтерской сверкой цифр и титулов и простым одобрением доклада бюджетной комиссии. По его глубокому убеждению, миссия Думы простирается гораздо дальше. Ведь роль Министерства внутренних дел в системе исполнительной власти намного значительнее, чем может сказать его название. Неслучайно обывательский язык додумской эпохи обозначал политические периоды именами министров внутренних дел⁴¹⁴. Традиционную ведомственную политику Маклаков определил предельно четко: это не управление, а война – власть борется с обществом, используя приемы воюющей страны. И несмотря на то что государственный строй обновился, в этом – изменений не произошло, а какие-то новые тенденции, по мнению Маклакова, можно было обнаружить лишь в Таврическом дворце. Он выглядел неким экстерриториальным владением, потому что *«все начала исчезают, забываются, как только мы выходим за его стены»*⁴¹⁵. Причем происходящее *«за стенами»* оратор проиллюстрировал на примере Москвы. Там в декабре 1905 года была введена и уже в течение трех лет действовала чрезвычайная охрана, хотя по закону она могла действовать только полгода. На Первопрестольную обрушивались репрессии, здесь закрывались газеты, арестовывались

⁴¹² См.: Там же. Стб. 1592.

⁴¹³ См.: Там же.

⁴¹⁴ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 56 от 29 апреля 1908 года. Стб. 2390.

⁴¹⁵ См.: Там же. Стб. 2394.

партийные агитаторы, перехватывалась корреспонденция и т.д. Этот чрезвычайный режим прикрывался борьбой с эксцессами, а в действительности, как утверждал Маклаков, его сделали нормой государственного управления⁴¹⁶.

Выводы Маклакова нашли горячий отклик во многих выступлениях думцев. Его соратник по партии О.Я. Пергамент призвал посмотреть не только на Москву, но и на всю Россию: страна «*зашифрована*» – она находится на чрезвычайном положении, а многочисленное чиновничество поддерживает этот внутренний режим удивительно согласованно⁴¹⁷. Депутат от Варшавы Р.В. Дмовский вообще сравнил правительственную власть в Царстве Польском с оккупационным режимом, недавно завоевавшим территорию⁴¹⁸. Была приведена интересная цифра: в Российской империи на 180 взрослых жителей приходился один полицейский чин, и это не считая агентов охранных отделений. Огромная репрессивная мощь Министерства внутренних дел была отражена в смете. Хотя она и охватывала разнообразные предметы, но самое значительное увеличение расходов, по утверждению депутата, было связано именно с полицейскими статьями⁴¹⁹. Большую неприязнь у думцев вызывал институт генерал-губернаторства; его предлагалось вовсе упразднить – благо появились выборные депутаты, находившиеся ближе к населению и осведомленные о положении на местах гораздо лучше, чем высокопоставленные чиновники, назначаемые из Петербурга⁴²⁰. К тому же государева служба последних весьма щедро оплачивалась из казны: наместник на Кавказе обходился в 100 тыс. руб. в год, московский генерал-губернатор – в 76 тыс. руб., другие чуть меньше⁴²¹. А ведь все эти высшие чины являлись потомственными дворянами, шталмейстерами, камер-юнкерами, то есть, говоря иначе, богатыми собственниками. Депутаты требовали также освободить Министерство внутренних дел от некоторых функций, поскольку оно втискивало в рамки полицейского усмотрения все сферы жизни. Например, Министерство торговли и промышленности во многом являлось просто вывеской: рабочий вопрос, вопросы судоходства и портов – все это решалось в Министерстве внутренних дел. Или Министерство народного просвещения, которое не могло самостоятельно назначить ни одного служащего – от учителя до профессора университета – без справки из полиции и предварительного согласования с органами внутренних дел. Подчеркивая их всемогущество, социал-демократ Т.О. Белоусов перефразировал известные стихи: Министерству внутренних дел – «*ему, как любви, все ведомства покорны*»⁴²².

Интересный анализ деятельности Министерства внутренних дел находим у октябриста

⁴¹⁶ См.: Там же. Стб. 2396-2397, 2398.

⁴¹⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 57 от 1 мая 1908 года. Стб. 2618-2619.

⁴¹⁸ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 56 от 29 апреля 1908 года. Стб. 2438.

⁴¹⁹ См.: Выступление Н.С. Розанова // Там же. Стб. 2488, 2490.

⁴²⁰ См.: Выступление П.В. Синадино // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 57 от 1 мая 1908 года. Стб. 2564.

⁴²¹ См.: Выступление И.П. Покровского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 56 от 29 апреля 1908 года. Стб. 2476.

⁴²² См.: Выступление Т.О. Белоусова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 57 от 21 февраля 1909 года. Стб. 2159-2160.

С.И. Шидловского. Во главу угла он поставил мысль о большой разнице между администрацией и полицией. Если одна из них стремится заменить другую, то в общем развитии происходят сбои. Сейчас, объяснял Шидловский, огромное ведомство все больше приобретает полицейский характер и начинает смотреть на другие отрасли управления полицейскими глазами. Ныне Министерство внутренних дел можно с большим основанием назвать Министерством полиции, так как полицейские функции заслонили все другие (правда, такое положение сложилось уже давно). Положение усугублялось еще тем, что сама полиция и качество ее работы, как утверждал депутат, находились в ужасном состоянии⁴²³. В этой ситуации Шидловский предлагал дать ход широкой инициативе и лишь затем применять предписанные законом карательные меры:

«Народ, как живая река, не может быть перегорожен глухой плотиной. Можно регулировать берега, можно делать шлюзы, можно бороться с половодьем... но нельзя перегораживать наглухо»⁴²⁴.

Однако столыпинский кабинет строго придерживался своей политической программы и был готов взаимодействовать с Думой только на своих условиях. Твердая позиция премьера разочаровала либеральных деятелей нижней палаты, которые отказывались видеть что-либо позитивное в работе властей. Отсюда все усиливавшийся скепсис относительно законодательной работы в целом. Тот же В.А. Маклаков заявил:

«Мы находимся в том положении, когда мы не можем заставить верить в себя, потому что в свое собственное дело мы сами перестали верить... нужен какой-то перелом»⁴²⁵.

Кстати, в дальнейшем депутатские выпады против Министерства внутренних дел все чаще адресовались лично премьер-министру и министру внутренних дел П.А. Столыпину. Об этом с думской трибуны откровенно говорил товарищ министра П.Г. Курлов⁴²⁶. Депутат М.С. Аджемов, в частности, раскритиковал известный столыпинский принцип: сначала успокоение, потом реформы. По его мнению, под успокоением власти понимают главным образом завинчивание гаек, и страна все сильнее зажимается в тиски⁴²⁷. Ему вторил соратник по кадетской партии Ф.И. Родичев:

«Добились успокоения, того успокоения, которое царствует на кладбище, сделали из страны пустыню и назвали это покоем»⁴²⁸.

⁴²³ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 2. Заседание 56 от 29 апреля 1908 года. Стб. 2520-2521.

⁴²⁴ См.: Там же. Стб. 2526.

⁴²⁵ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Часть 2. Заседание 66 от 25 февраля 1911 года. Стб. 2844.

⁴²⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 60 от 25 февраля 1909 года. Стб. 2366.

⁴²⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 57 от 21 февраля 1909 года. Стб. 2138.

⁴²⁸ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 58 от 23 февраля 1909 года. Стб. 2244.

С Родичевым был связан любопытный эпизод. Депутат Н.Д. Сазонов (брат министра иностранных дел С.Д. Сазонова, женатого на родной сестре супруги Столыпина) на одном из пленарных заседаний Государственной думы произносил очередную речь в защиту премьера. Предрекая тому место в истории, он прибег к художественному сравнению: птичий двор необходимо оберегать от хищников, поэтому хозяин натянул над ним защитную сетку, и пернатые вздохнули свободнее, почувствовав себя в безопасности. Хотя нашлись петухи, недовольные принятыми мерами⁴²⁹. Таков, по убеждению Сазонова, был смысл действий российского премьера и реакция на них нижней палаты. Этот образ весьма сильно задел оппозицию. Ф.И. Родичев возмущился сравнением России с курятником, а по поводу хозяина, натянувшего сетку, едко заметил: он натянул сетку вовсе не для того, чтобы кур и петухов не поклевали коршуны; птицы знают, «что настанет для них час, когда их понесут на кухню и изжарят»⁴³⁰. Вот, по словам Родичева, действительный смысл этого красочного сравнения, наиболее полно выражающий отношение правительства к народу.

Противостояние Государственной думы и петербургской бюрократии, разумеется, касалось не только общих проблем государственного управления. Многочисленные и не менее острые столкновения проходили при обсуждении конкретных вопросов экономической жизни. В этой сфере правительство неизменно выступало на стороне руководимой выходцами из высшего чиновничества питерской банковской группы и иностранного капитала, с конца XIX века широко представленного в экономике. Жесткую конкурентную борьбу с этими предпринимательскими слоями вела купеческая элита, чьи интересы взяла под свой патронаж нижняя палата российского парламента. Общественные борцы за конституцию и парламентаризм, собственно, и задумывали думу как инструмент, с помощью которого можно ограничить влияние бюрократии на бизнес. Самое начало работы III Государственной думы наглядно это продемонстрировало. Ряд депутатов, едва усевшись в свои кресла, попытались повлиять на правительственное решение о крупной концессии на строительство Севе-ро-Донецкой железной дороги. Концессии добивались общество, учрежденное синдикатом «Продуголь», Петербургским международным банком и французским Северным банком. Глава «Продугля» Н.С. Авдаков предлагал продолжить железнодорожное обустройство Донбасса, чтобы облегчить доставку минерального топлива в центр страны, в частности в московский промышленный район⁴³¹. Осуществление этого проекта ставило крест на планах развития подмосковного угольного бассейна, которые строила московская буржуазия. Экспансия южных добывающих предприятий делала невозможным обретение Москвой собственной сырьевой базы. Депутаты начали оспаривать планы «Продугля». Наиболее ярким противником проекта южных предпринимателей и банков оказался член Государственной думы Н.Л. Марков, ближайший партнер разоренного купеческого магната С.И. Мамонтова. В конце 1907 года он издал специальную брошюру, где доказывал, что постройка дороги отвечает личным интересам ряда иностранных и питерских дельцов, но никаких выгод российскому государству не несет; огромные правительственные льготы позволяют узкому кругу капиталистов рассчитывать на баснословные прибыли⁴³². И все-таки лоббистские возможности этих капиталистов сделали

⁴²⁹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 2. Заседание 52 от 20 февраля 1910 года. Стб. 1922.

⁴³⁰ См.: Там же. Стб. 1925.

⁴³¹ См.: Соловьева А.М. Роль финансового капитала в железнодорожном строительстве России // Исторические записки. Т. 55. М., 1956. С. 192-193.

⁴³² См.: Марков Н.Л. Несколько слов о бесполезности проектируемой Северо-Донецкой железной дороги с затратой на нее свыше 100 млн руб. при правительственной 5% гарантии. СПб., 1907. С. 18.

свое дело: правительство оставило без внимания аргументы думцев, предоставив концессию обществу. Его учредители поспешили заявить, что это решение знаменует собой поворот в российской экономической политике: впервые после двадцатипятилетнего перерыва дан «зеленый свет» частному железнодорожному строительству, и в скором времени его ожидает расцвет⁴³³.

Согласованное противодействие, которое Государственная дума и купеческая буржуазия оказали еще одной крупной инициативе бюрократии и зарубежных акционеров, оказалось более успешным. Столкновение произошло весной 1908 года, когда иностранные владельцы девяти металлургических заводов юга, входивших в сбытовой синдикат «Продамет», решили образовать трест для усиления своего присутствия на рынке. Купеческая элита квалифицировала их инициативу как прямой вызов, причем не только металлургическому Уралу, но и русской промышленности в целом. Уральские интересы стали своего рода знаменем купеческой буржуазии, понимавшей, какую угрозу для нее представляет затея «Продамета». В борьбу сразу включились депутаты от октябристов и кадетов, заявившие о недопустимости создания подобных трестов. Завидную энергию проявил А.И. Гучков: вместе с коллегами он подготовил запрос в правительство, провел заседание фракции октябристов с осуждением «*опасной торгово-промышленной комбинации*», организовал подачу соответствующей петиции лично П.А. Столыпину и т.д.⁴³⁴ Со своей стороны орган южных промышленников – журнал «Промышленность и торговля» – назвал депутатский запрос:

«ни по форме, ни по содержанию недостойным серьезной политической партии... серьезность запроса выиграла бы, если бы он опирался на фактах, а не на сплетнях и доносах лиц, которых трест лишит многих нынешних синекур».⁴³⁵

В унисон с Государственной думой выступил Московский биржевой комитет, выразивший претензии петербургской бюрократии в ходе визита министра торговли и промышленности И.П. Шипова. По поводу образования металлургического треста с планами подмять всю русскую промышленность бил тревогу глава московских биржевиков Г.А. Крестовников. Он негодовал, что это делается иностранными руками, и предлагал правительству хорошо подумать, прежде чем давать жизнь подобным инициативам. В ответной речи Шипов сказал о неопенимом значении московского купечества, предложил почтить вставанием память Т.С. Морозова и Н.А. Найденова, но о тресте не проронил ни слова, очевидно не желая высказываться по столь острому вопросу⁴³⁶.

Заявив о своей позиции, московская промышленная группа этим не ограничилась. В начале 1908 года был заключен договор между торговым домом Вогау и уральскими предприятиями, образовавшими по примеру западных собственников сбытовой синдикат «Медь». Партнерское соглашение предусматривало продажу меди заводами исключительно через эту крупную коммерческую структуру, а Вогау обязывались предоставлять предприятиям ссуду в размере 80% стоимости поставляемой меди, что гарантированно

⁴³³ См.: Концессия на Северо-Донецкую железную дорогу // Промышленность и торговля. 1908. №12 (15 июня). С. 734.

⁴³⁴ См.: *Каменский П.В.* Значение торгово-промышленных трестов на Западе и у нас. М., 1909. С. 5.

⁴³⁵ См.: Трест и финансы русских железных предприятий // Промышленность и торговля. 1908. №8 (15 апреля). С. 474.

⁴³⁶ См.: Министр торговли и промышленности в биржевом комитете // Голос Москвы. 1908. 4 апреля.

пополняло оборотные средства производителей⁴³⁷.

Думцам и московским промышленникам, согласованно выступившим в защиту интересов уральских заводов, противостояли металлурги юга. Через Совет Съездов представителей промышленности и торговли они провели совещание правительственных чиновников разных ведомств для обсуждения положения в отрасли, а по сути – для одобрения трестовой инициативы. Однако устроители этого мероприятия во главе с министром торговли и промышленности И.П. Шиповым и здесь столкнулись со шквалом критики ряда депутатов: В.П. Каменского, В.А. Караулова, Я.Г. Гололобова и других, которые выступили против исключительного положения южной металлургии, поддерживаемой казенными заказами. По их убеждению, создание индустрии региона обусловлено не потребностями рынка и даже не стремлением развивать горную промышленность, а проведением биржевых спекуляций и банковских операций⁴³⁸. Благодатную тему подхватили управляющие заводов: уральская промышленность является народной, она зависит от массового спроса на изделия из металла, а никак не от сомнительной благосклонности бюрократии, распределяющей казенные заказы. Пафос выступлений думцев заключался в следующем: Уралу правительство *«ничего никогда не даровало, несмотря на то что эта промышленность существует двести лет»*; в то же время заводы юга получали заказы раньше, чем была куплена земля, на которой они строились⁴³⁹. И теперь народная индустрия, которая не способна противостоять иностранной экспансии, находится под угрозой уничтожения: планируемый южный трест выбросит огромные излишки производительных мощностей для завоевания Урала, Поволжья и Сибири.

«Нам говорят, что югу нужен трест, но мы видим, что тресту нужна вся Россия»,

– восклицал один из ораторов высокого совещания⁴⁴⁰. В этом контексте звучали требования:

«никаких специальных льгот и преимуществ никаким заводам впредь не давать и прекратить все выдаваемые ныне субсидии».⁴⁴¹

Такой организованный отпор сделал свое дело: создание треста затягивалось, внутренние противоречия между его участниками нарастали⁴⁴². В итоге правительство не санкционировало образование металлургического треста, и Государственная дума

⁴³⁷ О сотрудничестве уральских металлургических заводов и торгового дома Вогау см.: *Вяткин М.В.* Горнозаводской Урал в 1900-1917 годах. М.; Л., 1965. С. 198-202.

⁴³⁸ См.: Стенограммы совещания о положении металлургической и машиностроительной промышленности. Май 1908 года. СПб., 1908. С. 31.

⁴³⁹ См.: Там же. С. 88, 200, 202 и др.

⁴⁴⁰ См.: Там же. С. 205.

⁴⁴¹ См.: Выступление Ю.П. Гужона // Там же. С. 53-54.

⁴⁴² См.: *Гэфтер М.Я.* Борьба вокруг создания металлургического треста в России в начале XX века // Исторические записки. Т. 47. М., 1954. С. 144-145.

рассматривала это как свою значимую победу⁴⁴³. В нижней палате южные синдикаты «Продамет» и «Продуголь» приобрели устойчивую репутацию неких антинациональных образований. Как считал депутат от Москвы Н.Н. Щепкин, после них осталось учредить еще только синдикаты под названиями «Продадушу», «Продачестъ» и «Продасовестъ»⁴⁴⁴.

Во всей этой громкой истории выделяется один аспект. Противники создания треста позиционировали себя яростными защитниками уральской горной индустрии. В этом же качестве наряду с думцами выступила купеческая элита Москвы, продемонстрировав большую заинтересованность в этом деле. И это обстоятельство, конечно, далеко не случайно. Чтобы понять, чем вызвано такое внимание к проблемам Урала, необходимо напомнить, в каком положении находилась его промышленность в начале XX столетия. К 1900-м годам уральские металлургические заводы представляли собой разные производства; в регионе насчитывалось 121 предприятие, из них только 14 принадлежало казне, остальные – частным лицам. Но на самом деле владельцев было гораздо меньше: все частные заводы находились в руках приблизительно тридцати лиц и компаний⁴⁴⁵. Заводы владели обширными землями, развитая транспортная система отсутствовала, производства работали на древесном топливе (а не на угле, как на юге), что существенно снижало выплавку. Оборачиваемость капиталов на уральских предприятиях намного уступала южным, не испытывающим недостатка в финансовых ресурсах.

Многие предприятия не один год работали в убыток, на них даже не велась коммерческая бухгалтерия, были неясны ни их стоимость, ни процент на затраченный капитал. То есть все говорило о том, что управление этими производственными активами находится в крайне запущенном состоянии. Конечно, защиту давно изжившего себя патриархального хозяйства вряд ли можно назвать разумной и уместной. Тем не менее Государственная дума и Московский биржевой комитет энергично встали на этот путь. И смысл этого заключался вовсе не в желании поддержать жизнь в дышащих на ладан предприятиях Урала. Банкротство владельцев уральских заводов было очевидно для всех, самостоятельно преодолеть кризисные явления они не могли, поэтому на повестку дня встал вопрос о реформировании обширной региональной экономики. Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев эффектно сравнил Урал со спящей красавицей, которая ждет не дождется, чтобы ее пробудили к плодотворной деятельности⁴⁴⁶. Пробудить ее, или, говоря иначе, реформировать, должны были уже не прежние владельцы, среди которых преобладали выходцы из аристократии, а новые коммерческие силы, способные улучшить качество управления и эффективно эксплуатировать огромные богатства края. Иными словами, назревал масштабный передел собственности, и основные группы российского бизнеса настраивались на предстоящую схватку. Поэтому московская буржуазия имела свои виды на Урал, рассчитывая реализовать здесь собственные интересы.

Интересно, что и Государственная дума, нейтрализуя экспансию южных капиталистов, не ставила целью обереечь уральских магнатов. Об этом свидетельствуют стенограммы тематических пленарных заседаний⁴⁴⁷. Депутаты – защитники уральской промышленности

⁴⁴³ См., напр., выступление П.В. Каменского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 марта 1909 года. Стб. 671.

⁴⁴⁴ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. Часть 5. Заседание 98 от 30 мая 1914 года. Стб. 63.

⁴⁴⁵ См.: *Кафенгауз Л.Б.* Синдикаты в русской железной промышленности. М., 1910. С. 13, 17.

⁴⁴⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 мая 1909 года. Стб. 643.

⁴⁴⁷ См.: *Друзин М.В.* III Государственная дума и проблемы уральской горнозаводской промышленности //

постоянно критикуют владельцев предприятий и правительственное Главное горное управление. Основной мотив выступлений: Урал, закрепощенный небольшой группой лиц, останется в первобытном виде, на старом техническом уровне, потому как эти лица, большую часть времени проживающие вне Урала (в Петербурге или Европе), делом непосредственно не занимаются⁴⁴⁸. Зато они по-прежнему пытаются укрепить свои позиции и активно ходатайствуют о новых займах. Между тем получаемые ими ссуды тратятся главным образом на уплату старых долгов и не используются для модернизации производств. Прямое следствие такого управления – бедственное положение местного населения: заработная плата постоянно снижается, а то и вовсе не выплачивается по полгода (этим хозяева умело минимизируют убытки своих заводов)⁴⁴⁹. Негодования депутатов не избежали и правления казенных предприятий. Социал-демократ рабочий Н.М. Егоров разъяснял, что на государственных заводах царит произвол административно-технического персонала, из-за чего они:

«обратились прямо в какую-то домашнюю кухню горных инженеров, начиная с управителей, начальников и кончая сторожем; они всецело все силы употребляют на то, чтобы как можно более нажиться»⁴⁵⁰.

Главное горное управление (*«учреждение заснувшей обломовщины»*⁴⁵¹), призванное пресекать эти безобразия, совсем не выполняет своих прямых обязанностей, но при этом все его чиновники неплохо пристроены у различных промышленников. Образуется *«заколдованный круг»*, когда невозможно определить, *«где начинается наше горное управление и где начинается частный горный промышленник»*⁴⁵². Конечно, критический настрой думцев по отношению к организации добывающей и металлургической промышленности Урала не означал, что на ее жизнеспособности собирались поставить крест (как заметил кадет В.А. Степанов, такой пессимизм присущ лишь апологетам южной горной индустрии⁴⁵³). Члены нижней палаты неизменно заканчивали обличения тем, что требовали провести реформу уральской экономики и ограничить влияние собственников горных заводов.

Важно подчеркнуть, что это мнение Государственной думы разделяло и правительство. Тут законодательная и исполнительная власть демонстрировали завидное единодушие.

Проблемы российской истории. Вып. 8. М.; Магнитогорск, 2007. С. 57-86.

⁴⁴⁸ См.: Выступление А.Ф. Бабянского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 61 от 7 мая 1908 года. Стб. 130-131.

⁴⁴⁹ См.: Выступление Н.М. Егорова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 105 от 30 апреля 1909 года. Стб. 374-375; Его же // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 81 от 16 марта 1909 года. Стб. 790.

⁴⁵⁰ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание от 7 мая 1908 года. Стб. 112.

⁴⁵¹ См.: Выступление А.Ф. Бабянского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 105. От 30 апреля 1909 года. Стб. 393.

⁴⁵² См.: Выступление Н.М. Егорова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 81 от 16 марта 1909 года. Стб. 799.

⁴⁵³ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 105 от 30 апреля 1909 года. Стб. 382.

Министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, говоря об ответственности владельцев уральских предприятий за хозяйственную разруху, почти слово в слово воспроизводил депутатские доводы:

«Энергичные предки, насаждавшие горную промышленность на Урале и проживавшие в своих владениях, сменились потомками, переставшими жить на заводах и непосредственно соприкасаться с заводской жизнью. Ослабла забота о своевременном переоборудовании заводов согласно с успехами техники, и стали таять оборотные и запасные средства. Заводы обременились ипотечными долгами, причем вырученные от залога денежные средства не всегда поступали на улучшение заводского дела»⁴⁵⁴.

Правительство предлагало свой рецепт оздоровления экономики региона: передать производственные активы в руки солидных предпринимателей, готовых вложить новые деньги в их модернизацию. Кто подразумевался под этими солидными предпринимателями, было легко угадать – крупные питерские банки, давно присматривавшиеся к богатствам Урала. Столичная деловая пресса, выражая мнение петербургских финансовых кругов, не уставала уверять: краю не дадут погибнуть, но для этого его индустрия должна перевоплотиться и сменить владельцев; нужно дать исчезнуть тому пресловутому «горному гнезду», где все прогнило без инициативы, без людей дела⁴⁵⁵. В первую очередь питерские банкиры и их иностранные партнеры желали обследовать производство и хозяйства. Министерство торговли и промышленности ввело на заводах более современную систему отчетности, дабы лучше оценить их стоимость. На каждое отдельное предприятие направлялись комплексные ревизии⁴⁵⁶. Интересно, что Государственная дума, наблюдая аудиторскую активность властей, стала все громче высказываться за передачу частных заводов в ведение казны. Но эти предложения нижней палаты не вызывали восторга у правящей бюрократии. Тот же Тимирязев обращался к депутатам:

«Я думаю – и надеюсь, вы согласитесь со мной, – что казенное хозяйничанье в заводском деле представляется далеко не наилучшим способом его ведения, а, пожалуй, как раз наоборот»⁴⁵⁷.

После чего вновь шли разговоры о необходимости ускорить передачу предприятий в сильные частные руки, обладающие нужными финансами.

Передача промышленности в сильные частные руки стартовала на Урале в 1910 году. Она протекала по определенной схеме, движущей силой процесса выступило петербургское финансовое сообщество. Рассмотрим для примера реорганизацию Нижне-Тагильского округа. Основная ее цель состояла в увеличении производства чугуна с 4,5 млн до 8,5-9 млн пудов при одновременном снижении издержек. Эта обширная программа потребовала привлечения средств в объеме 5,2 млн руб. Деньги планировалось получить частично из будущих доходов, а также путем долгосрочного займа, который предоставляли

⁴⁵⁴ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 3. Заседание 79 от 13 мая 1909 года. Стб. 644.

⁴⁵⁵ См.: Уральцы и их съезд // Финансовое обозрение. 1912. №6. С. 12.

⁴⁵⁶ См.: Выступление С.И. Тимашева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 68 от 10 марта 1911 года. Стб. 301.

⁴⁵⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 4. Заседание 105 от 30 апреля 1909 года. Стб. 363.

Петербургский международный и Русско-Азиатский банки. Очевидно, что зависимость округа от финансовых структур резко возрастала. Возражения группы старых пайщиков во главе с князем С.С. Абамелек-Лазаревым не были услышаны. Вслед за получением финансирования настал черед организационной перестройки: паевое товарищество превратилось в акционерное общество с выпуском акций – как именных, так и на предъявителя. В результате представители старой аристократии, ранее владевшие округом, были отеснены на задний план, а в новом правлении постоянно рос вес финансовых дельцов⁴⁵⁸.

Аналогичные процессы были запущены практически во всех уральских округах. Так, на реконструкцию Верхне-Исетского округа потребовалось более 4 млн руб.: их привлекли через увеличение основного капитала посредством выпуска новых акций, реализацией которых занялся консорциум в составе компании П.О. Гукасова, Русского торгово-промышленного банка и Волжско-Камского банка. Они же выкупили и основную часть ценных бумаг. После чего отношения финансистов с прежними владельцами изменились: в руках титулованной знати в лице графа Стенбок-Фермора, графа Гендрикова и графа Гудовича осталась меньшая часть акций⁴⁵⁹. То же самое наблюдалось в обществе «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П. Шувалова». При переходе предприятия в новую акционерную форму с капиталом в 16 млн руб., разделенных на 160 тысяч акций, только 10 тысяч оказались у прежних собственников, остальные же попали в руки банкиров⁴⁶⁰. Об активности банковских структур в реорганизации уральской индустрии говорят такие цифры: в 1910-1913 годах ее основной капитал возрос с 63 млн руб. до 125 млн руб.⁴⁶¹ Причем в регион хлынул в основном петербургский, а не московский капитал. Сборник «Монополии в металлургической промышленности России. 1900-1917 годы», в котором опубликованы материалы об акционировании уральских заводов, изобилует документацией именно питерских банков. Петербургский международный банк упоминается в сборнике 19 раз, Русско-Азиатский – 24, Азово-Донской – 23, Петербургский частный коммерческий – 10, Сибирский торговый – 9, Русский торгово-промышленный – 6 раз. А вот банки из Первопрестольной представлены только двумя: Московский купеческий (упоминается 1 раз) и Московский банк Рябушинских (4 раза). Из московских компаний лишь торговый дом Вогау, игравший ведущую роль в синдикате «Медь», успел закрепиться на Урале. Приходится констатировать, что купеческая элита не смогла составить конкуренцию столичным банкам: финансовые потоки из Петербурга, усиленные иностранными инвестициями, не оставили шансов на успех московской буржуазной группе.

Поражение Москвы в борьбе за участие в финансово-организационном переустройстве индустрии Урала усугубил итог конкурса на проведение железнодорожной линии, которая должна была связать Центральный регион страны с Уралом. Заметим: речь шла не о прокладке очередной ветки, а о строительстве магистрали, имеющей определяющее значение для развития российской экономики в целом. Контроль над такой транспортной артерией был равноценен обретению связки ключей от Уральского региона. И потому за право

⁴⁵⁸ См.: *Вяткин М.П.* Горнозаводской Урал в 1900-1917 годах. М.—Л., 1965. С. 274-282.

⁴⁵⁹ См.: Там же. С. 290.

⁴⁶⁰ См.: Отношение правления Соединенного банка в правление Азово-Донского банка о согласии принять участие в синдикате для реализации акций общества «Лысьвенский горный округ наследников графа П.П. Шувалова.» от 2 января 1914 года // *Монополии в металлургической промышленности России. 1900-1917 годы. Документы и материалы.* М., 1963. С. 311-312.

⁴⁶¹ См.: *Буранов Ю. А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917 годы). М., 1982. С. 245.

строить эту дорогу разгорелась острейшая борьба, получившая помимо экономического и политический оттенок. Конкурировали два основных проекта, подготовленные петербургской и московской деловыми элитами. Первый предполагал маршрут Казань – Екатеринбург, а второй – Нижний Новгород – Екатеринбург. От Петербурга в конкурсе участвовал хорошо известный в банковской среде партнер А.И. Путилова Н.К. фон Мекк, уже возглавлявший правление Московско-Казанской железной дороги. Группу капиталистов Москвы представляли Ф.А. Головин, А.Н. Найденов и А.А. Тарасов. При этом кадет Головин (бывший председатель II Государственной думы) ради участия в этом деле даже сложил с себя депутатские полномочия. Первопрестольная справедливо рассчитывала, что получение концессии серьезно расширит ее влияние в качестве центра отечественного предпринимательства. Поэтому участие в этой борьбе преподносилось как заветное чаяние всего российского купечества. Правда, конкуренты из Казани оспаривали это, возражая против того, чтобы мнению части купеческой буржуазии придавался всероссийский масштаб. Казанцы, при поддержке столичных деловых кругов, призывали к беспристрастному рассмотрению вопроса. Состоявшееся летом 1911 года на Нижегородской ярмарке голосование они не считали справедливым, так как там преобладали заинтересованные нижегородцы и их московские союзники⁴⁶². То, что согласно питерскому проекту железная дорога связывала Урал именно с Казанью, имело гораздо большее значение, чем это может показаться на первый взгляд. Речь шла не просто о выборе того или иного города для реализации выгодного железнодорожного проекта, а об определении центра, который в недалеком будущем сможет оспорить ведущую роль Первопрестольной на внутрироссийском рынке. Залогом такого развития событий служило выгодное территориальное расположение Казани. Через этот крупный поволжский город пролегали удобные пути на Урал, в Сибирь и Среднюю Азию. Как провозглашалось в те годы, в Казани *«должно видеть окно, дающее промышленный свет на азиатский Восток»*⁴⁶³. Понятно, что все это угрожало московско-нижегородским интересам. Забегая вперед, скажем, что возвращать из Казани московского конкурента начал крупнейший в России Русско-Азиатский банк: его глава А.И. Путилов пошел на союз с местной купеческой фирмой Стахеева, превратившейся в форпост экспансии петербургского капитала на внутрироссийский рынок.

Соперничество петербургского и московского проектов развернулось в коридорах власти. Ожесточенные баталии происходили в рамках комиссии по новым железным дорогам, в работе которой приняли участие видные представители российской купеческой элиты, ориентированные на Москву: Д.С. Сироткин, Н.В. Мешков, А.С. Салазкин, член Государственной думы А.А. Савельев и другие⁴⁶⁴. Их активность принесла свои плоды: большинство членов комиссии поддержали проект Головина⁴⁶⁵. Однако в Совете министров, где дискуссии разгорелись с новой силой, премьер В.Н. Коковцов, занявший пост после гибели Столыпина, решительно высказался за петербургское предложение. В его глазах неоспоримым преимуществом была дешевизна: столичный проект стоил 123,4 млн

⁴⁶² См.: Письмо Казанского биржевого комитета к министру торговли и правительства С. И. Тимашеву. 4 ноября 1911 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 231. Л. 260-260 об.

⁴⁶³ См.: Записка «Значение железной дороги Казань – Екатеринбург» // Там же. Л. 86.

⁴⁶⁴ См.: Журнал комиссии о новых железных дорогах по вопросу о сооружении железнодорожной линии в Северозаволжском и Прикамском крае. Март – апрель 1911 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 232 Л. 403-404.

⁴⁶⁵ См.: Заволжская дорога // Финансовое обозрение. 1912. № 2. С. 14.

руб., московский – 140 млн⁴⁶⁶ Оппонентом финансового ведомства выступило Министерство путей сообщения: мол, при более глубоком, неформальном рассмотрении вопроса преимущества питерского проекта не выглядят такими уж очевидными⁴⁶⁷. Тем не менее правительство поддержало проект, представленный Н.К. фон Мекком, и концессия досталась петербургским предпринимателям. Разочарование купечества было велико. «Утро России» возмущалось: казалось, здравый смысл возобладает и головинский проект будет принят, но в чисто хозяйственный вопрос искусно вплели политические интересы. Столичная пресса цинично намекала на подоплеку московского проекта, имеющего цель поддержать кадетскую партию. *«Москву намеренно вытеснили с этого пути в пользу Петербурга»* – заключало издание⁴⁶⁸. Итоги конкурса напоминали тендер 1868 года на эксплуатацию Николаевской железной дороги, когда купеческая группа, несмотря на все усилия, тоже потерпела обидное поражение. Любопытно, что и тогда купечество встретило непреодолимое препятствие в лице именно министра финансов (М.Х. Рейтерна), который действовал вопреки мнению Министерства путей сообщения. Спустя сорок с лишним лет история повторилась. На Нижегородской ярмарке 1913 года в ходе визита В.Н. Коковцова купечество высказало ему свои обиды. Но премьер пояснил, что много раз беседовал по поводу строительства железной дороги с городским главой Нижнего Новгорода Д.С. Сироткиным, *«в большинстве случаев расходясь с ним во мнении»*. И выразил уверенность, что у города *«будущее славно, сколь и славно прошлое»*⁴⁶⁹.

Однако вернемся к Государственной думе, где депутаты рьяно выступали против создания синдикатов и трестов в различных отраслях экономики. Выше уже говорилось, что 1908 год прошел в Думе под знаком противостояния с южными промышленниками, намеревавшимися создать мощный металлургический трест для упрочения своего положения на российском рынке. После этого конфликта, в мае 1909 года, правительство учредило специальную комиссию по урегулированию деятельности синдикатов и трестов, которая приступила к их обследованию с целью выявления и устранения различных злоупотреблений. Примером того, как следует налаживать контроль над деятельностью промышленных объединений, служила Германия⁴⁷⁰. Заметим: московское купечество и его союзники, потратившие немало сил на противодействие планам создания металлургического треста, не проявили большого интереса к итогам трудов комиссии. На заключительном заседании не появились ни Крестовников, ни Рябушинский, ни Кноп, ни кто-либо из думских оппозиционеров. Зато присутствовали руководители «Продамета», «Продугля», а также представители ряда министерств и ведомств⁴⁷¹. Этот факт не остался незамеченным. Как указало «Новое время»:

«что поделаешь, если при всем усердии просвещенных бюрократов так туго идет дело с превращением отечественных Кит Китычей в буржуазию на

⁴⁶⁶ См.: РГИА. Ф. 23. Оп. 10. Д. 232. Л. 19 об.

⁴⁶⁷ См.: Там же. С. 21.

⁴⁶⁸ См.: Москва – Сибирь // Утро России. 1912. 29 апреля.

⁴⁶⁹ См.: В.Н. Коковцов на Нижегородской ярмарке // Утро России. 1913. 17 августа.

⁴⁷⁰ Журналы межведомственного совещания для обсуждения вопроса о синдикатах и трестах находятся в РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 173.

⁴⁷¹ См.: Совещание о синдикатах и трестах // Речь. 1910. 25 июня.

западноевропейский образец»⁴⁷².

Но на самом деле речь не шла о самоустранении купечества от решения важных проблем. Просто оппозиционные силы считали, что правительственная комиссия – не то место, где можно эффективно противостоять различным синдикатским комбинациям. Центр этой борьбы неизменно находился в Государственной думе. Не было ни одной сессии, где бы в повестке дня не возникали вопросы противодействия монополизации в экономике. Можно даже сказать, что эта сторона деятельности стала своего рода «визитной карточкой» нижней палаты.

Например, в марте 1909 года, когда только-только улеглись страсти по поводу металлургического треста, Министерство торговли и промышленности внесло в нижнюю палату законопроект об изменении правил проведения съездов мукомолов. По замыслу правительства, съезд должен был стать общей площадкой для обсуждения отраслевых проблем (существовавшие ранее губернские съезды упразднялись как не отвечающие растущим нуждам мукомольной промышленности). В новой, уже всероссийской организации, предполагалось участие с правом решающего голоса всех владельцев мельниц; для них вводился обязательный, иными словами – принудительный, сбор на нужды съезда, поскольку «в России добровольные сборы поступают чрезвычайно плохо»⁴⁷³.

Однако правительственные планы вызвали серьезное противодействие думцев: они опасались, что съезды в скором времени превратятся в мучные синдикаты; большие нарекания вызвал и принцип принудительного обложения. Депутат Т.О. Белоусов квалифицировал законопроект как очень непростой: он, по словам депутата, был направлен на образование синдикатов, трестов, картелей, то есть тех промышленных структур, которые создаются не для удешевления производства и не ради потребителей, а для выколачивания прибылей посредством удорожания продукции и взвинчивания цен. К тому же правительство предоставляло съезду право юридического лица и право самообложения, что фактически подразумевало принудительное вступление в союз всех мелких мукомолов⁴⁷⁴. Таким образом, заключил Белоусов, это откровенная регламентация синдиката с признанием необходимости идти навстречу частному промышленному объединению. И это в тот момент, когда агенты правительства душат самодеятельность народа, разгоняют съезд кооператоров в Москве!⁴⁷⁵ Те же мысли развивал националист И.М. Коваленко. Обращаясь к Думе, он заявил, что в утверждении законопроекта заинтересована лишь небольшая группа мукомолов:

«мнящих видеть в вас кузнецов своего счастья, которые привяжут одним концом цепи мукомолов к союзу, а другим, петлей обратного конца цепи, зацепят все население империи для того, чтобы обложить его тяжким налогом в пользу своей группы»⁴⁷⁶.

Он подчеркнул, что вступление в организацию будет носить принудительный характер:

⁴⁷² См.: Анкета о синдикатах // Новое время. 1910. 21 июня.

⁴⁷³ См.: Выступление С.П. Беляева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 2. Часть 2. Заседание 69 от 5 марта 1909 года. Стб. 3125-3126.

⁴⁷⁴ См.: Там же. Стб. 3127.

⁴⁷⁵ См.: Там же. Стб. 3130.

⁴⁷⁶ См.: Там же. Стб. 3132.

власти предлагают не только легализовать синдикат, но и одобрить методы принуждения по отношению к тем, кто не желает находиться в его рядах. Ведь законопроект предусматривает взыскание сбора за участие в союзе одновременно с выборкой промыслового свидетельства; в случае отказа от уплаты взыскание поручается полиции. Что это за союз, спрашивал депутат, если правительство насильно обязывает в нем участвовать? Примечательно напоминание Коваленко о том, что Дума совсем недавно отвергла инициативу создания треста в металлургии. После этого нижняя палата, считал выступающий, не может поддерживать подобные же планы в мукомольной промышленности⁴⁷⁷. Именно так и произошло: правительственный законопроект был Думой отвергнут.

Не менее острый характер приняло рассмотрение еще одного правительственного начинания – законопроекта «О мерах поощрения русского сельскохозяйственного машиностроения». В этом случае дискуссия также вышла на синдикатскую проблематику. Министерство торговли и промышленности, по причине огромного значения техники для земледельческих отраслей, не хотело, чтобы на ввозимые в страну машины были установлены повышенные таможенные ставки. Кроме того, для стимулирования собственного производства сеялок, косилок и прочего были предложены следующие меры: беспошлинный импорт оборудования, необходимого для заводов по производству сельхозмашин; освобождение от некоторых налогов заводов и торговых предприятий, занимающихся машинами для земледелия, предоставление им кредитов на льготных условиях и т.д. Эти предложения крайне возмутили думскую оппозицию, и когда докладчик финансовой комиссии стал перечислять их с трибуны, его слова потонули в общем усиливающемся шуме⁴⁷⁸. Суть претензий сформулировал А.И. Шингарев: законопроект поощряет крупные предприятия, содействует образованию синдикатов и трестов, вводит обложение, обременительное для малоимущего населения. Кадетский оратор напомнил, что сельское машиностроение давно уже находится в руках американского треста, построившего под Москвой огромное предприятие. А значит, всеми перечисленными льготами в первую очередь воспользуется этот индустриальный гигант.

«Устраивая это покровительство, – констатировал Шингарев, – вы, в сущности, покровительствуете не широкому развитию машиностроения в России, а централизации, концентрации капитала в этой области, усиливаете власть наиболее крупных, наиболее сильных заводов»⁴⁷⁹.

Для них предусмотрены премия и освобождение от налогов, но едва ли это приведет к удешевлению продукции: цены могут снижаться только в одном случае – когда появляется конкуренция. Однако правительство, продолжал депутат, делает все возможное, чтобы минимизировать этот благотворный производительный фактор. К тому же объявленные налоговые льготы скажутся на поступлении государственных доходов. Как известно, прямое обложение в России и без того чрезвычайно скромное:

«бюджет едет на так называемом косвенном обложении... мы живем с водки, с сахара, с чая, табака, керосина, спичек и т. д.»⁴⁸⁰.

⁴⁷⁷ См.: Там же. Стб. 3133.

⁴⁷⁸ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 5. Часть 2. Заседание 68 от 15 февраля 1912 года. Стб. 2189.

⁴⁷⁹ См.: Там же. Стб. 2200.

⁴⁸⁰ См.: Там же. Стб. 2195-2196.

Именно эти налоги, подчёркивал Шингарев, особенно тяжелы для малообеспеченного населения, которому теперь придется оплачивать еще и фискальные льготы крупных сельхозпроизводителей.

Ряд ораторов настойчиво указывали на несоответствие названия законопроекта – «О мерах поощрения русского сельскохозяйственного машиностроения» – его действительному содержанию. Как сказал трудовик В.И. Дзюбинский, слово *«русского»* было введено в заглавие законопроекта только как некий оттенок, как уступка духу времени, дабы подчеркнуть национальную направленность проекта. А слова *«сельскохозяйственное машиностроение»* вообще ни о чем не говорят – ведь в России существует не только крупная, но и мелкая промышленность, большое ремесленное производство. Данный же законопроект, заявил депутат, целиком посвящен крупным предприятиям, выпускающим технику для крупных хозяйств, и нисколько не нацелен на поддержку широкого круга тружеников⁴⁸¹. Еще резче высказался В.М. Андрейчук: этот проект – *«предъявленный от кучки людей уголовно-гражданский иск к русскому казначейству»*. Он поражался, с какой стремительностью правительство продвигало эту инициативу: позавчера в комиссии, сегодня уже на общем собрании, тогда как в Государственной думе проекты лежат без движения по году и более и не назначаются к докладу⁴⁸². Сторонники правительственного законодательного творчества пытались возражать критикам. В частности, они считали принципиально неверным противопоставление многочисленного крестьянства и крупного землевладения. Н.И. Шидловский предлагал не обращать внимания на подобные мелочи, не имеющие, на его взгляд, непосредственного отношения к делу⁴⁸³. Н.Е. Марков уверял, что сельхозтехника полезна всем: и крестьянам, и помещикам, главное, – чтобы она увеличивала производительность труда. Он предлагал не выяснять отношения, а радоваться будущей громадной пользе для всего народа, ведь долгое время не удавалось даже поставить как следует вопрос о поощрении сельскохозяйственного машиностроения. Причем не удавалось из-за оппозиции, которая совершенно не понимает, *«что кому полезно и что кому вредно»*⁴⁸⁴. Но думское большинство смотрело на дело иначе. Депутаты испещрили документ множеством исправлений, фактически сводящих его идеологию, разработанную правительством, на нет. Как замечала питерская пресса, в таком виде законопроект может содействовать разве лишь созданию сборочных мастерских⁴⁸⁵.

Самое мощное сопротивление синдикатским тенденциям Государственная дума оказала в связи с нефтяным промышленным комплексом. С начала XX столетия нефтяная отрасль начинает приобретать ключевое значение в экономической жизни. Интерес к ней заметно усиливается со стороны не только иностранных фирм, но и всего предпринимательского сообщества России, и прежде всего петербургских банков⁴⁸⁶. Нижняя палата парламента, разумеется, не могла не обратиться к этой теме, начав с

⁴⁸¹ См.: Там же. Стб. 2204-2206.

⁴⁸² См.: Там же. Стб. 2221, 2223.

⁴⁸³ См.: Там же. Стб. 2216.

⁴⁸⁴ См.: Там же. Стб. 2220.

⁴⁸⁵ См.: Поощрение или противодействие // Финансовое обозрение. 1912. №6 (март).

⁴⁸⁶ Подробно об этих сюжетах см.: Ахундов Б.Ю. Монополистический капитал в бакинской нефтяной промышленности. М., 1959.

рассмотрения положения, в котором находится отрасль. В 1872 году произошла отмена откупной системы в нефтяном деле и был установлен новый порядок добычи «черного золота». Земли Бакинского района, где велся основной промысел, разбили на участки. Из 322 таких участков размером по 10 десятин 180 были проданы на торгах, а 142 – по высочайшим повелениям безвозмездно розданы различным лицам за их государственные заслуги⁴⁸⁷. Торги осуществлялись в соответствии с временными правилами, изданными в 1900 году. По ним в казну вместо по-пудной платы назначалось доленое отчисление от добытой нефти. Дума сделала вывод:

«Все нефтяное дело велось без всякой программы, без всякой политики, и последствием этого было то, что вся нефтяная промышленность сосредоточилась в руках нескольких монополистов, которые сделались хозяевами положения и получают в настоящее время громадные доходы»⁴⁸⁸.

В 1905 году в Бакинской губернии проводилась ревизия под руководством сенатора Кузьминского, представившая подробный отчет о неурядицах в российской нефтяной отрасли; отчет остался без всякого внимания правительства. Между тем кризис нарастал. Так, если в 1888 году США добыли 197 млн пудов сырья, а Россия – 182 млн, то спустя десять лет у американцев было 378 млн, в России – 486 млн пудов; но еще через десять лет по этому показателю Россия вновь отставала: США – 1 млрд 562 млн пудов, Россия – только 515 млн пудов. Эти цифры наглядно продемонстрировали парламентариям начавшийся упадок отрасли⁴⁸⁹. По их мнению, такие печальные результаты были вызваны временными правилами, регулирующими сдачу казенных нефтеносных земель через торги. Они устраивались дважды, в 1903 и 1906 годах, и в обоих случаях вызвали массу нареканий⁴⁹⁰. Дефицит «черного золота» стал остро ощущаться в экономике. Как сказал А.И. Шингарев, московский район требует нефти, но ее нет; зато растут цены, а значит, и барыши нефтепромышленников, следовательно, стимул для расширения добычи весьма слаб. Несколько крупных фирм захватили нефтедобычу в свои руки, противостоять им не могут ни частные предприниматели, ни отдельные лица, *«бороться с ними может только государство»*⁴⁹¹.

Эти слова стали руководящим принципом для Государственной думы в ее политике в нефтяной отрасли. Нижняя палата фактически объявила войну крупным нефтедобывающим компаниям. Наиболее известной ее страницей стали большие думские прения о причинах высоких цен на нефть (март 1913). Депутатский запрос правительству по поводу нефтяного синдиката всполошил бакинских дельцов. Совет Съездов представителей торговли и промышленности посвятил запросу специальное заседание, где признал его малообоснованным и противоречащим основам торговой политики⁴⁹². На претензии народных избранников непосредственно с думской трибуны пришлось отвечать министру

⁴⁸⁷ См.: Выступление Е.М. Шейдемана // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание от 7 мая 1908 года. Стб. 71.

⁴⁸⁸ См.: Там же. Стб. 72.

⁴⁸⁹ См.: Выступление И.И. Дмитрюкова // Там же. Стб. 79-80.

⁴⁹⁰ См.: Там же. Стб. 82, 86.

⁴⁹¹ См.: Там же. Стб. 97-98.

⁴⁹² См.: Борьба с синдикатами // Раннее утро. 1913. 5 марта.

торговли и промышленности С.И. Тимашеву. Цены на нефть действительно демонстрировали впечатляющую динамику. Еще в начале XX века они держались на отметке 6 коп. за пуд, но к 1904-му поднялись до 14 коп. После революционных погромов в бакинском регионе цена взлетела до 36 коп., затем стабилизировалась на уровне 21-25 коп. А с начала 1910 года происходил неуклонный рост стоимости сырья: в 1912-м цена достигала уже 38 коп. за пуд и продолжала стремиться выше.⁴⁹³ Однако, в отличие от возмущенных депутатов, Тимашев считал данную тенденцию отражающей общемировую практику и вполне закономерной. Ее движущая сила – серьезное увеличение спроса. Причем спрос имел не временный или случайный, а прочный, прогрессирующий характер. Бакинская нефтепромышленность за ним не поспевала, ее производительность постоянно снижалась: с 490 млн пудов в 1910 году до 425 млн – в 1911-м и 419 млн – в 1912-м. Это было не удивительно, поскольку в регионе с начала XX столетия не вводились в эксплуатацию свежие месторождения и промыслы продолжали работать на старых скважинах. Говорить об их истощении было преждевременно, однако не принимать во внимание стагнацию в отрасли было нельзя⁴⁹⁴. Затем Тимашев остановился на набиравшей силу концентрации нефтепромышленности. На его взгляд, это был совершенно объективный процесс: затраты росли, добыча требовала привлечения значительных вложений, а они были под силу только крупным производителям. Поэтому в отрасли наблюдался ряд корпоративных слияний, в которых была задействована целая группа частных банков, способных предоставить компаниям необходимое финансирование. Обвинения в организации синдиката или в ценовом сговоре между банками министр назвал вымышленными, не соответствующими действительности. И в заключение посоветовал депутатам лучше анализировать статистику и делать более взвешенные выводы⁴⁹⁵.

Гораздо серьезнее, чем к возмущению думцев, правительство относилось к предложениям, исходящим непосредственно от самих бакинских промышленников. А те в 1910-1911 годах выдвинули свой план по увеличению добычи сырья. Его ключевым моментом стала идея паевого товарищества, которое должно было учесть многообразные интересы различных компаний, действующих в отрасли. Проект, представленный П.О. Гукасовым и С.Г. Лианозовым, предусматривал, что в товарищество войдут все действующие фирмы Бакинского района, а в его распоряжение без каких-либо торгов будут переданы свободные нефтеносные земли. Доля участия каждой отдельной компании определялась размером среднегодовой добычи за последние три года: каждые 100 тысяч пудов давали один пай. Проект получил поддержку в правительстве; его горячими сторонниками выступили министр финансов В.Н. Коковцов и министр торговли и промышленности С.И. Тимашев. Они придерживались мнения, что практика выделения нефтяных участков через торги себя не оправдала, поскольку не позволяла надлежащим образом учитывать интересы средних компаний. Правительство в виде эксперимента предлагало передать товариществу 100 десятин земли на льготных условиях; кроме добычи нефти, оно наделялось широкими правами по разведке нефтяных ресурсов⁴⁹⁶.

Правда, не все в Совете министров были в восторге от предложенного промышленниками проекта: государственный контролер П.А. Харитонов выступал против

⁴⁹³ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 1. Часть 2. Заседание 31 от 22 марта 1913 года. Стб. 32.

⁴⁹⁴ См.: Там же. Стб. 34-35.

⁴⁹⁵ См.: Там же. Стб. 37-39.

⁴⁹⁶ См.: РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 11. Л. 59-68.

идеи создания паевого товарищества на указанных основаниях⁴⁹⁷. Но, разумеется, главным его противником стала Государственная дума. Здесь начинание нефтяных королей расценили как стремление, с одной стороны, еще больше закрепить свои позиции на рынке и, с другой, воспрепятствовать работе средних компаний. Из 186 фирм, присутствующих в регионе, 12 крупнейших фактически получили бы почти две трети всех площадей⁴⁹⁸. Результатом стало бы неизбежное усиление монополистических тенденций, а значит, продолжение роста цен на нефть и нефтепродукты. В пику бакинским дельцам, желавшим отказаться от системы торгов нефтяными участками, нижняя палата выработала предложения в противоположном духе. Был подготовлен и стремительно принят законопроект о новых правилах проведения торгов, главная цель которого состояла в обуздании роста цен на «черное золото». В рамках предусмотренного формата хозяйствования повышение стоимости сырья становилось невыгодным в первую очередь для самих нефтяников. Для этого вводилось специальное понятие «условной цены», устанавливаемой на тридцать лет. Предприниматель с торгов по заранее назначенной условной цене получает участок и платит казне разницу между ней и ценой, складывающейся непосредственно на рынке. Следовательно, если рыночная цена высока, то разница между условной, раз и навсегда определенной ценой и рыночной существенна. То есть чем рыночная стоимость выше, тем больше промышленники должны платить казне, и, соответственно, чем ниже рыночная цена, тем меньше бюджетные выплаты. Это была своего рода формула понижения рыночных цен на нефть, давивших российскую экономику⁴⁹⁹.

Несложно представить, какую реакцию вызвали эти новации у нефтяников. В Государственном совете их представители пытались дискредитировать законопроект, сняв его с обсуждения. Думское творчество квалифицировалось как несерьезное, крайне легкомысленное, поскольку в нижней палате было мало тех, кто хоть немного был знаком с нефтяной промышленностью⁵⁰⁰. Критический тон задавали руководители Совета Съездов представителей торговли и промышленности, входившие в Государственный совет. Так, П.О. Гукасов возмущался, что законопроект в корне меняет существующий принцип пользования казенными нефтяными землями. До сих пор промышленник рассматривался в качестве арендатора, выделявшего казне известную долю получаемого продукта. Теперь же предприниматели превращались в подрядчиков по бурению и по добыче нефти, обязанных сдавать нефть не по себестоимости и не по биржевому курсу, а по цене, установленной на торгах на тридцать лет вперед, так как предметом торга делается условная цена. Гукасов недоумевал, как можно реализовывать предпринимательские инициативы в подобных условиях⁵⁰¹. Сам дух законопроекта пропитан отношением к промышленнику как к врагу населения, как к разбойнику, которого следует связать по рукам и ногам, – возмущался предприниматель⁵⁰². Его поддержал Н.С. Авдаков, говоривший о невозможности подобной

⁴⁹⁷ См.: Отношение Государственного контролера П.А. Харитонову управляющему делами Совета министров Н.В. фон Плеве с протестом против предоставления Паевому товариществу бакинских нефтепромышленников 100 десятин нефтеносных земель. 31 января 1912 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 годы. Документы и материалы. М.; Л., 1961. С. 526-528.

⁴⁹⁸ См.: РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 11. Л. 59-68.

⁴⁹⁹ См.: Выступление кн. А.Н. Лобанова-Ростовского // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия VII. Заседание 72 от 5 июня 1912 года. Стб. 4728.

⁵⁰⁰ См.: Выступление П.О. Гукасова // Там же. Стб. 4722.

⁵⁰¹ См.: Там же. Стб. 4725.

⁵⁰² См.: Там же. Стб. 4735.

организации в горном деле: сдача недр на определенный срок неприемлема, поскольку провоцирует расхищение ресурсов.

«Только тогда горная промышленность может развиваться, – заявил он, – когда горный промысел свободен, когда недра свободны. Это существует во всех странах, а здесь является какое-то закрепощение разработки недр на срок, это какое-то странное превращение промышленников в подрядчиков»⁵⁰³.

Тем не менее большинство в Государственном совете, вдохновленное надеждой стабилизировать нефтяные цены, поддержало думский законопроект; 17 июня 1912 года он получил Высочайшее утверждение. Однако его практическое применение никак нельзя назвать удачным. Торги назначались дважды, 17 мая 1913-го и 15 сентября 1914 года. Бакинские нефтяные короли сделали все, чтобы продемонстрировать их полную несостоятельность. В первом случае поступило 426 заявок, большинство из которых были сделаны явно подставными структурами и лицами, действовавшими в интересах все тех же крупных отраслевых игроков. В результате торги были признаны недействительными⁵⁰⁴. Повторные торги осенью 1914 года снова не имели успеха: выставленные участки разыгрывались безрезультатно три раза подряд. По условиям тендера, в случае, если нефтеносные площади оказывались не арендованными, возникала возможность передачи их без торгов. Именно этой юридической уловкой и решили воспользоваться крупные нефтяники, чтобы заполучить земли для затеянного ими паевого товарищества. Кстати, нефтяные компании после утверждения неугодного им законопроекта внесли заметные коррективы в свою тактику. Во-первых, Бакинский съезд нефтепромышленников для усиления лоббистского потенциала влился на правах секции в Совет съездов представителей промышленности и торговли: заявления от лица всероссийского предпринимательского объединения звучали гораздо весомее, чем отраслевой голос⁵⁰⁵. Во-вторых, для продвижения идеи паевого товарищества вербуются союзники из стана ее критиков. Так, одним из горячих поборников крайне непопулярной в Государственной думе бакинской инициативы неожиданно становится член нижней палаты И.В. Титов. Этот депутат из фракции прогрессистов вдруг начал энергично выступать с публичными речами о благотворности паевой организации нефтяного дела⁵⁰⁶. Заметим, подобные оригинальные

⁵⁰³ См.: Там же. Стб. 4731.

Следует отметить, что ссылка на то, что предоставление максимальных свобод при освоении природных богатств было принято в международной практике, не совсем точна. Так, правительство Германии, которое в деле организации бизнеса часто держали за образец, как раз незадолго до описываемых дискуссий в российской думе исключило добычу угля и минеральных удобрений из свободных рыночных отношений, предоставив право разработки этих ресурсов государству. Причем правительство получило возможность передавать это право другим лицам на строго определенный срок. И никто не видел в этом подрыва основ предпринимательства. См.: Выступление товарища Министра торговли и промышленности Д.К. Коновалова // Там же. Стб. 4734.

⁵⁰⁴ См.: Представление Министра торговли и промышленности С.И. Тимашева в Совет министров о результатах торгов на нефтеносные участки, произведенных 17 мая 1913 года в Баку. 8 июля 1913 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 годы. Документы и материалы. С. 589-594.

⁵⁰⁵ См.: РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 11. Л. 23-26.

⁵⁰⁶ См.: Доклад И.В. Титова на заседании Совета съездов представителей промышленности и торговли «Обсуждение проекта отдачи в разработку оставшихся свободных земель путем образования паевого товарищества». 23 ноября 1914 года // Там же. Л. 10.

ходы будут в дальнейшем взяты на вооружение петербургскими банками в их противостоянии с Государственной думой.

Еще одним серьезным противником, объявившим войну бакинским дельцам, стала купеческая буржуазия центра России и Поволжья. Будучи потребителями нефти, предпринимательские круги данных регионов серьезно страдали от безудержного роста ее стоимости: с 1910 по 1912 год уголь поднялся в цене на 20-30%, тогда как нефть – на 160%⁵⁰⁷. Многие фабриканты постепенно переходили на твердое топливо. Например, в Иваново-Вознесенском районе закупки нефти снизились почти в два раза⁵⁰⁸. Даже Московская городская дума была вынуждена реагировать на вздорожание сырья; она заморозила прокладку нефтепровода и строительство терминала в Кунцево, решив отапливать город антрацитом⁵⁰⁹. Трудности ощущали и речные судовладельцы: себестоимость водных перевозок увеличивалась до 50%, прибыли падали до минимума⁵¹⁰. В этих условиях купечество самоотверженно противостояло нефтяным королям. Так, летом 1910 года делегация судовладельцев Волжского бассейна сумела добиться аудиенции у Николая II, на которой излила свою печаль. Представитель нижегородцев Д.В. Сироткин сообщил императору о пренебрежительном отношении к их интересам правительственных чиновников, заметив, что купеческие пароходные общества, приносящие огромную пользу российской экономике, развивались без какой-либо казенной поддержки. Николай II выразил сожаление, что этому важному вопросу уделяется недостаточно внимания⁵¹¹. Правительство, со своей стороны, также очень сожалело – правда, больше о том, каким образом купеческие деятели, миновав бюрократические сферы, попали на высочайшую аудиенцию, итогами которой теперь станут спекулировать...⁵¹²

Очагами борьбы с бакинскими нефтяными компаниями были биржевые комитеты, действовавшие в унисон с Государственной думой. Заседавшее там купечество не менее ярко, чем народные избранники, обличало нефтяников, чья ненасытность медленно, но верно разоряет страну. К примеру, Самарский биржевой комитет указывал, что нефтяная промышленность развивается по негласным соглашениям, которые вдохновляются иностранными предпринимателями, усиленно скупающими акции компаний. Доказательств ценового сговора в нефтяной индустрии было немало. Так, крупные фирмы уже заранее объявляли пароходным обществам те цены, по которым будут осуществляться поставки сырья на следующий сезон, причем не заключившие договора предупреждались о значительном ухудшении условий⁵¹³.

Самарский и другие поволжские биржевые комитеты обратились к наиболее авторитетному Московскому биржевому комитету с просьбой взять на себя труд по созыву

⁵⁰⁷ См.: Нефтепромышленники и потребители // Финансовое обозрение. 1912. №20. С. 2.

⁵⁰⁸ См.: Борьба угля и нефти // Утро России. 1912. 22 мая.

⁵⁰⁹ См.: Переход с нефти на антрацит // Голос Москвы. 1912. 30 августа.

⁵¹⁰ См.: Перспективы волжско-каспийского судоходства // Утро России. 1912. 17 июня.

⁵¹¹ См.: Вечерняя хроника // Новое время. 1910. 28 июля; 1 августа.

⁵¹² Письмо директора правления товарищества «Бр. Нобель» Э.К. Грубе к Э.Л. Нобелю. 2 августа 1910 года // Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 годы. Документы и материалы. С. 486.

⁵¹³ См.: Протокол чрезвычайного собрания Самарского биржевого комитета по вопросу о мерах борьбы с нефтяным голодом и дороговизной жидкого топлива. 6 сентября 1913 года // Там же. С. 590-591.

Всероссийского съезда потребителей топлива. После неудачи с торгами нефтяными участками купечество разных регионов решило выработать новые меры против роста цен. Предлагалось также препятствовать попыткам создания паевого товарищества, исходившим от бакинских воротил⁵¹⁴. Глава московских биржевиков Г.А. Крестовников в середине декабря 1913 года проинформировал правительство об острой необходимости всесторонне обсудить эту животрепещущую проблему. Он сообщал, что поскольку число желающих высказаться поистине не ограничено, то целесообразнее было бы созвать не многочисленный форум, а особое совещание в составе тех лиц, кто способен компетентно участвовать в дискуссии и выработать предложения⁵¹⁵. Однако даже такой скорректированный формат мероприятия не получил одобрения властей.

Министр торговли и промышленности С.И. Тимашев без промедлений вынес вердикт по делу о купеческой инициативе. Как он напомнил, подобные дебаты с самым широким привлечением разных категорий потребителей проводились не один раз. Все уже настолько выяснено, что в созыве Московским биржевым комитетом еще одного совещания по тем же вопросам не усматривается никакой необходимости⁵¹⁶. В результате без правительственного разрешения съезд не состоялся. Тогда надежды купечества обратились к очередному, VIII Всероссийскому съезду представителей биржевых комитетов и сельского хозяйства, намеченному на январь 1914 года. Здесь, в отличие от Совета Съездов представителей торговли и промышленности, где хозяйничала буржуазия юга России, у купечества имелся шанс раскрутить тему дороговизны «черного золота». И действительно, эти проблемы вошли в повестку дня, но нефтяное лобби снова оказалось на высоте, сумев доказать необоснованность обвинений в искусственном сокращении добычи и вздувании цен на нефть. Питерское издание «Финансовое обозрение», тесно связанное с банками, вовлеченными в отраслевые дела, писало, что подобные обвинения есть следствие полного незнакомства с предметом. Объединенный поход биржевых комитетов против несуществующего нефтяного синдиката окончился неудачей. Съезд постановил, что проблемы можно решить только за счет незамедлительного увеличения площади нефтеносных земель, отданных в эксплуатацию⁵¹⁷.

Важным пунктом противостояния Государственной думы и петербургских чиновничье-банковских кругов стали также военно-морские и торгово-морские вопросы. Громкие конфликты сопровождали их обсуждение с 1908 по 1913-й год. Обратимся к принятию Думой морской программы правительства, предусматривавшей создание нового мощного флота. Как известно, завершение Русско-японской войны 1904-1905 годов нанесло непоправимый урон отечественным военно-морским силам, а Цусимский разгром стал для общества именем нарицательным. Оправившись от этого удара, власти поставили перед собой задачу воссоздания морской мощи государства. По их убеждению, модернизационные вызовы нового столетия требовали наличия современного флота, иначе претензии на статус великой державы выглядели, мягко говоря, несерьезными. Однако эта принципиальная позиция правящей бюрократии не была оценена в Таврическом дворце. Точнее, обширные

⁵¹⁴ См.: Записка Астраханского биржевого комитета в Московский биржевой комитет с предложением созвать Всероссийский съезд потребителей топлива для выработки мер по борьбе с топливным голодом. 23 сентября 1913 года // Там же. С. 600, 603.

⁵¹⁵ См.: Письмо Г.А. Крестовникова в Министерство торговли и промышленности. 16 декабря 1913 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 9. Д. 278. Л. 3об.

⁵¹⁶ См.: Письмо С.И. Тимашева в Совет министров. 23 декабря 1913 года // Там же. Л. 2-2 об.

⁵¹⁷ См.: Нефтепромышленность перед судом Всероссийского биржевого съезда // Финансовое обозрение. 1914. №3. С. 4.

планы правительства вызвали резкое неприятие в оппозиционной среде. Уже весной 1908 года, когда подошла очередь рассмотрения сметы морского ведомства, многие предрекали трудности при утверждении правительственных предложений. Все началось с весьма красноречивого эпизода 23 мая 1908 года на открытии пленарного заседания Государственной думы, собравшейся впервые обсудить военно-морскую проблематику. Вместо того чтобы заняться представленной сметой, Дума обратилась к сделанному группой народных избранников запросу о незаконных действиях министерства при постройке крейсера «Рюрик» на английском заводе Виккерса. Суть ситуации была в следующем: морское ведомство неоднократно указывало на преимущества российской артиллерии над заграничной, а потому на строящемся корабле решили установить орудия отечественного образца. С этой целью фирме «Виккерс» были переданы чертежи, по которым она обязалась изготовить соответствующую артиллерию и оснастить ею крейсер. Депутаты нашли такие действия странными, усмотрев в них нарушение государственной тайны чинами министерства, и потребовали расследования⁵¹⁸.

Негодующие думцы быстро перешли от анализа данного случая к серьезным обобщениям. По словам трудовика В.И. Дзюбинского, запрос:

«приподнял уголок той таинственной завесы, скрывавшей от нас до сих пор ту область, куда народное представительство до настоящего времени еще не проникало. Поднявши этот уголок, мы все ужаснулись, мы пришли в неопиcуемый ужас от тех порядков, которые там царили»⁵¹⁹.

Депутат даже усомнился в виновности отдельных чиновников министерства, с легкостью переложив ответственность за этот конкретный эпизод на общий строй, на все направления внутренней политики⁵²⁰. Однако разъяснения товарища морского министра И.Ф. Бострема, пытавшегося вернуть депутатов с высот политических заявлений непосредственно к запросу, удачными назвать никак нельзя. Бледно прозвучала его ссылка на то, что руководство в ведомстве новое и потому оно пока не в курсе дела, а со стороны фирмы «Виккерс» нарушений условий контракта нет. Еще слабее выглядело заявление, что наказание за передачу секретных сведений касается только военного времени и в данном случае подобные санкции неприменимы, а действия министерства безукоризненны. Не могло удовлетворить депутатскую аудиторию и замечание, что какое-либо порицание морскому министру может вынести лишь Верховный вождь армии и флота, перед которым тот несет полную ответственность⁵²¹. Но, пожалуй, самым провальным моментом в речи Бострема стала одна досадная оплошность. Юридическая служба ведомства, подготавливая для него материалы выступления, перепутала не только номер статьи из Свода законов Российской империи, на которую давалась ссылка, но даже номер тома. В Думе быстро выяснилось, что зачитанная товарищем морского министра с трибуны ссылка указывает на статью Лесного устава, предусматривающую наказание за незаконную рубку леса; Морское министерство надолго стало объектом едких насмешек⁵²².

⁵¹⁸ См.: Выступление А.И. Звегинцева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Сөзүв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 71 от 23 мая 1908 года. Стб. 1190-1191.

⁵¹⁹ См.: Там же. Стб. 1203-1204.

⁵²⁰ См.: Там же.

⁵²¹ См.: Там же. Стб. 1205-1207.

⁵²² См.: *Крылов А.Н.* Мои воспоминания. Л., 1984. С. 162.

Из-за этого досадного казуса Бострем вскоре покинул должность товарища морского министра; на его место

Приступая к рассмотрению военно-морской сметы, Государственная дума намеревалась дать бой правящей бюрократии. Стенограмма заседания красноречиво свидетельствует о воинственном настрое народных представителей. Одним из ключевых стал вопрос о том, требуется ли сухопутной стране, каковой является Россия, такой громадный флот. На сей счет обстоятельно высказался П.Н. Крупенский: желанием играть первостепенную роль на морях увлекаться не стоит, поскольку у России недостаточно водного пространства, которое бы напрямую сообщалось с океаном. Наши моря, рассуждал депутат, не глубоки, и флот для нас не является такой необходимостью, как для других держав, обладающих колониями, разбросанными по всему миру. К тому же Россия была великой державой, даже не имея сильного флота, *«а слепое подражание еще не есть абсолютно правильное решение»*. Крупенский предложил вспомнить, сколько казенных средств за последние четверть века было истрачено на Морское министерство и как соотносятся сделанные затраты с их эффективностью⁵²³. Эту точку зрения оспаривал граф А.А. Бобринский, напрямую связавший наличие современного флота с политическим весом государства. Возьмите, настаивал он, небольшие страны – Бельгию, Испанию, Португалию – и дайте каждой из них мощный флот: значение этих стран в европейском концерте немедленно станет совершенно иным. И наоборот, отнимите флот у Франции, Германии или у России, и тотчас же эти первоклассные державы окажутся на второстепенных ролях⁵²⁴. Помимо геополитических аргументов сторонники военно-морского строительства активно использовали и исторические, неизменно апеллируя к Петру Великому – родоначальнику отечественного флота, завещавшему его беречь и укреплять. *«Красная нить»* их речей: тут, в Петербурге, при Петре создавался наш флот, а двести лет спустя здесь же *«нам предлагают расписаться в его уничтожении»*⁵²⁵. Противники правительственной программы считали ссылки на заветы Петра I неоправданными, поскольку *«история меняется и условия жизни государства меняются»*⁵²⁶. Надо прежде всего смотреть в будущее и реалистично оценивать грядущие задачи.

Чиновники морского министерства осознавали слабость своей позиции среди народных представителей. И сетовали, что ни народ, ни интеллигенция не понимают важности этих проблем: для них военный флот – *«сказочный царевич, ничего общего с действительной жизнью не имеющий»*⁵²⁷. Но особенно примечательно то, с чем именно связала правительственная бюрократия подобное отношение к флоту: *«старые московские инстинкты очень живучи»*⁵²⁸. Налицо опять – теперь уже в военно-морской сфере – противостояние Петербурга и Москвы. Конечно, описанные различия во взглядах являлись выражением различий в реальных экономических интересах двух крупнейших российских

был назначен С.А. Воеводский.

⁵²³ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание от 23 мая 1908 года. Стб. 1250.

⁵²⁴ См.: Там же. Стб. 1324.

⁵²⁵ См.: Выступление А.А. Бобринского // Там же. Стб. 1324-1325; Выступление А.С. Паскина // Там же. Стб. 1312-1313.

⁵²⁶ См.: Выступление П.Н. Крупенского // Там же. Стб. 1259.

⁵²⁷ См.: Всеподданнейший доклад кн. А.П. Ливена «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программе». 30 января 1912 года // ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 123-127. Л. 16.

⁵²⁸ См.: Там же. Л. 17.

центров. Напомним финансовые параметры морской программы: в течение семнадцати лет (1914-1930) планировалось израсходовать 2 млрд 110 млн руб. из бюджетных средств⁵²⁹. Причем этот мощный денежный поток никак не затрагивал московских производителей, далеких от военно-морской проблематики. Естественно, купеческие тузы проявляли заинтересованность в увеличении численности сухопутной армии, которую нужно одевать и обувать⁵³⁰. Зато петербургские банкиры с вожделием ожидали, когда «золотой дождь» прольется на судостроительные заводы, традиционно державшие финансовые средства в столичных банках.

В этой ситуации Москва и ее союзники могли пытаться если не сорвать обширные судостроительные планы, то хотя бы минимизировать их, чем с энтузиазмом и занялась Государственная дума. Неслучайно ее интерес сфокусировался на экономических аспектах военно-морской программы правительства. Оппозиционные депутаты настойчиво доказывали финансовую несостоятельность постройки огромного флота. Во-первых, объясняли они, государственный бюджет России, несмотря на свое доминирующее положение в финансовой системе страны, просто не в состоянии выдержать такую нагрузку. Раздутость казны – характеристика не сильной, а отсталой страны, в которой частный сектор экономики с его производством и торговлей имеет второстепенное значение. Напротив, в Англии, Германии и Франции торгово-промышленные обороты играют ведущую роль. Во-вторых, в этих странах – солидные местные бюджеты и развитая культурная жизнь, чего в России нет и в помине. В тех же Англии и Германии местные бюджеты равны государственным или превышают их; у нас же все местные бюджеты равны 1/8 государственного: очевидно, что здесь какие-либо крупные расходы чрезвычайно затруднительны⁵³¹. В-третьих, развивали оппозиционеры свою аргументацию, стоимость содержания российского флота в 2,5 раза выше, чем у ведущих мировых держав, а постройка кораблей – почти в 2 раза дороже. Например, в Германии строительство дредноута обходится в 22 млн руб., а у нас – в 40 млн; немцы содержат его за 73 руб. в пересчете на тонну водоизмещения, а в России аналогичный показатель равен 180-190 руб.⁵³² Депутатов поражали планы правительства взвалить на обнищавшего крестьянина ношу в два с лишним миллиарда рублей:

«Если бы мы такой хомут надели на наше отечество, мы тем самым лишили бы его всякой возможности удовлетворить каким бы то ни было культурным потребностям»⁵³³.

Расходы на судостроительную программу называли выброшенными деньгами, *«данью, которую страна должна платить»*⁵³⁴.

Помимо экономических аспектов военно-морских планов правительства, депутаты

⁵²⁹ См.: *Шаццло К.Ф.* Последняя военно-морская программа царского правительства // Отечественная история. 1994. № 2. С. 163.

⁵³⁰ См.: Во что будет одеваться армия? // Утро России. 1911. 30 апреля.

⁵³¹ См.: Там же. Стб. 3855-3856.

⁵³² См.: Там же. Стб. 3855-3856.

⁵³³ См.: Выступление В.М. Соколова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 71 от 23 мая 1908 года. Стб. 1315-1316.

⁵³⁴ См.: Выступление А.П. Бабянского // Там же. Стб. 1258.

нижней палаты занимались и управленческими проблемами. По их убеждению, состояние морского ведомства не позволяло ему (даже при наличии соответствующих кредитов) осуществить намеченную судостроительную программу. Октябристу А.И. Звегинцеву министерство представлялось в образе *«помещицъей разваливающейся усадьбы»*⁵³⁵. После Русско-японской войны, почти уничтожившей отечественный военный флот, морская администрация и ее учреждения, по логике вещей, должны были сократиться. Но, разъяснял парламентарий, произошло обратное: ведомство продолжает расширяться и заказывает любые суда, какие только возможны на данный момент. Его цель вполне очевидна: создать флот, для которого нужны управленческие структуры. В России, по мнению Звегинцева, реализовывался принцип: не администрация существует для флота, а флот – для администрации⁵³⁶. Как утверждал главный противник морской программы лидер октябристов А.И. Гучков, российский флот способен лишь *«блестяще фигурировать на смотрах и на торжественных встречах»*⁵³⁷.

Представленная смета Морского министерства категорически не устроила депутатов:

«Нельзя считать планом те широкие предложения о восстановлении русского флота, которые будут стоить два миллиарда рублей»⁵³⁸.

К тому же проект был составлен вне связи с другими ведомствами, но ведь оборону, справедливо рассуждали думцы, невозможно разделить на морскую и сухопутную части⁵³⁹. В результате депутаты не только не утвердили смету, но и выдвинули требование о полномасштабной сенатской ревизии в Морском министерстве⁵⁴⁰. Не переубедил их и П.А. Столыпин, предлагавший сопоставить положение правительства с положением полководца на следующий день после поражения. В такой ситуации, подчеркнул он, первая задача – решить, как быть с остатками разбитой неприятелем силы. Вторая задача – как перестроить работу ведомства, не оказавшегося на высоте положения, как возобновить утраченные позиции, то есть какие строить суда. Наконец, третья – как организовать морскую оборону в связи с общей защитой государства⁵⁴¹.

«Нет той волшебной палочки, от соприкосновения с которой в один миг может переустроиться целое учреждение»,

⁵³⁵ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 78 от 22 марта 1910 года. Стб. 1466.

⁵³⁶ См.: Выступление А.П. Бабянского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 71 от 23 мая 1908 года. Стб. 1254.

⁵³⁷ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 72 от 25 мая 1908 года. Стб. 1394.

⁵³⁸ См.: Выступление Н.Н. Львова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 71 от 23 мая 1908 года. Стб. 1262.

⁵³⁹ См.: Там же. Стб. 1263.

⁵⁴⁰ Думским требованиям о назначении сенатской ревизии в Морское министерство посвящено специальное исследование. См.: *Афанасьев Г.Ю.* Политический вклад III Государственной думы в решение задач по воссозданию военно-морского флота России // Таврические чтения 2011. СПб., 2012. С. 104-116.

⁵⁴¹ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 1. Часть 3. Заседание 72 от 25 мая 1908 года. Стб. 1401.

– сказал премьер. Поэтому нужно начинать работу сейчас, не допуская промедлений⁵⁴². В Государственном совете, который рассматривал смету Морского министерства после нижней палаты, столыпинские доводы нашли большее, чем у парламентариев, понимание. Неслучайно премьер говорил, что Государственный совет состоит «из лиц, умудренных государственным опытом»: они не обязаны во всем соглашаться с депутатами и в случае необходимости могут вносить поправки в решения Думы. Без этого существование двухпалатной системы утратило бы всякий смысл⁵⁴³. Большинство членов Государственного совета именно так и расценивало свое политическое предназначение. Один из них, лидер правых П.Н. Дурново, в ответ на премьерские пожелания заявил:

«Требовать от морского министра с ножом к горлу, чтобы он немедленно представил судостроительную программу, нельзя, а еще менее основательно ставить ему такую дилемму – или дай программу, или уходи прочь»⁵⁴⁴.

Особенно возмутило Дурново, что подобные требования выдвигают «люди, которые в жизни своей ни разу не видели военного корабля» и это нисколько не мешает им рассуждать о проблемах строительства и управления флотом⁵⁴⁵. Вообще в Государственном совете соотношение сторонников и противников морской программы оказалось обратным по сравнению с Государственной думой. Меньшинство, солидарное с нижней палатой, здесь возглавлял граф Д.А. Олсуфьев, давно связанный с московской купеческой элитой⁵⁴⁶. Он отвергал обвинения Думы в некомпетентности, усмотрев в этом проявление дореформенной привычки к ведомственному ведению дел. До возникновения законодательных учреждений именно чиновниками решались все важные вопросы. Порядки морского ведомства, сказал Олсуфьев, напоминали ему, как один слепой вел другого слепого, и оба упали в яму, которой оказалась Цусима. Но времена изменились: теперь необходим не только ведомственный подход, но и общегосударственный⁵⁴⁷. Его-то в полной мере и продемонстрировала Дума: депутатские комиссии рассматривали морскую программу со всех сторон 28 раз! Тогда как комиссия Государственного совета вообще признала аналогичное обсуждение не относящимся к компетенции верхней палаты⁵⁴⁸. И потому, по убеждению сенатора, только Дума смогла составить полноценное мнение о том, какой флот необходим России. Англия и Австрия, заметил Олсуфьев, не могут иметь одинаковый флот: разницу между морской и

⁵⁴² См.: Там же. Стб. 1404-1405.

⁵⁴³ См.: Выступление П.А. Столыпина // Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 3. Заседание 36 от 13 июня 1908 года. Стб. 1708.

⁵⁴⁴ См.: Там же. Стб. 1710.

⁵⁴⁵ См.: Там же. Стб. 1711-1712.

⁵⁴⁶ Граф Д.А. Олсуфьев не скрывал своего расположения к купеческой элите Москвы, называя даже покойного Савву Морозова своим другом. См.: *Олсуфьев Д.А.* Революция (из воспоминаний о 90-х годах и о моем товарище Савве Морозове) // Возрождение. 1931. 27 июля.

⁵⁴⁷ См.: Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия 3. Заседание 36 от 13 июня 1908 года. Стб. 1726.

⁵⁴⁸ См.: Там же. Стб. 1721-1722.

континентальной державами следует ставить во главу угла, а сравнение Англии с китом и России – с медведем не утратило силы⁵⁴⁹. Но приверженцы строительства флота не воспринимали подобные мнения. Адмирал Ф.В. Дубасов требовал пресечь травлю Морского министерства в Государственной думе, общественных кругах и печати; В.И. Тимирязев призывал брать пример с немецкого парламента, который правильно понимает свою роль в решении подобных вопросов; П.А. Сабуров воспевал море, лучше воспитывающее души и характер, чем сухая земля, и т.д.⁵⁵⁰

В течение 1908-1910 годов Государственный совет регулярно утверждал расходы Морского ведомства, неизменно каждый раз отвергаемые нижней палатой. Лишь с назначением на пост министра И.К. Григоровича ситуация изменилась. Этот высокопоставленный чиновник, в течение двух лет занимавший должность товарища морского министра, сумел наладить отношения с Государственной думой и, как он сам признавал, чувствовал ее поддержку⁵⁵¹. В результате в 1911 году Дума впервые приняла ведомственную смету, а в следующем – одобрила и так называемую большую морскую программу объемом в полмиллиарда рублей. Этого момента с нетерпением ждали судостроительные заводы и столичные банки (их представители постоянно присутствовали на думских обсуждениях сметы⁵⁵²). Теперь на повестку дня выдвигался вопрос о практическом выполнении программы судостроительными предприятиями. Необходимо отметить, что новым положением «Об управлении заводами Морского ведомства», начавшим действовать с 1908 года, их деятельность переводилась на коммерческие начала. Этот шаг предполагал большую экономическую независимость правлений казенных предприятий от министерства и был продиктован стремлением приблизить их к организации частных заводов, чтобы снизить расходы морского бюджета. В свою очередь, для заводов открывались большие возможности кредитования в питерских банках; сотрудничество производственных и финансовых структур стремительно налаживалось.

Вокруг крупных бюджетных ассигнований на судостроение развернулась нешуточная борьба. Ситуация напоминала железнодорожный бум 60-70-х годов XIX столетия, когда получению концессий в отрасли содействовали великие князья, аристократия и высшее чиновничество. Но теперь финансовые объемы были намного обширнее. Ради участия в создании будущего флота, то есть ради получения заказов, специально создавались частные производства. Предложения поступали от Нобеля, от рижского завода Беккера⁵⁵³. Составленные по одной и той же схеме, они подразумевали участие крупных столичных банков. К примеру, на утверждение правительству был направлен устав вновь образованного судостроительного общества с капиталом 15 млн руб., которое финансировалось консорциумом во главе с Петербургским международным банком⁵⁵⁴. Все эти инициативы сопровождалось мощным лоббированием: не было ни одного судостроительного завода, в руководстве которого не состоял бы директором кто-либо из бывших чинов министерства.

⁵⁴⁹ См.: Там же. Стб. 1729.

⁵⁵⁰ См.: Там же. Стб. 1745, 1746, 1790.

⁵⁵¹ См.: *Григорович И.К.* Воспоминания бывшего Морского министра. М., 2005. С. 48.

⁵⁵² См.: Выступление А.А. Уварова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 3. Заседание 78 от 22 марта 1910 года. Стб. 1924.

⁵⁵³ См.: *Григорович. И.К.* Воспоминания бывшего Морского министра. С. 60-61.

⁵⁵⁴ См.: Новое судостроительное предприятие // Утро России. 1911. 30 апреля.

Причем наибольшим спросом пользовались выходцы из морского технического комитета, главного управления кораблестроения, за ними устраивалась настоящая охота⁵⁵⁵. Даже товарищ морского министра, председатель межведомственного совещания по судостроению М.В. Бубнов поддерживал тесные связи с питерскими биржевыми и финансовыми кругами⁵⁵⁶. Стремление к участию в программе продемонстрировало громадные денежные аппетиты заводов и их партнеров. (Правительство всеми силами старалось их умерить⁵⁵⁷.) Расценки на изготовление кораблей всех видов взвинчивались, из-за чего происходили постоянные задержки с размещением заказов; заявленные суммы превосходили зарубежные в 1,5 раза. К тому же заводы пытались добиться дополнительных льгот, настаивая на включении в контракты пунктов о выдаче авансов без обеспечения процентными бумагами, а также о неначислении штрафов и неустоек за срыв сроков по причине забастовок⁵⁵⁸. В правительстве после долгих дебатов решили пойти навстречу промышленникам.⁵⁵⁹

Судостроительная программа стала важнейшей сферой деятельности для финансово-промышленного капитала в последнее десятилетие царской России. Купечество же к ней никакого отношения не имело: его представители никогда не выполняли выгодных судостроительных заказов. И хотя Государственная дума не смогла воспрепятствовать росту гарантированных бюджетных ассигнований, которыми безраздельно пользовались столичные предпринимательские круги, купеческая элита не собиралась отступать без боя. Ее усилия сосредоточились на завоевании более прочных позиций в торговом мореплавании. В начале XX столетия в этой перспективной отрасли выделялись два крупных игрока: Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ) и Добровольный флот. РОПиТ, наиболее крупное акционерное общество, было создано при тесном содействии правительства еще в конце 50-х годов XIX века. Его суда хозяйничали на наиболее прибыльных торговых и пассажирских линиях. В свое время конкуренцию этому предприятию решило составить московское купечество: используя патриотический подъем Русско-турецкой войны 1877-1878 годов, оно предложило создать специальный флот за счет добровольных пожертвований. Главный комитет по сбору средств учредили в Москве, всем российским губерниям были разосланы предложения поддержать усилия по развитию русского торгового мореплавания. Уже через полгода комитет располагал суммой, превышающей 3 млн руб. На эти средства в Германии были закуплены корабли, переименованные в «Россию», «Москву», «Санкт-Петербург» и «Нижний Новгород»⁵⁶⁰. Дабы придать солидности и престижа созданному пароходному обществу, почетное председательствование в нем было предложено Александру III, который с готовностью изъявил согласие⁵⁶¹. Добровольный флот получил ведомственную приписку к Морскому министерству. В случае

⁵⁵⁵ См.: *Шацлло К.Ф.* Русский империализм и развитие флота. М., 1968. С. 297-298.

⁵⁵⁶ См.: *Григорович И.К.* Воспоминания бывшего Морского министра. С. 47.

⁵⁵⁷ См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 444. Л. 515-515 об.

⁵⁵⁸ См.: Письмо Морского министра И.К. Григоровича в Совет министров. 31 декабря 1911 года // Там же. Л. 345.

⁵⁵⁹ См.: Особый журнал Совета министров. 5 января 1912 года // Там же. Л. 349-353.

⁵⁶⁰ Подробнее о деятельности флота см.: *Поггенполь М.* Очерк возникновения и деятельности Добровольного флота за время 25-летнего его существования. СПб., 1903.

⁵⁶¹ См.: Письмо Александра III к К.П. Победоносцеву. 31 декабря 1881 года // Победоносцев К.П. и его корреспонденты. М., 2001. С. 129.

войны его корабли должны были выполнять функции подсобного транспорта во время военно-морских операций.

В начале XX века активизировались дискуссии о назначении флота. Идею совмещения коммерческих и военных функций признали непродуктивной. Дела Добровольного флота заметно ухудшились, и после возникновения Министерства торговли и промышленности его переподчинили этому новому ведомству. Однако судьбой купеческого детища серьезно озаботилась и Государственная дума. Добровольный флот стал своего рода орудием атаки на могущественный РОПиТ. Крупнейшее пароходное предприятие России, находившееся под крылом петербургской бюрократии, располагало долгосрочным контрактом с правительством на обслуживание пароходных сообщений, за что регулярно получало субсидии из бюджета. В реестре акционеров общества значился ряд ведущих столичных банков, а также члены императорской фамилии, включая великих князей Владимира Александровича и Александра Михайловича⁵⁶². Финансовая комиссия думы направила в Министерство торговли и промышленности запрос о деятельности РОПиТ и о деталях его договора с правительством. В ответ представители Министерства торговли и промышленности заявили, что преимущества действующего соглашения очевидны и альтернатив ему нет. Но думский напор усиливался: комиссия потребовала как можно скорее пересмотреть договор с РОПиТ и выступила против повышения дивидендов его акционерам⁵⁶³. А чуть позже комиссия очень заинтересовалась предложением, поступившим от Добровольного флота, и в связи с этим высказалась уже за немедленное расторжение договора с РОПиТ. Ее заключение мотивировалось тем, что Добровольный флот – это истинно национальное предприятие и потому оно способно выполнить обязательства перед государством более добросовестно⁵⁶⁴. Однако капиталисты юга России раскритиковали работу Добровольного флота: пароходство, мол, находится в тяжелом состоянии, его необходимо приблизить к нуждам отечественной торговли, чему поспособствовать лучше других могут как раз промышленные компании юга. Это заявление было камнем в огород Московского биржевого комитета. Как писал журнал «Промышленность и торговля», москвичи считают своей прерогативой патронаж пароходства, однако:

«и помимо Московского биржевого комитета у нас сейчас имеется ряд других, более разносторонних торгово-промышленных организаций, представители которых должны быть тоже привлечены к управлению Добровольным флотом»⁵⁶⁵.

Надо признать, Первопрестольная действительно проявляла большой интерес к развитию этого флота: здесь ратовали за его реорганизацию и повышение качества обслуживания, за введение новых рейсов не только на западноевропейском, но и на американском направлениях⁵⁶⁶.

⁵⁶² См.: РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3240. Л. 582.

⁵⁶³ См.: Протокол заседания Финансовой комиссии III Государственной думы. 16 января 1908 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3212. Л. 60-63.

⁵⁶⁴ См.: Протокол заседания Финансовой комиссии III Государственной думы. 4 февраля 1908 года // Там же. Л. 92-93 об.

⁵⁶⁵ См.: Добровольный флот // Промышленность и торговля. 1908. №5 (1 марта).

⁵⁶⁶ См.: Добровольный флот // Голос Москвы. 1909. 4 июля.

Конкурентом, конечно же, выступал РОПиТ, не собиравшийся сдавать своих позиций. К примеру, капиталисты Северо-Западного региона, рассчитывая на крупнейшее пароходство страны, спешили заявить свои права на коммерческое освоение Дальнего Востока, так как благодаря северному морскому сообщению эти рынки более доступны из Петербурга, Риги и Ревеля, нежели из Центральной России, которую Добровольный флот связывал прежде всего с черноморским бассейном⁵⁶⁷.

На пленарном заседании Государственной думы в начале июня 1910 года между РОПиТ и Добровольным флотом произошла открытая схватка за государственный контракт по обслуживанию рейсов. Мы можем составить представление о ней по выступлениям министра торговли и промышленности С.И. Тимашева и его оппонента октябриста Л.К. Шешминцева. Министр безоговорочно выступал за продление договора с РОПиТ сроком на шестнадцать лет. Ежегодные бюджетные субсидии он назвал возмещением тех расходов, которые несет общество, оказывая услуги правительству; такая практика имеет место во всех европейских странах. Он напомнил, что для РОПиТ содержание обязательных линий убыточно; урезанные Думой субсидии не покрывают затрат, и предприятие с большим трудом исполняет возложенные на него обязательства. К тому же дивиденды, получаемые исключительно на коммерческих линиях, постепенно падают⁵⁶⁸. Что касается Добровольного флота, за который активно выступала Дума, то Тимашев не разделял ее мнения относительно возможностей этого пароходства. Особенно смущало его такое выставленное условие: флот предполагает в течение двух лет эксплуатировать зафрахтованные суда, а затем будет использовать собственные. Однако для расширения парка кораблей ему необходим кредит в 7,5 млн руб., что, разумеется, сопряжено с целым комплексом проблем. Тимашев предупредил депутатов:

«Я боюсь, когда вы разъедетесь, то окажется, что условия Добровольного флота значительно превысят ту сумму, которая вам рисуется сегодня»⁵⁶⁹.

В этой ситуации, заключил он, лучшим вариантом будет продление договора с РОПиТ, хотя бы на временной основе, раз Дума категорически отказывается вотировать предлагаемый правительством шестнадцатилетний контракт⁵⁷⁰. Депутат от Калужской губернии Л.К. Шешминцев возражал: обязательные линии, прописанные в контракте, РОПиТ обслуживает из рук вон плохо. На них курсируют корабли, построенные еще в 60-х годах XIX века, а они по своей ветхости требуют громадных расходов на содержание. Несомненно, субсидия из бюджета приходится здесь весьма кстати. Общество терпело убытки на этих направлениях не вследствие их действительной убыточности, а из-за крайне низкого уровня эксплуатации⁵⁷¹. Причем за эту работу, как справедливо упомянул министр, не берется никто другой. Это неудивительно: ведь РОПиТ имеет таких высоких покровителей, что любые предложения будут все равно отвергнуты.

⁵⁶⁷ См.: Журнал №7 совещания членов Государственной думы и Государственного совета, интересующихся работами обеих палат в области промышленности, торговли и финансов. 29 января 1908 года // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 54. Л. 47-47 об.

⁵⁶⁸ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 3. Часть 4. Заседание 129 от 4 июня 1910 года. Стб. 3470.

⁵⁶⁹ См.: Там же. Стб. 3471-3472.

⁵⁷⁰ См.: Там же.

⁵⁷¹ См.: Там же. Стб. 3474-3475.

«РОПиТ – есть не что иное, как кладбище русской предприимчивости, а памятники его – это пароходства, скупленные им у несчастных конкурентов»,

– заключил Шешминцев⁵⁷². После этого большинство Думы отвергло сотрудничество с крупнейшим пароходством страны.

В следующем, 1911 году споры о заключении контракта разгорелись с новой силой. На этот раз правительство подготовилось к думским дебатам гораздо основательнее. Тимашев сообщил депутатам, что РОПиТ мало дорожит обязательными отношениями с правительством и «мечтает сделаться свободным предприятием», поставив свои корабли на выгодные линии. Таким образом, налицо была та же дилемма: или прекращение обязательных рейсов, или Добровольный флот. Но когда мы обращаемся к последнему, уверял министр, то вступаем в область полной неопределенности. Во-первых, ему только еще предстоит развернуться, а платить за это должна казна. Во-вторых, большой вопрос: выдержит ли он конкуренцию на рынках перевозок и сможет ли удержать клиентуру РОПиТ? Государственная дума, по словам Тимашева, поступала явно опрометчиво, доверившись представленным Добровольным флотом расчетам и заверениям. Результат, считал правительственный чиновник, предопределен: если договор с РОПиТ не будет заключен, то Россия просто потеряет свои рынки, которые очень быстро займут иностранные компании⁵⁷³. Со своей стороны, оппозиция, как и прежде, привела целый ряд контраргументов. В стенограмме заседания Думы выделяется яркая речь А.А. Уварова, октябриста, перешедшего затем из-за конфликта с А.И. Гучковым во фракцию прогрессистов. Он обратил внимание на то, что акции РОПиТ на бирже за год неплохо подросли. Всем казалось, что прошлогоднее решение Думы уронит бумаги общества, но все вышло наоборот. В июне 1910 года его акции стоили 550 руб., 3 мая 1911-го – уже 800 руб., а в день заседания – 830 руб. Трудно избавиться от ощущения, констатировал оратор, что все было предreshено заранее и что это злосчастное общество не сомневалось в благоприятном исходе дебатов в нижней палате. Указал Уваров и еще на одно любопытное обстоятельство: главным противником Добровольного флота выступил министр торговли и промышленности, которому этот флот подчинен. Ситуация парадоксальная: вместо того чтобы отстаивать интересы своего ведомственного актива, министр лоббирует частное пароходство, проявляя неплохую осведомленность о его делах и намерениях⁵⁷⁴. Тем не менее на этот раз общий оппозиционный настрой оказался более сдержанным, а итоги оказались благоприятными для властей. Со второй попытки общее собрание Государственной думы при незначительном перевесе голосов поддержало предложения Министерства торговли и промышленности о продлении контракта с РОПиТ; Тимашев расценивал это как свое значимое достижение на посту министра⁵⁷⁵. Однако правительство все же не оставило без последствий думское лоббирование Добровольного флота. Ему поручалась организация сообщений между Одессой и Владивостоком, на что выделялись небольшие субсидии. Но главное, флоту было решено предоставить беспроцентный кредит

⁵⁷² См.: Там же. Стб. 3478.

⁵⁷³ См.: Выступление С.И. Тимашева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв III. Сессия 4. Часть 3. Заседание 104 от 4 мая 1911 года. Стб. 3399, 3402-3403.

⁵⁷⁴ См.: Там же. Стб. 3414-3416.

⁵⁷⁵ См.: Автобиографические записки С.И. Тимашева // С.И. Тимашев: жизнь и деятельность. Тюмень, 2006. С. 261-263 (публикация А.А. Вычугжанина).

(около 4 млн руб.) на приобретение пароходов в 1914-1923 годах⁵⁷⁶.

Неудачи, которыми сопровождались попытки Государственной думы обуздать правящую бюрократию, вызывали серьезные раздумья в купеческой элите. Как мы видели, за эти годы она смогла не раз убедиться в неэффективности существующего думского формата для реализации своих интересов. Крупнейшая предпринимательская организация страны – Совет съездов представителей промышленности и торговли – приносила московской буржуазии еще меньше пользы. Исследователи справедливо квалифицировали это объединение не только как один из каналов взаимодействия предпринимателей с властями, но и как своего рода противовес Государственной думе в деловой сфере⁵⁷⁷. Напомним, что деятельность Совета съездов с момента образования в 1906 году вдохновлялась прямыми конкурентами купечества – буржуазией Петербурга, юга России и Польши. Видные предприниматели из названных регионов в противоположность коммерсантам из Центрального промышленного района и Поволжья были широко представлены в руководящих органах этой организации⁵⁷⁸. Москва:

«если официально не была вне общероссийского объединения, то, по существу, почти никакого участия в его жизни не принимала, и даже более того, почти не интересовалась его существованием»⁵⁷⁹.

Из состоявшихся ежегодных съездов в период 1906-1914 годов лишь один (в 1907-м) прошел в Первопрестольной. А глава Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников, получив однажды приглашение из Петербурга председательствовать на съезде, предпочел отказаться, сославшись на болезнь жены; не поехали тогда на съезд и многие другие⁵⁸⁰. Если же купеческие лидеры все-таки появлялись на съездах, то, как правило, для выяснения отношений со своими традиционными конкурентами, причем *«со стороны московских деятелей враждебность чувствовалась сильнее»*⁵⁸¹. Один такой конфликт произошел на IV съезде, в сентябре 1909 года. Московские биржевики критиковали практику распределения железнодорожных заказов. Правительство, говорили они, распределяет казенные заказы в пользу нескольких избранных заводов в ущерб остальным, что наносит громадный вред металлургической индустрии страны в целом. Ю.П. Гужон потребовал прекратить это безобразие; его тут же поддержали П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, Н.А. Куров и др. Однако им стали бурно оппонировать горнопромышленники южного региона – те самые «избранные», о которых и шла речь. Они сочли этот вопрос не подлежащим обсуждению на съезде и отказались выработать какую-либо резолюцию по этому поводу⁵⁸². На VIII

⁵⁷⁶ См.: Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. Часть 5. Заседание 102 от 3 мая 1914 года. Стб. 520.

⁵⁷⁷ См.: Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М.; Л., 1957. С. 263.

⁵⁷⁸ См.: Записки помощника управляющего тарифным отделом Министерства путей сообщения Н.Н. Изнара // РГИА. Ф. 1101. Оп. 1. Д. 778. Л. 232.

⁵⁷⁹ См.: Бурьшкин П.А. Москва купеческая. М., 1991. С. 250.

⁵⁸⁰ См.: Там же. С. 253.

⁵⁸¹ См.: Там же. С. 250.

⁵⁸² См.: Труды IV очередного Съезда представителей промышленности и торговли. 11-13 ноября 1909 года. С. 28-29.

съезде, в мае 1914 года, нападки на правительственную политику со стороны московской делегации заметно усилились. Купеческие ораторы прибыли на форум с целью подвергнуть обструкции Петербургскую бюрократию, которая, по их мнению, не только ничего не делала для развития производительных сил страны, но и всячески его тормозила; между тем все были вынуждены ездить к ней на поклон, как в «ханскую ставку»⁵⁸³.

Политическое лицо московской буржуазии формировалось не в рамках Совета съездов представителей промышленности и торговли, а совсем в другом формате – в ходе так называемых экономических бесед, которые происходили в купеческих особняках Москвы с 1909 года. От пятидесяти до ста представителей крупной буржуазии центра России, Поволжья и Сибири ежемесячно собирались для обсуждения различных вопросов, рассматривавшихся в Государственной думе. В беседах самое деятельное участие принимали оппозиционные депутаты думы, известные в стране ученые: ректор Московского университета А.А. Мануйлов, экономист П.Б. Струве, юрист С.А. Котляревский, проф. М.М. Ковалевский, И.Х. Озеров, С.Н. Булгаков и многие другие. Информация о встречах в виде коротких отчетов и статей участников дискуссий иногда появлялась в печати⁵⁸⁴. И.Х. Озеров метко назвал их «московским торгово-промышленным парламентом»⁵⁸⁵.

Члены этого «парламента» разрабатывали для России свой рецепт модернизации – по западным стандартам. Опорой развития провозглашался исключительно частный бизнес, который идейно обслуживают разноликие слои прогрессивной общественности. Влияние бюрократии, считали участники собраний, следует свести к минимуму, к технической роли. Во всех дискуссиях звучала критика правительства, которое все активнее пользовалось полицейско-бюрократическими методами руководства экономикой:

«В России скоро не будет ни купцов, ни промышленников, а будут только полицейские и чиновники, которые будут творить расправу и заниматься торговлей и промышленностью»⁵⁸⁶.

Именно в ходе экономических бесед вызревали претензии купеческой элиты и ее идейных союзников на управление не только экономикой, но и государством. «Утро России» провозглашало:

«Купец вступает на политическую арену... купец „идет“ потому, что он, во-первых, осознал свое крупное значение в политико-экономической жизни страны, а во-вторых, изверился в плодотворности совместной работы с правительственными элементами»⁵⁸⁷.

Причем буржуазные деятели вовсе не были настроены ни против иностранного капитала как такового, ни против трестов, синдикатов и т.д. Но им хотелось контролировать

⁵⁸³ См.: Съезд представителей объединенной промышленности // Речь. 1914. 4 мая.

⁵⁸⁴ См., напр.: Экономические беседы // Русские ведомости. 1909. 17 марта; 1909. 21 апреля; *Гольдштейн И.М.* Апология синдикатов // Русские ведомости. 1909. 8 декабря; *Рябушинский В.П.* Отечество и армия // Московский еженедельник. 1909. 2 мая; *Четвериков С.И.* Общество и промышленные союзы // Московский еженедельник. 1909. 5 декабря; и др.

⁵⁸⁵ См.: Русское слово. 1912. 4 марта.

⁵⁸⁶ См.: Политики-доктринеры // Утро России. 1912. 24 мая.

⁵⁸⁷ См.: «Новые ноты» // Утро России. 1912. 15 мая.

зарубежные инвестиции. Они прекрасно видели все преимущества административного ресурса, и поэтому их устремления естественным образом направлялись в политическую сферу. Доступ к управленческим рычагам сделал бы взаимодействие с иностранным капиталом привлекательным и позволил бы им сполна вкусить коммерческие прелести, которые обеспечивала деятельность синдикатов и трестов. Экономические беседы наглядно свидетельствуют, как далеко продвинулись купеческие верхи по либеральной стезе. Можно сказать, что в 1910-х годах они обретают новое общественное качество и выходят на передовые рубежи в оппозиционном движении.

Но вот что самое интересное: в этот период у купечества появляется сильный союзник в лице руководителя Главного управления по земледелию и землеустройству А.В. Кривошеина. Пожалуй, это уникальный случай в истории российских элит. Странный, на первый взгляд, альянс представителя высшей царской бюрократии и оппозиционных капиталистов составил не вдруг. В 1892 году скромный выпускник юридического факультета Московского университета Кривошеин удачно женился на внучке Т.С. Морозова – Елене Карповой, породнившись с именитой купеческой семьей⁵⁸⁸. Он слыл своим в кругах московской купеческой элиты, водил дружбу с С.Т. Морозовым и С.И. Мамонтовым (в компаниях последнего работал юристом, сумев обратить на себя внимание деловой хваткой)⁵⁸⁹. Затем Кривошеин переходит на государственную службу, и здесь его замечает видный деятель царской России И.Л. Горемыкин (министр внутренних дел в 1894-1899 годах, председатель правительства в 1906 и 1914-1916 годах), который берет перспективного чиновника под свое покровительство. С тех пор Кривошеин быстро продвигается по служебной лестнице; вскоре он попадает в круг высшего чиновничества страны и становится близким соратником П.А. Столыпина, вошедшего как раз в правительство И.Л. Горемыкина. Заинтересованность в нем купеческого клана возрастает: человек, связанный с ними родственными узами, никогда еще не оказывался так высоко на властном Олимпе. Фонд А.В. Кривошеина в РГИА содержит немало писем к нему от Г.А. Крестовникова, А.И. Гучкова, С.И. Четверикова, В.В. Якунчикова и других: все его благодарят по разным поводам, с нетерпением ждут приезда, хотят видеть и т.д.⁵⁹⁰ В 1911 году именно Кривошеин (вместе с главой Московского биржевого комитета Крестовниковым) являлся душеприказчиком одной из самых богатых женщин дореволюционной России – М.Ф. Морозовой (матери известного Саввы Морозова, погибшего в 1905 году)⁵⁹¹.

Так А.В. Кривошеин стал одним из редких представителей высшей царской бюрократии, который имел связи с купеческой Москвой, а главное, был облечен ее полным доверием. Заняв в 1908 году важный пост руководителя Главного управления земледелия и землеустройства, он приступает к лоббированию интересов магнатов Первопрестольной на правительственном уровне. Под его председательством создается межведомственное совещание, на котором обсуждается развитие и освоение хлопковых плантаций

⁵⁸⁸ Елена Карпова была дочерью Анны Морозовой. Знаменитый Савва Морозов – родной брат Анны, а ее сестра Юлия – жена Г.А. Крестовникова, председателя Московского биржевого комитета. Анна Морозова решила связать судьбу с молодым историком Геннадием Карповым, но родители не дали согласия и выгнали ее из дома. Молодые уехали в Харьков, где Г. Карпов преподавал в университете. Однако после рождения первого ребенка они были прощены и вернулись в Москву. Вот на их дочери и женился А.В. Кривошеин // См.: *Кривошеин К.А.* Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 37, 44.

⁵⁸⁹ См.: *Олсуфьев Д.А.* Москва и революция // Возрождение. 1931. 31 июля.

⁵⁹⁰ См.: РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 210, 233; Оп. 2. Д. 57 и др.

⁵⁹¹ См.: *Поткина И.В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых. 1797-1917 годы. М., 2004. С. 280.

Туркестанского края⁵⁹². Понятно, что текстильные короли Москвы были крайне заинтересованы в стабильных поставках хлопка на свои предприятия, раскинутых по всему Центральному региону страны. Тем более что с 1910 года между ними и петербургскими банками разворачивается жесткая борьба за контроль над источниками сырья. Конкурентами Московского купеческого банка, Московского учетного банка, торгового дома «Л. Кноп» и других фирм выступают столичные финансовые структуры во главе с Русско-Азиатским банком⁵⁹³. В противовес последним Кривошеин усиленно продвигает пул московских капиталистов (А. И. Кузнецов, Кнопы, Горбуновы, Рябушинские, Хлудовы, Вогау и др.), представляя в верхах их предложение по орошению хлопкового Туркестана. Кривошеин поддерживал их стремление получить правительственные гарантии на вкладываемый ими в освоение среднеазиатских степей акционерный и облигационный капитал по примеру того, как это происходило в железнодорожной отрасли. Однако в данном случае Министерство финансов не видело в этом острой необходимости⁵⁹⁴. В марте 1912 года Кривошеин предпринимает специальный вояж по Туркестанскому краю с целью выработать программу развития русского хлопководства. Его сопровождала делегация, в состав которой вошли управляющий отделением Московского купеческого банка, управляющий Кокандским филиалом Государственного банка, местные хлопковые промышленники⁵⁹⁵. Московские фабриканты выражали большую удовлетворенность результатами поездки и призывали других министров и правительственных чиновников следовать примеру Кривошеина и чаще покидать свои высокие кабинеты⁵⁹⁶. Их восторг был вполне оправдан: межведомственная комиссия активно добивалась для представителей деловой Москвы больших участков земли Ферганской области для производственного освоения⁵⁹⁷. Следующим шагом Главного управляющего по землеустройству и земледелию стала поддержка еще одной группы фабрикантов из Иваново-Вознесенска во главе с П.Н. Дербеневым, жаждущей заполучить площади Каракумской степи⁵⁹⁸. Государственная дума приветствовала все эти планы⁵⁹⁹. Еще одну поездку Кривошеин совершил в Закавказье (1913), куда он также стремился проложить дорогу московским предпринимателям⁶⁰⁰. Нельзя пройти мимо такого факта:

⁵⁹² См.: Совещание об орошении Туркестанского края // Промышленность и торговля. 1909. № 6 (15 августа). С. 215-216.

⁵⁹³ Этому сюжету посвящено специальное исследование. См.: *Хотамов Н.Б.* Роль банковского капитала в социально-экономическом развитии Средней Азии (начало 90-х годов XIX века – 1917 год). Душанбе, 1990. С. 142-144.

⁵⁹⁴ См.: Особый журнал Совета министров. 12 января 1912 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 143. Л. 3-4.

⁵⁹⁵ См.: А.В. Кривошеин в Фергане // Русское слово. 1912. 28 марта.

⁵⁹⁶ См.: А.И. Кузнецов о поездке А.В. Кривошеина в Туркестан // Утро России. 1912. 10 апреля; Будущее туркестанского хлопководства // Голос Москвы. 1912. 22 июля.

⁵⁹⁷ См.: Записка Главноуправляющего землеустройства и земледелия о поездке в Туркестанский край // РГИА. Ф. 391. Оп. 4. Д. 2046. Л. 36-36 об.

⁵⁹⁸ См.: Особый журнал Совета министров. 5 декабря 1912 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 9. Д. 143. Л. 235-237.

⁵⁹⁹ См.: Журнал заседаний Комиссии по хлопководству Государственной думы. 6 марта; 5 мая; 2 июня 1912 года // РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3448. Л. 2-12.

⁶⁰⁰ См.: *Кривенко В.С.* Закавказские степи и переселение // Новое время. 1913. 3 июля; Хлопководство в Закавказье // Утро России. 1913. 5 июля.

активности Кривошеина на хлопковом поприще нисколько не мешало то обстоятельство, что, открыто лоббируя интересы текстильных магнатов, он состоял членом ревизионной комиссии Никольской мануфактуры Саввы Морозова: на подпись протоколы заседаний переправлялись ему непосредственно в петербургский кабинет⁶⁰¹.

Тесное сотрудничество А.В. Кривошеина с московской буржуазией, конечно, не осталось незамеченным. Нарастала напряженность в его отношениях с министром финансов В.Н. Коковцовым, ставшим с осени 1911 года премьером. Как известно, последний всегда благоволил столичным банковским кругам, с которыми был неразрывно связан по роду своей деятельности. Взаимное нерасположение двух ведущих членов правительства стало особенно бросаться в глаза после гибели П.А. Столыпина⁶⁰². Ситуация во многом усугублялась как раз тем, что их противостояние опиралось на конкурирующие финансово-промышленные группы (Коковцов – на питерскую, а Кривошеин – на московскую). Подчеркнем, эта борьба затрагивала не только коммерческую сферу, но и переходила в область политики. Именно здесь находился основной интерес буржуазии Первопрестольной и Кривошеина. Свои главные надежды они связывали с реализацией либеральной стратегии, направленной на преобразование Государственной думы в парламент западного типа, который бы полноценно участвовал в управлении экономикой. Напомним, что А.В. Кривошеин являлся любимцем нижней палаты. Сметы Главного управления по землеустройству и земледелию неизменно встречали самое благожелательное отношение в Таврическом дворце. За 1908-1914 годы ассигнования этому ведомству по отдельным статьям настолько возросли, что приближались к европейским показателям финансирования сельского хозяйства⁶⁰³. Кроме того, депутаты ставили в пример другим министерствам стремление руководства кривошеинского ведомства:

«идти рука об руку с пожеланиями Государственной думы, а равным образом... с деятельностью земских и общественных организаций»⁶⁰⁴.

Прочные позиции Кривошеина в Думе позволили ему вместе с его московскими партнерами начать продвижение по пути желанных политических перемен.

Кривошеин пользовался большим расположением царской четы. И даже неприязненные отношения с премьер-министром В.Н. Коковцовым не могли поколебать его положения. Более того, расставаясь с Коковцовым, Николай II желал утвердить преемником павшего финансового гения именно Кривошеина. Но тот предпочел уступить премьерское кресло своему давнему патрону – уже стареющему И.Л. Горемыкину. Известно, что эта рокировка произошла во многом как раз благодаря стараниям Кривошеина. Вежливый отказ от заманчивого предложения (со ссылкой на состояние здоровья) был продиктован серьезной причиной: Кривошеин помнил о судьбах предыдущих премьеров (того же С.Ю. Витте), которые в мгновение ока могли распрощаться с высоким постом, лишившись почему-либо расположения императора. Быть заложником системы он не желал. А личные перспективы видел в утверждении такого государственного порядка, при котором политическая

⁶⁰¹ См.: Русское слово. 1912. 5 апреля.

⁶⁰² См.: Автобиографические записки С.И. Тимашева // Тимашев С.И. Жизнь и деятельность. Тюмень. С. 242.

⁶⁰³ См.: Выступление И.В. Годнева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 2. Часть 5. Заседание 98 от 30 мая 1914 года. Стб. 6-7.

⁶⁰⁴ См.: Там же.

устойчивость обеспечивается не только верховной волей, но и в равной степени опирается на поддержку Государственной думы. Сбалансированная модель государственного управления существенно расширяла возможности по сохранению должности, оберегала от различных капризов и придворных веяний. В построении такой политической системы были одинаково заинтересованы и сам Кривошеин, и его друзья из московской буржуазии. Именно они и стали главными движущими силами в создании Прогрессивного блока, выступавшего за парламентское устройство Российской империи.

Глава 4.

ОБОСТРЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА ПЕРВЕНСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Развернувшаяся мировая война кардинально изменила жизнь всех стран, участвовавших в этом грандиозном противоборстве. Для России вступление в войну, разумеется, также повлекло за собой предельное напряжение сил и мобилизацию ресурсов для масштабных боевых действий. Вместе с тем для отечественных предпринимательских кругов военные реалии открыли и новые экономические возможности. Традиционное соперничество двух основных буржуазных кланов – питерского и московского – приобрело гораздо большую остроту, чем в мирное время. Речь шла о переделе сложившихся рынков, о проникновении в те или иные промышленно-торговые сферы, об усилении экспансии в экономику посредством банковско-биржевого инструментария, о получении заказов на военные поставки и т.д. Необходимо учитывать, что в военный период реализация подобных стратегий тесно увязана с политическим фактором, который приобретает все более весомое практическое значение. Экономическое противостояние двух столиц протекало теперь на фоне острой борьбы за установление парламентской государственной модели: по замыслам вдохновителей этой борьбы законодательная власть в лице Государственной думы должна была наконец-то выступить полноценным руководителем экономической жизни страны, отстранив правящую бюрократию от рычагов управления. Бенефициаром, крайне заинтересованным в утверждении подобной политической трансформации, как было показано в предыдущей главе, и был купеческий клан, возглавляемый Московским биржевым комитетом.

Начало войны с Германией в июле 1914 года вызвало прилив патриотизма и верноподданнических чувств во всех слоях населения России. В такой атмосфере естественным образом сошли на нет любые сценарии по ущемлению властных прерогатив Николая II: вся страна во имя победы сплотилась вокруг монарха. Соответственно, о каком-либо усилении полномочий Государственной думы и о превращении ее в полноценный институт власти парламентского типа пришлось на время забыть. Председатель думы М.В. Родзянко в начале войны вообще предлагал распустить законодателей до завершения боевых действий, дабы не мешать достижению победы⁶⁰⁵. В то же время развернувшееся военное противостояние предельно актуализировало тему вражеского, точнее, немецкого засилья во всех областях российской жизни (как известно, германское присутствие в стране в силу многих причин было немалым)⁶⁰⁶. Для купеческой буржуазии подобный поворот стал поистине подарком судьбы: теперь она, играя на своем исконно русском происхождении, могла повести мощную атаку на своего давнего конкурента – немецкий бизнес, тесно

⁶⁰⁵ См.: Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. Кн. 160. С. 87.

⁶⁰⁶ См.: Кюнг П.А. Бизнес в условиях мобилизационной экономики. 1914–1915 годы // Экономическая история. Ежегодник. 2010. С. 171-172.

связанный с петербургскими придворными, правительственными и банковскими кругами.

Московский биржевой комитет не замедлил сосредоточиться на перспективном для него направлении. Здесь, например, с энтузиазмом начали выявлять чиновников с немецкими фамилиями. Особенное и вполне предсказуемое рвение у купечества вызвали прежде всего Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности. Московское «Утро России» вскоре рапортовало о произведенных изысканиях. По сведениям газеты, даже не слишком глубокое знакомство с руководящим составом этих ведомств давало вполне определенную картину: 30 немецких фамилий по Министерству финансов и 27 – по Министерству торговли и промышленности⁶⁰⁷. Эти подсчеты сопровождал следующий комментарий:

«Не смеем спорить, все эти фонны, бароны и просто Дренеры, несомненно, люди весьма почтенные и достойные уважения, но беда их и того русского дела, которому они вызвались служить, в том, что в жилах этих Пасторов и Страусов течет как-никак немецкая кровь. Если этих "русских" чинов частным образом по душам позондировать по части желательности умаления немецкого элемента в области наших финансов, торговли и промышленности, ну разве можно сомневаться в ответе? Свой своему поневоле брат»⁶⁰⁸.

Желая рассказать властям о масштабах вражеского засилья, специальная депутация Московского купеческого общества добилась приема у министра внутренних дел и министра торговли и промышленности. Каждому был представлен обстоятельный доклад о мерах по искоренению немецкого влияния на все стороны русской жизни. Предприниматели обратили внимание высоких чиновников и на экономические вопросы: предлагалось прекратить деятельность акционерных обществ, принадлежащих германским и австрийским подданным, произвести секвестр их имущества, а также принимать в купечество не иначе как с согласия его представительного органа – собрания выборных. При этом делегация неизменно апеллировала к национальным интересам и ссылалась на пример союзных государств⁶⁰⁹.

Наряду с предложениями по устранению немецких конкурентов в купеческой среде вынашивались идеи по освоению собственными силами высвобождающейся рыночной доли. О планах деловых кругов Первопрестольной мы можем узнать из беседы крупного предпринимателя А.И. Кузнецова в редакции «Утро России». Известный текстильный фабрикант сетовал, что с прекращением немецкого экспорта отечественная промышленность столкнулась с необходимостью форсировать производство всего того, что ранее в достатке поставлялось из-за границы. Для этого, – продолжал Кузнецов, – необходимо финансирование, но государство, поглощенное войной, не в состоянии в должной мере кредитовать новые предприятия, иностранные же капиталы поддерживают сейчас собственную индустрию. В этой ситуации, когда рассчитывать приходится только на собственные силы, именитое московское купечество обдумывает проект организации особого товарищества. Чтобы облегчить частному капиталу финансирование новых предприятий, крупные промышленники Москвы предложили банкам открывать кредиты напрямую им – промышленникам, объединенным в товарищество. Их известность, репутация и коммерческая состоятельность выступят лучшей гарантией для инвестированных средств. Главная задача товарищества – обследование конкретных предприятий в тех отраслях, которые больше всего зависели от немцев, а также поддержка

⁶⁰⁷ См.: Внутренний немец (передовая) // Утро России. 1914. 25 ноября.

⁶⁰⁸ См.: Там же.

⁶⁰⁹ См.: Утро России. 1914. 2 декабря.

новых деловых начинаний и оценка их жизнеспособности. Фактически объединение крупного купечества предлагало себя в качестве заказчика для разного рода продукции, пытаясь замкнуть на себя же финансовые потоки. А.И. Кузнецов выражал уверенность в том, что работы в данном направлении непочатый край. А преимущества такой организации, – продолжал он, – неоспоримы: они позволят наиболее полно учитывать местные условия, то есть проделывать в рамках товарищества кропотливую работу, непосильную для крупных банковских структур. Результатом всего этого станет развитие средних и мелких промышленных заведений, для которых откроется более легкий доступ к банковскому кредиту⁶¹⁰.

Конечно, коммерческие аппетиты в условиях военного времени разыгрались не только у московских коммерсантов. То же можно сказать и об их питерских коллегах по «нелегкому» предпринимательскому делу. Столичная банковская элита, контролировавшая многие предприятия оборонного комплекса, также пожелала проявить инициативу. Правда, по сравнению с москвичами административных возможностей у ее представителей было явно побольше. Именно в питерских деловых кругах зародилась патриотическая идея помощи государству в наращивании производства военного снаряжения. В начале 1915 года с таким проектом выступила группа крупных банков: Русско-Азиатский, Петроградский международный, Учетно-ссудный и др. Его одобрил Совет представителей промышленности и торговли; в правительство была направлена соответствующая записка от этой ведущей предпринимательской организации страны⁶¹¹. Глава Совета съездов член Государственного совета Н.С. Авдаков активно пропагандировал данное начинание, акцентируя внимание на значении частной инициативы в деле повышения боевого потенциала родины⁶¹². Обсуждение записки в верхах вошло в завершающую стадию, когда глава Русско-Азиатского банка А.И. Путилов предложил создать при военном министерстве специальное совещание из промышленников и банкиров, которое будет получать, координировать и распределять заказы между заводами⁶¹³. Купеческие патриоты, увлеченные борьбой с немецким засильем, прекрасно понимали, что здесь затевается. Тесные отношения руководителя военного ведомства В.А. Сухомлинова с южным синдикатом «Продамет» и петроградскими банками ни для кого не были секретом.

Действительно, положение московских промышленных верхов, с тревогой наблюдавших за привычным взаимодействием питерских банков и чинов бюрократии, выглядело малоперспективным. Угроза остаться без вождельного «куска пирога» военных заказов казалась им свершившимся фактом. Ситуация усугублялась тем, что с начала войны Государственная дума не собиралась на свои заседания, а значит, основной инструмент противодействия банковско-административным комбинациям не работал. Пересуды в московской прессе о попытке бюрократического решения всенародных задач обороны, о навязывании программ, может, и нужных, но созданных без непосредственного участия живых сил общества, и т.п. мало что давали⁶¹⁴. Правда, неутомимый председатель

⁶¹⁰ См.: Как развивать нашу промышленность (Беседа с А.И. Кузнецовым) // Утро России. 1915. 19 мая.

⁶¹¹ См.: Записка Совета съездов представителей промышленности и торговли «О мерах по обеспечению своевременного выполнения заказов на оборону и обеспечению армии боевыми снарядами». 12 января 1915 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. И. Д. 814. Л. 1-8.

⁶¹² См.: Экономический комитет // Утро России. 1915. 22 апреля.

⁶¹³ См.: *Поливанов А.А.* . Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М. 1924. С. 153.

⁶¹⁴ См.: Экономическое совещание // Утро России. 1915. 19 апреля.

Государственной думы М.В. Родзянко сумел добиться участия в совещании при военном министерстве представителей нижней палаты. Изначально он настаивал на вхождении в его состав всего президиума Государственной думы, но оппозиционные думские лидеры растолковали ему нелепость этого замысла: тогда получалось, что президиум Думы должен работать под началом военного министра и «*быть ширмой*» для сухомлиновских дел. Поэтому решили ограничиться присутствием в совещании лишь четырех отдельных лиц и к тому же не на партийной основе. Некоторые, как, например, А.Ф. Керенский, вообще считали, что вхождение в этот государственный орган несовместимо с членством в президиуме Думы⁶¹⁵. Но питерские деловые круги в преддверии работы учреждаемого совещания продемонстрировали совсем другой настрой. Так, в апреле 1915 года член Государственного совета В.И. Тимирязев, тесно связанный с Русским банком для внешней торговли, подчеркивал, что цель – «*не сетовать на те или другие затруднения и стеснения, критиковать уже принятые правительством меры экономического характера*», а, наоборот, воодушевленно заявить ему о полной поддержке, обеспечив надлежащее конструктивное взаимодействие⁶¹⁶.

Как именно планировалось достичь этого, определилось очень скоро.

В мае 1915 года Николай II утвердил создание Особого совещания; в промышленной его части первую скрипку, как и задумывалось, играли столичные дельцы и финансисты. В итоге, к их большому удовлетворению, львиная доля заказов начала поступать на подконтрольные им предприятия. Журналы Особого совещания за май 1915 года подтверждают именно такую направленность его решений. К примеру, на третьем заседании этого органа докладывалось о денежных ссудах Путиловскому и Балтийскому судостроительным заводам, выданных еще до образования Особого совещания, то есть фактически задним числом. В качестве же надзорной инстанции в состав правлений этих предприятий назначались чиновники Министерства финансов (заметим: лучшей формы контроля банкам и желать было трудно). Вопрос о финансовых злоупотреблениях на двух этих заводах большинство членов совещания попросту проигнорировало, указав, что доказанных фактов не имеется⁶¹⁷. На следующем заседании состоялось любопытное обсуждение контракта на поставку пороха Барановским заводом, принадлежащим Русско-Азиатскому банку. Главное артиллерийское управление выразило несогласие с ценой пороха в 140 руб. за пуд (по их мнению, она не могла превышать 90 руб.). Но совещание допустило такое повышение при условии, что сроки поставки будут соблюдены⁶¹⁸. То же самое произошло и с заказом гранат на Путиловском заводе: совещание нашло стоимость высокой, но приемлемой ввиду общего подорожания материалов, рабочих рук и т.д.⁶¹⁹

Однако административный конвейер по осваиванию казенных средств, устроенный столичными банкирами, не смог набрать больших оборотов. Сбой наступил вместе с апрельско-майскими поражениями русской армии. Отступление произвело гнетущее

⁶¹⁵ См.: Конференция Конституционно-демократической партии. 6-8 июня 1915 года // Политические партии России. Конец XIX–начало XX века. Т. 3. Кн. 1. М. 2000. С. 135.

⁶¹⁶ См.: Постановления и протоколы Чрезвычайного Всероссийского съезда представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. 5-11 апреля 1915 года // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 616. С. 7об-8.

⁶¹⁷ См.: Журнал №3 от 23 мая 1915 года // Журналы Особого совещания по обеспечению действующей армии артиллерией, главнейшими видами довольствия, предметами боевого и материального снабжения. М., 1975. С. 15.

⁶¹⁸ См.: Журнал №4 от 27 мая 1915 года // Там же. С. 24.

⁶¹⁹ См.: Там же.

впечатление на все население: возобновились разговоры о несостоятельности военного командования и правящей бюрократии, неспособной обеспечить нужную всей стране победу; на этом фоне резко активизировались призывы к скорейшему созыву Государственной думы, в которой видели потенциального спасителя отечества. У купечества появился реальный шанс взять реванш в битве со столичными финансово-промышленными тузами. И бой был дан, причем, образно говоря, на вражеской территории – в Петрограде, на IX Съезде представителей промышленности и торговли в последних числах мая 1915 года. Вообще-то на этом форуме представители буржуазии Питера и юга России собирались одобрить недавнее учреждение при их деятельном участии Особого совещания во главе с военным министром. Это одобрение должно было продемонстрировать сплочение предпринимательских сил вокруг правительства. Однако задуманный сценарий натолкнулся на резкое сопротивление московского купечества. Деловые круги Первопрестольной тоже решили использовать петроградский съезд, но в своих целях⁶²⁰. В итоге его лейтмотивом стал не доклад о производительных силах России, как планировали организаторы, а громкий протест против закрытого, негласного решения вопросов помощи фронту правительственными чиновниками. В противовес такому способу ведения столь важных дел было предложено создать систему военно-промышленных комитетов с теми же задачами и с центром в Петрограде. Предложение огласили П.П. Рябушинский и прибывший на заседание Председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Столь резкий поворот в ходе съезда озадачил его ведущего Н.С. Авдакова, и он поспешил свернуть его деловую часть. Тем не менее целый ряд делегатов при содействии группы депутатов Думы смогли провести резолюцию о созыве экстренного съезда с иной повесткой⁶²¹. Еще одним, не менее значимым, итогом состоявшегося форума стала резолюция о незамедлительном созыве законодательных учреждений. Родзянко взялся довести принятые решения до сведения царя. После закрытия заседаний большинство участников собрались на специально устроенном банкете, где присутствовали многие члены законодательных палат. От Государственной думы выступил А.А. Бубликов, а от Государственного совета – В.И. Гурко. Они говорили о единении предпринимательского класса с народным представительством, о том, что настрой съезда не должен пропасть втуне, для чего и требуется срочно созвать обе палаты⁶²².

В Министерстве внутренних дел итоги съезда восприняли крайне негативно. Глава ведомства Н.А. Маклаков в частных беседах сокрушался:

«Это будет похуже рабочих: тех можно пострелять. А что с этими делать?»⁶²³

Правда, вопрос мучил Маклакова недолго: в первых числах июня он санкционировал арест активного участника только что закончившегося съезда председателя Московского общества фабрикантов и заводчиков Ю.П. Гужона, что буквально потрясло Первопрестольную⁶²⁴. У военного министра В.А. Сухомлинова закончившийся съезд также

⁶²⁰ В Москве отмечали небывалый интерес к созываемому в Петрограде форуму.
См.: В Москве // Утро России. 1915. 19 мая.

⁶²¹ См.: IX торгово-промышленный съезд // Утро России. 1915. 29 мая.

⁶²² См.: Банкет в клубе общественных деятелей // Утро России. 1915. 30 мая.

⁶²³ См.: Бубликов А.А. Русская революция. Воспоминания и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 9.

⁶²⁴ См.: Письмо Н.С. Брасовой к вел.кн. Михаилу Александровичу. 10 июня 1915 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 77. Л. 63об.

вызвал предсказуемые пессимистические настроения:

«У нас стал шевелиться и внутренний враг, съехались думцы, прибыл Гучков... карканье их нехорошее, осуждают все и вся... в сущности, собралась неофициально, явочным порядком Государственная дума и желает властвовать»⁶²⁵.

Военный министр и министр внутренних дел запросили список инициативной группы по проведению нового предпринимательского форума. Но эти сведения не понадобились: уже 5 июня последовала их отставка.

Лето 1915 года вошло в российскую историю как период определенных парламентских надежд, когда оппозиционные силы, направляемые царским фаворитом А.В. Кривошеиным, пытались подвинуть Николая II на соответствующие изменения в государственном строе. Удаление ненавистных общественности министров, и в первую очередь военного, стало важным звеном парламентского проекта либеральной части правительственного кабинета. Отстранение Сухомлинова от должности в корне меняло ситуацию в бюрократических верхах. Тем более что вместо него был назначен А.А. Поливанов, его бывший товарищ по министерству, удаленный еще до войны за слишком тесные связи с думцами. Новый глава военного ведомства не скрывал, что является приверженцем либерально-оппозиционного направления. К нему тут же потянулись А.И. Гучков, П.П. Рябушинский, лидеры Земского и Городского союзов и другие⁶²⁶. Разумеется, Поливанов сразу внес существенные коррективы в политику вверенного ему министерства. Так, намеченной встрече предпринимателей был дан «зеленый свет»: уже 25 июля 1915 года состоялся первый Всероссийский съезд новой общественной организации – военно-промышленных комитетов (ВПК). Его атмосфера кардинальным образом отличалась от размеренных мероприятий Совета представителей промышленности и торговли. Это неудивительно, поскольку тон здесь задавали уже исключительно оппозиционные деятели.

Председательствующим на съезде был избран А.И. Гучков. Он предложил направить приветственную телеграмму Верховному главнокомандующему, которым в тот момент являлся великий князь Николай Николаевич (давний противник В.А. Сухомлинова)⁶²⁷. Среди первых ораторов оказался лидер Земского союза Г.Е. Львов, заявивший о победе над старым порядком управления и о принятии на себя важнейших государственных функций⁶²⁸. С высоты государственной ответственности собравшиеся обрушили шквал критики на правительство. Так, П.П. Рябушинский рассуждал о присущем Москве патриотизме и об отсутствии его в Петрограде, где *«все мертво и совсем не чувствуется необходимости борьбы»*⁶²⁹. Он говорил о бездействии власти, с пафосом вопрошая: кто же управляет Россией в настоящее время?! По его словам, это никому не было известно, а вот ответ на вопрос, кто же должен взять работу в свои руки – промышленник или отживающий

⁶²⁵ См.: Переписка В.А. Сухомлинова и Н.Н. Янушкевича // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 71.

⁶²⁶ См.: Поливанов А.А. Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. С. 172.

⁶²⁷ См.: Труды Съезда представителей военно-промышленных комитетов. 25-27 июля 1915 года. Пг., 1915. С. 5.

⁶²⁸ См.: Там же. С. 7.

⁶²⁹ См.: Там же. С. 34.

дворянин, – не вызывал сомнений⁶³⁰. С трибуны звучали ставшие уже привычными слова об ответственном перед народом правительстве, о том, что существующий Совет министров – это мачеха для русской страны⁶³¹. Предлагалось ввести должность товарища военного министра по снабжению армии и назначить на нее гражданское лицо. Даже более того, ходатайствовать перед Николаем II о введении в состав правительства на правах министров без портфеля председателей Земского и Городского союзов, а также Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Это стало бы первым шагом на пути формирования правительства народного доверия, которое будет отвечать за свои действия не только перед государем, но и перед народным представительством⁶³².

Итоги работы съезда приветствовались военным министром А.А. Поливановым. Хотя он не забывал и о других, не менее важных делах, таких как реорганизация «детища» Сухомлинова и питерских финансистов – Особого совещания по обороне. С приходом Поливанова работа этого органа претерпела существенные изменения. Новый военный министр стал председательствовать в совещании с 20 июня 1915 года, и сразу голос питерских банкиров стал звучать на заседаниях реже и реже. Зато начали солировать другие хорошо знакомые нам лица. Своей озабоченностью разными проблемами делится А.И. Гучков, настаивая на выделении средств для распределения через формирующийся ЦВПК⁶³³.

Рассматривается предложение Г.Е. Львова: воспользоваться силами Земского союза для снабжения армии (он ходатайствовал об отпуске союзу на текущие расходы 10 млн руб., а также о выделении в качестве аванса 9 млн руб. для строительства крупного завода по производству снарядов⁶³⁴). Принял участие в работе Особого совещания и П.П. Рябушинский: была поддержана его просьба отпустить из военного фонда в распоряжение Московского биржевого комитета 5,5 млн руб. на организацию необходимых поставок для нужд армии⁶³⁵. Помимо решения конкретных хозяйственных вопросов все названные деятели были привлечены военным министром к выработке нового Положения об Особом совещании, которое бы расширяло его компетенцию, а главное – предполагало серьезное обновление состава. В него вместо петроградских банкиров (креатур Совета съездов) должны были войти представители Государственной думы, Государственного совета и ЦВПК. Причем состав обновленного совещания определялся не императором, как при Сухомлинове, а самими структурами, делегирующими туда своих членов⁶³⁶. Обсуждение этих намерений вызывало большое раздражение в столичном деловом мире. Его представители недоумевали: с первых ролей медленно, но верно оттирают лучших людей! Ведь нельзя забывать, восклицали тогдашние олигархи, что весомая часть российской индустрии находится в руках банков. К тому же правительству легче всего найти общий язык с выходцами из бюрократических кругов. А потому оптимальный и наиболее

⁶³⁰ См.: Там же. С. 35.

⁶³¹ См.: Там же. С. 67.

⁶³² См.: Выступление П.А. Кобзева // Там же. С. 99.

⁶³³ См.: Журнал №9 от 24 июня 1915 года // Журналы Особого совещания... С. 76.

⁶³⁴ См.: Журнал №11 от 1 июля 1915 года // Там же. С. 91.

⁶³⁵ См.: Журнал №12 от 4 июля 1915 года // Там же. С. 104.

⁶³⁶ См.: *Воронкова С.В.* Материалы Особого совещания по обороне государства. М., 1975. С. 26-27.

эффективный путь в деле скорейшей мобилизации промышленности – «столкнуться представителям 5-6 питерских банков»⁶³⁷.

Но эти доводы не казались убедительными военному министру и его союзникам во власти. Они сумели убедить Николая II утвердить новое Положение Особого совещания по обороне, что и произошло 22 августа 1915 года. Это событие явилось серьезной победой купеческой буржуазии над столичным финансовым кланом. И хотя парламентский проект, к продвижению которого и относится это завоевание, был отвергнут, а Дума в начале сентября – распущена, Особое совещание по обороне продолжило свою деятельность. Этот аппаратный успех имел неопределимое значение: он предоставил оппозиционным кругам возможность наносить постоянные удары по правящей бюрократии. А из-за вынужденного бездействия Государственной думы значимость Особого совещания лишь возрастала. В совещание, состоявшее из сорока человек, входило по десять членов от обеих законодательных палат, а также представители общественных организаций, помогающих снабжению фронта. На заседаниях всегда присутствовало много приглашенных. Зал в доме военного министра, где совещание собиралось при Сухомлинове, оказался тесен; заседания перенесли в залы Мариинского дворца⁶³⁸. Один из военных чинов, присутствовавший на заседании в ноябре 1915 года, заметил, что происходящее там «*сильно напоминало Государственную думу – те же лица, те же разговоры, то же направление*»⁶³⁹. Неслучайно Особое совещание в историографии даже называли своеобразным мини-парламентом⁶⁴⁰.

Новый состав Особого совещания незамедлительно погрузился в дела. Одним из громких дел, сотрясших бюрократические верхи, стал секвестр Путиловского завода, в результате чего Русско-Азиатский банк лишился контроля над ним. Следует уточнить, что национализация промышленных предприятий – не редкость в годы войны. Всего за этот период было секвестровано 94 объекта: 28 из них непосредственно Особым совещанием, остальные – начальниками военных округов, генерал-губернаторами; в подавляющем большинстве это были незначительные промышленные заведения⁶⁴¹. Особняком стояли лишь несколько крупных индустриальных активов, принадлежащих питерским банкам и задействованных в судостроительной программе. Вот эти-то предприятия и вызвали пристальный интерес у совещания во главе с военным министром. Бросить вызов могущественному А.И. Путилову оказалось весьма нелегко. Началось все с того, что в августе 1915 года А.А. Поливанов распорядился обследовать работу Путиловского завода за последний период, подключив к этому своего соратника А.И. Гучкова, а также группу думцев. Делегацию депутатов возглавлял крестьянин (то есть человек труда) И.Т. Евсеев (он

⁶³⁷ См.: Левин И.И. Роль банков в нынешний момент // Промышленность и торговля. 1915. №15. 1 августа.

⁶³⁸ См.: Поливанов А.А. Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня – 13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. №2. С. 126-127.

⁶³⁹ См.: Безак Ф.Н. Воспоминания о Киеве и о гетманском перевороте // Верная гвардия. М., 2008. С. 373.

⁶⁴⁰ См.: Сидоров А.Л. Экономическая политика России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 102-103. Добавим, что кроме Особого совещания по обороне были созданы аналогичные структуры по топливу, перевозкам и продовольствию. Но Особое совещание по обороне являлось наиболее значимым и занималось общей координацией работы по снабжению армии и флота.

⁶⁴¹ См.: Шацлло К.Ф. Из истории экономической политики царского правительства в годы Первой мировой войны (о причинах секвестра военно-промышленных предприятий) // Об особенностях империализма в России. М., 1963. С. 217.

входил во фракцию прогрессистов)⁶⁴². Разумеется, ни дирекцию, ни акционеров предприятия не мог порадовать подобный визит. Как сообщала столичная пресса, он не отличался деловым характером; вопросы касались в основном политических проблем и мало затрагивали конкретные хозяйственные проблемы⁶⁴³. После такой подготовительной работы в дело включилось Особое совещание. Атаку начал известный депутат и критик правительства кадет А.И. Шингарев. Он заявил, что считает вполне доказанным: финансовые дела на Путиловском заводе запутаны и администрация вынуждена набирать новые заказы в надежде оплатить за их счет старые долги⁶⁴⁴. Как выяснилось, общество Путиловских заводов, имея около 25 млн руб. основного капитала, получило свыше 40 млн руб. авансов на казенные поставки. Причем предоставленные документы не позволяли понять, как были израсходованы эти суммы. Лицо, назначенное Русско-Азиатским банком директором предприятия, – докладывал депутат, – одновременно состоит членом столь многих правлений, что не имеет возможности уделять Путиловскому заводу надлежащее внимание⁶⁴⁵. В конце концов, Шингарев потребовал секвестра этого актива; однако члены совещания от Государственного совета В.И. Тимирязев и С.И. Тимашев не поддержали эту крайнюю, по их мнению, меру. Было решено пригласить на заседание самого Путилова и дать ему возможность объясниться.

Разговор состоялся 17 ноября 1915 года. Банкир занял весьма агрессивную позицию: завод планировал выйти из тяжелого положения, но все расчеты лопнули после приезда комиссии Особого совещания и думской делегации. Эти визиты породили множество слухов, подорвали доверие к предприятию и затруднили получение нужных кредитов. Путилов также отверг обвинение в финансовой непрозрачности администрации; по его словам, эти разговоры прекратятся, как только балансы рассмотрят специалисты, разбирающиеся в соответствующей документации. В заключение он расценил наложение секвестра как незаслуженную меру, от которой пострадают государственные интересы⁶⁴⁶. Визит главы Русско-Азиатского банка в Особое совещание вызвал там бурные и долго не утихавшие дебаты. Представители Министерства финансов и Министерства торговли и промышленности решительно поддержали Путилова, заявив о нежелательности секвестра, который неблагоприятно отразится на финансовом имидже России⁶⁴⁷. Их позиция во многом повлияла на голосование по этому острому вопросу: за секвестр – 15 членов совещания, против – 16⁶⁴⁸. Возмущение А.И. Шингарева не знало границ:

«Из обстоятельств данного дела обнаружилось влияние на дела государства безответственной, но чрезвычайно могущественной власти банков. Правительство начинает терять государственную дорогу, стесняясь власти плутократии... Но банки не ограничиваются управлением заводами, а хотят управлять и

⁶⁴² См.: Последние вести (депутаты на Путиловском заводе) // Финансовая газета. 1915. 10 августа.

⁶⁴³ См.: Расшатывают промышленность // Финансовое обозрение. 1915. №17. Сентябрь.

⁶⁴⁴ См.: Журнал №16 от 17 октября 1915 года // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. М. 1975. С. 349-350.

⁶⁴⁵ См.: Журнал №19 от 28 октября // Журналы Особого совещания... С. 376-377.

⁶⁴⁶ См.: Журнал №22 от 7 ноября 1915 года // Там же. С. 400-401.

⁶⁴⁷ См.: Журнал №25 от 18 ноября 1915 года // Там же. С. 426, 431.

⁶⁴⁸ См.: Там же. С. 432-433.

государством. Никаких новых данных Особому совещанию не представлено, объяснения Путилова производят крайне тяжелое впечатление, ибо он говорил с Особым совещанием как власть имущий, будучи заранее уверен, что секвестра не последует»⁶⁴⁹.

После принятия этого нужного для Русско-Азиатского банка решения в Особое совещание вновь потекли ходатайства о предоставлении авансов и кредитов Путиловскому заводу: 21 ноября доклад о предоставлении 5 млн руб., спустя всего две недели – еще о 7,7 млн. И никаких изменений в составе правления, о которых так много говорилось, не происходило⁶⁵⁰. Тем не менее группа членов совещания вместе с военным министром А.А. Поливановым не собиралась отказываться от задуманного. Наступление возобновилось в начале 1916 года: тема секвестра вновь стала актуальной в связи с забастовкой, которая разгорелась после неоднократных приездов на завод рабочей группы, недавно образованной при ЦВПК. (Надо заметить, что рабочая группа стала весьма действенным инструментом в руках купеческой буржуазии, возглавлявшей военно-промышленный комитет; члены этой группы оказались куда более радикально настроенными, чем депутаты, посещавшие завод в августе.) Положение на Путиловском заводе, создавшееся в связи с забастовкой, сразу привлекло внимание Особого совещания и послужило поводом для пересмотра решения по отмене секвестра. Обсуждение прошло 27 февраля 1916 года; те же ораторы отстаивали свои прежние позиции. Правда, судя по журналу заседания, заметно возросло количество депутатов Государственной думы, пришедших добиваться наложения секвестра. Противники этой меры пытались доказать, что забастовка носит чисто политический характер и является прямым следствием агитации рабочей группы при ЦВПК. Однако А.И. Гучков, А.И. Коновалов, М.В. Родзянко, П.Н. Милуков и Н.В. Савич им возражали, описывая патриотичный настрой рабочих и умеренный характер их требований к дирекции. Способ локализовать или вовсе прекратить волнения на предприятии этим деятелям был вполне ясен: завод нужно секвестрировать⁶⁵¹. Как они убеждали, причина забастовки – в отчужденности правления от рабочих, в неправильном к ним отношении. Люди раздражены чрезмерными окладами, какими пользуется ныне администрация, и секвестр – это единственный способ устранить недовольство⁶⁵². После такого напора законодателей и их союзников секвестр Путиловского завода был предрешен: прежнее руководство отстранялось, вместо него назначалась новая администрация, главным образом из чинов военного и морского ведомств. При этом предыдущее правление, предчувствуя неблагоприятный исход, оставило в кассе завода 1 руб. 15 коп. наличными, а на текущем банковском счету – всего-навсего 135 руб. Добавим: дела были сданы в среду, в понедельник же новому правлению предстояло выдать почти 2,5 млн руб. заработной платы, а по накопившимся счетам за поставки сырья – еще около 4 млн руб. Только перевод 10 млн руб. из Государственного банка спас завод от краха⁶⁵³.

Национализация Путиловского завода стала самой громкой акцией Особого совещания и вызвала оглушительный общественный резонанс. Это событие обсуждалось даже на

⁶⁴⁹ См.: Там же. С. 430.

⁶⁵⁰ См.: Журнал №26 от 21 ноября 1915 года; Журнал №30 от 5 декабря 1915 года // Там же. С. 437, 475.

⁶⁵¹ См.: Журнал №51 от 27 февраля 1916 года // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Ч. 1. М., 1977. С. 122-124.

⁶⁵² См.: Там же. С. 125.

⁶⁵³ См.: *Крылов А.Н.* Воспоминания и очерки. М. 1949. С. 208-209.

специальном заседании Государственной думы, на котором депутаты с удовольствием примеряли на себя роль истинных защитников трудящихся от власти ненасытного капитала. Лидер кадетов П.Н. Милюков, ставя в пример рабочую группу при ЦВПК, сожалел, что в составе Особого совещания по обороне пока нет рабочих⁶⁵⁴. Демонстрируя заботу об их интересах, думцы дружно голосовали за развитие профсоюзов, утверждение на предприятиях института старост и создание примирительных камер для переговоров о согласовании интересов хозяев и наемных работников⁶⁵⁵. Правда, победа оппозиционных сил, добившихся секвестра завода, была несколько омрачена: в марте 1916 года под давлением председателя Совета министров Б.В. Штюрмера А.А. Поливанов был вынужден покинуть должность военного министра⁶⁵⁶. Новый премьер еще в большей степени, чем И.Л. Горемыкин, ориентировался на другие, нежели Поливанов, силы – как в политической, так и в экономической жизни. К примеру, сразу после назначения Штюрмер принял группу видных предпринимателей, среди которых не было ни одного московского представителя⁶⁵⁷.

Однако более важно то, что путиловская эпопея вызвала новые брожения в бюрократических верхах. Именно в это время оппозиционные силы выдвинули и обосновали идею усиления государственного надзора за деятельностью финансовых структур. Тема контроля за банками была поднята Особым совещанием в ноябре 1915 года, сразу после того, как А.И. Путилов довольно умело отбил атаку на свой актив. Думцы и представители ЦВПК, входящие в совещание, извлекли уроки из поражения. И теперь речь шла о необходимости поднять контроль на качественно иной уровень. Деловые круги Петрограда крайне болезненно восприняли подобные разговоры: насколько полезны и своевременны предлагаемые ревизии с государственной точки зрения? Заявления о том, что спекулятивные устремления банков способствуют росту стоимости жизни, расценивались в столице как потворство обывателям, всегда склонным искать виноватых не там, где следует. По мнению питерских бюрократов, ревизовать деятельность банков во имя борьбы со спекуляцией значило отвлекать внимание общественности от иных, более эффективных способов борьбы с дороговизной⁶⁵⁸. В подтверждение этой мысли они ссылались на уже состоявшиеся проверки банковских операций, проведенные по требованию Особого совещания по

⁶⁵⁴ См.: Выступление П.Н. Милюкова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 2. Стб. 2867-2868.

⁶⁵⁵ См.: Там же. Стб. 2887-2888.

⁶⁵⁶ См.: *Спиридович Л.И.* Великая война и Февральская революция. Нью-Йорк, 1960. С. 69.

⁶⁵⁷ См.: Делегация русских промышленников у Б.В. Штюрмера // Финансовое обозрение. 1916. №4. Февраль. С. 4.

В канун назначения на должность премьера у Штюрмера произошел серьезный конфликт с московским купечеством. Штюрмер приехал в Первопрестольную поклониться Иверской чудотворной иконе: купеческие тузы воспользовались его пребыванием в городе и обратились с просьбой назначить на свободную в тот момент должность московского губернатора действующего вице-губернатора В.М. Устинова. Тот уже около десяти лет служил в Москве и пользовался доверием купечества. Штюрмер пообещал выполнить эту просьбу. Однако в Петрограде к нему обратилась его давняя знакомая А.С. Сипягина (сестра убитого в 1902 году министра внутренних дел Д.С. Сипягина) с ходатайством позаботиться о ее зяте Н.А. Татищеве, который, будучи губернатором оккупированной Курляндии, находился не у дел. Штюрмер и сам давно знал как самого Татищева, так и его семью: их имения находились рядом. В результате он решил назначить в Москву своего человека и «забыл» о своем обещании купечеству. После этого случая московская буржуазия на Штюрмере как государственном деятеле «поставила крест».

См.: *Стремоухое П.П.* Все в прошлом. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6546. Оп. 1. Д. 4. Л. 28–28 об.

⁶⁵⁸ См.: Ревизия банков (передовая) // Финансовое обозрение. 1915. №21. Ноябрь.

продовольствию. Как писала столичная пресса, никаких нарушений, о которых громко трубили в последнее время, обнаружено не было⁶⁵⁹.

И все-таки обсуждение темы усиления банковского контроля неуклонно набирало обороты: возможность надавить на болевую точку питерского клана казалась очень привлекательной его противникам. Полемика по этому поводу вспыхивала то и дело: на Особом совещании по обороне, на вновь открывшихся с февраля 1916 года заседаниях Государственной думы. Противников введения более жесткого контроля за банками возглавлял министр финансов П.Л. Барк. Напомним, что этот финансист был привлечен в правительство еще А.В. Кривошеиным и входил в его либеральную команду⁶⁶⁰. Но после отставки Кривошеина (в сентябре 1915 г. в связи с отказом императора реализовать парламентский проект) П.Л. Барк оказался в полной зависимости от финансовых тузов, из среды которых он, собственно, и вышел. Это не выглядело неожиданностью, так как, по убеждению П.Н. Игнатьева – министра народного просвещения и коллеги Барка по кабинету, – самостоятельно *«вести политическую игру [он] не мог»*⁶⁶¹. Глава финансового ведомства неизменно выступал одним из проводников интересов столичной банковской элиты. И теперь, когда вопрос о банковском контроле крайне обострился, П.Л. Барк предпринял немалые усилия, чтобы направить процесс его решения в нужном для банкиров направлении.

Документы свидетельствуют о его регулярных стычках на этой почве с кадетом А.И. Шингаревым. На одном из заседаний Государственной думы Шингарев традиционно обрушился с критикой на крупные банки, усомнившись в их позитивной деятельности. Он вскрывал их претензии на роль хозяина российской экономики – и *«нередко весьма дурного хозяина»*, озабоченного не развитием предприятий, а главным образом перепродажей их акций⁶⁶². Обращает на себя внимание один акцент этой обличительной речи: Шингарев специально разъяснил, что не имеет в виду *«несколько здоровых, ведущих... весьма успешно свои дела банков»*, меньше всего заслуживающих каких-либо упреков. А говорит он о тех коммерческих учреждениях, которые следует называть банками-хищниками, *«чрезвычайно жадными до всякой наживы, не брезгующими ничем и никем»*⁶⁶³. Нетрудно понять, что в первом случае он имел в виду московские банковские структуры, кичившиеся своей направленностью на развитие реального производственного сектора; во втором же случае – петроградские, нацеленные на биржевые спекуляции. Так вот ради ограничения appetites последних, уверял кадетский деятель, и требуется незамедлительное осуществление серьезного банковского контроля, и в первую очередь со стороны Министерства финансов. В ответном слове Барк пытался охладить боевой настрой Шингарева, указав на то, что Министерство финансов не имеет права по собственному усмотрению проводить ревизии кредитных учреждений: по закону это могут инициировать лишь сами акционеры⁶⁶⁴.

Еще одно публичное выяснение отношений между главой Министерства финансов и его думским оппонентом произошло в Особом совещании по обороне 16 марта 1916 года.

⁶⁵⁹ См.: Экономическая жизнь // Финансовая газета. 1915. 18 ноября.

⁶⁶⁰ См.: Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1965. Кн. 157. С. 59-61.

⁶⁶¹ См.: Из воспоминаний графа П.Н. Игнатьева // Новый журнал (Нью-Йорк). 1944. №8. С. 108.

⁶⁶² См.: Выступление А.И. Шингарева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 2. Пг., 1916. Заседание 34 от 10 марта 1916 года. Стб. 3128-3129.

⁶⁶³ См.: Там же. С. 3130.

⁶⁶⁴ См.: Там же. С. 3132.

Шингарев потребовал прекращения торговых операций, осуществляемых непосредственно банками. В пример он ставил германские банки, проникнутые патриотизмом и здоровым промышленным духом. Этого, по его мнению, недоставало отечественным финансистам, которые находились в хищническом спекулятивном угаре, а главное – вне ответственности за свои вредные деяния. При попустительстве финансового ведомства и в ущерб государственной пользе банки, заявлял Шингарев, ведут обширные закупки необходимых для обороны товаров⁶⁶⁵. Возражения П.Л. Барка сводились к следующему: борьбу с незаконной торговлей банков следует вести осторожно; предлагаемые ревизии привели бы в первую очередь к расшатыванию кредитного дела, а между тем в условиях войны устойчивость кредитных учреждений особенно необходима, прежде всего для размещения военных займов. Рост же торговых операций банков незначителен, а потому не представляет угрозы, о которой говорил депутат.⁶⁶⁶

Столкнувшись с неуступчивостью Барка, сторонники усиления надзора пытались обойти ее, вводя различные законодательные нормы. При рассмотрении в Думе сметы Государственного контроля неожиданно прозвучало предложение наделить это ведомство правом ревизовать коммерческие банки. (Несомненно, причиной нового предложения являлось нежелание Министерства финансов расширять свои надзорные функции над банковской сферой.) Но глава Государственного контроля Н.Н. Покровский не замедлил возразить против такой скоропалительной и необдуманной инициативы. Как он убеждал депутатов, вверенное ему ведомство совершенно не приспособлено к подобного рода контролю: его задача – ревизовать правительственные обороты, а банковский надзор должен оставаться прерогативой министерства⁶⁶⁷. А.И. Шингарев заметил в ответ, что доводы Покровского не выдерживают критики, поскольку обороты банков в большой мере завязаны на вливания Государственного банка, а потому они тесно соприкасаются именно с казенными средствами⁶⁶⁸. Интересно, что поправка к Положению о Государственном контроле была все-таки принята нижней палатой⁶⁶⁹. Известие о включении в компетенцию ведомства права ревизии коммерческих банков питерская деловая пресса встретила в штыки. «Финансовая газета» писала о вопиющем непонимании природы и конструкции государственного контроля в целом, о том, что Дума своим авторитетом покрыла обывательские подозрения в отношении деятельности банков⁶⁷⁰. В итоге лишь усилиями Государственного совета принятое Положение было очищено от этой поправки. А вот в случае с законом о подоходном налоге банкам не удалось избежать неприятных последствий. Думские лоббисты сумели добиться включения в этот важный финансовый закон нормы, согласно которой все учреждения обязывались открывать свои операции податному присутствию. Изначально в законопроекте не было упоминания о кредитных установлениях, что открывало возможность для коммерсантов давать кредитным учреждениям товары и поручения на комиссию в безналоговом режиме. Понятно, какое обширное поле открывалось

⁶⁶⁵ См.: Журнал №56 от 16 марта 1916 года // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. Ч. 1. С. 160-161.

⁶⁶⁶ См.: Там же. С. 161.

⁶⁶⁷ См.: Выступление Н.Н. Покровского // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 38 от 17 марта 1916 года. Стб. 3553.

⁶⁶⁸ См.: Выступление А.И. Шингарева // Там же. Стб. 3554.

⁶⁶⁹ См.: Там же. Стб. 3555-3556.

⁶⁷⁰ См.: Передовая // Финансовая газета. 1916. 30 апреля.

для торговой деятельности банков. И Дума выступила категорически против сохранения этой привилегии для кредитных учреждений. Дебаты в согласительной комиссии с Государственным советом были острыми, но большинство все же поддержало позицию парламентариев⁶⁷¹.

Бурный натиск законодателей, всеми способами пытавшихся воспрепятствовать активности банковских учреждений и поставить их под строгий контроль, в конечном счете принес свои плоды. Министерство финансов было вынуждено озаботиться расширением правительственного надзора над банками. Записка с соответствующими соображениями поступила в Совет министров в конце апреля 1916 года⁶⁷². Вначале в ней подробно повествуется о существенных различиях в банковском надзоре стран Западной Европы и России. В первых законодательство вообще не оговаривает никакого специального контроля для кредитных учреждений и не предоставляет правительствам права вмешиваться в их текущую жизнь. В России же, напротив, кредитное дело регламентировано специальными нормами и подчинено государственному наблюдению, принимающему неодинаковые формы в отношении каждой категории банков⁶⁷³. Данное утверждение как бы подразумевало, что дальнейшее ужесточение надзора не вполне отвечает сложившейся международной практике.

Да и вообще, убеждал документ, такие предложения вызывают принципиальные возражения, в первую очередь с точки зрения их осуществимости. Повторялась мысль о дестабилизации всей кредитной системы, о возможном уходе вкладчиков, оттоке средств и т. п. Общественность, провозглашалось далее, должна привыкнуть к ревизиям, перестав видеть в них неблагоприятный факт для ревизуемого учреждения, а для этого, очевидно, потребуется немало времени. Начинать же применять практику банковских проверок во время войны совершенно неправильно, поскольку это заметно увеличивает риски для выполнения задач по обороне страны⁶⁷⁴. В завершение перечислялись конкретные меры банковского надзора, которые легли в основу соответствующего законопроекта: Министерство финансов получало право требовать от банков сведения и объяснения о производимых операциях, проводить специальные обследования, воспрепятствовать операциям, не предусмотренным уставом, а также устранять виновных в этом нарушении членов правлений⁶⁷⁵.

Но даже такие мягкие контрольные меры, предложенные правительством, вызвали недовольство в финансовых кругах. Справедливости ради следует подчеркнуть, что противники ревизий продолжали дополнять свою аргументацию. Так, в записке ряда коммерческих банков столицы, посвященной подготовленному законопроекту и направленной в Совет министров, говорилось, что действующие уставы банков, составленные еще в 60-70-х годах XIX века, очень устарели и не соответствуют изменившемуся характеру экономики. Если бы банки руководствовались только этими уставами, никакой прогресс в стране был бы попросту невозможен. Жизнь неумолимо движется вперед, констатировали авторы записки, и следует не втискивать деятельность

⁶⁷¹ См.: Выступление А.С. Постникова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 46 от 31 марта 1916 года. Стб. 4251-4252.

⁶⁷² См.: Представление П.Л. Барка в Совет министров «О расширении правительственного надзора над банками коммерческого кредита». 25 апреля 1916 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 344. Л. 19-34.

⁶⁷³ См.: Там же. Л. 19об.

⁶⁷⁴ См.: Там же. Л. 32-32 об.

⁶⁷⁵ См.: Там же. Л. 33об-34.

банков в отжившие формы уставов, а наоборот, расширять правила, чтобы дать возможность кредитным учреждениям удовлетворять насущные потребности государственной и промышленной жизни⁶⁷⁶. Именно в этом, а не в многочисленных ревизиях, состоит совершенствование банковского законодательства. Кредитные учреждения, по мнению их руководителей, из помощников в организации экономической жизни превратились в ее активных творцов. Поэтому власти и общество обязаны не мешать, а помогать их многогранной деятельности⁶⁷⁷. Эту позицию безоговорочно разделял министр финансов П.Л. Барк. Он пользовался каждым удобным случаем, чтобы напомнить общественности:

«Выдающееся значение акционерных коммерческих банков настолько бесспорно, что не нуждается ни в каком подтверждении»⁶⁷⁸.

Барк всячески оттягивал утверждение подготовленного им законопроекта по надзору за кредитными учреждениями, поэтому оно состоялось лишь в октябре 1916 года указом императора без участия Думы⁶⁷⁹.

Перипетии борьбы за ужесточение банковского надзора наглядно продемонстрировали слабость финансовых структур, прежде всего их общественной позиции. Обладая мощнейшим административным ресурсом, они заметно проигрывали в представлении своих интересов в публичном политическом пространстве. Осознание этого факта пришло к банковской элите как раз в разгар дискуссий с Государственной думой по контрольной тематике. Еще в сентябре 1915 года руководители крупнейших питерских банков не видели надобности в проведении съезда кредитных коммерческих учреждений и в открытом обсуждении своих проблем. Хотя идея созыва такого съезда и возникла (тем более что подобный форум не собирался аж с 1872 года), руководители ведущих банков ее не поддержали. Все насущные вопросы не первый год решались на еженедельных встречах в Петроградском учетно-судном банке под председательством его главы Я.И. Утина⁶⁸⁰. Однако оказавшись под жестким давлением со стороны законодателей и общественных организаций, банковские верхи всерьез озаботились формированием собственной публичной площадки. Поэтому было решено вдохнуть наконец жизнь в комитет коммерческих банков, проведя его реорганизацию на Всероссийском банковском съезде⁶⁸¹. Съезд состоялся в Петрограде в начале июля 1916 года; на нем присутствовали представители всех крупнейших банков, включая и московские, и подавляющее большинство провинциальных. Тон, разумеется, задавали питерские финансисты: их представительство в образованном комитете, как и ожидалось, оказалось наиболее весомым. Они получили преимущества при

⁶⁷⁶ См.: Биржа. 1916. №16-17. Май. С. 5-6.

⁶⁷⁷ См.: О контроле за банками // Финансовое обозрение. 1916. №9. Май.

⁶⁷⁸ См.: Финансовое обозрение. 1916. №15. Август. С. 9.

⁶⁷⁹ См.: *Шаховской В.Н.* Так проходит мирская слава // Русское возрождение. 1998. №73. С. 193.

Заметим, что этот закон, введенный в действие указом императора, совершенно не удовлетворил общественность, ратовавшую за его принятие. Как утверждали, ревизии в исполнении чиновников Министерства финансов нисколько не могли потревожить банки, а наоборот, оказали бы им большую услугу, так как обеспечили бы им официальный документ на непогрешимость и очистили бы путь для новых подвигов (Коммерческий телеграф. 1916. 24 ноября).

⁶⁸⁰ См.: Беседы с руководством крупнейших банков // Финансовая газета. 1915. 10 сентября; 11 сентября.

⁶⁸¹ См.: Реорганизация комитета коммерческих банков // Финансовая газета. 1916. 28 января.

решении всех вопросов благодаря тому, что по разработанному ими же положению количество предоставляемых банку голосов определялось размерами его капитала. В комитет съезда вошли 14 петроградских банков, 7 московских и 3 провинциальных – Рижский, Варшавский и Бакинский коммерческие банки, тесно связанные со столичными финансовыми структурами⁶⁸². Управляющим делами учрежденного Комитета съездов был избран чиновник Особенной канцелярии по кредитной части В.В. Розенберг. Предлагалось даже наделить новую организацию полномочиями третейского суда. Министерство финансов поддержало данную инициативу, посчитав, что таким образом в систему контроля вводится общественный элемент. Но Министерство юстиции не согласилось с этой новацией и настаивало на ужесточении административного надзора⁶⁸³. Финансовые тузы Первопрестольной присутствовали на этом мероприятии скорее в роли статистов, а потому их оценки не отличались оптимизмом. С недоумением они констатировали, что организаторы съезда обошли вниманием острый вопрос дороговизны, экстренно поднятый Государственной думой, хотя многочисленные речи о ведущей роли банков в современной экономике, казалось, располагают к серьезным дискуссиям на злобу дня. Еще более странным показался им тот факт, что никто из столичных ораторов не воспользовался такой трибуной, как Всероссийский съезд, для снятия обвинений в раскручивании спекулятивного ажиотажа⁶⁸⁴.

Ужесточение банковского контроля, введенное усилиями Государственной думы, вызвало ответную реакцию правительства. Оно, фактически используя то же оружие, поставило на повестку дня вопрос о необходимости строго контролировать финансовую деятельность общественных организаций – любимого детища законодателей. Земский и городской союз, а также военно-промышленные комитеты к началу 1916 года превратились в разветвленные учреждения с самыми разнообразными функциями. Причем их громадные расходы оплачивались не из земских или городских касс и уж тем более не из купеческих пожертвований, а напрямую из казны и к тому же без отчетности, установленной законом для правительственных учреждений. Союзу земств и городов на 1 октября 1916 года из бюджета были выделены огромные суммы – всего около 560 млн руб.; ВПК получили 170 млн⁶⁸⁵. Судя по цифрам, проверка этих общественных помощников фронту, существовавших за казенный счет, была явно не лишней. Весной-летом 1916 года Совет министров постоянно обсуждал различные варианты контроля военно-промышленных комитетов (например, организовать его аналогично контролю над частными железными дорогами). Предлагалось создать особую комиссию при Государственном контроле из представителей Министерства внутренних дел, Министерства финансов, военного ведомства и др.⁶⁸⁶ Однако в условиях войны сделать это оказалось весьма затруднительно: около трети сотрудников контрольных учреждений было направлено в войска для проверки оборотов министерств. Речь могла идти лишь о частичной ревизии общественных организаций:

⁶⁸² См.: Банковский съезд // Утро России. 1917. 12 июня.

⁶⁸³ Подробнее о создании банковского комитета см.: *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России. 1914-1917 годы. СПб., 2002. С. 429-430.

⁶⁸⁴ См.: Итоги банковского съезда // Коммерсант. 1916. 14 июля.

⁶⁸⁵ См.: Предсмертная записка А.Д. Протопопова // Искандеров А.А. Закат империи. М., 2001. С. 557.

⁶⁸⁶ См.: Доклад Государственного контроля в Совет министров. 3 июня 1916 года // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1268. Л. 4.

просмотр всей отчетности занял бы не менее двух лет⁶⁸⁷. Но даже такие скромные попытки контроля встречали резкое неприятие: лидеры общественных организаций расценивали их не иначе как проявление недоверия к ним со стороны властей. «Русские ведомости» писали о неизбежных срывах в нужной фронту работе; о недостойных намеках, бросающих тень на уважаемых людей. Использовалась, например, такая логика: отчетность по расходам Русско-турецкой войны 1877-1878 годов поступила спустя двадцать лет после ее окончания, а по Русско-японской войне – до сих пор не завершена⁶⁸⁸; следовательно, и сейчас не стоит ожидать никаких результатов.

Особое внимание правительство уделяло военно-промышленным комитетам, игравшим важную роль в оппозиционном движении. ЦВПК координировал деятельность 220 городских комитетов⁶⁸⁹. Эта разветвленная организация, созданная буржуазными кругами и свободная от правительственной опеки, отличалась наибольшим радикализмом. С первых дней своего существования она фактически превратилась в поле деятельности видных оппозиционеров (А.И. Гучкова, А.И. Коновалова, М.И. Терещенко, П.П. Рябушинского и др.). В связи с этим в марте – апреле 1916 года власти решили подготовить новое положение о комитетах, позволяющее государству оперативно реагировать на их, как говорили, уклонение от непосредственной помощи фронту.

В июне эта инициатива Министерства внутренних дел обсуждалась на заседании Совета министров. Однако правительство сочло несвоевременным издавать новое положение о ВПК: эта мера вызвала бы очередной шквал критики и лишь усилила бы антиправительственную агитацию. Вместо этого решили постепенно сокращать заказы комитетам, прекратить авансировать их работу, а затем и вообще перестать прибегать к их услугам; распространить среди населения и в войсках сведения о действительном участии комитетов в деле обороны и о стоимости произведенных ими работ⁶⁹⁰. Кроме того, правительство отказало военно-промышленным комитетам в праве непосредственно размещать заказы за границей, строго обязав передавать их только государственным ведомствам⁶⁹¹. Министерство внутренних дел противилось и проводимым ВПК крупным региональным мероприятиям. Так, московский губернатор Б.А. Татищев (ставленник премьера Б.В. Штюрмера) сделал все, чтобы сорвать съезд крупнейшего Московского ВПК; городская администрация подвергла пересмотру и сокращению программу этого форума, намечавшегося на лето 1916 года. Купеческая буржуазия возмущалась действиями властей, которые смотрят *«на деятелей мобилизованной промышленности как на заговорщиков, как на преступников»*⁶⁹².

Правительственные усилия по ограничению активности ВПК с энтузиазмом поддержали петроградские банки. Напомним, что военно-промышленные комитеты

⁶⁸⁷ См.: Там же. С. 6 об-7, 9.

⁶⁸⁸ См.: Князь Г.Е. Львов по поводу обвинений против союзов // Русские ведомости. 1916. 2 июля.

⁶⁸⁹ См.: *Погребинский А.П.* Военно-промышленные комитеты // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 161.

⁶⁹⁰ См.: Особый журнал Совета министров «О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов». 18 июня 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 338а. Л. 49-53.

⁶⁹¹ См.: *Поливанов А. А.* Девять месяцев во главе Военного министерства (13 июня-13 марта 1916 г.) // Вопросы истории. 1994. №10. С. 156.

⁶⁹² См.: Речь С.А. Смирнова на съезде МВПК. 17-18 марта 1917 года // Деятельность Московского военно-промышленного комитета и его отделов в 1916 году. М., 1917. С. 119.

практически отняли первые роли в делах снабжения фронта у Совета съездов представителей промышленности и торговли. Эта старая предпринимательская организация в годы войны оказалась по сути на периферии политико-экономической жизни страны. К тому же в сентябре 1915 года скончался ее многолетний председатель Н.С. Авдаков. Буржуазия Питера и юга России явственно ощутила, что утрачивает лидерство в организации промышленности вообще и для нужд обороны в частности. Эту тревожную тенденцию обсуждали в руководстве Совета съездов. Беседы, проходившие в особняке П.О. Гукасова и квартире товарища председателя Государственной думы А.Д. Протопопова, собирали членов Думы В.В. Жуковского, И.В. Титова, А.А. Бубликова, члена Госсовета Н.Ф. фон Дитмара, П.А. Тиксона, А.И. Путилова, Э. Нобеля, В.И. Литвинова-Фалинского, И.Х. Озерова. Говорили об укреплении связей с общественностью, с обеими законодательными палатами. А однажды решили сделать довольно неожиданный ход, явно нацеленный на раскол купеческой буржуазии: одному из лидеров деловой Москвы – члену Государственной думы А.И. Коновалову было предложено возглавить Совет съездов. Коновалов отказался, сочтя невозможным уйти из руководства только что образованного ЦВПК. Отверг такое же предложение (сославшись на болезнь) и бывший глава Московского биржевого комитета Г.А. Крестовников.⁶⁹³ После этого питерцы оставили попытки оживить Совет съездов и сосредоточились на новой общественной альтернативе военно-промышленным комитетам.

В конце февраля – начале марта 1916 года в Петрограде состоялся съезд представителей металлообрабатывающей промышленности; на него собрались директора предприятий тяжелой индустрии, большей частью контролировавшихся столичными банками. Одним из инициаторов проведения съезда выступил товарищ председателя Государственной думы А.Д. Протопопов (он участвовал в качестве представителя машиностроительных заводов Гартмана). Выступавшие прямо заявили о несостоятельности всей системы ВПК. А.П. Мещерский обратил внимание на такое обстоятельство:

«Просматривая списки ЦВПК, мы видим, что среди них много лиц очень почтенных, но очень мало промышленников и особенно представителей крупных заводов, работающих на оборону. Понятно, что члены ЦВПК не могли быть представителями наших заводов уже и потому, что мы в массе своей в их избрании не участвовали»⁶⁹⁴.

Отмечалась подчеркнута агрессивная деятельность военно-промышленных комитетов: они по сути отодвинули на второй план другие предпринимательские объединения, в частности Совет съездов представителей промышленности и торговли, который практически перестал функционировать⁶⁹⁵. В кулуарах представитель Москвы владелец металлического завода Ю.П. Гужон в лучших традициях Первопрестольной даже высказал пожелание Совет съездов – как вредное учреждение – вообще закрыть⁶⁹⁶. Критические стрелы летели в адрес руководства ЦВПК. Знаменитый банковский делец А.И. Путилов обвинил А.И. Гучкова в некомпетентности: мол, тот за два часа выносит решения, требующие тщательного профессионального изучения. Глава Русско-Азиатского банка заявил о предвзятом и несправедливом отношении Особого совещания к промышленным активам, принадлежащим

⁶⁹³ См.: Последние вести // Финансовая газета. 1915. 27 октября; 4 ноября; 21 декабря.

⁶⁹⁴ См.: Труды 1-го съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. 29 февраля - 1 марта 1916 года. Пг., 1916. С. 25-26.

⁶⁹⁵ См.: Выступление М.А. Токарского // Там же. С. 33.

⁶⁹⁶ См.: Съезд металлообрабатывающей промышленности // Русское слово. 1916. 1 марта.

его банковской структуре⁶⁹⁷. А.Д. Протопопов в своем выступлении подчеркнул: около 80% военного снаряжения идет с заводов, представители которых присутствуют на съезде; роль же предприятий, сотрудничающих с военно-промышленными комитетами, в производственном смысле незначительна, зато в политическом – крайне велика⁶⁹⁸. Благожелательное отношение правительства к проведенному съезду не осталось незамеченным в стенах Государственной думы. Трудовик В.М. Вершинин негодовал: съезд ВПК не заслужил одобрительных слов Министерства промышленности и торговли, а вот мероприятие с иным составом участников и другим направлением вызвало неподдельное удовлетворение. Правительству по душе слова о непризнании военно-промышленных комитетов истинными представителями промышленности, заметил депутат. И заключил: в хоре ораторов столичного съезда не слышно государственного голоса⁶⁹⁹.

Рассматривая противостояние правительственных и оппозиционных сил в период Первой мировой войны, следует выделить наиболее острую фазу этой борьбы. Мощные удары как по питерскому, так и московскому буржуазным кланам были нанесены во второй половине 1916 года. В середине лета стартует острая атака на столичные банки; не будет преувеличением сказать, что такого массивного давления деловая элита Петрограда никогда не испытывала. Орудием тут выступил не кто иной, как начальник штаба Верховного главнокомандующего (в ту пору им был сам Николай II) генерал М.В. Алексеев. Как известно, этот представитель высшего военного командования слыл активным приверженцем и защитником общественных организаций, возникших в ходе войны для помощи фронту. Характерный факт: в сентябре 1915 года последовали роспуск Государственной думы и свертывание парламентского проекта, после чего лидеры ВПК, Земского и Городского союзов просили высочайшей аудиенции, дабы разъяснить гибельность для страны подобной политики. Тогда Николай II наотрез отказался общаться с общественными деятелями. Однако спустя несколько месяцев – именно благодаря М.В. Алексееву – он принял Г.Е. Львова и М.В. Челнокова непосредственно в ставке, в Могилеве. Встреча прошла в благожелательной атмосфере, чем лидеры общественных объединений были весьма вдохновлены⁷⁰⁰. Тесные отношения Алексеева с военно-промышленными комитетами также ни для кого не были тайной. А.И. Коновалов с думской трибуны торжественно оглашал благодарственные телеграммы начальника штаба российских войск в адрес ЦВПК⁷⁰¹. Аналогичные приветствия от генерала, в которых отмечалось, «*насколько дороги нашей доблестной армии внимание и труды комитета*», приходили и в Московский ВПК⁷⁰². Широко известно было также, что М.В. Алексеев вел обширную переписку с главой ЦВПК А.И. Гучковым⁷⁰³.

⁶⁹⁷ См.: Выступление А.И. Путилова // Труды 1-го съезда представителей металлообрабатывающей промышленности. 29 февраля - 1 марта 1916 года. С. 86.

⁶⁹⁸ См.: Предсмертная записка А.Д. Протопопова // Искандеров А.А. Закат империи. С. 561.

⁶⁹⁹ См.: Выступление В.М. Вершинина // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 40 от 22 марта 1916 года. Стб. 3796-3797.

⁷⁰⁰ См.: *Локкарт Р.* Буря над Россией. Исповедь английского дипломата. Рига, 1933. С. 129-130.

⁷⁰¹ См.: Выступление А.И. Коновалова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 2. Заседание 17 от 9 февраля 1916 года. Стб. 1559-1560.

⁷⁰² См.: Коммерческий телеграф. 1916. 29 января.

⁷⁰³ См.: *Оболенский А.В.* Мои воспоминания // Проблемы истории русского зарубежья. Вып. 2. М., 2008. С. 363.

Именно начальник штаба летом 1916 года испросил высочайшего соизволения производить следственные действия не только на территории, подведомственной ставке Верховного главнокомандующего, но и в тылу, где функционировали органы гражданской власти. Николай II дал такое разрешение – под воздействием аргументов о важности борьбы с немецким шпионажем и со спекуляцией товарами первой необходимости, которая вызывает справедливые нарекания населения. Эту работу Алексеев поручил своему доверенному лицу генералу Н.С. Батюшину, который состоял при ставке и, как говорили осведомленные военные, пользовался большим расположением начальника штаба⁷⁰⁴. Следственная комиссия под руководством Батюшина недолго искала источник всех бед и хозяйственных неурядиц, обвинив в этом крупные петроградские банки. 10 июля был арестован и помещен в военную тюрьму города Пскова известный Д.Л. Рубинштейн – владелец «Юнкер-банка». Он был тесно связан со многими банковскими деятелями столицы, совсем недавно возглавлял Русско-французский банк, был вхож и в придворные круги. В свое время этому уроженцу Харькова дорогу в финансовую элиту проложил великий князь Владимир Александрович (дядя Николая II)⁷⁰⁵. Вместе с Рубинштейном задержали его родственников и сотрудников – всего около тридцати человек. Московская пресса ликовала, оценив данное событие как логическое завершение карьеры зарвавшегося спекулянта⁷⁰⁶. У столичного же бомонда оно вызвало совсем иные эмоции. Состояние шока – так можно описать атмосферу, воцарившуюся в Петрограде. Ряд видных финансистов возбудили ходатайство (оставшееся без последствий) об освобождении Д.Л. Рубинштейна под залог в полмиллиона рублей⁷⁰⁷. Не помогло и дипломатическое прикрытие банкира, числившегося персидским консулом в Петрограде⁷⁰⁸. Но на этом неприятности не завершились: последовали обыски и выемки документов в ряде крупнейших банков Питера. Н.С. Батюшин в своих воспоминаниях упоминает кроме Русско-французского и «Юнкер-банка» Петроградский международный, Русский для внешней торговли и Соединенный банк⁷⁰⁹. Здесь следует оговориться, что последний из названных банков, образованный в 1909 году, территориально располагался в Первопрестольной, однако по сути являлся детищем Министерства финансов; возглавлял его граф В.С. Татищев – выходец из этого ведомства. У Москвы Соединенный банк, возникший на руинах финансовых структур семейства Поляковых, симпатиями никогда не пользовался. Иначе говоря, направленность действий комиссии Батюшина не вызывала никаких сомнений: ее мишенью являлась питерская деловая элита и лица, связанные с нею. Разумеется, на их защиту бросился министр П.Л. Барк. Он жаловался императору на то, что деятельность комиссии дезорганизует работу банковских учреждений. И ему удалось немного смягчить удар, добившись соизволения Николая II на образование (из подчиненных ему чиновников) другой комиссии во главе с членом Государственного совета бывшим министром торговли и промышленности С.И.

⁷⁰⁴ См.: *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 117.

⁷⁰⁵ См.: *Голицын А.Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 350.

⁷⁰⁶ См.: «Популярная личность» // *Коммерсант*. 1916. 11 июля.

⁷⁰⁷ См.: К аресту Рубинштейна // *Утро России*. 1916. 14 июля.

⁷⁰⁸ См.: К аресту банковских деятелей // *Утро России*. 1916. 13 июля.

⁷⁰⁹ См.: *Батюшин Н.С.* Тайная военная разведка и борьба с ней. М., 2002. С. 136.

Тимашевым, чтобы во всем спокойно разобраться⁷¹⁰. Дискредитации батюшинской комиссии способствовало также то, что в августе был арестован один из активных ее членов И.Ф. Манасевич-Мануйлов, уличенный, как говорили, в вымогательстве денег у руководства Соединенного банка.

Это вынудило Батюшина и его сотрудников переориентировать наступление. Теперь удар был направлен не напрямую по банкам, а по сахарным заводам, расположенным на Украине, – ведь большинство предприятий по выработке рафинада контролировалось все теми же столичными финансовыми структурами. В начале октября 1916 года в Киеве прошли сенсационные обыски. Местное губернское жандармское управление информировало Министерство внутренних дел, что по распоряжению начальника штаба Верховного главнокомандующего М.В. Алексеева оно выделило нескольких офицеров для помощи генералу Батюшину в проведении следственных действий в киевских филиалах ряда столичных банков и правлений сахарных обществ⁷¹¹. Следственные действия закончились задержаниями трех предпринимателей: Абрама Доброго, Израиля Бабушкина и Иовеля Гоппера, обвиненных в спекулятивном взвинчивании цен на сахар с целью получения максимальных барышей. Аресты явились полной неожиданностью для правительства; Барк уверял озлобленных банкиров в том, что ничего не знал о намерениях военных властей. Он полностью разделял опасения финансистов: подобные акции не только компрометируют промышленников, но и угрожают конъюнктуре; из деловой среды вырываются деятельные люди, которых сложно кем-либо заменить. Министр финансов обещал употребить все свое влияние, чтобы как можно скорее урегулировать это дело⁷¹². Кроме того, столичные банкиры предлагали внести залог за освобождение всех троих из-под стражи – уже по одному миллиону за каждого⁷¹³. Своеобразным ответом на ходатайства можно считать арест в Петрограде уполномоченного Всероссийского общества сахарозаводчиков М.Ю. Цехановского, слишком рьяно заступавшегося за своих коллег⁷¹⁴. Панику, в которой пребывал тогда питерский деловой мир, хорошо передает следующий забавный эпизод. На квартиру к известному петроградскому дельцу А.И. Животовскому прибыла группа лиц в военной форме. Они заявили, что пришли с обыском для выяснения его причастности к спекулятивным сделкам с углем и металлом и настойчиво интересовались, где находятся денежные средства. Не обнаружив крупных сумм, они удалились якобы для доклада начальству. Лишь после их ухода перепуганный Животовский догадался, что стал жертвой аферистов, и подал заявление в полицию⁷¹⁵.

Локализовать ситуацию, не позволить ей развиваться по нежелательному сценарию банкам помогли не только их традиционные защитники в лице министров финансов и промышленности и торговли. В сентябре 1916 года ряды противников деятельности комиссии Н.С. Батюшина пополнились еще одной влиятельной фигурой: на должность министра внутренних дел был назначен товарищ председателя Государственной думы А.Д.

⁷¹⁰ См.: Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 178. С. 106.

⁷¹¹ См.: Донесение Киевского губернского жандармского управления в Департамент полиции. 3 октября 1916 года // ГАРФ. Ф 102. ОО. 1916. Д. 48. Ч. 32. Л. 77-77 об.

⁷¹² См.: Коммерческий телеграф. 1916. 25 октября.

⁷¹³ См.: Мелетьев В. Сахарные ходоки // Киев. 1916. 23 октября.

⁷¹⁴ См.: Аресты сахарозаводчиков // Финансовое обозрение. 1916. №19. Ноябрь.

⁷¹⁵ См.: Мнимый обыск у А.И. Животовского // Коммерческий телеграф. 1916. 14 ноября.

Протопопов. Как уже говорилось, этот человек, ставший волею истории последним руководителем Министерства внутренних дел Российской империи, имел тесные связи со столичной банковской группой. Неслучайно его назначение на важный пост вызвало негодование Думы и, наоборот, было с оптимизмом встречено деловыми кругами Петрограда: котировки акций, торгующихся на бирже, существенно повысились⁷¹⁶. Начали даже распространяться слухи о скором назначении в правительство А.И. Путилова и А.И. Вышнеградского. Как подчеркивал «Коммерческий телеграф», еще пару месяцев тому назад такие разговоры считались бы праздными или фантастическими; теперь же, после перемен в Министерстве внутренних дел, следует внимательно относиться к подобным ожиданиям. Московское издание задавалось вопросом: можно ли рассчитывать на беспристрастные государственные труды этих дельцов, если Путилов имеет коммерческий интерес почти на шестидесяти предприятиях, а Вышнеградский – на пятидесяти⁷¹⁷? Несмотря на так и не сбывшиеся предсказания о переходе финансовых воротил в правительство, позиции крупных банков после пережитых потрясений постепенно обретали устойчивость. Это происходило на фоне охлаждения Николая II к своему начальнику штаба. Вскоре М.В. Алексеев уехал в Крым для лечения, а затем обратился к императору с просьбой продлить на некоторое время его отпуск. Государь дипломатично передал через генерала В.И. Гурко, что не будет возражать, если Алексеев серьезно займется своим лечением, вовсе не думая о возвращении⁷¹⁸. Кстати, Гурко, в конце 1916 - начале 1917 года исполняя вместо Алексеева обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего, совсем иначе относился к батушинской комиссии. Например, после очередного доклада члена комиссии Логвинского о нарушениях, выявленных в Соединенном банке, Гурко приказал отдать его под суд и разжаловать в рядовые⁷¹⁹. Обуздать контрразведку Алексеева настойчиво просила Николая II и его супруга: Александра Федоровна выступала за передачу дел в ведение непосредственно Министерства внутренних дел⁷²⁰. В свою очередь, А.Д. Протопопов рекомендовал вместо Н.С. Батушина – протеже Алексеева, вызывавшего ненависть в банковских сферах, – назначить главой комиссии бывшего товарища министра внутренних дел С.П. Белецкого. Согласие на это императора он получил, и только февральский переворот помешал этим планам осуществиться⁷²¹.

В конце концов правительство смогло нейтрализовать главное орудие оппозиции в лице генерала М.В. Алексева и его следственной комиссии. Теперь же обвинения питерских банкиров в разжигании спекуляции были переадресованы их конкурентам. Московская финансово-промышленная группа обвинялась в использовании трудностей военного времени для получения барышей. В то время как банковским кругам столицы претензии предъявляли Государственная дума и Особые совещания, купеческая буржуазия становилась объектом нападков со стороны правительства. В январе 1916 года, после рождественских праздников, московская биржа подверглась масштабной облеве. Наряды полиции блокировали здание биржи, было задержано около 400 человек, среди которых оказались видные

⁷¹⁶ См.: Биржа и А.Д. Протопопов // Коммерсант. 1916. 21 сентября.

⁷¹⁷ См.: Передовая // Коммерческий телеграф. 1916. 30 сентября.

⁷¹⁸ См.: *Савич Н.В.* После исхода. Парижский дневник. 1921-1923 годы. М., 2008. С. 229.

⁷¹⁹ См.: Полковник А.С. Резанов и комиссия генерала Батушина // Русская воля. 1917. 17 марта.

⁷²⁰ См.: Переписка Николая и Александры. 1914-1917 годы. М. 2013. С. 805, 811.

⁷²¹ См.: Дополнительные показания А.Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 93-94.

промышленники. Администрация мотивировала свои действия борьбой со спекулятивной игрой, распространением тревожных слухов и т.д.⁷²² Московский биржевой комитет требовал воспрепятствовать полицейскому произволу и задержанию уважаемых людей без конкретного повода. Один из руководителей комитета А.Н. Найденов заявил, что источник проблем следует искать не в Москве, а в петроградских банках, откуда по всей России протянулись щупальца спекуляции. Найденов поведал прессе, что он принимал участие в одном нефтяном предприятии, где смог понять, что такое торгашеский дух Лианозовых и Гукасовых. Властям следует прекратить подобные облавы, заключил Найденов, поскольку они ничего не дают, и дать не могут, а борьбу со спекуляцией переместить в столичные банковские кабинеты⁷²³. Купечество Первопрестольной уточнило: конечно, спекулятивный ажиотаж на московской бирже присутствует, однако подогревают его не местные промышленники, а коммивояжеры, нахлынувшие сюда после оккупации немцами Лодзи и Белостока. Именно эти посредники, утверждали московские дельцы, скупают товары и устраивают ценовую вакханалию на мануфактурном рынке⁷²⁴.

Осенью 1916 года давление на московский предпринимательский клан резко усилилось: правительство всерьез занялось инспектированием текстильной индустрии Центральной России. По распоряжению Министерства торговли и промышленности в эту цитадель купеческой буржуазии выехала специальная комиссия; чиновники посетили несколько мануфактур, требуя предъявлять документацию по закупке хлопка. Ревизоры министерства и старший фабричный инспектор Московской губернии заявили, что планируют проверить свыше пятнадцати крупных хлопчатобумажных фирм на предмет соблюдения нормировки цен. Уже первое знакомство с отчетностью обнаружило множество серьезных нарушений⁷²⁵. В нарушении нормировки были уличены известные предприниматели И.Н. Дербенев, В.П. Рогожин, Н.Д. Морозов и др. (Причем Морозов являлся товарищем председателя Московского хлопкового комитета и сам был обязан следить за соблюдением установленных правил⁷²⁶.) В правлениях ряда предприятий были произведены следственные действия; за один только день (27 октября) произошел двадцать один арест и обыск⁷²⁷. Случившееся всколыхнуло деловые круги Первопрестольной. Руководители Московского биржевого комитета кинулись разяснять, что нарушения в нормировке хлопка стали результатом аномальных рыночных условий и продиктованы не умыслом отдельных лиц, а совсем другими причинами. Ведь обходили закон не один и не два предпринимателя, а все участники рынка. Промышленники оказались перед выбором: или сокращать производство за неимением хлопка, или согласиться на доплату в 2-3 руб. за пуд сверх нормировки. Так что, уверяли фабриканты, они не игнорируют закон; порядок в отрасли зависит от Министерства торговли и промышленности, но оно опоздало со своими мерами, а теперь вносит тревогу и беспокойство в текстильный рынок⁷²⁸. Деловая элита

⁷²² См.: Аресты и обыски // Коммерсант. 1916. 9 января.

⁷²³ См.: Спекуляция и массовые аресты на бирже // Коммерческий телеграф. 1916. 14 января.

⁷²⁴ См.: «Кулисы» мануфактуры // Коммерсант. 1916. 27 мая.

⁷²⁵ См.: Ревизия московских мануфактур // Коммерческий телеграф. 1916. 19 октября.

⁷²⁶ См.: Там же.

⁷²⁷ См.: Обыски и аресты в хлопковых фирмах // Коммерческий телеграф. 1916. 28 октября.

⁷²⁸ См.: Хлопковая история (беседа с С.Н. Третьяковым) // Раннее утро. 1916. 21 октября.

Москвы решила командировать С.Н. Третьякова в Петроград с ходатайством: приостановить идущие проверки и прекратить осмотр бухгалтерских книг⁷²⁹. Тем не менее делом заинтересовалось Министерство юстиции: вся документация была затребована для изучения на предмет ее передачи в судебные органы⁷³⁰.

Все эти события происходили под аккомпанемент петроградской печати, охотно развивавшей тему спекуляции применительно к текстильной отрасли. В частности, «Биржевой курьер» подробно анализировал планы текстильщиков, видя в них очередные шаги по обиранию населения. Именно так столичное издание расценило заявление московского Товарищества Э. Цинделя, которым, саркастически усмехалась газета, «покупатели извещались, что мануфактурные короли еще не сыты чудовищной данью, которой они обложили российских потребителей на годы войны, и требуют новой дани»⁷³¹. Авторы цинделевского бюллетеня старались доказать, что без дальнейших надбавок обойтись невозможно, причем вне зависимости от того, будет нормирована цена на готовый товар или нет. Иначе говоря, продолжал столичный печатный орган, их мануфактурные величества готовы увеличивать стоимость продукции, сколько их душе угодно, не обращая внимания на действия министерства. Особое возмущение «Биржевого курьера» вызвали слова о том, что предстоящее повышение на фоне общего роста цен не такое уж крупное, а следовательно, его можно сделать еще больше. Удивление вызывало и негодование фабрикантов по поводу налогового бремени: им следовало бы вспомнить, заявляла газета, что за все платят потребители, тогда как они не знают, куда девать миллионы⁷³². В заключение издание вопрошало:

«Неужели же и этот последний мануфактурный манифест не обратит на себя наконец должного внимания хотя бы теми угрозами злосчастному потребителю, которые в нем отнюдь не скрываются? Быть может, кто-нибудь удосужится сопоставить данные этого манифеста с дивидендами московских мануфактурных фабрикантов за годы войны, чтобы решительно заявить этим „патриотам своего отечества“ – довольно обирать страну»⁷³³.

Газета не обошла вниманием и льняных фабрикантов: те также выступили с заявлением, «не уступающим [заявлению Товарищества Э. Цинделя] своей наглостью и пренебрежением к интересам российского потребителя». Для этих «рыцарей индустрии» война – праздник, время бешеной наживы. Поражает их желание компенсировать потерю барышей на интендантских заказах или, по-другому говоря, желание выколачивать доходы с частного рынка. По мнению издания, такие откровения могут вызвать среди покупателей настоящую панику и настоящий ажиотаж – на что авторы документа главным образом и рассчитывают⁷³⁴.

Приведенные свидетельства показывают, что соперничество буржуазных кланов при участии различных политических и бюрократических сил приобрело в годы войны весьма

⁷²⁹ См.: Тревога мануфактуристов // Раннее утро. 1916. 19 октября.

⁷³⁰ См.: Коммерческий телеграф. 1916. 2 ноября.

⁷³¹ См.: Мануфактурный манифест // Биржевой курьер. 1916. 9 декабря.

⁷³² См.: Там же.

⁷³³ См.: Там же.

⁷³⁴ См.: Манифест льняных фабрикантов // Биржевой курьер. 1916. 23 декабря.

острый характер⁷³⁵. Однако картина будет неполной, если не рассмотреть экономическую составляющую этого соперничества. Как и в политике, в экономике происходила серьезная перегруппировка сил. Прежде всего обратимся к банковской сфере. Здесь по-прежнему тон задавали деловые круги Петрограда. За время войны там возник целый ряд новых банков: Союзный, Русско-голландский, Нидерландский для внешней торговли, Восточный, Золотопромышленный и Петроградский торговый, преобразованный из старого банкирского дома Нелькен⁷³⁶. Москва же оставалась в стороне от столь оживленного финансового учредительства. Но помимо количественных в банковской сфере Петрограда происходили и качественные изменения, формировавшие деловой ландшафт страны. Речь идет о резком изменении стратегии Русско-Азиатского банка. Это финансовое учреждение пошло на тесное сотрудничество с купеческой фирмой Стахеевых, которая прежде оперировала только семейными денежными средствами и до войны заметно присутствовала лишь на хлебном рынке России⁷³⁷. Союз выглядел необычным, особенно если учесть, что в нём участвовал крупнейший российский банк с большой долей французского капитала.

Торговый дом Стахеевых, состоявший из двенадцати представителей семейства из города Елабуги Вятской губернии, окончательно оформился в 1904 году. Его деятельность была сосредоточена главным образом в Волжско-Вятском бассейне. Попытки проникнуть на нефтяные рынки Кавказа закончились неудачей из-за невозможности конкурировать с более сильными игроками⁷³⁸. Глава фирмы, пожилой И.Г. Стахеев, почти безвыездно жил в Казани: за последние двадцать лет своей жизни он лишь однажды приезжал в Петербург. После его смерти, согласно оставленному им завещанию, наследники, в том числе шестеро сыновей, не имели права разделяться в течение двенадцати лет⁷³⁹. Но ключевой фигурой в стахеевской фирме стал не кто-то из родственников, а наемный сотрудник П.П. Батолин (1880-1939). Этот молодой человек, выходец из крестьянской среды, родившийся в окрестностях Елабуги, поступил на работу в торговый дом в возрасте 17 лет; через полтора года он был направлен в петербургский филиал, а еще через полтора уже руководил хлебной торговлей фирмы. Более того, И.Г. Стахеев поручил ему возглавить представительство торгового дома в Петербурге вместо одного из своих сыновей⁷⁴⁰. Но этим бурная карьера способного предпринимателя не ограничилась. После кончины И.Г. Стахеева Батолин, как писал он сам, отказался от работы с наследниками, так как они обошли старшего брата – Ивана, не выбрав его главой фирмы после отца по праву старшинства⁷⁴¹. В результате

⁷³⁵ К концу 1916 – началу 1917 года следственные дела с сахарозаводчиками и текстильщиками постепенно урегулировались. Министерство юстиции вместе с МВД пришли к выводу, что в действиях сахарных дельцов нет состава преступления, и в итоге было принято решение ограничиться их административной высылкой. Мануфактурные фирмы также избежали какой-либо уголовной ответственности. Министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской обязал Московский хлопковый комитет устранить выявленные недостатки // Финансовая газета. 1917. 28 января; Коммерческий телеграф. 1916. 17 декабря.

⁷³⁶ См.: Новые банки // Коммерсант. 1917. 22 февраля.

⁷³⁷ См.: *Валеев Н.М.* Роль купеческой династии Стахеевых в судьбах России // Вторые стахеевские чтения. Материалы международной научной конференции. Елабуга. 2003. С. 3-20.

⁷³⁸ См.: Краткий очерк деятельности торгово-промышленного товарищества «Стахеев и К^о» // Экономическое положение России накануне Великой октябрьской революции. Ч. 1. М., 1957. С. 82.

⁷³⁹ См.: *Катков Д.З.* Моя работа с П.П. Ватолиным // Заря (Харбин). 1939. 4 августа

⁷⁴⁰ См.: Там же.

⁷⁴¹ См.: *Батолин П.П.* Краткие биографические сведения // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.

Батолин вместе с И.И. Стахеевым создает собственное торгово-промышленное общество без привлечения третьих лиц. Если до 1912 года стахеевская фирма почти не прибегала к банковским займам, а выданные ей кредиты составляли лишь 350 тыс. руб., то затем положение быстро меняется. Новое предприятие сделало ставку не на собственный капитал, а на кредитные средства. Это стало возможным благодаря завязавшимся отношениям с питерскими банковскими кругами. П.П. Батолин вспоминал:

«Мне удалось через моего хорошего знакомого А.И. Фридберга, бывшего директором Русско-Азиатского банка, войти в этот банк в качестве директора по товарному отделу»⁷⁴².

Результатом этого сотрудничества стала организация торговых операций банка и купеческой фирмы на новых началах, что позволило быстро и существенно нарастить обороты⁷⁴³. К тому же, получив доступ к крупным денежным средствам, партнеры начинают оперировать акциями разных банков, железных дорог, заводов и фабрик. Вместе с тем они сотрудничают и с другими наследниками старого стахеевского дела⁷⁴⁴. С другой стороны, намеченная Русско-Азиатским банком экономическая экспансия в центральные губернии России требовала операторов, выросших в купеческой среде и поэтому хорошо знающих особенности внутри российского рынка. Активно действовавшие Батолин и Стахеев оказались оптимальными кандидатами на эту роль. Их сотрудничество с банком вскоре переросло в тесный союз с его главой А.И. Путиловым, окончательно сложившийся во время Первой мировой войны. А осенью 1916 года деловой мир России стал свидетелем создания нового концерна Путилова – Стахеева – Батолина⁷⁴⁵. Сфера интересов этой мощной группы была поистине необъятна: нефтяное дело, текстильная промышленность, торговля лесом и хлопком, покупка акций крупных банков и т. д. Сегодня, благодаря современным исследованиям, мы имеем довольно полное представление о глубоком внедрении этих дельцов в российскую экономику⁷⁴⁶. Благодаря правильно выбранной Путиловым стратегии заметно расширились возможности Русско-Азиатского банка, и его конкурентоспособность выросла по сравнению с другими игроками.

Московские банки, контролировавшиеся купечеством, в своих возможностях заметно уступали петроградским. Достаточно сказать, что накануне 1914 года в среднем капитал одного столичного банка превышал аналогичный показатель в Первопрестольной более чем в два раза⁷⁴⁷. Тем не менее во время войны Москва серьезно усилилась в финансовом отношении: выпадение из экономической жизни России такого развитого промышленного региона, как занятая немецкими войсками Польша, привело к укреплению рыночных позиций москвичей, а следовательно, и их доходов. В свою очередь, появление свободных средств все больше приобщало крупное купечество к финансовым операциям. Небывалый

⁷⁴² См.: Там же. С. 3–4.

⁷⁴³ См.: Товарные операции банков // Финансовое обозрение. 1912. №16. С. 2.

⁷⁴⁴ См.: Китанина Т.М. Исторические условия формирования группы Путилова – Стахеева – Батолина // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления, хозяйствования. СПб., 2007. С. 199.

⁷⁴⁵ См.: Там же. С. 202.

⁷⁴⁶ Подробно о деятельности этого концерна – в указанной работе Т. М. Китаниной.

⁷⁴⁷ См.: Атлас М.С. Национализация банков в СССР. М., 1948. С. 7.

спрос на ценные бумаги, констатировала «Финансовая газета», уже давно определяется потребностями Москвы, которая стремится получить влияние на целый ряд промышленных предприятий⁷⁴⁸. В результате, продолжала газета, акции превращаются в обычный товар: к старым биржевым требованиям прибавилось еще одно – гостинодворское: заверните⁷⁴⁹. Но московский деловой мир ничуть не смутился подобными уколами. В ответ здесь упорно твердили о своей устойчивой приверженности к производству, а не к спекулятивным сделкам, в изобилии совершавшимся в Петрограде.

«Мы знаем, – утверждали в Москве, – банковских дельцов, которые много говорят о пробуждении инертной России, но не создают ничего. Правда, около них все как бы "движется" и "работает", но это простая купля-продажа, перетряска и перекраска старья и перевод капиталов из одних предприятий в другие. Эти лица не создают новой России»⁷⁵⁰.

Представители купечества утверждали, что с начала войны питерские банкиры занялись выкачиванием денег из своих местных отделений. Все это сказывается на состоянии местной промышленности и торговли: вместо того чтобы их развивать, банки оперируют деньгами в Петрограде, занимаясь различного рода спекуляциями. В результате провинциальные филиалы превращаются в своего рода ширму для разных выгодных дел, которые вершатся в кабинетах фешенебельных столичных ресторанов.⁷⁵¹

Характеризуя положение дел в банковской сфере Москвы после 1914 года, следует сказать о двух видных семействах – Второвых и Рябушинских, которые стремились занять более прочные позиции в финансовой элите России, потеснив столичные банки. Н.А. Второв решил получить контроль над Сибирским торговым банком, располагавшим филиальной сетью в Поволжье, на Урале и в Сибири. Торговый дом, возглавляемый Второвым, издавна имел в этих регионах устойчивые коммерческие интересы. К началу 1916 года он и его партнеры уже приобрели крупный пакет акций этого финансового учреждения; больше было только у основных владельцев – семьи М.А. Соловейчика⁷⁵². Однако в январе глава банка скоропостижно скончался в возрасте 43 лет; московская группа акционеров решила воспользоваться моментом и выбить банк с питерской орбиты⁷⁵³. Для этого москвичи вступили в переговоры с родственниками Соловейчика, но тут им пришлось столкнуться с еще одним претендентом. Речь идет об известном питерском дельце И.П. Манусе, который в начале 1913 года уже пытался «взорвать» Сибирский банк изнутри и сменить его руководство; тогда эту попытку удалось нейтрализовать⁷⁵⁴. Теперь Манус развил не менее

⁷⁴⁸ См.: Биржевое положение // Финансовая газета. 1917. 23 января.

⁷⁴⁹ См.: Биржевое положение // Финансовая газета. 1917. 6 февраля.

⁷⁵⁰ См.: *Турский Н.* Рост акционерных коммерческих банков в России // Коммерсант. 1916. 4 января.

⁷⁵¹ См.: Деятельность петроградских коммерческих банков в провинции // Коммерческий телеграф. 1916. 14 января.

⁷⁵² См.: Коммерсант. 1916. 9 января.

⁷⁵³ См.: Коммерческий телеграф. 1916. 23 января.

⁷⁵⁴ См.: *Шемякин И.Н.* О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской революции (К истории финансового капитала) // Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки. М., 1959. С. 35.

бурную деятельность. Подойдя к делу творчески, он предложил акционерам слияние Сибирского банка с Соединенным банком в Москве. Капитал этого финансового гиганта составил бы около 60 млн руб., на пост руководителя новой структуры намечался некий Боберман, служивший некоторое время директором московского отделения Сибирского банка. Но укрепившиеся в банке москвичи воспрепятствовали осуществлению этих планов. Когда мирное обсуждение ситуации не принесло желаемых плодов, Манус не пренебрег обратиться к угрозам, однако и это ничуть не приблизило его к успеху⁷⁵⁵. Но и усилия Н.А. Второва в конечном счете тоже окончились ничем. Семья Соловейчика уступила свой пакет известному представителю делового Петрограда инженеру Н.Х. Денисову, «специализировавшемуся» на военных поставках⁷⁵⁶. После этого москвичи практически утратили интерес к Сибирскому торговому банку; юридически Второв оформил выход из его совета в январе 1917 года⁷⁵⁷.

Правда, для Н.А. Второва это уже не имело значения, поскольку он нашел, к чему приложить свои силы. Новые возможности открылись благодаря следственной комиссии генерала Н.С. Батюшина, о которой говорилось выше. Одним из первых результатов ее работы стал арест уже упоминавшегося банкира Д.Л. Рубинштейна. Весной 1916 года он сумел заполучить московский «Юнкер-банк», переведя его правление в столицу. Под новым началом банк вел довольно агрессивную политику, доставлявшую немало хлопот купеческой буржуазии. За короткое время «Юнкер» приобрел целый ряд московских предприятий: Мытищинский вагоностроительный завод, фабрику Алексеевых в Сокольниках, складские помещения для хранения хлопка и масла, земельные участки⁷⁵⁸. Но внезапный арест быстро охладил коммерческую прыть Рубинштейна; оказавшись в псковской тюрьме, он не смог отказаться от предложения сбить принадлежавший ему актив. Покупателем был Второв: он приобрел 48 тыс. акций «Юнкер-банка» за 20 млн руб., причем сделка была совершена с письменного согласия арестованного банкира⁷⁵⁹. Войдя в привычную роль хозяина, Второв начал реорганизацию. Банк получил новое название – Московский промышленный, его правление возвращалось в Первопрестольную; привлекались и новые акционеры, список которых впечатляет. В нем значилось около тридцати видных предпринимателей: Кнопы, А.И. Коновалов, Н.Т. Каштанов, Н.М. Бардыгин, Н.И. Гучков, братья Тарасовы, И.Д. Сытин, Л. Рабенек, И.А. Морозов и др. Цели новых владельцев декларировались предельно ясно: освободить банк от влияния петроградских финансовых кругов и сосредоточиться на развитии промышленности центра и Поволжья⁷⁶⁰. Овладение «Юнкер-банком» явилось крупной победой купеческой буржуазии на финансовом поприще не только за период войны, но и за все последнее десятилетие царской России. Этот успех был признан и оценен финансовыми кругами Петрограда. 13 октября 1916 года в одном из московских ресторанов состоялся банкет по случаю вступления Н.А. Второва в среду крупных банковских деятелей. На банкет прибыли представители петроградских банков во главе с А.И. Путиловым,

⁷⁵⁵ См.: К предстоящему общему собранию Сибирского торгового банка // Коммерческий телеграф. 1916. 12 марта.

⁷⁵⁶ См.: Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е. Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской революции // Исторические записки. Т. 66. М., 1965. С. 39.

⁷⁵⁷ См.: Коммерческий телеграф. 1917. 14 января.

⁷⁵⁸ См.: Коммерсант. 1916. 10 июня; 25 июня.

⁷⁵⁹ См.: Продажа Юнкер-банка // Финансовое обозрение. 1916. №15. август. С. 10-11.

⁷⁶⁰ См.: Коммерческий дневник // Утро России. 1916. 1 сентября; 2 сентября.

который произнес приветственную речь. Выразив благодарность, Второв заговорил о намерениях участвовать в развитии промышленности Центральной России⁷⁶¹. Однако вскоре после отъезда столичных финансистов Московский промышленный банк обнародовал гораздо более обширные планы, чем те, что были оглашены на банкете. Было объявлено о создании специального бюро по оценке перспектив различных предприятий с целью приобретения их акций; прежде всего речь шла о приобретении ценных бумаг горных и металлургических обществ. Для этого предполагалось координировать усилия с еще двумя-тремя банками Москвы⁷⁶².

Вторая московская купеческая фамилия, особенно проявившая себя в борьбе со столичными финансовыми структурами в этот период, – Рябушинские. Выбор братьев Рябушинских пал на Русский торгово-промышленный банк. Он имел неплохую историю, развитую филиальную сеть и входил в число ведущих финансовых учреждений Петрограда. Летом 1915 года банк неожиданно для многих попал в сложную ситуацию: из-за каких-то неудачных махинаций покончил жизнь самоубийством председатель правления В.П. Зуров, занимавший эту должность более двадцати лет; директор-распорядитель И.М. Кон был вынужден подать в отставку⁷⁶³. Рябушинские сочли момент удачным, и близкие к ним волжские купцы Сироткин и Башкиров начали скупать на рынке акции Русского торгово-промышленного банка⁷⁶⁴. Параллельно с этим интенсивно налаживались контакты с основными владельцами этого финансового актива: с бывшим управляющим Государственным банком А.В. Коншиным и с англичанами во главе с бизнесменом Ч. Криспом (причем пакет, принадлежащий последним, был заложен, фактически им распоряжалась Особенная канцелярия по кредитной части Министерства финансов). Поначалу Рябушинским сопутствовал успех: в руководящие органы Русского торгово-промышленного банка вошли их ставленники Д.В. Сироткин и В.Е. Силкин (А.Г. Карпов взял самоотвод)⁷⁶⁵. Ознакомившись с делами, как говорится, изнутри, новые владельцы пожелали вести дела без участия каких-либо иных лиц. Но если А.В. Коншин согласился уступить свой пакет акций, то с долей Криспа этого не произошло: чиновников из Министерства финансов явно не устраивало, что банк полностью окажется в руках Рябушинских и их партнеров. В результате последние, осознав тщетность переговоров с Министерством финансов, сбывли свой пакет акций тому же А.В. Коншину⁷⁶⁶.

Однако Рябушинские не отказались от идеи приобрести какой-либо финансовый актив. Они сосредоточились было на скупке акций Волжско-Камского банка, но здесь их тоже ждала неудача. М.П. Рябушинский писал:

«Велась ли покупка неумело, или другие какие-либо причины способствовали этому, но после покупки нами всего около 1200 акций по одной тысяче рублей за каждую цена на них начала быстро расти, для их покупки выступила группа евреев, и цена достигла 1350 руб. Мы остановили дальнейшую

⁷⁶¹ См.: В биржевых кругах // Финансовая газета. 1916. 15 сентября.

⁷⁶² См.: Планы Московского промышленного банка // Коммерческий телеграф. 1916. 27 октября.

⁷⁶³ См.: Записка М.П. Рябушинского «Цель нашей работы». Ноябрь–декабрь 1916 года // Материалы по истории СССР. Т. 6. М., 1959. С. 631.

⁷⁶⁴ См.: Скупка акций Торгово-промышленного банка // Коммерческий телеграф. 1916. 16 февраля.

⁷⁶⁵ См.: Акционерное дело // Финансовая газета. 1916. 12 мая.

⁷⁶⁶ 1 См.: Записка М.П. Рябушинского... // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 631.

покупку, но цель наша не оставлена, а лишь отложена до более благоприятного момента»⁷⁶⁷.

Еще одна затея Рябушинских была связана со скупкой акций Русского для внешней торговли банка. Столичная «Финансовая газета» информировала, что в конце 1916 года весомый пакет его акций стоимостью почти в 17 млн руб. был приобретен одной московской мануфактурной фирмой «для помещения капитала»⁷⁶⁸. Но и эта сделка не получила своего логического продолжения. Представитель мануфактуры М.П. Рябушинский охарактеризовал намерения группы скупать акции Русского для внешней торговли банка как несерьезные⁷⁶⁹. В конечном счете попытки Рябушинских утвердиться в каком-либо из ведущих питерских банков не удались. Однако интересно другое: вслед за ними по уже опробованному, пусть и неудачно, пути двинется еще один делец, звезда которого внезапно взошла именно в это время. Речь идет о К.И. Ярошинском, наделавшем немало шума и доставившем массу хлопот банковской элите Петрограда уже после февраля 1917 года.

Говоря об изменениях в положении финансовых учреждений двух столиц за период войны, нельзя пройти мимо взаимоотношений, сложившихся между Русско-французским банком и Московским частным банком, который представлял собой довольно любопытное явление в деловой жизни Первопрестольной. Он образовался на базе московского филиала Петербургского частного коммерческого банка. В 1910 году этот банк, намереваясь сократить финансовые издержки, решил избавиться от филиальной сети. В ходе преобразований руководство московского отделения и пошло на создание самостоятельного учреждения. Его политикой руководили петербургские дельцы, а Москву в новой структуре представляли К.И. Гучков, Ф.Л. Кноп, М.В. Живаго⁷⁷⁰. Но эта группа не являлась крупным держателем акций, хотя и располагала местами в органах управления. В годы войны большую роль в делах Московского частного банка стала играть семья Персиц, начинавшая бизнес в Нижнем Новгороде, а затем освоившаяся и в обеих столицах⁷⁷¹. Вместе с другими акционерами члены этой семьи все прочнее утверждаются в качестве владельцев еще одной заметной структуры – питерского Русско-французского банка, где совместно с его главой Д.Л. Рубинштейном начинают разрабатывать и осуществлять различные коммерческие проекты. Уже в марте 1916 года Персицы и их родственник И.С. Златопольский получают в руководящих органах этого банка большинство, что позволяет им взять в свои руки бразды управления⁷⁷². Подчеркнем, что хотя представители Д.Л. Рубинштейна, включая его брата, оказались на вторых ролях, эту смену власти в Русско-французском банке нельзя расценивать как недружественный акт. В его основе лежали некие договоренности, приемлемые для обеих сторон. Поэтому отход Рубинштейна от управления происходил абсолютно бесконфликтно. И.С. Златопольский признавал деятельность прежней администрации исключительно плодотворной. Новые собственники ходатайствовали об

⁷⁶⁷ См.: Там же.

⁷⁶⁸ См.: Биржевое положение // Финансовая газета. 1917. 6 февраля.

⁷⁶⁹ См.: Записка М.П. Рябушинского... // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 631.

⁷⁷⁰ Подробно об этом сюжете в монографии: *Петров Ю.А.* Коммерческие банки Москвы (конец XIX века – 1914 год). М., 1998. С. 238-240.

⁷⁷¹ См.: *Барышников М.В.* Деловой мир дореволюционной России: индивиды, организации, институты. СПб., 2006. С. 210-211.

⁷⁷² См.: Коммерческий телеграф. 1916. 10 марта; 11 марта.

учреждении специальной именной стипендии Д.Л. Рубинштейна в Петроградском университете и Институте высших коммерческих знаний и постановили выделить соответствующие средства. Кроме того, было решено создать фонд Рубинштейна для помощи служащим банка, потерявшим трудоспособность, а также поместить его портрет в зале заседаний правления⁷⁷³. Помимо красивых жестов новых и старых акционеров связывали общие дела. В частности, проект акционерного общества «Зерно-Сахар»: основной его капитал планировалось довести до 8 млн руб. и приобрести шесть рафинадных заводов; в правлении предприятия заседали И.З. Персиц, И.С. Златопольский, Д.Л. Рубинштейн, И.С. Гольдберг⁷⁷⁴. Очевидно, что в данном случае эти дельцы не собирались сводить на нет влияние питерских банкиров, как в историях с Н.А. Второвым или Рябушинскими. Перечисленные предприниматели не являлись для московской деловой элиты своими, их вовлеченность в дела купеческих верхов Первопрестольной была несравненно слабее, чем, к примеру, у Кнопов или Вогау. Неслучайно, когда произошел громкий арест Рубинштейна, московская пресса требовала разматывать клубок дальше, выражая надежду, что его партнеры по обществу «Зерно-Сахар» вскоре последуют за ним⁷⁷⁵.

Не менее острое, чем в банковской сфере, соперничество питерской и московской групп развернулось в металлургической и горной промышленности. Предприятия тяжелой индустрии традиционно принадлежали иностранным собственникам и банковскому капиталу столицы. Однако во время войны купеческая буржуазия серьезно нацелилась на эти активы, ранее не входившие в область ее основных интересов. Сильный удар был нанесен по Коломенскому и Сормовскому машиностроительным заводам, расположенным в Центральной части страны (их контрольный пакет и управление находились в руках Петроградского международного банка). Инициатором атаки выступило известное нам Особое совещание по обороне. Исходя из пожеланий Московского биржевого комитета, оно назначило ревизию Коломенского завода. Московский военно-промышленный комитет не замедлил делегировать туда своего представителя⁷⁷⁶. Вскоре на одном из заседаний Особого совещания уже рассматривался вопрос о неблагоприятном положении дел на заводе, связанном с небрежным исполнением казенных заказов. На повышение производительности труда администрация отвечала понижением расценок, что в конечном счете приводило к уменьшению выпуска необходимой для обороны продукции. Правление завода было признано некомпетентным; предлагалось прекратить выплачивать верхушке заводских управленцев огромное жалованье (которое они сами себе назначили). Совещание одобрило отстранение от должности директора А.П. Мещерского, ставленника Петроградского международного банка. Причем военный министр А.А. Поливанов потребовал от А.И. Вышнеградского (главы банка) объяснений по поводу прозвучавшей в адрес завода критики⁷⁷⁷. В деловых кругах столицы это породило множество толков, ведь инженер Мещерский, прекрасно знакомый банковским кругам, уже более десяти лет

⁷⁷³ См.: Финансовое обозрение. 1916. №7. февраль. С. 32.

⁷⁷⁴ См.: Покупка шести сахарных заводов // Коммерсант. 1916. 30 марта.

⁷⁷⁵ См.: Кронин Б. Серьезный прецедент // Коммерсант. 1916. 12 июля.

⁷⁷⁶ См.: Последние вести // Финансовая газета. 1915. 17 августа.

⁷⁷⁷ См.: Журнал №31 от 9 декабря 1915 года // Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. М., 1975. С. 481.

успешно справлялся со своими обязанностями⁷⁷⁸. Лишь активные действия членов совещания от Государственного совета (Ф.А. Иванова, С.И. Тимашева, В.И. Тимирязева и др.) позволили защитить администрацию и добиться отмены постановления об отстранении Мещерского⁷⁷⁹. Несмотря на благоприятный для владельцев исход инцидента, Коломенский и Сормовский заводы не увидели спокойной жизни. Московские биржевики выступили против Петроградского международного банка, пытаясь скупить контрольный пакет акций этих предприятий на открытом рынке. Промышленники во главе с Рябушинскими полагали, что, постепенно приобретая ценные бумаги от мелких держателей, они смогут добиться мест в правлении заводов и тем самым нейтрализовать влияние ненавистного им столичного банка⁷⁸⁰. Деловая пресса Питера отмечала: к осени 1916 года вокруг акций данных активов царил небывалый ажиотаж.⁷⁸¹

Добавим, что этот ажиотаж серьезно подогревали планы руководителей Петроградского международного и Учетно-ссудного банков по созданию мощнейшего металлургического холдинга. Летом 1916 года ими было объявлено о покупке значительной части акций Белорецких заводов. На общем собрании совладельцев этих заводов – акции были предъявлены названными питерскими банковскими структурами. Намечался перевод правления из Москвы в Петроград; новую администрацию доверили возглавить А.П. Мещерскому, полгода назад признанному Особым совещанием по обороне «некомпетентным»⁷⁸². Следующим шагом, намеченным банками, должно было стать приобретение Выксунских заводов и рудников (Центральная Россия). Это общество, в свое время учрежденное немецкими подданными во главе с А. Лессингом, обладало большими ресурсами и потенциалом. С началом войны немцев вывели из администрации; управлять заводами стали чиновники из Министерства финансов. Но затем акции перспективного предприятия начал активно скупать Петроградский международный банк; инженер Мещерский разработал проект, по которому Выксунские заводы и рудники вливались в те же Коломенское и Сормовское общества; планировалось проведение железнодорожной ветки, необходимой для объединения этих производств⁷⁸³. Однако дело не пошло гладко: воспрепятствовать этим планам взялось московское купечество, интриговавшее против Петроградского международного банка. Претендентами на покупку Выксунских заводов выступила группа дельцов во главе с Д.С. Сироткиным; они посетили Министерство торговли и промышленности, где горячо обосновали свои претензии. Сироткин, как глава Нижегородского ВПК, заявлял о приоритете интересов кустарей, работающих на оборону: им требуется бесперебойное и гарантированное обеспечение сырьем, то есть железом⁷⁸⁴. В унисон с Сироткиным действовали братья Рябушинские, А.И. Кузнецов и другие; никто из них не желал допустить усиления банковской группы посредством поглощения такого перспективного актива. Министр торговли и промышленности В.Н. Шаховской пытался

⁷⁷⁸ См.: Последние вести (устранение А.П. Мещерского) // Финансовая газета. 1915. 17 декабря.

⁷⁷⁹ См.: Журнал №45 от 3 февраля 1916 года // Журналы Особого совещания... Ч. 1. М., 1977. С. 78.

⁷⁸⁰ См.: Борьба из-за пакета Сормовских акций // Биржевой курьер. 1916. 25 ноября.

⁷⁸¹ См.: Движения с Коломенскими и Сормовскими акциями // Биржевой курьер. 1916. 30 ноября.

⁷⁸² См.: Финансовое обозрение. 1916. №14. Июль. С. 15.

⁷⁸³ См.: Захват банками Выксунских горных заводов // Коммерческий телеграф. 1916. 19 сентября.

⁷⁸⁴ См.: Продажа Выксунских заводов // Финансовая газета. 1916. 22 сентября.

примирить конкурентов. Он предлагал осуществить такую сделку: по 1/3 – Петроградский международный банк, сами заводы и московская группа. Но москвичи категорически отказались от этого предложения. И вроде бы не напрасно: их заявка на покупку была признана победившей. Однако правление Коломенского и Сормовского заводов тут же оспорило итоги торгов. В дело включился министр путей сообщения А.Ф. Трепов (вскоре назначенный премьером). Он добился отмены результатов конкурса, также мотивируя свою настойчивость нуждами обороны и необходимостью исполнения ведомственных заказов⁷⁸⁵. В итоге Совет министров постановил передать заводы в ведение министерства; московским соискателям оставалось лишь выразить свое разочарование.

Вмешательство А.Ф. Трепова и срыв уже, казалось бы, завершенного москвичами дела имели вполне конкретные причины. Экономическая жизнь первой половины 1916 года ознаменовалась крупным конфликтом, в котором одним из центральных участников оказался родной брат министра В.Ф. Трепов. Вместе с банкирами А.И. Путиловым и А.И. Вышнеградским он подготовил проект по учреждению в Сибири Кузнецкого металлургического завода. Проект был представлен в Министерстве торговли и промышленности, и глава ведомства В.Н. Шаховской нашел его полезным для страны. Проект предусматривал соглашение между организуемой компанией «Кузнецкие каменноугольные копи» во главе с В.Ф. Треповым и Министерством путей сообщения в лице А.Ф. Трепова на поставку железнодорожных рельс не менее 10 млн пудов в течение десяти лет с отсрочкой на четыре года. Для скорейшей реализации дела создатели компании рассчитывали на получение из бюджета аванса в размере 20 млн руб.⁷⁸⁶ Однако на соединенном заседании бюджетной и финансовой комиссий Государственной думы проект банкиров по докладу прогрессиста В.А. Ржевского был отвергнут как не отвечающий интересам государства. Учредителям компании предложили компромисс: согласиться, чтобы в прибылях на равных участвовала и казна, но те сочли это неприемлемым. После этого обсуждение сосредоточилось на возможности строительства казенного предприятия вообще в другом районе⁷⁸⁷.

В выступлениях на пленарных заседаниях думы решение, принятое на соединенном заседании, признавалось правильным⁷⁸⁸. Тем не менее в начале июня 1916 года В.Н. Шаховской повторно внес проект на рассмотрение законодателей. Для достижения успеха выбрали оригинальный ход: основным лоббистом проекта среди законодателей стал член Государственного совета из академической группы проф. Е.Л. Зубашев⁷⁸⁹. Ученик Д.И. Менделеева, входивший в Прогрессивный блок и кадетскую партию, взялся смягчить отношение оппозиционных кругов к проекту, делая акцент на его значении для Сибири. Но, как с удовольствием констатировало издание «Утро России», у проекта не нашлось защитников в нижней палате. Зато многие там задавались вопросом, почему Путилов и Вышнеградский, руководя крупными банками, не берутся сами финансировать дело, в

⁷⁸⁵ См.: Борьба вокруг Выксунских заводов // Коммерческий телеграф. 1916. 19 ноября.

⁷⁸⁶ См.: Приложения к Стенографическим отчетам Государственной думы. Созыв IV. Сессия 4. Вып. 5. Пг., 1916. №341.

⁷⁸⁷ См.: Там же.

⁷⁸⁸ Например, см.: Выступление А.С. Посникова // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 23 от 18 февраля 1916 года. Стб. 1876-1877; Выступление В.М. Вершинина // Там же. Заседание 40 от 22 марта 1916 года. Стб. 3798.

⁷⁸⁹ См.: Грандиозный металлургический завод // Коммерсант. 1916. 6 июня.

перспективах которого уверяют⁷⁹⁰. Участники проекта, вызвавшего большой публичный резонанс, не скрывали раздражения. В.Ф. Трепов через «Финансовую газету» выражал сожаление, что политические пристрастия не позволили депутатам понять суть предложений и теперь осуществление нужного для страны дела откладывается⁷⁹¹. Очевидно, не меньше был разочарован и министр путей сообщения А.Ф. Трепов – основной заказчик не состоявшегося по вине Думы предприятия. Ведь в тех случаях, когда санкции законодателей не требовалось, он с готовностью шел навстречу партнерам своего брата⁷⁹². Безусловно, все продвигавшие этот проект понимали, кто является вдохновителем подобных сценариев. «Биржевой курьер» писал:

«Этих "адвокатов купечества" мы слышим часто и с думской трибуны, и в различных совещаниях и комиссиях. Они произносят занимательные речи, они делают нашу экономическую политику... всегда столь близкую верхам купечества и их интересам»⁷⁹³.

Будучи членом правительства, А.Ф. Трепов не упустил удобного момента, чтобы поставить зарвавшееся, на его взгляд, купечество на место. История с Выксунскими заводами, не доставшимися московским дельцам, несмотря на то что конкурс был ими выигран, стала для них не менее ощутимой пощечиной, чем эпопея с Кузнецкими каменноугольными копиями для питерских банкиров.

Значительный вес в тяжелой индустрии в годы войны приобретает Н.А. Второв. Исследователи давно отмечали благосклонность, которую проявляло к его инициативам Особое совещание по обороне⁷⁹⁴. Так, например, было поддержано предложение о предоставлении Н.А. Второву громадного заказа на 4 млн взрывателей и на строительство для этих целей нового завода. Ходатайство нашли весьма выгодным для казны, много говорили о «неоднократно удостоверенной деловитости Второва». Совещание решило выдать ему аванс в 15,6 млн руб. и еще 10,4 млн – после постройки завода⁷⁹⁵. Исполнение важных задач, порученных Второву государством, несколько не отвлекало его от экспансии в металлургической отрасли. Он тайно внедряется в акционерный капитал двух крупных предприятий, построенных французами и им принадлежащих (Брянского и Донецко-Юрьевского), и начинает борьбу с правлениями⁷⁹⁶. Владельцы сполна ощутили

⁷⁹⁰ См.: Отказ в субсидии // Утро России. 1916. 12 июня.

⁷⁹¹ См.: *Трепов В.Ф.* Кузнецкий металлургический завод (Письмо в редакцию) // Финансовая газета. 1916. 23 июня.

⁷⁹² Например, в то время, когда нижняя палата отвергала проект субсидии Кузнецкому предприятию, А.Ф. Трепов удовлетворил ходатайство Путилова и Вышнеградского об обществе Прикаспийской железной дороги. Банкиры были обязаны, для признания общества состоявшимся, оплатить 50% акций общества и внести средства в бюджет не позднее года со дня подписания устава. Но они обратились с прошением, где, ссылаясь на трудности военных условий, писали о невозможности собрать необходимую сумму. Французы, принимавшие участие в подписке на акции, попросили об отсрочке взноса. А.Ф. Трепов вместе с министром финансов П.Л. Барком признали заявление учредителей заслуживающим уважения и подтвердили их права на образование общества Прикаспийской железной дороги // Финансовая газета. 1916. 18 апреля.

⁷⁹³ См.: Слово и дело // Биржевой курьер. 1916. 8 ноября.

⁷⁹⁴ См.: *Сидоров А.Л.* Указ. соч. С. 116-117, 403.

⁷⁹⁵ См.: Журнал №39 от 13 января 1916 года // Журналы Особого совещания... Ч. 1. С. 34.

⁷⁹⁶ См.: *Гиндин И.Ф.* Московские банки в период империализма // Исторические записки. Т. 58. М., 1956. С.

агрессивную хватку нового акционера, который всеми способами стремился наращивать свой пакет акций. С приобретением Второвым в середине 1916 года Московского промышленного банка (бывшего «Юнкер-банка») давление на собственников предприятий заметно усиливается; цель все та же: провести как можно больше своих ставленников в правления. На Брянском заводе он настаивает на увеличении основного капитала общества и на проведении эмиссии – чтобы размыть доли других владельцев⁷⁹⁷. Затем вступает в борьбу за овладение пакетом еще одного акционера, С.П. Губонина. Тот был объявлен несостоятельным, его имущество попало под конкурсное управление; согласно уставу он имел право на 1/10 часть всех новых выпусков акций. Московский промышленный банк, к неудовольствию французов, перекупил у Губонина это право, увеличив свое влияние на Брянском заводе⁷⁹⁸. Такой же стратегии придерживался Второв и в Донецко-Юрьевском обществе. Ему удалось сформировать крупный пакет, увеличив его за счет приобретения акций у французского подданного А. Берга. После получения контроля над обществом планировалось начать процесс его объединения с подмосковным заводом «Электросталь», уже вошедшим во второвскую империю⁷⁹⁹.

Заинтересовались москвичи и деятельностью известного сбытного синдиката «Продамет», объединявшего крупнейшие металлургические заводы юга России. Все то же Особое совещание по обороне обсудило проблему снабжения металлом военных предприятий. Прозвучало предложение о централизованной скупке металла – посредством особого органа при ЦВПК или же через Министерство торговли и промышленности, но с широким участием общественных организаций. ЦВПК не замедлил представить соответствующий проект: учредить комитет для выяснения потребностей в металле и объема существующих закупок; источник оборотных средств – казна; на покрытие собственных расходов комитет будет взимать с продавцов не больше одного процента⁸⁰⁰. Данный комитет оказывался очевидной альтернативой могущественному синдикату – детищу южных горнопромышленников. Однако быстро урезать влияние «Продамета» в пользу ВПК оказалось задачей не из легких. Претензии к его деятельности сформулировали москвич В.Н. Переверзев и глава киевского ВПК М.И. Терещенко. Как они утверждали, эта коммерческая структура не вызывала доверия. Ее деятельность, по их заключению, не соответствовала потребностям военного времени, так же как не отвечала она нуждам отечественной индустрии в мирный период⁸⁰¹. Тем не менее этот полновластный хозяин на рынке железа был забронирован от всякого общественного контроля: он, по словам экспертов, регулировал поставки металла, сообразуясь с искусственным удержанием цен, а никак не с нуждами потребителей. Именно из-за ценовой политики «Продамета» заводам грозил «металлический голод»: в обход сбытового гиганта ни одна общественная организация не могла получить с юга и пуда железа. Более того, все заказы выполнялись без соблюдения сроков. Поэтому, заявляло «Утро России», частые упреки по адресу общественных организаций в

59-60.

⁷⁹⁷ См.: Увеличение капиталов Брянских заводов // Биржевой курьер. 1916. 12 ноября.

⁷⁹⁸ См.: Московский промышленный банк и акции Брянских заводов // Коммерческий телеграф. 1917. 7 января.

⁷⁹⁹ См.: Коммерческий телеграф. 1917. 9 февраля.

⁸⁰⁰ См.: Централизация скупки металлов // Финансовая газета. 1915. 17 августа.

⁸⁰¹ См.: Военно-промышленные комитеты о деятельности «Продаметы» // Финансовая газета. 1916. 26 мая.

невыполнении обязательств следует направлять не им, а непосредственно в «Продамет»⁸⁰².

«Продамет» – не единственный синдикат, чье существование раздражало купеческую буржуазию. Ее недовольство вызывал и «Продуголь» – также синдикат южнороссийского происхождения. В годы войны стремление московских промышленников обрести полноценную сырьевую базу актуализировало вопрос о расконсервации Подмосковского угольного бассейна, который, как известно, не выдерживал конкуренции с мощным, монополистически организованным Донбассом. Напомним, что уже в начале XX столетия все крупные хозяйства центральной части страны были связаны с синдикатом «Продуголь» договорами на поставку именно донецкого угля. Одним из главных его потребителей были и казенные железные дороги. Сырье доставлялось на дальние расстояния по низким тарифам, специально установленным правительством по ходатайству Съезда горнопромышленников Юга еще в 1895 году⁸⁰³. Благодаря государственной поддержке донецкий уголь, успешно вытесняя с рынка подмосковный, не оставлял Центральному бассейну никаких шансов для развития. И вот в годы войны промышленники в полный голос заговорили о судьбе подмосковного угля, огромные залежи которого игнорировались уже больше двух десятков лет. Было отмечено, что качество местных копей ненамного уступает южным (причем подмосковный уголь превосходит, например, немецкий, которым отапливается вся Германия). Но главное – добыча его обходится гораздо дешевле, что позволит заметно снизить производственные издержки предприятий. Вспомнили известного Ф.В. Чижова: видный представитель московской купеческой группы в семидесятых годах XIX века использовал для нужд Московско-Курской железной дороги исключительно тульские залежи. Вывод: пора заканчивать с монополией «Продугля» на поставки топлива и заняться развитием Подмосковского бассейна⁸⁰⁴. Конкретным шагом в этом направлении стала организация компании «Углепромышленное общество Подмосковского района» с основным капиталом в 5 млн руб. Учредителями выступили крупные мануфактурные фирмы Центрального региона России; правление возглавил московский купец А.С. Вишняков. Новая структура располагала собственным вагонным парком, подъездными путями; общую добычу угля намечалось в ближайшее время довести до 20 млн пудов⁸⁰⁵. Другая компания во главе с Н.А. Второвым начала промышленную разработку в Подмосковье торфяных залежей; для этого было образовано общество с капиталом в 9 млн руб.⁸⁰⁶ Еще в одном обществе, начавшем специализироваться на горной и угольной деятельности – «Любимов, Востряков и К^о», – также заправляли купеческие дельцы, крупные пайщики и руководители ряда мануфактур. К примеру, Б.В. Востряков был доверенным известному в Москве торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья»⁸⁰⁷.

Анализ противостояния питерской и московской буржуазии был бы неполным без освещения продовольственной политики, предлагавшейся этими предпринимательскими группами. В условиях войны эта тема естественным образом выдвигается на первый план.

⁸⁰² См.: «Продамета» // Утро России. 1916. 5 июня.

⁸⁰³ См.: Краткий очерк истории съездов горнопромышленников Юга России / Под ред. Н.Ф. фон Дитмара. Харьков, 1908. С. 106-107.

⁸⁰⁴ См.: Залежи каменного угля Замосковского бассейна // Утро России. 1915. 2 апреля.

⁸⁰⁵ См.: Утро России. 1916. 2 апреля.

⁸⁰⁶ См.: Крупное торфяное предприятие // Финансовая газета. 1916. 2 сентября.

⁸⁰⁷ См.: Финансовое обозрение. 1916. №19. ноябрь. С. 23.

Власти уделяют ей большое внимание, от их действий напрямую зависит социальное самочувствие всего общества. Заготовка такого базового продукта, как хлеб, в военное время была сосредоточена в руках 220 уполномоченных Особого совещания по продовольствию; из них 140 занимались заготовками для армии, остальные – для гражданского населения. Надо сказать, что деятельность этих уполномоченных, наделенных большими правами (включая право запрещать вывоз продуктов из вверенных им районов)⁸⁰⁸, вызвала большие нарекания в обществе. Поэтому вопрос об эффективности такой организации обеспечения продовольствием очень скоро приобрел остро дискуссионный характер. Различные политические силы объявляли существующую систему неудачной и критиковали бюрократический подход, при котором дело снабжения продовольствием находится исключительно в руках правительственных агентов (коиными и являлись уполномоченные). На их нерасторопность, изолированность друг от друга указывали тогда постоянно.

В марте 1916 года московский ВПК и Всероссийский союз городов предложили учредить Центральный продовольственный орган. Он должен был располагаться в Москве – главной узловой станции российской железнодорожной сети. Состав участников нового органа определился быстро: совместную работу должны были начать земства, ВПК, торговые организации и кооперативы⁸⁰⁹. На базе Московского военно-промышленного комитета состоялось крупное совещание с участием видных общественных деятелей города. Выступавший от ВПК С.А. Смирнов заявил о необходимости наладить правильное распределение продуктов, уничтожить спекуляцию, улучшить организацию транспортных потоков, разработать план конкретных мероприятий и т.д.⁸¹⁰ Создание единого продовольственного органа предполагалось утвердить на специальном Всероссийском продовольственном съезде.

Этот масштабный форум должен был склонить правительство к сотрудничеству с общественными силами и выдвинуть альтернативу предложениям петроградских банков (об этом еще пойдет речь ниже). Но власти под предлогом оформления документов всё тянули с легализацией учреждаемого продовольственного органа⁸¹¹. Поэтому намеченные мероприятия так и не состоялись – до февраля 1917 года.

Особо следует подчеркнуть, что своего рода «фирменным знаком» купеческого проекта стал акцент на кооперативное движение. Поддержка кооперативов и привлечение их к сотрудничеству могло обеспечить широкую социальную поддержку начинаниям торгово-промышленного класса, но требовало законодательного оформления. И хотя законопроект о кооперативах давно разрабатывали в Министерстве торговли и промышленности, а московская буржуазия демонстрировала большую заинтересованность в ускорении процесса⁸¹², правительство явно не спешило с его внесением. Тогда Государственная дума самостоятельно выработала и за подписью 49 депутатов, входивших в Прогрессивный блок, представила свой вариант законопроекта «О кооперативных товариществах и кооперативных союзах». В нем предусматривались явочный характер открытия товариществ и право последних свободно объединяться в союзы, а также декларировалось, что цель движения –

⁸⁰⁸ См.: *Погребинский А.П.* Сельское хозяйство и продовольственный вопрос в годы Первой мировой войны // Исторические записки. Т. 31. М., 1950. С. 57.

⁸⁰⁹ См.: Проект имперской продовольственной организации // Коммерческий телеграф. 1916. 29 марта.

⁸¹⁰ См.: Объединение представителей торговли // Коммерческий телеграф. 1916. 1 апреля.

⁸¹¹ Подробно об этом сюжете см.: *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция. М., 1985. С. 274-275.

⁸¹² А.И. Коновалов обращался к премьеру И.Л. Горемыкину с просьбой о содействии в подготовке законопроекта. См.: *Ходатайство А.И. Коновалова* // Коммерческий телеграф. 1916. 15 января.

подъем не только материального, но и духовного благосостояния его членов. Правительство, ознакомившись с этим документом, попросило снять его с обсуждения, мотивируя это тем, что уже готов другой документ, с таким нетерпением ожидавшийся нижней палатой. К тому же между двумя вариантами законопроекта обнаружились заметные расхождения, а потому, считали в правительстве, целесообразнее рассматривать их вместе⁸¹³. Но просьба не была услышана, и рассмотрение думского варианта состоялось. Прогрессист В.А. Ржевский сделал основной доклад. По его словам, думский проект в случае его утверждения стал бы способствовать развитию кооперативов из самой жизни, а время административного насаждения и контроля сверху безвозвратно ушло. Более того, говорил депутат, лишь кооперативная сеть в состоянии мобилизовать капиталы миллионов мелких хозяйств – ни государству, ни земствам с этой задачей не справиться⁸¹⁴. По поводу же продовольственных проблем на заседании царило единодушие: лишь общественные организации совместно с кооперативами могут их решить⁸¹⁵. В итоге кооперативный законопроект был принят сразу в трех чтениях⁸¹⁶. Однако в стенах Государственного совета он встретился с традиционными препятствиями. Не помогла и шумная пропагандистская кампания, устроенная кооператорами с целью подтолкнуть верхнюю палату к принятию закона⁸¹⁷. Кооперативное законодательство получило жизнь в думской редакции лишь после крушения царского режима.

Петроградские банки – давние конкуренты московской буржуазии – также не собирались оставлять без внимания эту крупную хозяйственную сферу. Параллельно с думскими и общественными инициативами финансовая элита столицы подготовила записку, где от имени банковского синдиката выразила готовность реорганизовать продовольственные операции империи по своему сценарию. В пример ставилась союзная Франция, где заготовку значительных объемов хлеба для государства производили четыре крупных банка. Властям было гораздо проще контролировать их, чем огромную массу средних и мелких заготовителей. Нечто подобное происходило и в Германии. И нам, подчеркивалось в записке, не стоит пренебрегать европейским опытом: он принесет гораздо больше пользы, чем усилия разных уполномоченных, съездов, совещаний и т.д.⁸¹⁸ Рассмотрим основные черты предложенного банкирами проекта. Предлагалось учредить Совет по продовольственному делу, состоящий на паритетной основе из представителей ведомств и специалистов, которые разбираются в конкретных потребностях российских регионов. Представители общественности согласно проекту могли входить в данный орган лишь по предложению банков, которые принимали бы на себя ответственность за своих кандидатов. Для всей практической работы Совет должен был выбирать из своего состава исполнительный комитет: на него замыкался бы контингент приказчиков и доверенных лиц на местах. Деятельность исполнительного комитета предполагалось организовать по образцу крупного торгового дома, имеющего по всей стране своих торговых агентов. Кадры для этой

⁸¹³ См.: Выступление товарища Министра торговли и промышленности В.В. Прилежаева // Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия 4. Часть 3. Заседание 41 от 24 марта 1916 года. Стб. 3863.

⁸¹⁴ См.: Выступление В.А. Ржевского // Там же. Стб. 3859-3861.

⁸¹⁵ См.: Выступление А.М. Масленникова // Там же. Стб. 3918.

⁸¹⁶ См.: Там же. Стб. 3888.

⁸¹⁷ См.: Письмо Московского союза потребительских обществ к кооперативным союзам и объединениям. 12 мая 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 16. Л. 47-47об.

⁸¹⁸ См.: Записка о продовольственной деятельности банков // Коммерческий телеграф. 1916. 4 апреля.

работы предполагалось найти в коммерческих банках: комитет должен получить возможность пользоваться услугами банковских филиалов, что даст готовую развитую сеть местных органов. Также в распоряжение комитета проект передавал большие складские площади, находящиеся в собственности банков. А главное – банкиры планировали открыть достаточные кредиты для закупочных операций, осуществляющихся на рыночной основе. Реквизиция хлеба могла бы допускаться лишь в отдельных случаях с разрешения Совета. Комитет должен был сосредоточить в своих руках не только заготовку, но и перевозку продовольственных грузов, пользуясь исключительным правом их вывоза и ввоза⁸¹⁹.

В правительстве вполне благосклонно отнеслись к представленной программе урегулирования продовольственного вопроса.

Это показало совещание ряда министров (П.Л. Барка, В.Н. Шаховского, А.Д. Протопопова, А.А. Бобринского) с представителями банков, состоявшееся 4 октября 1916 года. Сильной стороной программы признавался упор на скорейшую и эффективную мобилизацию торгового аппарата, без усилий которого было бы невозможно полноценное снабжение продовольствием армии и тыла; позитивно было воспринято требование отмены излишних и стеснительных мер для торговли⁸²⁰. Уже 19 октября на рассмотрение правительства был внесен вопрос о реорганизации продовольственного дела. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов настаивал также на необходимости изменений в Особом совещании по продовольствию: мол, председательствование в нем должно перейти к нему. Однако заседание правительства тогда не состоялось в связи внезапной болезнью В.Н. Штюрмера⁸²¹. Зато через десять дней эти протопоповские инициативы бурно обсуждали на Особом совещании по продовольствию (которым и стремился руководить министр). Сторонники концепции, разработанной банками, произносили страстные речи о вреде твердых цен, которые неминуемо приведут к тяжелым последствиям. Граф А.П. Толстой говорил:

«Пусть неумелые защитники из Союза городов знают, что они виновники того, что города остаются теперь без хлеба. [Они] уподобляются известному животному, подрывающему корни дерева, на которых растут плоды».

В ответ представитель Союза городов В.Н. Громан назвал Толстого конченным демагогом⁸²². Заметим, что желание Протопопова возглавить совещание не осуществилось, поскольку премьером вскоре назначили министра путей сообщения А.Ф. Трепова. Он, как говорилось выше, был очень тесно связан с банковской элитой, но не желал усиления активного министра внутренних дел, и потому Протопопов оставил затею с Особым совещанием по продовольствию.

Это однако никак не сказалось на планах банков в целом. Предполагалось их претворение в жизнь в соответствии с 87-й статьей, то есть по указу императора. На этом фоне абсолютно ясно, почему проект купеческой буржуазии, общественных организаций и кооперативов так и не осуществился. Все попытки москвичей доказать жизненность своих подходов в урегулировании продовольственного дела были обречены на неудачу. Причем власти не преминули и здесь воспользоваться силовым давлением на конкурентов петербургских олигархов. В феврале 1917 года, уже на закате царизма, было возбуждено

⁸¹⁹ См.: Продовольственный хаос и хлебная монополия // Финансовое обозрение. 1917. №11-12. март. С. 3-4.

⁸²⁰ См.: Финансовое обозрение. 1916. №18. сентябрь. С. 11-12.

⁸²¹ См.: Продовольственный вопрос в Совете министров // Раннее утро. 1916. 20 октября.

⁸²² См.: Инцидент в Совещании по продовольствию // Раннее утро. 1916. 28 октября.

судебное расследование о деятельности крупных мукомолов Центрального региона. В Москве арестовали четырех предпринимателей из сферы хлебной торговли. После допросов они были освобождены под крупные залоги. Весьма примечательно, что им предъявлялось обвинение не просто в спекуляции, а в спекуляции «с целью вызвать народные волнения». Специально сообщалось, что дело находится на начальной стадии и планируется привлечение целого ряда новых лиц⁸²³. Февральский переворот свел на нет и эти планы.

Первая мировая война вошла в российскую историю как время предельного обострения противоречий между буржуазными кланами страны. Эти противоречия вышли за границы экономики и приобрели ярко выраженную политическую окраску. Именно политический фактор вывел борьбу питерского и московского кланов на качественно новый уровень. Парламентский проект, продвигаемый купеческой буржуазией и ее либеральными союзниками, не помог найти компромисс со столичными бюрократическо-финансовыми верхами. Москва упорно преследовала главную цель: добиться вождеденного «контрольного пакета» российской экономики. Но достижение этой цели самым непосредственным образом было сопряжено с доступом к рычагам управления. Хорошо понимая это, питерские банки и тесно связанные с ними придворно-бюрократические круги не пожелали выпускать из рук тот административный ресурс, которым всегда располагали. Отвергнутое Николаем II утверждение парламентской модели привело к открытой эскалации напряжения между элитами империи. Противоборствующие стороны обменивались серьезными ударами, сотрясая политические и экономические основы собственного существования. Условия войны значительно усугубляли эту ситуацию. Произошли существенные сдвиги в финансовой системе страны; наметилась экспансия московских деловых кругов в тяжелую индустрию; обе группы сформулировали свои проекты урегулирования продовольственной проблемы. Весь ход событий вел к тому дворцовому перевороту, который осуществился силами оппозиции в феврале 1917 года. Многие из того, что наметилось в военные годы, определило взаимоотношения двух крупнейших участников российской жизни в послефевральский отрезок времени.

Глава 5. ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА: ПОСЛЕДНИЙ ВИТОК ПРОТИВОСТОЯНИЯ

Конец февраля – начало марта 1917 года – это время триумфа купеческой буржуазии. Ее стремление вырвать у правящей бюрократии рычаги управления всей экономической жизнью привело к успеху. Не первое поколение купечества грезило о таких перспективах, но лишь сейчас эти мечты полностью реализовались. В конце XIX века претензии купеческой элиты на господствующее положение в экономике потерпели фиаско. Правящая бюрократия во главе с самодержавием сделала ставку совсем на другое: ключевым источником роста были объявлены иностранные финансы. Это полностью отвечало интересам питерских банков, через которые в Россию хлынул мощный поток зарубежных инвестиций. Капиталистам из народа при таком раскладе вскоре пришлось бы прозябать на задворках российской экономики в качестве миноритариев, чьи судьбы полностью зависят от капризов и предпочтений правящей бюрократии. Подобная роль их совершенно не устраивала, что и стимулировало пересмотр всей их поведенческой стратегии. Принятый ими на себя в пореформенный период образ преданных слуг, стоящих на страже монархических устоев, стремительно менялся. Купечество кинулось осваивать иной политический инструментарий, увидев «спасательный круг» в утверждении принципов конституционализма и либерализма.

⁸²³ См.: Аресты среди мукомолов // Раннее утро. 1917. 26 февраля.

Его представители вливаются в ряды разноликой прогрессивной общественности, требующей либерально-конституционных реформ, а то и вообще демонтажа монархии. В 1910-х годах купеческая буржуазия уже не просто участник оппозиционного движения, а его ведущая сила, «фирменная» черта которой – радикализм по отношению к власти. Направление, в котором по мнению оппозиционеров должна была развиваться российская государственность, определялось примерно так: от утверждения законодательной Государственной думы к полноценному парламенту европейского типа с функцией назначения правительства. Отказ Николая II претворять в политическую практику во время войны подобные сценарии и привел в конечном итоге к дворцовому перевороту февраля 1917 года.

Одной из главных движущих сил эпохальных событий начала XX века выступала купеческая буржуазия – этому есть множество свидетельств. Советская историческая наука старательно их игнорировала, поскольку у революционных побед мог быть только один вдохновитель и организатор – пролетариат, возглавляемый большевистской партией. Однако многочисленные источники мемуарного характера – свидетельства непосредственных участников бурных перипетий того времени – помогают нарисовать их достоверную картину. Так, для лидеров правого лагеря участие московского купечества в «разогревании» либерально-революционного движения не составляло никакого секрета. На сей счет они определенно высказались уже в ноябре 1915 года – на совещании монархистов, где присутствовали Н.А. Маклаков, И.Г. Щегловитов, А.И. Дубровин, А.А. Римский-Корсаков, Н.Е. Марков и др. С основным докладом выступил один из лидеров правых в Государственной думе профессор С.В. Левашов. Он напомнил, что революцию 1905 года субсидировали преимущественно промышленники-москвичи⁸²⁴. И многочисленные факты, отмечал докладчик, определенно указывают на то:

«кто является родоначальником теперешней печальной смуты, которая... грозит крайней опасностью самому существованию государства. Родоначальниками этой смуты являются, несомненно, московские финансовые тузы, которые... собрали огромные капиталы в своих руках»⁸²⁵.

Теперь, констатировал С.В. Левашов, они стремятся захватить власть при активном содействии большинства Государственной думы и ныне *«уже не находят нужным даже скрывать своих политических вожделиний»* ⁸²⁶.

Обратимся к воспоминаниям очевидца из придворных кругов, офицера Ф. Винберга. Касаясь роли буржуа в подготовке революции, он писал:

«Они стали швырять свои миллионы на потребу подготовителей русской революции, тех оголтелых маньяков-идеологов и подлых бессовестных космополитических проходимцев, делом которых Россия доведена до последней грани позора и страдания».

Характерно, что под буржуазией Ф. Винберг имел в виду не капиталистов вообще, а именно *«кулаков-скопидомов»*, развернувшихся *«во всю ширь замоскворецкой*

⁸²⁴ См.: Совещание монархистов в Петрограде. 21-23 ноября 1915 года. М., 1915. С. 15. Эта брошюра, отпечатанная типографским способом, содержится в ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 358. Л. 7.

⁸²⁵ См.: Там же.

⁸²⁶ См.: Там же.

бестолковщины» ⁸²⁷. То же самое утверждал в своих мемуарах В.М. Вонлярлярский (близкий друг М.В. Родзянко): денежное участие московских купцов – Морозовых, Гучковых, Терещенко и др. – в организации революции он считал хорошо выясненным⁸²⁸. Приведем также красноречивое свидетельство члена Государственной думы, октябриста князя А.В. Оболенского:

«Так и вышло: не пролетарии у нас подготавливали революцию, а камергер Родзянко, генерал-адъютант Алексеев, богатый купец Гучков, Терещенко и многие другие, снабжая революцию деньгами»⁸²⁹.

Присовокупим и мнение бывшего сенатора В.Н. Смольянинова, хорошо знавшего обстановку в Москве:

«Действительно, купец отсыпал на наших глазах немало денег на революцию»⁸³⁰.

Причем все это не было секретом и для Николая II: великий князь Александр Михайлович, характеризуя обстановку перед февралем 1917 года, обратил внимание своего венценосного родственника на деятельность купечества, которое давно уже:

«не то, что было прежде, достаточно вспомнить 1905 год. – Он добавил: – "Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу"»⁸³¹.

Для полноты картины следует привести свидетельства и из противоположного лагеря – от лидеров социал-демократов. Например, Л. Мартов писал, что на протяжении десятилетия после революции 1905-1907 годов единственными активными силами в России были пролетариат и либеральная буржуазия: все это время они оставались на политической арене, не прекращая своей борьбы с царизмом⁸³². На первом Всероссийском съезде советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 года один из лидеров большевиков Л.Б. Каменев сказал как о не вызывающем сомнений факте:

«Вы знаете, что русская революция задумана была наверху партией буржуазии... задумана была как маленькая революция во имя большой войны»⁸³³.

⁸²⁷ См.: *Винберг Ф.* Крестный путь. Мюнхен, 1921. С. 53.

⁸²⁸ См.: *Вонлярлярский В.М.* Мои воспоминания. 1852-1939 годы. Берлин, 1939. С. 216.

⁸²⁹ См.: кн. *Оболенский А.В.* Мои воспоминания // Проблемы истории русского зарубежья. Вып. 2. М., 2008. С. 365.

⁸³⁰ См.: *Смольянинов В.Н.* Воспоминания сенатора Владимира Смольянинова // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 649. Л. 75.

⁸³¹ См.: Письмо вел.кн. Александра Михайловича императору Николаю II о политическом положении в стране. 4 февраля 1917 года // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1143. Л. 84-85.

⁸³² См.: *Мартов Л.* Вся власть советам. Начало июня 1917 года // *Меньшевики в 1917 году.* Т. 1. М., 1994. С. 603.

⁸³³ См.: Выступление Л.Б. Каменева // *Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов.* Стенографический отчет. Т. 1. М.; Л., 1939. С. 166.

А наиболее показателен здесь, пожалуй, тот факт, что само московское купечество не только не отрицало своего участия в либерально-революционном движении, но, напротив, гордилось им. В передовой статье московской газеты «Коммерческий телеграф», подводившей итоги Всероссийского съезда торговли и промышленности (19-21 марта 1917), говорилось и о роли купеческой буржуазии в борьбе с царским режимом:

«Правда, купечество не шло на баррикады, не подставляло грудь под жандармский штык и спину под казацкую нагайку, оно не манифестировало с красным флагом на площадях и на улицах; но тем не менее в пределах, дарованных ему природой сил и возможностей, оно в массе своей – за ничтожными, не идущими в счет, исключениями – во все время освободительной борьбы делало освободительную работу – не яркую, не бьющую в глаза, но все же с минуты на минуту приближавшую час раскрепощения России»⁸³⁴.

Не забыты были также события 1905 года, демонстрировавшие факт:

«несомненного и весьма полезного участия представителей капитала в том революционном движении, которое привело к Государственной думе»⁸³⁵.

В подготовке и организации дворцового переворота, приведшего к свержению Николая II, купеческие верхи сыграли ключевую роль. В давно ставшей хрестоматийной «Истории второй русской революции» П.Н. Милюкова повествуется о двух существовавших в начале 1917 года кружках. Первый действовал при участии высших офицеров (Милюков называет генерала Крымова) и замыкался на Центральный военно-промышленный комитет (Гучков, Коновалов, Терещенко, Некрасов и др.). Ядро второго кружка составили некоторые члены Прогрессивного блока, а также руководство земского и городского союзов; они сконцентрировались на определении роли Государственной думы в предстоящих событиях, а также обсуждали действия нижней палаты после ожидаемых изменений в государственном устройстве России⁸³⁶. Подобным же образом описывает структуру оппозиционного движения в России накануне февраля 1917 года и член Прогрессивного блока октябрист Н.В. Савич. Он также упоминает о двух центрах, но характеризует их несколько иначе, чем лидер кадетов. По словам Савича, один из центров включал в себя главным образом политических деятелей и промышленников Москвы (приблизительно сорок человек), выделявших большие финансовые средства на революционную деятельность. Этот центр, имевший многочисленных сторонников, работал в верхах армейского командования и в среде высшей администрации. Но его представители в силу своего положения не могли развернуть работу в казармах и на предприятиях. Для этого как раз и существовал второй центр, куда входили революционеры, которые агитировали массы в чисто социалистическом духе. Его деятельность финансировалась оппозиционно настроенной купеческой буржуазией⁸³⁷.

Заметим, что подавляющее большинство лиц, так или иначе задействованных в подготовке переворота, вовсе не стремились к свержению института монархии как такового. Речь шла прежде всего об устранении императора Николая II с супругой, которых

⁸³⁴ См.: Купечество и революция // Коммерческий телеграф. 1917. 21 марта.

⁸³⁵ См.: Там же.

⁸³⁶ См.: Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 37.

⁸³⁷ См.: Савич Н.В. Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 211.

прогрессивная общественность считала главным препятствием на пути утверждения полноценной парламентской модели. Как уверяло московское «Утро России», все царствование Николая II представляет собой сокрушающий обвинительный акт⁸³⁸. Поэтому конец 1916-го и начало 1917 года прошли под знаком непрерывного обсуждения необходимости замены венценосной четы малолетним наследником Алексеем при регентстве брата царя – великого князя Михаила Александровича. Считалось, что такая передача власти будет воспринята народом и армией не слишком болезненно. Этот вариант перемен в верховной власти страны горячо отстаивала оппозиционная общественность. Лидеры оппозиции рассчитывали за период регентства создать в России нечто аналогичное английскому государственному строю с монархом царствующим, но не управляющим⁸³⁹. Младший брат Николая II едва ли стал бы помехой подобным планам; как известно, он слыл персоной довольно либеральных взглядов и к тому же не считался в придворных кругах своим. Натерпелся Михаил Александрович и от императорской четы, в штыки встретившей его самовольную женитьбу на дважды разведенной Н.С. Шереметьевской (в девичестве), в третьем браке ставшей княгиней Брасовой⁸⁴⁰. Но главное другое: семья жены великого князя была близка к московскому купечеству. Отец Н.С. Брасовой был известным в Москве присяжным поверенным, и его родственники работали на финансово-промышленную группу Рябушинских. Н.С. Брасова испытывала стойкую ненависть к столичной придворной среде и благоволила к оппозиционно настроенным деятелям; те отвечали ей взаимностью. Как удалось установить, она была неплохо обеспечена: через ее личный счет в Московском купеческом банке проходили суммы до 150 тыс. руб. в год.⁸⁴¹ Это не осталось незамеченным полицией, заключившей, что Брасова окончательно:

«окутала своего доброго и мягкого супруга атмосферой московской коммерческой буржуазии, со всеми ее характерными черточками»⁸⁴².

Как бы то ни было, наличие у Михаила Александровича такой супруги делало его регентство более чем желательным для тех, кто вынашивал стратегию превращения империи в парламентскую монархию.

Однако планы либеральной оппозиции сразу встретили затруднения. Идея устранения государя императора будоражила не только правящие элиты; сильным волнением было охвачено все население Петрограда. Приезжающих в город поражало огромное количество красных бантов, украшавших солдат, студентов, извозчиков и прочих⁸⁴³. Пока в верхах лидеры оппозиционеров пытались сохранить контроль над ситуацией и довести дело до

⁸³⁸ См.: Передовая // Утро России. 1917. 7 марта.

⁸³⁹ См.: Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 14.

⁸⁴⁰ Вел.кн. Михаил Александрович как член императорской фамилии был лишен всех прав и вынужденно покинул Россию. Он проживал в Великобритании под крылом своих родственников – английской королевской семьи. Но со вступлением России в Первую мировую войну Михаил Александрович стараниями матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, был прощен и направился на фронт.

⁸⁴¹ См.: ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 25. Л. 120.

⁸⁴² См.: Спиридович А.И. Великая война и февральская революция. Т. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 140.

⁸⁴³ См.: Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 – ноябрь 1920 год) // Белое дело. Кавказская армия. М., 1995. С. 25.

нужного им результата, в низах события стали развиваться непредсказуемым образом. Как утверждали очевидцы, буржуазные круги создали атмосферу, вызвавшую взрыв, но при этом сами оказались совершенно к нему не подготовленными⁸⁴⁴. Суть происшедшего хорошо подмечена А.Н. Бенуа:

«С одной стороны, жадность до власти, с другой – какая-то заячья паника... только бы не случилась та "русская революция до конца", о которой они под крылышком монархии столько лет мечтали, будучи в глубине души уверены, что этот "праздник" не наступит!»⁸⁴⁵.

Но вопреки этим надеждам напряженность в столице нарастала буквально по часам. Рабочие и солдатские массы, захваченные происходящими переменами, погружались в эйфорию анархии. Тревогу вызывала радикально настроенная публика: победу над царизмом она жаждала укрепить, не только изгнав с улиц городских и вообще всех полицейских, но и развязав резню всех, кто презумптивно настроен против переворота. Под таковыми подразумевались заводчики, помещики, крупные домовладельцы, чиновники и прочие. По слухам, готовилось нечто подобное французской Варфоломеевской ночи⁸⁴⁶. Социалисту Н.Н. Суханову атмосфера Петрограда тех февральско-мартовских дней (неработающие заводы, остановившийся транспорт и т.д.) напомнила преддверие московского декабря 1905 года.

«Грандиозность событий превзошла чьи бы то ни было ожидания», – *со знанием дела заключил он* ⁸⁴⁷.

Никакой сценарий, предполагавший сохранение в России монархии, уже не мог соответствовать стремительному развитию событий. Когда Гучков, возвратившись из Пскова с актом отречения Николая II, объявил на митинге о вступлении на престол Михаила Александровича, это вызвало взрыв негодования и его самого чуть не арестовали⁸⁴⁸. Заметим, что представители царской фамилии проявили большее понимание момента. Появление у Таврического дворца среди красных флагов великого князя Кирилла Владимировича, до войны проявлявшего особый интерес к теме престолонаследия, было истолковано как отказ дома Романовых от борьбы за свои прерогативы и признание факта революции⁸⁴⁹. Великий князь Михаил Александрович, в чью пользу отрекся от трона Николай II, также не замедлил выйти из игры, становившейся явно опасной для представителей царской семьи. 3 марта 1917 года на квартире князя Путятина на Миллионной улице недалеко от Зимнего дворца состоялась его встреча с рядом думских лидеров, после которой монархический строй стал достоянием российской истории. Забавная

⁸⁴⁴ См.: *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1915-1919 годы. Берлин. 1920. С. 71.

⁸⁴⁵ См.: *Бенуа А.Н.* Мой дневник. 1916-1918 годы. М. 2003. С. 169.

⁸⁴⁶ См.: *Лопухин В.Б.* Воспоминания начальника департамента Министерства иностранных дел. Спб. 2009. С. 296.

⁸⁴⁷ См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 57, 78.

⁸⁴⁸ См.: *Энгельгардт Б.* Революционные дни. Воспоминания участника февральских дней 1917 года // Общее дело. 1921. 18 марта.

⁸⁴⁹ См.: *Половцев П.А.* Дни затмения. М., 1999. С. 29.

деталь: участники этого совещания, составившие и принявшие текст отречения Михаила, были так взволнованы происходящим в тот вечер, что даже утеряли этот судьбоносный документ. Как выяснилось на следующее утро, его случайно унес в кармане пальто Д.М. Щепкин – помощник главы Земского союза князя Г.Е. Львова, предполагаемого премьера нового правительства⁸⁵⁰.

Крушение монархии наконец-то открыло путь к формированию правительства непосредственно из членов Государственной думы, а точнее – Прогрессивного блока, который более других сил был задействован в дворцовом перевороте. В новый кабинет вошли исключительно лидеры оппозиции; московская пресса не скрывала своего бурного восторга по этому поводу. Газета «Утро России» писала, что Первопрестольная имеет право гордиться новыми министрами: князем Г.Е. Львовым, А.И. Гучковым, А.А. Мануйловым, В.Н. Львовым, А.И. Коноваловым. Все они – выразители московской идеи по созиданию свободной и достойной России. И далее печатный рупор купечества с энтузиазмом вопрошал: разве не в Москве состоялось рождение и собирание народного духа и народной энергии?⁸⁵¹ Подчеркнем: Временное правительство, взявшее на себя властные полномочия до избрания и проведения Учредительного собрания, оказалось более левым, чем последняя Дума. И тем не менее на фоне бурлящей народной стихии оно выглядело довольно блекло. Архитектор парламентского курса 1914-1915 годов А.В. Кривошеин, узнав о новом качестве своих бывших соратников по либеральному фронту, заметил, что для выхода из сложившейся ситуации этого уже недостаточно. Месяца два назад положение было бы спасено, а теперь, пророчески заявил Кривошеин:

«вы погубите не только ваше детище – революцию, но и наше отчество Россию»⁸⁵².

То, что обретение власти лидерами либерального движения не приведет к стабилизации обстановки, понимал не только А.В. Кривошеин. Это понимало и само Временное правительство демократической России; выход виделся в тесном взаимодействии с революционными силами, учредившими Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. В условиях общей нестабильности либеральные деятели были кровно заинтересованы в такой политической опоре, тем более что руководство совета составили хорошо известные оппозиционеры-социалисты из той же Государственной думы (Н.С. Чхеидзе, М.И. Скобелев, А.Ф. Керенский), а также из рабочей группы при ЦВПК (К.А. Гвоздев, В.О. Богданов). Конечно, министры пошли на такой союз по необходимости, поскольку после устранения монархии государственные связи значительно ослабли. Но, безусловно, это не было результатом давления со стороны совета, как это неизменно изображалось советской историографией. Напомним: сотрудничество с революционными элементами являлось характерной чертой московского политического проекта. Начиная с 1905 года купеческая буржуазия стояла за теми, кто делал ставку на силовое выяснение отношений с царизмом. Под аккомпанемент митинговых речей и выстрелов либерально-профессорские претензии на ограничение самодержавия и правящей бюрократии звучали гораздо убедительнее.

Не изменилась ситуация и ко времени подготовки дворцового переворота в преддверии 1917 года. Об этом откровенно говорилось с трибуны заседания Центрального военно-

⁸⁵⁰ См.: Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 258.

⁸⁵¹ См.: Торжество Москвы // Утро России. 1917. 3 марта.

⁸⁵² См.: Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм – Берлин, 1921. С. 63.

промышленного комитета. Это торжественное мероприятие, посвященное чествованию лидеров ВПК, прошло через несколько дней после формирования Временного правительства⁸⁵³. Разумеется, тон здесь задавали московские ораторы, воспевавшие беззаветное мужество ниспровергателей царского режима и с упоением повествовавшие о том, как ковалась великая победа. А также и о том, как система военно-промышленных комитетов стала платформой для соглашения между предпринимателями и рабочими. Например, В.Н. Переверзев особо остановился на роли рабочих групп в деле свержения самодержавия. По его словам, власти опасались, что в этих организациях, созданных по инициативе буржуазии, начнет набирать силу революционная стихия, которая охватит всю Россию. «Нужно отдать справедливость старому правительству, что они не ошиблись», – удовлетворенно восклицал он⁸⁵⁴. Заседания рабочей группы при ЦВПК превратились в массовые собрания, куда ежедневно стекалось более пятисот человек. Именно здесь планировались и готовились массовые шествия по городу⁸⁵⁵. Справедлива оценка Переверзева:

«Если мы возьмем и рассмотрим все те события, которые произошли, то мы должны сказать, что первый толчок тому движению, которое развилось в Петрограде, которое в конце концов смело династию Романовых, дал военно-промышленный комитет в лице его рабочей группы... датой начала движения нужно считать арест рабочей группы»⁸⁵⁶.

Со своей стороны, глава ЦВПК А.И. Гучков, выступавший от лица победителей, открыто признавал: именно реакционность прежней власти вынудила:

«нас включить в основной пункт нашей практической программы – переворот, хотя бы и вооруженный»⁸⁵⁷.

И теперь, после крушения монархии, вызвавшего большие народные волнения, ситуация располагала к применению апробированной схемы в новых условиях. Ключевые фигуры Временного правительства были уверены в полезности глубокого сотрудничества с радикальными революционными силами. Глава кабинета князь Г.Е. Львов всегда благосклонно относился к крайним левым элементам, оказывая им покровительство в Земском союзе⁸⁵⁸. Он признавался, что наиболее комфортно чувствует себя именно в демократической среде, а общением с представителями высшего света тяготится⁸⁵⁹. Назначенный министром торговли и промышленности А.И. Коновалов неизменно делал ставку на взаимодействие с революционными кругами и рабочими организациями; помогал устраивать выборы в совет рабочих депутатов; выступал за тесное сближение с

853 См.: Заседание ЦВПК // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 марта.

854 См.: Там же.

855 См.: *Рафес М.* Мои воспоминания // Былое. 1922. №19. С. 179.

856 См.: Заседание ЦВПК // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 марта.

857 См.: Там же.

858 См.: *Шидловский С.И.* Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 63.

859 См.: *Львов Г.Е.* Воспоминания. М., 1998. С. 26.

большинством советской демократии⁸⁶⁰. Открытую расположенность к демократической среде демонстрировали министр путей сообщения Н.В. Некрасов и министр финансов М.И. Терещенко – также выходцы из руководства ЦВПК⁸⁶¹. Что уж говорить о А.Ф. Керенском, объявившем себя не кем иным, как единственным «заложником демократии» во Временном правительстве⁸⁶². Все эти деятели изначально были настроены на сотрудничество с Петроградским советом. Поэтому неудивительно, что М.А. Стахович – член Прогрессивного блока, занявший вскоре пост генерал-губернатора Финляндии, – убеждал своих коллег по Государственному совету в необходимости обязать все губернские земства признать сосуществование Временного правительства и советов рабочих и солдатских депутатов; кстати, это предложение Стаховича шокировало многих членов верхней палаты⁸⁶³.

Ориентация на Петроградский совет как на орган революционной демократии имела очевидный практический смысл. На наш взгляд, ее лучше всех выразил известный философ и публицист Ф. Степун. В своих интересных мемуарах он определил главную работу совета в тот период как работу «некой политической пожарной команды»⁸⁶⁴. Всюду, где вспыхивали конфликты (а в них недостатка не было: между офицерами и солдатами, рабочими и фабричными администрациями и пр.), всюду, где активизировались различные уголовные элементы, – сразу появлялись наиболее авторитетные члены совета. И, признавал Степун, что им практически всегда так или иначе удавалось своими речами утихомирить разгоравшиеся страсти⁸⁶⁵. Причем первым роль «политического пожарного» примерил на себя сам А.Ф. Керенский. 27 февраля, когда в Таврическом дворце члены Государственной думы слушали длинное выступление П.Н. Милюкова о нюансах государственного строительства, в зал ворвался возбужденный Керенский с известием: сюда движутся громадные толпы народа, жаждущие поучаствовать в формировании новой власти. Он вызвался выехать навстречу массам и попытаться их успокоить. Крайне встревоженные думские деятели миссию Керенского нашли полезной и незамедлительно выделили ему автомобиль⁸⁶⁶. И в дальнейшем лидеры Петроградского совета существовали в том же авральном режиме. Так, меньшевика М.И. Скобелева редко можно было застать в стенах совета: ему приходилось очень часто разъезжать по всему городу для «тушения» слишком горячих дискуссий⁸⁶⁷. «Незаменимым специалистом» по различным эксцессам считался эсер А. Гоц: он умел «разобрать законные претензии, и пожурить, и пошутить, словом

⁸⁶⁰ См.: The Interview with M.I. Tereshchenko // The fall of tsarism. Untold stories of the february 1917 revolution. Oxford, 2013.

⁸⁶¹ См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции. Кн. 1. Париж, 1963. С. 65.

⁸⁶² См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 165-166.

⁸⁶³ См.: кн. *Голицын А.Д.* Воспоминания. М., 2008. С. 386.

⁸⁶⁴ См.: *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. М.; СПб., 1995. С. 341.

⁸⁶⁵ См.: Там же. С. 341-342.

⁸⁶⁶ См.: *Мансырев С.П.* Мои воспоминания о Государственной думе (1912-1917 годы) // Историк и современность. Т. 2. Берлин, 1922. С. 28.

⁸⁶⁷ См.: *Милюков П.Н.* История второй русской революции. С. 64.

всех покуда что утихомирить»⁸⁶⁸. Кроме того, меньшевистско-эсеровские лидеры совета и по собственному почину устраивали митинги на крупных заводах в поддержку новой власти⁸⁶⁹.

Временное правительство и Петроградский совет быстро поняли преимущества тесного взаимодействия между собой. Один из лидеров совета И.Г. Церетели разъяснял:

«В совете рабочих и солдатских депутатов мы видели не органы, конкурирующие с правительством для захвата власти, а центры сплочения и политического воспитания трудящихся классов»⁸⁷⁰.

Примерно в таком же духе рассуждал и ставший эсером подполковник Генерального штаба С.Д. Мстиславский. Он делал акцент на желании буржуазных кругов заполучить доступ к административному ресурсу: купечество-де издавна позиционировало себя в качестве более компетентного управленца, чем царская бюрократия, тогда как публика, собравшаяся в советах, серьезных навыков государственного управления не имела. В возможность удержать власть самостоятельно здесь, по словам Мстиславского, верили слабо; организационные способности совета вплоть до мая 1917 года использовались главным образом для обуздания митинговой стихии, а не на управленческом поприще. Потому обе стороны осознавали:

«чтобы удержаться на ногах, им не оставалось ничего, как опереться друг на друга: они так и сделали»⁸⁷¹.

Отсюда, кстати, совершенно понятно равнодушие новой власти к судьбе Государственной думы – органу, создавшему само это Временное правительство. В течение двух месяцев после переворота министры, подчеркивавшие свою приверженность демократии, уверенно от Думы дистанцировались⁸⁷². И все попытки председателя IV Государственной думы М.В. Родзянко созвать Думу для поддержки правительства не находили у них никакого отклика. Как свидетельствовал депутат Н.В. Савич, князь Г.Е. Львов не собирался обострять отношения с советом рабочих и солдатских депутатов из-за этой попытки «*гальванизировать политический труп*», как выражались тогда в советской среде⁸⁷³. Лидер кадетов П.Н. Милюков также считал, что Дума свою роль сыграла; выбранная еще по Столыпинскому закону, она, по его мнению, уже не соответствовала историческому моменту⁸⁷⁴. В правительстве лишь один А.И. Гучков ратовал за созыв Государственной думы; он не раз обсуждал этот вопрос с коллегами по кабинету, но не

⁸⁶⁸ См.: *Чернов В.М.* Перед бурей. Воспоминания. Нью-Йорк, 1953. С. 314.

⁸⁶⁹ См.: *Войтинский В.С.* 1917-й. Год побед и поражений. Вермонт, 1990. С. 117.

⁸⁷⁰ См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции. Кн. 1. С. 23.

⁸⁷¹ См.: *Мстиславский С.Д.* Пять дней февральской революции. Берлин, 1922. С. 58-59.

⁸⁷² Этот процесс подробно описан А.Б. Николаевым, см.: *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума. 27 февраля – 3 марта. СПб., 2006. С. 573-588.

⁸⁷³ См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 229.

⁸⁷⁴ См.: *Долгорукий П.Д.* Великая разруха. М., 2007. С. 10-11.

нашел ни одного сочувствующего⁸⁷⁵. В итоге увещаний Родзянко и Гучкова хватило лишь на созыв юбилейного собрания Государственной думы всех четырех созывов, состоявшегося 27 апреля, в день открытия первого заседания нижней палаты в 1906 году. Речи на этом «торжественном» мероприятии напоминали «застольные речи на похоронном обеде»⁸⁷⁶. Председателя думы Родзянко по аналогии с персонажем знаменитой чеховской пьесы «Вишневый сад» именовали «Фирсом Таврического дворца»⁸⁷⁷. То, что Временное правительство сделало ставку на Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, а не на Думу, показывают и предоставленные финансовые субсидии. Временному комитету Государственной думы правительство ежемесячно выделяло на расходы по 250 тыс. руб.;⁸⁷⁸ причем лидеры Петросовета требовали лишить его и этого содержания, поскольку Дума, в отличие от того, как это было в первые недели после переворота, к этому времени уже перестала быть средоточием прогрессивных сил⁸⁷⁹. Оказывать финансовую поддержку необходимо лишь тем, считали вожди Совета, кто объединяет революционную среду, – и поэтому исполком Совета уже 6 марта испрашивал у правительства на свои текущие нужды 10 млн. руб. Правда, решение о предоставлении такой крупной суммы затягивалось, поскольку финансировать частные организации государство сочло затруднительным⁸⁸⁰. Коллизия благополучным образом разрешилась после того, как Всероссийское совещание советов вопреки требованиям большевиков и левых эсеров одобрило продолжение войны и поддержало Временное правительство, признав его подлинным органом революционной демократии⁸⁸¹. 3 апреля 1917 года исполкому Совета единым платежом были перечислены желанные 10 миллионов⁸⁸².

Тесное взаимодействие правительства и Петроградского совета определял и еще один важный фактор: оба находились в состоянии постоянного психологического напряжения из-за угрозы контрреволюции. Дом Романовых пал слишком легко, и страх реставрации не покидал никого из тех, кто принимал участие в перевороте. Первые дни после устранения Николая II были заполнены ожиданием неминуемого реванша. Многие на фоне начавшейся эйфории задавались вопросом: а не собираются ли вокруг сверженного трона оставшиеся ему верными войска⁸⁸³? И слухов об этом ходило более чем достаточно. Как заметил П.Н. Милюков,

⁸⁷⁵ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 122-123.

⁸⁷⁶ См.: Савич Н.В. Воспоминания. С. 230.

⁸⁷⁷ См.: Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990. С. 217.

⁸⁷⁸ См.: Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 305.

⁸⁷⁹ См.: Н.С. Чхеидзе о роли Государственной думы // Русская воля. 1917. 9 июня.

⁸⁸⁰ См.: Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн. 2. М., 1992. С. 420.

⁸⁸¹ См.: Выступление В.О. Богданова // Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. 29 марта – 3 апреля 1917 года. Стенографический отчет. М.; Л., 1927. С. 39.

⁸⁸² См.: Заседание №39 от 3 апреля 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 220.

⁸⁸³ См.: Князев Г.А. Из записной книжки русского интеллигента за время войны и революции. 1915-1922 годы // Русское прошлое. 1991. Вып. 2. М., 1991. С. 130.

«мы, подобно древним римлянам, сидели, уверяя себя, что заседание продолжается»⁸⁸⁴.

О том же пишет и С.В. Завадский: думский комитет оглядывался не только налево, но и направо; тогда:

«оставалось под большим вопросом, будет ли и как скоро сметен старый строй за пределами Петрограда, где победа восставших далась так нелепо легко, что естественно казалось непрочною»⁸⁸⁵.

Отсюда такая болезненная реакция на любые действия, в которых фигурировали члены императорской фамилии. Новой власти тени заговора мерещились повсюду. В середине марта поступили сведения о том, что на Кавказе, у бывшего великого князя Бориса Владимировича собрались офицеры. Военный и морской министр А.И. Гучков не замедлил провести ряд задержаний; под домашним арестом оказалась даже бывшая великая княгиня Мария Павловна, у которой изъяли переписку. Репрессивные меры не миновали и окружение Бориса Владимировича⁸⁸⁶. Началось бурное расследование, коим заинтересовался министр юстиции А.Ф. Керенский; для доклада обо всех обстоятельствах дела была сформирована особая комиссия⁸⁸⁷. Под негласным наблюдением находились все члены императорской семьи; обыски у них проводились с завидной регулярностью. Особо пристальное внимание привлекал бывший Верховный главнокомандующий российской армией Николай Николаевич, проживавший в Ялте. Во время проводившихся у него следственных мероприятий весь город оцеплялся; ходили слухи о готовившемся заговоре⁸⁸⁸. В атмосфере ожидания монархического реванша даже ограбление сената в Петрограде, имевшее явно уголовный характер, было воспринято в особом свете. Из здания похитили подлинники некоторых указов Петра Великого и рескриптов Екатерины II. Однако власти пребывали в уверенности, что истинной целью грабителей являлись вовсе не эти бумаги, а лишь случайно найденные документы об отречении Николая II, которые кто-то якобы намеревался использовать в монархических играх⁸⁸⁹. Такие настроения захватили даже представителей революционной демократии. К примеру, Московский совет рабочих и солдатских депутатов набирал агентов из числа учащейся молодежи для выяснения из уличных разговоров, где в городе окопалась контрреволюция. Эту деятельность в совете аккуратно называли «содействием установлению нового порядка»⁸⁹⁰. Неудивительно, что на Всероссийском совещании советов в конце марта 1917 года Ю.М. Стеклов предупреждал:

⁸⁸⁴ См.: Милуков П.Н. История второй русской революции. С. 67.

⁸⁸⁵ См.: Завадский С.В. На великом изломе // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 8.

⁸⁸⁶ См.: Авантюра голштинцев // Русская воля. 1917. 17 марта.

⁸⁸⁷ См.: Дело Марии Павловны // Русская воля. 1917. 20 марта.

⁸⁸⁸ См.: Обыск у Романовых // Русская воля. 1917. 3 мая.

⁸⁸⁹ См.: Вооруженное нападение на здание сената // Биржевые ведомости. 1917. 22 июля (утро).

⁸⁹⁰ См.: Ставровский С.Н. Черные годы, или BESTIA TRIUMPHALIS (1917-1922 годы) // Минувшее. №14. М.; СПб., 1993. С. 18.

«Совершенно очевидно, что контрреволюционные силы начали скопляться вокруг пока еще скрытого, но какого-то центра, готовят обход революционной демократии и организуют все свои силы»⁸⁹¹.

И по свидетельству очевидцев, в течение марта в Таврическом дворце несколько раз поднималась паника по поводу предполагаемых выпадов монархистов⁸⁹².

Желанием нейтрализовать монархическую угрозу были продиктованы и два наиболее громких решения, обнародованных во время переворота. По инициативе главы Временного правительства и одновременно министра внутренних дел князя Г.Е. Львова от своих должностей отстранялись все губернаторы России. Их лояльность вызывала у демократических лидеров большие сомнения; демонтаж региональной власти считался необходимым условием для утверждения нового порядка на местах. Обязанности губернаторов передавались губернским земским начальникам, наделавшимся соответствующими полномочиями. Напомним, что сам князь Львов долгое время являлся главой Земского союза, и то, что передача губернаторской власти в земства была осуществлена именно им, выглядело вполне логичным: он всегда благоволил земцам. Вместе с тем назвать данное решение удачным никак нельзя. Современники весьма нелестно отзывались о земских кадрах, которые *«были за редкими исключениями весьма плохи»*⁸⁹³. Помещичьи дети готовились главным образом не к общественной деятельности, а к государственной службе: именно там стремилась делать карьеру дворянская молодежь. Те же, кто не смогли закрепиться в структурах государственного аппарата, рано или поздно оказывались в земствах⁸⁹⁴. Добавим, что Временный комитет думы признал, к сожалению, невозможным назначение губернскими комиссарами (так теперь именовались и.о. губернаторов) членов думы, а ведь среди них были деятели более высокого уровня, чем местные кадры. Как отметил депутат думы А.А. Бубликов, в результате всех этих пертурбаций чиновники первого сорта были заменены чиновниками второго сорта⁸⁹⁵.

Другим скоропалительным решением новых революционных властей, имевшим еще более серьезные последствия, стал знаменитый приказ №1, адресованный Петросоветом полкам столичного гарнизона. В нем предписывалось незамедлительно создать во всех воинских частях солдатские комитеты на выборной основе; утверждалась подчиненность столичного гарнизона непосредственно Совету. Подчеркнем, что этот документ родился в кругах революционной демократии. Его главным следствием было то, что офицеры перестали быть единственными начальниками солдат и фактически лишались рычагов управления своими подчиненными; в подобных условиях военная поддержка ожидавшимся монархическим инициативам со стороны офицерства становилась попросту невозможной. Следует согласиться с мнением известного кадета В.А. Маклакова:

«Ни на что не было обращено такого подозрительного внимания со стороны революционной демократии и ни над чем не было сделано таких рискованных

⁸⁹¹ См.: Выступление Ю.М. Стеклова // Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. 29 марта – 3 апреля 1917 года. С. 117-118.

⁸⁹² См.: Бубликов А.А. Русская революция. С. 58.

⁸⁹³ См.: Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. С. 79.

⁸⁹⁴ См.: Там же. С. 80.

⁸⁹⁵ См.: Бубликов А.А. Русская революция. С. 36.

экспериментов, как над армией»⁸⁹⁶.

Один из руководителей совета – М.И. Скобелев прямо назвал приказ № 1 «стратегическим ходом во время самого горячего боя»: благодаря этому приказу, парализовавшему реваншистские устремления офицерства, Гучков и Милюков смогли получить власть⁸⁹⁷. Нужно также учитывать, что публика, сгруппировавшаяся в советах, страховалась этим ходом и от попыток сохранить монархию со стороны своих союзников по перевороту – лидеров кадетов и октябристов, за что те ратовали в первые дни после ее свержения⁸⁹⁸. Хотя в годы советской власти член Петроградского совета социал-демократ Н.Д. Соколов – один из авторов приказа – оценивал его направленность совершенно иначе. По его мнению, с появлением приказа №1 революционная демократия осознала себя реальной силой, опирающейся на солдатские массы. Ознакомившись с ним, думцы перестали относиться к членам совета как к примазавшимся попутчикам, мешающим настоящей созидательной работе⁸⁹⁹. И действительно, данный приказ не мог вызвать у членов сформированного кабинета одобрения. Министр А.И. Гучков в ходе посещения Морского ведомства сорвал висевший на стене текст и, бросив его на пол, заявил, что приказы могут отдаваться только министром, а не какими-то самочинными организациями. Правда, как раз перед этим он утвердил в должности командующего Балтийским флотом «красного адмирала» Максимова, только что выбранного экипажами⁹⁰⁰.

В советской историографии всей деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов неизменно приписывалось огромное значение. Утверждалось даже, что Временное правительство изначально попало от него в полную зависимость, превратившись в некий исполкомовский придаток. Однако это утверждение неверно, особенно для первых двух месяцев существования Петроградского совета. Он действительно, как было показано выше, эффективно руководил настроениями низов, а вот способных к административной деятельности там оказалось немного; желание «порулить» не подкреплялось соответствующими навыками. К моменту формирования совета в Таврическом дворце собралось около двухсот пятидесяти человек, причем «в зал непрерывно вливались все новые группы людей, бог весть с какими мандатами, полномочиями и целями»⁹⁰¹. К середине марта численность желающих заседать достигла трех тысяч человек, из которых около двух тысяч составляли солдатские депутаты, а потому созыв общих собраний происходил уже с большими трудностями⁹⁰². Поначалу на этих заседаниях пытался солировать известный глава совета 1905 года Хрусталеv-Носарь. Постоянно апеллируя к прошлому опыту, он комментировал происходящие события и демонстрировал готовность возглавить новый

⁸⁹⁶ См.: Письмо В.А. Маклакова к Б.А. Бахметьеву. 16 сентября 1927 года // Совершенно секретно и доверительно. Бахметьев – Маклаков. Переписка. 1919-1951 годы. Т. 3. М.; Стэнфорд, 2002. С. 346.

⁸⁹⁷ См.: Протокол заседания Исполнительного комитета и бюро Исполкома. 28 марта 1917 года // Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. М., 1991. С. 625.

⁸⁹⁸ См.: *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 221.

⁸⁹⁹ См.: *Соколов Н.Д.* Как рождался приказ №1 // Огонек. 1927. №11. 13 марта.

⁹⁰⁰ См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. С. 236-237.

⁹⁰¹ См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 91.

⁹⁰² См.: Рабочая газета. 1917. 15 марта.

революционный орган⁹⁰³. Однако общая ситуация, напоминая постоянно действующий митинг, исключала возможность сколько-нибудь серьезной работы. Неудивительно, что даже сами представители социалистических партий плохо представляли себе, что за люди мелькают в исполкоме⁹⁰⁴. К тому же многие не считали нужным называть свои имена и, даже выступая с трибуны, часто использовали псевдонимы⁹⁰⁵. Буржуазная пресса задавалась вопросом: что это за «влиятельный аноним», если и не обладающий прерогативами второго правительства, то все же с репутацией органа, с которым правительство считается? Граждане России, сообщала одна из газет, хорошо информированные о новых министрах, остаются в неведении относительно лиц, непрерывно заседающих в стенах Таврического дворца⁹⁰⁶.

В самом деле, чем занимался исполком, помимо исполнения крайне востребованных «пожарных» функций? Много времени было потрачено на обсуждение текста присяги и шлифовку ее формулировок; по этому поводу развернулись долгие дебаты⁹⁰⁷. Не менее заинтересованное отношение вызвал гимн «Да здравствует Россия, свободная страна» (слова Бальмонта, музыка Гречанинова). Право на его издание решили предоставить Бюро помощи освобождающимся политзаключенным⁹⁰⁸. Прилив энтузиазма вызвала оглашенная М.И. Скобелевым инициатива: отдать под заседания Совета рабочих и солдатских депутатов Зимний дворец⁹⁰⁹. Разумеется, не мог Совет обойти церемонию прощания с жертвами, погибшими в ходе революционных событий. Популярностью пользовалась идея захоронить их прямо на площади перед Зимним дворцом, где народ не раз проливал кровь в борьбе за свое освобождение. Только благодаря вмешательству Временного правительства, направившего М. Горького переубедить горячие головы, траурные мероприятия перенесли на Марсово поле. Там, на братской могиле, предполагалось силами лучших архитекторов воздвигнуть грандиозное здание для российского парламента⁹¹⁰. Бурю возмущения вызвало решение кабинета назначить бывшим министрам небольшую пенсию – 7 тыс. руб. в год. Совет негодовал: какое право имеет демократическая власть расходовать народные деньги на тех, кто сознательно защищал царский режим! Правительству напоминали: произошла не смена министров, а революция, преобразующая весь строй⁹¹¹. Что касается вопросов менее эмоциональных, но важных для государственного управления, то здесь члены совета заметно терялись.

⁹⁰³ См.: Протокол общего собрания Петроградского совета. 3 марта 1917 года // Петроградский совет... Т. 1. С. 87-88, 97-98.

⁹⁰⁴ См.: *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887-1921 годы). М.; Л., 1927.

⁹⁰⁵ См.: *Мякотин В.А.* Великий переворот и задачи момента. М., 1917. С. 6.

⁹⁰⁶ См.: Из кого состоит совет рабочих и солдатских депутатов // Русская воля. 1917. 17 марта.

⁹⁰⁷ См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. С. 247; *Шляпников А.Г.* Семнадцатый год. Кн. 2. С. 420.

⁹⁰⁸ См.: Новый русский гимн // Торгово-промышленная газета. 1917. 11 марта.

⁹⁰⁹ См.: *Гиппиус З.* Синяя книга. Петербургские дневники. 1914-1918 годы. Белград, 1929. С. 130.

⁹¹⁰ См.: Постановление совета о похоронах жертв революции. 5 марта 1917 года // Петроградский совет... Т. 1. С. 151-152.

⁹¹¹ См.: Временное правительство, старые министры и сановники // Известия. 1917. 13 апреля.

Например, назначение во все ведомства комиссаров Совета «для неусыпного надзора за Временным правительством», о чем много говорили, не было осуществлено вплоть до начала мая, когда надобность в этом отпала – в связи с вхождением социалистов в правительство⁹¹². Характерно, что Совет не возражал против направления в различные ведомства думских комиссаров. Решение правительства о том, что назначение исполкомом лиц для сношения с ведомствами не может иметь официальной силы, было принято без прений⁹¹³.

Серьезную полемику между Советом и Временным правительством вызвал далеко не праздный вопрос: где провести Учредительное собрание? Как известно, подготовка этого масштабного народного форума была главной задачей новой власти. В дни переворота было решено, что правительство будет заседать в Петрограде. Однако москвичи взялись исправить такое положение дел. Московская городская дума постановила ходатайствовать перед только что сформированным Временным правительством о проведении предстоящего Учредительного собрания по выработке формы правления и основных законов в Москве⁹¹⁴. Назначенный городским комиссаром Н.М. Кишкин выехал в Петроград, где проинформировал министров: Москва настаивает на созыве Учредительного собрания у себя, и к ее голосу присоединяется вся Россия. Премьер князь Г.Е. Львов заверил Кишкина, что правительство склоняется именно к такому решению.⁹¹⁵ Но советские лидеры стали энергично протестовать. По их словам, намерение правительства провести Учредительное собрание в Москве, где издавна господствовала торгово-промышленная буржуазия, объяснялось желанием уйти из-под контроля революционного народа⁹¹⁶. Дискуссия вспыхнула с новой силой. В поддержку Первопрестольной выступили и общественные организации. В частности, военно-промышленные комитеты заявили, что провинциальные ВПК никогда не пойдут за Петроградом⁹¹⁷. Бурное обсуждение состоялось и на Всероссийском торгово-промышленном съезде, прошедшем 19-22 марта 1917 года. Вот характерная выдержка из речи в поддержку кандидатуры Москвы:

«Здесь с Красного крыльца в Кремле, откуда возвещались все великие события русской жизни, здесь великодержавный русский народ окончательно возвестит свободу и порядок... и тогда мы поверим, что не будет больше смуты на Руси»⁹¹⁸.

Редкие выступления ораторов, оспаривавших данную точку зрения, тонули в шуме купеческих голосов. Под их аккомпанемент П.П. Рябушинский призвал поверить в Москву и добавил:

⁹¹² См.: *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 67.

⁹¹³ См.: Заседание №40 от 3 апреля 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 226.

⁹¹⁴ См.: Торгово-промышленная газета. 1917. 9 марта.

⁹¹⁵ См.: Учредительное собрание будет создано в Москве // Утро России. 1917. 10 марта.

⁹¹⁶ См.: Заявление Исполкома по поводу слухов о намерении Временного правительства созвать Учредительное собрание в Москве // Известия. 1917. 12 марта.

⁹¹⁷ См.: Москва или Петроград? // Утро России. 1917. 25 марта.

⁹¹⁸ См.: Выступление Ю.И. Поплавского // Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд. Стенографический отчет. 19-22 марта 1917 года. М., 1917. С. 129.

«Сидение в Петрограде, может быть, нас до добра не доведет»⁹¹⁹.

Уже и помещение для предстоящего собрания подыскивали: депутат Государственной думы М.М. Новиков предложил провести его в строящемся на Миусской площади соборе в память освобождения крестьян. В нем без труда можно было бы разместить около шести тысяч человек. А когда Учредительное собрание выполнит свои задачи, освятить здание как храм. Это выглядело бы весьма символично: собор в память не только освобождения крестьян, но и освобождения всей России⁹²⁰. Однако все доводы москвичей не возымели нужного воздействия: в данном вопросе Временное правительство не пошло против Совета. Это был первый тревожный звонок для купеческой буржуазии: оказалось, что политическое взаимодействие с революционными элементами чревато определенными рисками, не проявлявшимися при старом режиме.

Временное правительство и Совет рабочих и солдатских депутатов решали самые разнообразные вопросы, но самым важным среди них оставался вопрос военный. Ведь новое государственное строительство разворачивалось в условиях ведения боевых действий, что в значительной мере определяло характер политической обстановки. Революционный переворот произошел в то время, когда царская Россия планировала крупное наступление на фронте. Оно должно было стать частью военной операции, разработанной в конце 1916 года совместно с Францией и Англией. По расчетам союзников, осуществление данного замысла, намеченное как раз на март 1917 года, должно было привести к полному разгрому Германии⁹²¹. Свержение царского режима, естественно, внесло в эти планы серьезные коррективы, отсрочив их реализацию до стабилизации политического положения в России. И, конечно, произошедший переворот непосредственно повлиял на состояние российской армии. Власть командного состава была подорвана, солдатские массы пришли в движение. Началось повсеместное неповиновение приказам, в некоторых частях происходили самосуды и насилие над офицерами. Разбушевавшиеся солдаты обстреляли даже автомобиль военного и морского министра А.И. Гучкова, который объезжал части Петроградского гарнизона; один из сопровождающих, князь Д.Л. Вяземский, был убит⁹²². Приказ №1, обнародованный Советом (он, напомним, предусматривал создание солдатских комитетов в войсках), спокойствия в солдатские ряды, мягко говоря, не добавил. В этой обстановке злободневный военный вопрос становился тем фактором, который определял расклад политических сил и которым, как орудием политического давления и манипулирования, пытались действовать различные группировки, сформировавшиеся в верхах в ходе переворота.

Разумеется, первым разыграть военный козырь постарался А.И. Гучков: он хорошо понимал, что в случае успеха должность военного и морского министра обеспечит ему ключевую роль в кабинете. Инструментом для проведения в вооруженных силах реформ

⁹¹⁹ См.: Там же. С. 165.

Противником Москвы, как места проведения Учредительного собрания, на съезде выступил С.И. Хоронжицкий. Он пытался обосновать право Петрограда принимать у себя этот всенародный форум, но ему не дали возможность продолжить: под свист и крики он покинул трибуну // Там же. С. 132-133.

⁹²⁰ См.: Где быть Учредительному собранию (мнение М.М. Новикова) // Раннее утро. 1917. 19 апреля.

⁹²¹ План наступления предусматривал, что Западный фронт будет главным, а Восточный должен – за счет активности русской армии – сковать силы противника, не дать возможности перебросить их на англо-французский фронт и тем самым содействовать общему успеху операции. Подробнее об этом см.: *Жилин А.П.* Последнее наступление (июнь 1917 года) М., 1983. С. 15-16.

⁹²² См.: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства. Л. 1980. С. 70-71.

«сверху» стала комиссия «по переработке законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами». Во главе комиссии встал старый соратник Гучкова бывший царский военный министр А.А. Поливанов; в нее вошли как опытные генералы, так и группа молодых офицеров, выдвинувшихся во время революции (Г.А. Якубович, П.И. Аверьянов, Г.Н. Туманов, Л.Г. Туган-Барановский, П.И. Пальчинский и др.). Члены комиссии пытались использовать в своих интересах приказ №1: понимая, что распространение солдатских комитетов остановить невозможно, они решили ввести в них офицеров (за ними закреплялась треть мест). Кроме того, комиссия Поливанова разработала положение, обязывающее комитеты поддерживать дисциплину, контролировать хозяйственную деятельность и т.д. и при этом устранявшее их от обсуждения политики Временного правительства и приказов командования. Но вернуть реальную власть офицерству на принципе единоначалия разработчики новых идей, опасаясь монархического реванша, не решились⁹²³. Усилия Гучкова по реформированию армии коснулись и омоложения высшего командного состава. За два месяца своего пребывания на посту военного и морского министра он заменил 146 генералов, причем 116 из них были вовсе удалены из вооруженных сил, а остальные понижены в звании⁹²⁴. Предполагалось, что на смену им придут новые командиры, которые лучше адаптируются к изменившимся условиям и смогут установить надлежащую дисциплину.

Правда, по мере осуществления своих инициатив Гучков терял свой реформаторский настрой и окончательно утратил его после известных кризисных событий апреля 1917 года. Этот кризис наглядно продемонстрировал: вопрос о целях войны, а следовательно, и о ее продолжении не имел ответа, одинаково приемлемого для всех участников политического процесса в России. Правительство, Советы и – главное – солдатские массы по-разному видели решение этого злободневного вопроса. Уже к концу марта все осознали, что Гучков не в состоянии совладать с солдатской стихией и воспрепятствовать начавшемуся разложению армии. Тогда и произошло первое после революции столкновение на русско-германском фронте. На реке Стоходе при атаке Червищенского плацдарма жестокое поражение потерпел русский корпус, поставленный на защиту этого участка. В результате немцы заняли крайне выгодные позиции, и если бы наступление получило развитие, это могло бы изменить обстановку на всем фронте. Численность пленных солдат с нашей стороны достигала 25 тыс. человек. Поражение наглядно продемонстрировало, в каком состоянии находятся российские войска. Причем немецкая сторона была удивлена не меньше русской. Как вспоминал начальник штаба германских войск Э. Людендорф, после операции на Стоходе командование стремилось повсюду избегать каких-либо боевых действий: немцы опасались, что переход в наступление может приостановить развал России⁹²⁵. Красноречивое признание вражеского генерала убедительно свидетельствует о степени деморализации российской армии. Последствия разгрома оказались в центре внимания и в Петрограде. Кстати, ставка, возглавляемая генералом М.В. Алексеевым, не только не пыталась скрывать, но и всячески подчеркивала серьезность ситуации, информируя о потерях⁹²⁶. Правая пресса объясняла поражение вмешательством в

⁹²³ См.: *Лукомский А.С.* Воспоминания. Берлин. Т. 1. Берлин, 1922. С. 158.

⁹²⁴ См.: Что сделал Гучков // *Новое время*. 1917. 3 мая.

⁹²⁵ См.: *Людендорф Э.* Мои воспоминания о войне 1914-1918 годов. Т. 2. М., 1923. С. 25-26.

Людендорф писал, что немцы предприняли атаку для овладения предместным укреплением на Стоходе, после боев 1916 года оставшимся в руках русской армии. Сама эта операция не имела большого значения, но число пленных оказалось неожиданно велико. В дальнейшем Верховное командование воспретило осуществлять какие-либо операции на Восточном фронте // Там же.

⁹²⁶ См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции. Кн. 2. С. 20-21

управление армией демократических организаций, некомпетентностью выборного начальства. Как злорадствовала «Русская воля», противник шел испытать «новый дух» русских войск и теперь может быть доволен⁹²⁷. В этой ситуации Гучкову оставалось лишь повторять:

«Надеюсь, что этот громовой удар разгонит тучи и солнце победы озарит знамена свободной России»⁹²⁸.

«Солнце победы» грезилось не только военному и морскому министру. Несмотря на стоходский разгром, лавры победителя решил снискать еще один энергичный член Временного правительства – А.Ф. Керенский. Он тоже отлично понимал, что прорыв на политический Олимп зависит только от военных успехов. Пост министра юстиции, доставшийся Керенскому, не сулил больших дивидендов, и поэтому он начинает живо интересоваться военной проблематикой, с коей по роду своей адвокатской и думской деятельности никогда не соприкасался. Например, после посещения фронта Керенский охотно делился с журналистами планами создания революционной армии по образцу республиканской Франции. Для этого, развяснял кумир тогдашних политических трибун, надо омолодить командный состав, очистив его от кадров старой закалки. Офицеры должны проникнуться психологией солдата-гражданина: в этом необходимая предпосылка для того, чтобы приказы военного начальства исполнялись не механически, как это происходило при старом режиме, а сознательно, на основе общности взглядов офицера и солдата⁹²⁹. Керенский попросил также известного интеллектуала Д.С. Мережковского подготовить текст о декабристах: напоминание о первых революционерах-офицерах должно было способствовать смягчению трений в войсках. Именитый московский издатель И.Д. Сытин взялся распространить брошюру тиражом в миллион экземпляров⁹³⁰. Заинтересованность Керенского военным строительством сблизила его с группой офицеров, привлеченных Гучковым в ряды поливановской комиссии, о которой упоминалось выше. Эти выходцы из Генерального штаба, так называемые «младотурки», жаждали конвертировать перемены в стране в собственные карьерные достижения. Неустойчивость позиции Гучкова они почувствовали довольно быстро. Как указывал входивший в этот круг П.А. Половцев, на фронте комиссию ругали за чрезмерный либерализм, а в Совете – за чрезмерный консерватизм⁹³¹. И «младотурки» сделали свой выбор: постепенно дистанцируясь от военного и морского министра, они пошли навстречу популярному министру юстиции. Уже с апреля 1917 года начались его встречи с Якубовичем, Тумановым, Половцовым и др., на которые их привозил Пальчинский. Именно в этом кругу было окончательно решено, что Керенский должен занять место Гучкова⁹³². (Очевидно, Гучков чувствовал затеянную

⁹²⁷ См.: Стоход // Русская воля. 1917. 27 марта.

⁹²⁸ См.: Там же.

⁹²⁹ См.: Беседа с министром юстиции А.Ф. Керенским // Торгово-промышленная газета. 1917. 22 марта.

⁹³⁰ См.: *Гиппиус 3*. Синяя книга. Петербургский дневник. С. 118.

⁹³¹ См.: *Половцов П.А.* Дни затмения. М., 1999. С. 28.

⁹³² См.: *Никитин Б.В.* Роковые годы. М., 2007. С. 77.

интригу: ни один «младотурок» ни разу не получил повышения⁹³³.)

Другой стороной, конфликтовавшей с Гучковым, был сам Совет рабочих и солдатских депутатов. Надо сказать, что постепенно он преодолевал то аморфное состояние, в котором находился практически весь март. Исследователи во многом связывают это с деятельностью одного из меньшевистских вожаков – вернувшегося из ссылки И.Г. Церетели⁹³⁴. Лидер социал-демократической фракции во II Государственной думе обладал незаурядными организаторскими качествами. И если разгул советской стихии воплощал меньшевик Ю.М. Стеклов, то Совет как структуру олицетворял именно Церетели. К тому же после реформирования Совета и постепенного удаления случайных людей руководство сосредоточилось в руках «звездной палаты». Так именовался круг советских лидеров, ежедневно собиравшихся на квартире М.И. Скобелева, где проживал и Церетели. Совещания носили частный характер: не было ни председателя, ни повестки дня, ни протоколов. Но именно здесь сверялись позиции, готовились проекты резолюций и воззваний; душой этих собраний был И.Г. Церетели⁹³⁵. Исполком, ведомый «звездной палатой», постоянно обращался к военной тематике. Почти 70% вопросов, которые Совет поднимал перед Временным правительством, так или иначе касались армейской жизни⁹³⁶. Здесь следует подчеркнуть: активность Совета на данном направлении пока совсем не была связана с далеко идущими планами Керенского, хотя он с самого начала числился товарищем председателя Совета Н.С. Чхеидзе. Это подтверждает, что политическая «капитализация» активного министра юстиции опиралась прежде всего на военных «младотурков». С первых чисел марта он даже ни разу не появился в стенах Совета и его исполкома. (Подобное же отношение к Совету демонстрировал, пожалуй, лишь Гучков, упорно избегавший визитов в стан революционной демократии.) Терпение исполкома иссякло к концу месяца: Керенского как члена Совета постановили вызвать на одно из заседаний. Ю.М. Стеклов выражал общее возмущение по этому поводу:

«Как будто бы там (в правительстве. – А.П.) есть представитель от Совета, а в действительности [он] не является к нам и ведет особую политику... это производит неблагоприятное впечатление»⁹³⁷.

Министр юстиции поступил довольно неожиданно: прибыв на заседание солдатской секции совета, он произнес блистательную речь. Напомнив о своих заслугах в борьбе с царским режимом, Керенский перешел к делу:

«Я слышал, что появляются люди, которые осмеливаются выразить мне недоверие... я предупреждаю тех, кто так говорит, что не позволю не доверять себе и не допущу, чтобы в моем лице оскорблялась вся русская демократия».

⁹³³ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 74.

⁹³⁴ См.: Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 329-331.

⁹³⁵ В.С. Войтинский, кроме Скобелева и Церетели, упоминает среди участников этих собраний Чхеидзе, Дана, Анисимова, Ермолаева, Гоца; реже появлялись Чернов, Рожков, Вайнштейн, Авксентьев. См.: Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. Вермонт, 1990. С. 69.

⁹³⁶ См.: Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. 29 марта – 3 апреля 1917 года. Стенографический отчет. С. 116.

⁹³⁷ См.: Протокол заседания Исполнительного комитета и Бюро Исполкома. 26 марта 1917 года // Петроградский совет... Т. 1. С. 575.

А в заключение добавил, что никуда не уйдет, пока не утвердит в России демократическую республику. В итоге его под овацию на руках вынесли из зала⁹³⁸. Такой восторженный прием обезоружил противников: им осталось лишь недоумевать относительно апелляции Керенского к массам через голову исполкома. Как заметил В.О. Богданов:

«этот метод нежелательный, не в наших и не в его интересах... нужно считаться с нами»⁹³⁹.

Но Керенский уверял, что всегда надеялся на поддержку Совета, просто не мог участвовать в его длинных заседаниях:

«А то можно проворонить важное»⁹⁴⁰.

Важное Керенский действительно не «проворонил»: отныне он стал более плотно взаимодействовать с исполкомом. Например, их совместными усилиями в Минске 7-10 апреля 1917 года был проведен съезд Западного фронта. Лидеры Петроградского совета – Чхеидзе, Церетели, Скобелев, Гвоздев – посетили Минск, сумев взять под контроль это крупное армейское мероприятие. Под пение «Отречемся от старого мира...» Скобелев говорил о том, как *«революция дезинфицирует мозги офицерам»*, и призывал их к единению с солдатами на новых демократических принципах⁹⁴¹. Уточним, что данный съезд прошел в пику гучковской инициативе по организации другого воинского съезда, в Москве. Там, в отличие от минского форума, захваченного советскими деятелями, планировались совсем иные решения по широкому кругу военных вопросов; оказать поддержку министру обещал нарождающийся Союз офицеров. Но Петроградский исполком совместно с Керенским сумел воспрепятствовать московскому съезду, признав его проведение излишним⁹⁴².

Интересы Керенского совпали с чаяниями советских деятелей, желавших выдвинуть из правительства Гучкова. С другой стороны, *«звездная палата»* была вынуждена считаться с растущей популярностью Керенского, а потому демонстрировала единение с ним. Ф. Степун тонко заметил, что, по мере того как исполком *«обретал власть над самим собой и Советом, он терял всякую власть над массами»*⁹⁴³. Керенский постепенно приобретал статус народного трибуна, кумира масс. Недолгое противостояние с *«империалистическими»* министрами, как в те дни называли Гучкова и Милюкова, завершилось блистательной победой Керенского, что символизировало победу молодых сил над старой политической традицией.

Отставка Гучкова и Милюкова открывала новые политические горизонты не только перед министром юстиции, но и перед *«звездной палатой»*. Однако если Керенский, подогреваемый группой *«младотурков»*, стремился к властным вершинам, то советские

⁹³⁸ См.: Протокол заседания солдатской секции. 26 марта 1917 года // Там же. С. 588-589.

⁹³⁹ См.: Протокол заседания Исполнительного комитета. 27 марта 1917 года // Там же. С. 602.

⁹⁴⁰ См.: Там же.

⁹⁴¹ См.: Из Минска // Известия. 1917. 11 апреля.

⁹⁴² См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 2. С. 40.

⁹⁴³ См.: Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 342.

лидеры с немалыми сомнениями вступали на правительственную ниву. Реальная ответственность представлялась менее приятной, нежели присмотр за властью со стороны. Поэтому решение о работе Совета в составе Временного правительства было принято не с первого раза. Результаты первоначального голосования были такими: 22 – за, 23 – против, 8 – воздержались⁹⁴⁴. Весьма примечательно, что уже на следующий день военные «младотурки» взяли на себя роль агитаторов, призывающих лидеров социалистических партий войти во власть. 30 апреля 1917 года группа офицеров во главе с Г.А. Якубовичем посетила исполком. Они выражали возмущение демонстративным уходом Гучкова, поскольку это могло вызвать отставку командующих отдельными фронтами, что было явно нежелательно. Единственным способом предотвратить разложение армии Якубович и офицеры считали укрепление власти посредством участия в правительстве советских представителей⁹⁴⁵; они пришли со специальной миссией: убедить социалистов сделать этот шаг. Именно этого с нетерпением ожидал их новый патрон. Вообще складывается ощущение, что если бы не стойкое желание Керенского, то члены «звездной палаты» вполне могли воздержаться от такого скорого вхождения в правительство. Прежний формат, в котором они добросовестно играли определенную роль, их, похоже, вполне устраивало. Не устраивало это Керенского и его военных соратников, продавливавших новую конструкцию власти, в рамках которой они собирались построить свое блистательное политическое будущее. С первых дней водворения Керенского в Военном и морском министерстве «младотурки» оккупировали там все ключевые посты. Помимо Керенского в правительство от социалистов вошли М.И. Скобелев (министр труда), В.М. Чернов (министр земледелия), А.В. Пешехонов (министр продовольствия), В.Н. Переверзев (министр юстиции), И.Г. Церетели (министр почт и телеграфа)⁹⁴⁶.

В военной сфере происходило утверждение концепции солдата-гражданина, отношения которого с офицерами строятся не на механическом исполнении приказаний, а на солидарных началах. Эта концепция стала стержнем политики А.Ф. Керенского и его сподвижников. Все, кто не разделяли провозглашенных принципов, объявлялись не соответствующими духу революционного времени и должны были уступить место новым кадрам. В критической зоне сразу оказался Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев, назначенный на этот пост при поддержке своего давнего соратника Гучкова. Совет относился к ставке с неизменным пренебрежением. Здесь постоянно напоминали: Алексеев, этот генерал:

«служивший старому режиму, забыл, что он не затем оставлен на посту Верховного главнокомандующего, чтобы противодействовать политике революционного правительства, а затем – и исключительно затем, – чтобы служить этому правительству, пока оно считает его полезным на данном посту»⁹⁴⁷.

Алексеева откровенно игнорировал и новый министр. Керенский даже не считал

⁹⁴⁴ См.: Коалиционное министерство // Утро России. 1917. 29 апреля.

⁹⁴⁵ См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции. Кн. 1. С. 134-135.

⁹⁴⁶ На включении в кабинет И.Г. Церетели больше всего настаивало само правительство. В отличие от других членов Совета он пошел на это крайне неохотно. Его настоятельно уговаривали возглавить Министерство внутренних дел, а премьер кн. Г.Е. Львов с готовностью уступал ему свой портфель, однако Церетели согласился на должность министра почт и телеграфов, приняв ее не без юмора. См.: *Гуревич В.Я.* Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция // Летопись революции. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 57.

⁹⁴⁷ См.: Словоохотливый генерал // Известия. 1917. 11 мая.

нужным согласовывать с ним серьезные кадровые решения. Например, о назначении генерала Аверьянова военным комиссаром Закавказского фронта ставка узнала только из газет. Алексеев просил информировать о полномочиях нового комиссара по оперативному командованию армией⁹⁴⁸, но на том этапе Керенскому, поймавшему мощный политический кураж, объяснения казались излишними. Его популярность, растущая не по дням, а по часам, представлялась более надежным инструментом в идейном обеспечении предстоящего наступления. Действительно, фигура молодого военного и морского министра вызывала в российском обществе небывалый ажиотаж. Так, в Петрограде его после выступления на Всероссийском крестьянском съезде под несмолкающие овации на руках несли от трибуны до автомобиля⁹⁴⁹. В Москве он также купался во всеобщем обожании. В Большом театре прошел аукцион по продаже его фотографий с автографами: за некоторые снимки было заплачено по несколько тысяч рублей⁹⁵⁰. Историки считают вполне правомерным говорить о культе личности Керенского, возникшем раньше культов Ленина, Троцкого, а позже и Сталина⁹⁵¹. Казалось, сбылось предсказание М.В. Родзянко, сделанное им после аудиенции у Николая II в конце 1916 года: если император не назначит ответственное перед думой правительство, то придется выпускать на улицу Керенского, и потом его не удержать⁹⁵².

Стремление нового министра и действовавшего в унисон с ним Совета перевести военное строительство на демократические рельсы вызвало неоднозначную реакцию в армейской среде, и прежде всего у офицерского корпуса. Часть его стала откровенно ориентироваться на перемены, получавшие явную поддержку со стороны министерства. Эти офицеры начали *«заигрывать с солдатами... и строить свое преуспевание на показной революционности»*⁹⁵³. Кстати, образец такого преуспевания демонстрировал не кто иной, как генерал А.А. Брусилов; он единственный из командующих фронтами благожелательно отнесся к новшествам, внесенным революцией в военную субординацию⁹⁵⁴. Но многие были недовольны подчеркнуто политическим характером этих порядков. В концентрированном виде ситуация проявилась на съезде Союза офицеров в мае 1917 года. Этот представительный форум (более 700 делегатов), состоявшийся непосредственно в ставке, в Могилеве, стал знаковым событием в политической жизни страны. Сюда съехались представители иностранных армий (Франции, Италии, Сербии), присутствовали посол США Фрэнсис и бельгийский министр Вандервельте. На съезде выступили Верховный главнокомандующий М.В. Алексеев, бывший глава Министерства иностранных дел П.Н. Милюков, А.И. Шингарев, Ф.И. Родичев⁹⁵⁵. От Государственной думы к собравшимся

⁹⁴⁸ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2003. С. 246.

⁹⁴⁹ См.: Совет крестьянских депутатов // Биржевые ведомости. 1917. 5 мая (вечер).

⁹⁵⁰ См.: Окунев Н.П. Дневник москвича (1917-1920 годы). Т. 1. М., 1997. С. 45.

⁹⁵¹ См.: Тютюкин С.В. Александр Керенский: страницы политической биографии (1905-1917 годы). М., 2012. С. 172.

⁹⁵² См.: Мордвинов А.А. Из пережитого (1922 год) // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 513. Л. 10.

⁹⁵³ См.: Верцинский Э.А. Год революции. Воспоминания офицера генерального штаба за 1917-1918 годы. Таллин, 1929. С. 15.

⁹⁵⁴ См.: Шидловский С.И. Воспоминания. Ч. 2. С. 75-76.

⁹⁵⁵ См.: Всероссийский съезд офицерских депутатов // Русский инвалид. 1917. 9 мая; 10 мая.

обратился С.И. Шидловский; он посетовал на уменьшение роли Временного комитета Думы, добавив: но только не на этом съезде. Здесь хорошо помнят, подчеркнул он, значение Думы, оказавшейся в первые дни революции подлинным организующим центром. Выступление Шидловского встретили бурными овациями⁹⁵⁶. От Совета рабочих депутатов съезд приветствовали Ю.М. Стеклов и И.Г. Церетели; последний произнес свою, ставшую уже «фирменной», примирительную речь. Надо сказать, что советские лидеры без особого энтузиазма отнеслись к проведению офицерского собрания. Но препятствовать ему, как это было с гучковской инициативой в апреле, не стали: ведь теперь съезд с полным правом мог посетить Керенский, обретший в правительстве новый статус. Так и случилось: в ходе длительной поездки по фронту новый военный министр заглянул и на съезд. В своей речи он снова обыгрывал любимую тему о декабристах-революционерах, с которых следует брать пример, рассуждал о равенстве прав солдата и офицера и т. д.⁹⁵⁷

Гораздо больший интерес, чем выступления, представляют развернувшиеся на съезде прения. Они сразу четко обозначили две позиции. Первую выражали москвичи и ориентировавшиеся на них делегаты; их отличало резкое неприятие Совета и его политики. Так, прапорщик Ефимовский подчеркнул, что на съезде собрались не представители какого-либо класса, партии или касты, а те, на ком лежит обязанность вести войну и подавать пример самоотверженной борьбы. В этом – подлинная ответственность за Россию, говорил прапорщик, а в чем заключается ответственность Совета, представляющего 8% населения, – неясно. Непонятно также, продолжал выступающий, почему Совет со своими претензиями забыл о земствах, об интеллигенции – ведь именно они несли идеи политической свободы в годы реакции. Завершая свое выступление, Ефимовский объявил Совет суррогатом Учредительного собрания⁹⁵⁸. Эту мысль развил делегат Денисов, открыто призвавший Временное правительство опираться на офицерскую организацию, а не на Петроградский совет, сыгравший прискорбную роль в деле развала армии. Теперь, считал Денисов, Совету следует оставить политиканство и заняться ее воссозданием⁹⁵⁹. Эта точка зрения незамедлительно была оспорена делегатами из Петрограда. Присутствовавший на съезде член исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов доктор Менциковский не мог скрыть возмущения. Он напомнил, что столичный гарнизон и рабочие города являются авангардом революции, а не кучкой каких-то выскочек, вершащих дела в России. Идя против Совета, заявил Менциковский, недалёковидные ораторы подрубают сук, на котором им следовало бы укрепиться⁹⁶⁰. Но большинство съезда явно не желало такой политической устойчивости. Просоветски настроенный подполковник Гуцин вынужденно покинул президиум, поскольку съезд не поддержал линию Совета по сближению с солдатами⁹⁶¹. А председателю Могилевского совета Гольдману вообще не предоставили слова, выставив его за дверь⁹⁶². В конце работы съезда пришло известие о снятии М.В. Алексеева с поста

⁹⁵⁶ См.: Любош С. Офицерский парламент // Биржевые ведомости. 1917. 9 мая (утро).

⁹⁵⁷ См.: Всероссийский съезд офицерских депутатов // Русский инвалид. 1917. 10 мая.

⁹⁵⁸ См.: Там же // Русский инвалид. 1917. 12 мая.

⁹⁵⁹ См.: Там же.

⁹⁶⁰ См.: Там же // Русский инвалид. 1917. 13 мая.

⁹⁶¹ См.: Там же // Русский инвалид. 1917. 14 мая.

⁹⁶² См.: Новосильцев Л.Н. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 1. Л. 150.

Главковерха. Сообщение было выслушано при гробовой тишине; затем съезд избрал генерала почетным членом Союза, назвав его уход «тяжкой потерей для России»⁹⁶³.

В Совете рабочих и солдатских депутатов не строили иллюзий относительно настроения Могилевского съезда; ведь Алексеев собрал его в ставке, даже не спросив мнения Совета⁹⁶⁴. Поэтому в Петрограде заранее озаботились проведением альтернативного мероприятия – совещания делегатов фронта. Оно прошло в Таврическом дворце с 11 по 17 мая 1917 года, одновременно с офицерским съездом. От Военного министерства присутствовал замещавший Керенского Г.А. Якубович. Здесь тон задавала уже исключительно околосоветская публика. Поднимался вопрос о заключении Николая II в Петропавловскую крепость, раздавались протесты в адрес буржуазии, выносились громкие резолюции⁹⁶⁵. Полтора часа трибуну занимал один из большевистских лидеров Г.Е. Зиновьев, и это было весьма любопытное выступление. Например, ему был задан вопрос: что делать русскому воину, если на него идет со штыком немецкий солдат? Зиновьев начал путанно рассуждать о невозможности дать однозначный ответ без выяснения общего вопроса: кто нами правит? Когда его попросили рассказать о себе, Зиновьев сообщил, что он – мелкий буржуа, а его отец владеет молочной фермой на юге России.

«Биржевые ведомости», поместившие информацию о совещании, отмечали странность происходящего. Военный министр Керенский категорически высказывается за наведение железной дисциплины, тогда как в Таврическом дворце, в Совете, группа людей определенно придерживается противоположной позиции⁹⁶⁶. Тем не менее совещание призвало сплотиться вокруг Совета и Временного правительства: наша армия, говорилось в одном из принятых им документов, должна проливать кровь во имя демократии и народных масс, а не во имя чьих-то империалистических устремлений.⁹⁶⁷

Все сказанное выше о военном вопросе позволяет сделать серьезные обобщения. Прежде всего можно говорить о распаде московского политического проекта. Его традиция, которая предусматривала привлечение и патронирование социалистических элементов разных оттенков, была разрушена бурным ходом событий. Не утихавшее брожение народных масс настоятельно требовало пересмотра отношений с радикально настроенными деятелями. Это лучше всех понял Керенский. Одной лишь демонстрацией поддержки буржуазной власти со стороны социалистических партий уже нельзя было – да и не следовало – ограничиваться. Сама жизнь подводила к тому, чтобы их представители стали составной частью этой власти. Поэтому молодой министр начал резко «капитализироваться», подавая пример соратникам по Совету. В отличие от них Керенский не отягощал себя теоретическими рассуждениями: мол, революция буржуазная, а потому не стоит брать на себя ответственности, пока страна не достигла соответствующего уровня экономического развития. Он напористо продвигался к вершине власти, начав действовать на военном поприще. Его стратегию поддержали находившиеся в стране в мае – июне 1917 года

⁹⁶³ См.: Съезд делегатов армии и флота в Могилеве // Новое время. 1917. 24 мая.

После сообщения об отставке Алексева съезд завершал работу в крайне нервной обстановке. Достаточно сказать, что закрыть его удалось лишь с третьей попытки. Причем не обошлось без эксцессов, в которых приняло участие большинство делегатов // Русский инвалид. 1917. 27 мая.

⁹⁶⁴ См.: Новосильцев Л.Н. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

⁹⁶⁵ См.: Совещание делегатов с фронта // Известия. 1917. 18 мая.

⁹⁶⁶ См.: Гессен А. Фронтовые делегаты новейшей формации // Биржевые ведомости. 1917. 13 мая (вечер).

⁹⁶⁷ См.: Совещание делегатов фронта // Известия. 1917. 17 мая.

министры-социалисты из Франции, Англии и Бельгии⁹⁶⁸. Они, со своей стороны, рекламировали вхождение представителей социалистических партий во власть: к этому времени подобная практика была апробирована во всех ведущих европейских державах. Надо сказать, они искренне верили в свою миссию: помочь местной демократии обрести устойчивость и тем самым довести войну до разгрома Германии.

Таким образом, политический помощник, которого московская буржуазия привлекла для борьбы с правящей бюрократией, опиравшейся на питерскую банковскую группу, обрел самостоятельность. П.П. Стремоухов, чиновник Министерства внутренних дел, в своих мемуарах так оценил это обстоятельство:

«Призванный для черновой работы мавр, сделав свое дело, вовсе не думал уходить и своей грубой рабочей рукой тянулся к чаше, из которой так жадно пили нектар власти Милюков и другие»⁹⁶⁹.

В накаленной политической ситуации «мавр» уже не довольствовался второстепенными ролями. Те времена, когда Керенского можно было снабдить деньгами и использовать для добывания копий полицейских докладов о деятельности оппозиции, безвозвратно ушли⁹⁷⁰. Или, например, трудно представить, чтобы в мае 1917 года Скобелев выслушивал наставления А.И. Коновалова, как это происходило немногим ранее в коридорах Госдумы⁹⁷¹. Более того, в новых условиях социалистические лидеры, вдохновляемые Керенским, начинали претендовать уже не только на равноправное партнерство с буржуазными политиками, но и на ведущие роли в управлении жизнью страны. Предельно откровенно это выразил лидер эсеров В.М. Чернов. Сразу после своего назначения министром земледелия он заявил: прежнее правительство шло по пятам революционных событий, а не во главе их, и теперь:

«мы, социалисты, должны не только направлять революцию по руслу, но и определять это русло»⁹⁷².

С этими претензиями никак не могли согласиться ни А.И. Гучков, ни П.Н. Милюков, ни – чуть позже - А.И. Коновалов: их уход из Временного правительства ознаменовал распад политической модели, сформированной в Москве. В борьбу за контрольный пакет власти - в борьбу, которую почти два десятилетия вела московская буржуазная группа, - включился еще один игрок в лице российских социалистов. Причем включился на основе собственных представлений о путях развития страны. Как утверждал тот же Скобелев:

«исходной точкой участия социалистов в правительстве является не прекращение классовой борьбы, а, наоборот, ее продолжение при помощи орудий политической власти»⁹⁷³.

⁹⁶⁸ См.: Соловьев О.Ф. Империалистические державы против революции в России (март–октябрь 1917 года) // Новая и новейшая история. 1987. №1. С. 154.

⁹⁶⁹ См.: Стремоухов П.П. Все в прошлом. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 654. Оп. 1. Д. 5. Л. 8-8 об.

⁹⁷⁰ См.: ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 329. Л. 97.

⁹⁷¹ См.: Новиков М.М. От Москвы до Нью-Йорка. Нью-Йорк, 1952. С. 180.

⁹⁷² См.: Министры-социалисты о своих задачах // Известия. 1917. 9 мая.

⁹⁷³ См.: В международном отделе // Известия. 1917. 30 мая.

В этих условиях триумф либералов и московского купечества, добившихся устранения Николая II, не получил желанного развития. Неудивительно, что Москва (устаами князя Е.Н. Трубецкого) с ностальгией будет вспоминать первый состав Временного правительства, олицетворявший ее радужные надежды:

«Первое послереволюционное правительство заключало в себе цвет России, оно было составлено сплошь из имен, которыми мы, русские, можем гордиться»⁹⁷⁴.

Социалистические «звезды», вошедшие во второй состав кабинета, были настроены очень решительно. Показателен такой факт: Совет, в начале апреля 1917 года получивший на свои нужды из казны 10 млн руб., через месяц с небольшим повторно хотел испрашивать у правительства такую же сумму⁹⁷⁵. Но обретя статус членов правительства, лидеры Совета об этом ходатайстве решили забыть: теперь оно выглядело мелочью на фоне открывшихся горизонтов. Аграрная реформа, пересмотр налоговой политики, изменения в трудовой сфере – вот далеко не полный перечень тех ключевых направлений, где новые министры собирались показать себя во всей красе. Несложно догадаться, какие чувства вызывали у купеческих воротил грандиозные замыслы их младших партнеров по борьбе со старым режимом. Причем исходили эти намерения не откуда-нибудь, а опять-таки из северной столицы. Московская буржуазия усматривала в этом злой рок:

«Ведь у Петрограда есть свои прочные антинациональные традиции, традиции настолько прочные, что, по-видимому, они не зависят от перемен в государственном строе. Есть что-то в атмосфере этого города, что, безусловно, препятствует созданию национальной власти. Это замечалось и при старом порядке, это замечается и теперь»⁹⁷⁶.

Иными словами, неприязнь к традиционному сопернику в лице питерской буржуазии и бюрократии дополнилась теперь откровенной ненавистью к Совету рабочих и солдатских депутатов, обосновавшемуся в Петрограде. (П.П. Рябушинский в сердцах назвал это «воцарением шайки политических шарлатанов», над которыми во имя России следует назначить опеку⁹⁷⁷.) Купеческая элита с трудом скрывала обиду и разочарование; летом 1917 года о ней говорили: если при старых порядках она была «ходатайствующей», то теперь стала «проливающей слезы»⁹⁷⁸.

Распад московской политической модели, приведший к выдвижению на первый план нового самостоятельного игрока, не мог не сказаться на положении питерского буржуазного клана. Конечно, февральский переворот и устранение царского правительства стали

⁹⁷⁴ См.: Отчет о московском совещании общественных деятелей. 8-10 августа 1917 года. М., 1917. С. 9.

⁹⁷⁵ См.: Протокол заседаний исполнительного комитета. 10 мая 1917 года // Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. М., 2002. С. 34.

⁹⁷⁶ См.: Отчет о московском совещании общественных деятелей. 8-10 августа 1917 года. С. 13.

⁹⁷⁷ См.: Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 3–5 августа 1917 года. М., 1917. С. 4, 6.

⁹⁷⁸ См.: Дервянко Н. Еще о русской буржуазии // Торгово-промышленная газета. 1917. 21 июля.

страшным ударом для деловых кругов Петрограда. Впервые за долгие десятилетия они оказались без административной поддержки и на вторых ролях; однако они быстро ощутили неустойчивость сложившегося политического положения. Разумеется, ничего, кроме отвращения к социалистическим деятелям, столичная элита не питала. Здесь никогда не испытывали потребности в общении с подобной публикой и теперь были уверены, что игры, затеянные оппонентами из Москвы, пришли к своему логическому завершению – полному политическому банкротству. Как говорил французскому послу М. Палеологу банкир А.И. Путилов:

«царская власть – это основа, на которой построена Россия, единственное, что удерживает ее национальную целостность, а свержение царизма приведет к разрушению государства и анархии»⁹⁷⁹.

Что и произошло: после февральских трансформаций Россия вступила в длительный период беспорядка, нищеты и разложения⁹⁸⁰. Такое положение вещей побуждало петербургский деловой мир переходить от пассивного наблюдения к активным действиям по усилению своих пошатнувшихся позиций. Заметим: в марте – апреле 1917 года столичная буржуазия была вынуждена следовать за московским купечеством и принимать участие в его инициативах. Так, первый съезд Всероссийского торгово-промышленного союза (ВТПС), учрежденного в конце марта в Москве, рекомендовал открыть по стране отделения новой организации. Питерцы в числе других регионов наскоро образовали в составе ВТПС Петроградский торгово-промышленный союз, который возглавил Путилов (его заместителями стали Е.Л. Любович и Н.А. Белоцветов)⁹⁸¹. Однако, сделав этот вынужденный шаг, столичные дельцы явно не собирались следовать предписаниям своих давних противников.

Впервые после февраля 1917 года голос питерской буржуазной группы громко прозвучал на рубеже мая – июня. Тогда целый ряд видных столичных банкиров и промышленников собрался у графа Шереметьева на первое публичное заседание, с участием дипломатов и генералов союзных держав. Многолюдное собрание открылось речью Путилова: он охарактеризовал состояние страны; выразил надежду, что страна, в свое время прогнавшая «*тушинского вора*», прогонит и ленинских воров; призвал выполнить в полном объеме все союзнические обязательства России⁹⁸². Следующая встреча была посвящена сугубо внутренним проблемам. Выступавшие обрушились с критикой на Временное правительство, говорили о неизбежности капиталистического строя и о необходимости отказаться от проповеди социализма. Подчеркивалось, что всякие попытки хотя бы частичного осуществления социалистического принципа в отдельных отраслях хозяйства бесплодны или даже вредны: они приведут к анархии производства и полному расстройству финансово-промышленной жизни. В то же время собравшиеся сочли необходимым приступить к созданию мощного всероссийского торгово-промышленного органа⁹⁸³. Это решение крайне важно: отсюда следовало, что образованный в Москве двумя месяцами

⁹⁷⁹ См.: Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М., 1991. С. 177.

⁹⁸⁰ См.: Палеолог М. Дневник посла. М., 2006. С. 819-820.

⁹⁸¹ См.: Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде: Сб. статей. М.; Л., 1957. С. 271.

⁹⁸² См.: В торгово-промышленных кругах // Новое время. 1917. 26 мая.

⁹⁸³ См.: Конференция промышленников // Новое время. 1917. 3 июня.

ранее Всероссийский торгово-промышленный союз не признается ведущей предпринимательской организацией страны. Есть потребность в новом, действительно авторитетном центре, и с этой инициативой выступает деловой Петроград. В итоге было решено образовать Комитет защиты промышленности, куда вошли представители тринадцати организаций (Совет съездов металлообрабатывающей промышленности, Совет съездов горнопромышленников юга, Совет съездов акционерных банков, Совет съездов представителей торговли и промышленности, Петроградское общество фабрикантов и заводчиков и др.). Понятно, что при таком составе претензии московского Всероссийского торгово-промышленного союза на руководящую роль выглядели более чем призрачно. К тому же участникам предлагалось предпринимать самостоятельные шаги не иначе как по согласованию с Комитетом⁹⁸⁴. Иначе говоря, петроградская буржуазия попыталась вновь утвердиться в роли флагамена российского предпринимательского сообщества. Переговоры с Москвой о создании единой организации велись на протяжении лета: каждая из сторон стремилась к доминированию в новом союзе. Первопрестольную не устраивало более мощное представительство петроградской и тесно связанной с ней южной группировок (им планировалось отдать до 2/3 мест). Как откровенно заметил П.П. Рябушинский, нужно *«стараться не дать Петрограду верховенство»*⁹⁸⁵.

Московской буржуазии удалось сделать это, хотя и с большим трудом. Несмотря на это, можно сказать, что в июле – августе она утрачивает лидерство, триумфально проявленное в первые месяцы после свержения царизма. С тех пор купечество устроило, пожалуй, одно действительно крупное мероприятие – II Всероссийский съезд торгово-промышленного союза в начале августа 1917 года. Питерская пресса подробно комментировала главное выступление П.П. Рябушинского, назвав его громким, но *«нервным, почти истеричным голосом»*. Не прошло незамеченным, как председатель Московского биржевого комитета каялся перед собравшимися: после переворота у нас были все возможности, но мы собственными руками все испортили⁹⁸⁶. Рябушинский, писал «Биржевой курьер»:

«в сущности говоря, сам себя высек или, вернее, в своем лице руководящие круги московского купечества, от имени которого он брызгал ядом и желчью на злополучное правительство»⁹⁸⁷.

Такие оценки московского съезда преобладали в отечественном деловом мире. Поэтому в июле – августе резко возросла активность других буржуазных групп. Выделим большое сообщество мануфактуристов шести южных губерний, собравшихся в Харькове на собственный съезд (было более пятисот делегатов). Они бурно протестовали против игнорирования правительством торгово-промышленного класса и выступили с конкретным планом организации сбыта мануфактурной продукции путем учреждения особых комитетов. Кроме того, съезд постановил образовать постоянно действующее бюро, что было квалифицировано как начало создания крупного мануфактурного союза. Столичный «Биржевой курьер» выразил надежду, что данное начинание послужит примером для других экономических районов страны. Газета выразила большое удивление тем, что на съезд не

⁹⁸⁴ См.: Конференция промышленников // Утро России. 1917. 3 июня.

⁹⁸⁵ См.: Отчет 18 заседания Совета Всероссийского союза торговли и промышленности. 31 июля 1917 года // ГАРФ. Ф. 3631. Оп. 1. Д. 2. Л. 40.

⁹⁸⁶ См.: Голос Рябушинского // Русская воля. 1917. 5 августа.

⁹⁸⁷ См.: Львов М. Где они были? // Биржевой курьер. 1917. 9 августа.

явились капиталисты центра России, именующие себя представителями интересов отечественной промышленности⁹⁸⁸. Как подчеркивало издание, эти деятели:

«так глубоко ушли в политику, с вожделием высматривая, не свалится ли на их долю какой-нибудь захудалый портфель, что им некогда заниматься такими пустяками, как организация торговли»⁹⁸⁹.

Другой явно антимосковской предпринимательской инициативой стало проведение съезда средних и мелких промышленников. Движение зародилось в петроградских кругах: здесь, озаботившись пренебрежительным отношением Московского биржевого комитета к нуждам среднего и мелкого бизнеса, решили действовать самостоятельно. Москвичи проявили крайнюю настороженность. Так, А.И. Коновалов в беседе с прессой высказывал сомнения по поводу целесообразности проведения такого съезда в Петрограде, так как он был сторонником вхождения различных промышленных предприятий в одно объединение⁹⁹⁰. Во Всероссийском торгово-промышленном союзе прямо указывали, что новая организация внесет только разброд, а не объединение сил. Особенно смущало московских лидеров союза желание устроителей съезда придать ему статус всероссийского, чего они ни в коем случае допустить не хотели, выступая за его исключительно местный характер⁹⁹¹. Тем не менее съезд состоялся и прошел под знаком критики политики Совета в целом и министров-социалистов в частности. Тон задал управляющий Министерством финансов Бернацкий. Говоря о социалистических устремлениях некоторых членов кабинета, он отметил, что из-за печального стечения обстоятельств интересы отечества стали отождествляться с интересами тех или иных классов и групп, но будущее России принадлежит не социалистическим порядкам. Государство, заявил он, создается из сотрудничества и слаженной работы всех классов, а потому «мы должны в себе развить государственность»⁹⁹². Далее Бернацкий сделал к этому интересное пояснение:

«Слишком рано мы начали праздновать внутреннюю победу... праздники должны быть закончены»;

мы только тогда наладим государственную машину,

«если наступят будни, заполненные народным трудом»⁹⁹³.

Затем съезд сосредоточился на критике ряда ведомств. Большие нарекания вызвало Министерство продовольствия, не желавшее привлекать средний и мелкий бизнес к

⁹⁸⁸ См.: Пробуждение купечества // Биржевой курьер. 1917. 25 июля.

⁹⁸⁹ См.: Там же.

⁹⁹⁰ См.: Шимановский В. Неудачи в организации мелкой и средней торговли и их причины // Торгово-промышленная газета. 1917. 25 мая.

⁹⁹¹ См.: Отчет о 14-м заседании Совета Всероссийского союза торговли и промышленности. 4 июля 1917 года // ГАРФ. Ф. 3631. Оп. 1 Д. 2. Л. 12об-13.

⁹⁹² См.: Всероссийский съезд средних и мелких промышленников // Торгово-промышленная газета. 1917. 8 августа.

⁹⁹³ См.: Там же.

снабжению населения продукцией первой необходимости. Министерская ставка на продовольственные комитеты, говорилось на съезде, не вызывает доверия у населения и отлучает торговцев и ремесленников от важного национального дела. Как заявил один из делегатов, *«они даже не эксперимент производят с промышленностью, а явное надругательство над ней»*⁹⁹⁴. В таком же свете представляло и Министерство труда: надеялись, что оно будет проводить надклассовую политику, а получили обратное – разжигание классовой неприязни⁹⁹⁵.

Антимосковский подтекст просматривается и еще в одном значимом предпринимательском начинании. Петроградское общество заводчиков и фабрикантов выступило с инициативой объединения подобных обществ из других районов страны во всероссийскую организацию. Начало объединению было положено на конференции, прошедшей в Петрограде в те же дни, что и съезд среднего и мелкого бизнеса. Зачинателями выступили председатель Петроградского общества А.А. Бачманов и Одесского – П.И. Соколовский. Бачманов с негодованием вспоминал о том, как в марте Временное правительство вместе с Советом фактически обязало ввести на столичных предприятиях восьмичасовой рабочий день. Несмотря на их уверения в сознательности рабочих, Петроградское общество заводчиков и фабрикантов уже тогда понимало, как это отразится на всей промышленности страны. И действительно, предприниматели столкнулись со сведением счетов, целым рядом эксцессов, угрозами и дополнительными требованиями шестичасового рабочего дня. С трудом и за счет больших материальных жертв удалось не допустить остановки предприятий, многие из которых выполняли оборонные заказы⁹⁹⁶. Теперь, в отличие от весны 1917 года, заявил Бачманов, предприниматели не станут доверяться чьим-либо доводам и сами объединятся во имя спасения отечественной промышленности.

Планировалось войти в Комитет объединенной промышленности, учрежденный еще в начале лета, а также создать при Всероссийском обществе заводчиков и фабрикантов особый политический орган⁹⁹⁷. А.А. Бачманов специально выезжал в Первопрестольную, где обсуждал возможность участия в затеянном деле Московского общества (добавим: оно приняло решение о присоединении к данной организации чуть позже, в начале октября 1917 года⁹⁹⁸). Горячим сторонником питерской инициативы явился известный предприниматель Ю.П. Гужон, который пострадал от рабочих Советов, лишившись в итоге своего металлического завода; к этому времени его общее разочарование политическими играми московских коллег по бизнесу было необычайно велико.

Петербургская буржуазия не собиралась ограничиваться общественной активностью. С начала июля 1917 года ей впервые удалось обрести влиятельного союзника непосредственно во Временном правительстве. В рамках первого кабинета (кабинета победителей, ориентированных на Москву) опереться питерцам, прямо скажем, было не на кого: он целиком состоял из оппозиционных членов Государственной думы. Майское пополнение

⁹⁹⁴ См.: Всероссийский съезд средних и мелких промышленников // Торгово-промышленная газета. 1917. 10 августа.

⁹⁹⁵ См.: Промышленный съезд // Русская воля. 1917. 8 августа.

⁹⁹⁶ См.: Всероссийская конференция заводчиков и фабрикантов // Торгово-промышленная газета. 1917. 10 августа.

⁹⁹⁷ См.: Журнал заседаний совета Петроградского общества заводчиков и фабрикантов. 5 сентября 1917 года // РГИА. Ф. 150. Оп. 2. Д. 7. Л. 31-32.

⁹⁹⁸ См.: Коммерсант. 1917. 6 октября.

правительства министрами-социалистами тоже, мягко говоря, не сулило продуктивного сотрудничества. Ситуация изменилась благодаря июльскому кризису, когда большевики сделали неудачную попытку захвата власти, а также благодаря разгрому российских войск после долгожданного наступления 18 июня. В тот период А.Ф. Керенский охладел к Советам, деятельность которых не обеспечила военных побед. Как писал В.А. Маклаков, теперь Керенский:

«понимал весь их вред и больно чувствовал их власть над собой; по миллионам причин, может быть, и по своей лояльности к революционным органам, он не решился стряхнуть с себя их власть путем переворота; но зато как часто в разговорах он отводил душу, ругая их скверными словами, грозя, что с ними расправится, что прихлопнет их»⁹⁹⁹.

Особенно военный министр был разочарован результатами советской политики на фронте. Командир женского батальона смерти М. Бочкарева вспоминала, что после июльского разгрома Керенский говорил о необходимости упразднить комитеты в армейской среде и ввести строгую дисциплину – хотя до начала наступления возмущался, почему в женском батальоне смерти они все еще не введены¹⁰⁰⁰. Неслучайно именно после июльских событий красный флаг на автомобиле Керенского был заменен Андреевским – флагом Морского министерства¹⁰⁰¹.

В июле – августе 1917 года «звезда» Совета сильно поблекла. Если прежде Керенский все важнейшие государственные вопросы решал совместно с его лидерами, то ныне они оказались полностью отстранены от рычагов управления, а руководство страной перешло к так называемому триумvirату, состоящему из Керенского и его ближайших соратников – М.И. Терещенко и Н.В. Некрасова. С легкой руки кадетской «Речи» это руководящее ядро правительства стали называть партией друзей Керенского¹⁰⁰². Как раз эта изменившаяся ситуация и раскрыла перспективы для петербургской буржуазии. Столичная банковская элита установила контакт с одним из членов триумvirата – Н.В. Некрасовым. Данный эпизод истории Временного правительства совершенно выпал из поля зрения исследователей, так как находился в тени другого, известного и привлекательного, сюжета: питерские банкиры и генерал Л.Г. Корнилов. К тому же внимание историков традиционно сосредотачивалось на деятельности Некрасова в кадетской партии, в частности на его конфликте с лидером кадетов П.Н. Милюковым. У Некрасова еще в IV Государственной думе возникали с ним принципиальные разногласия, касавшиеся союза кадетов с левыми фракциями¹⁰⁰³. И теперь, в новых условиях, Некрасов настраивал против Милюкова левое крыло кадетов, жалуясь на его непримиримую позицию, осложнявшую отношения правительства с Советом рабочих и солдатских депутатов¹⁰⁰⁴. В свою очередь, Милюков пытался изолировать своего критика; в партийной среде он в этом преуспел, а вот в правительстве успех сопутствовал Некрасову. Как считают современные историки, самая крупная и последняя политическая интрига Некрасова заключалась в выдавливании

⁹⁹⁹ См.: Письмо В.А. Маклакова – Б.А. Бахметьеву. 16 сентября 1926 года // Совершенно секретно и доверительно. Т. 3. Переписка 1919-1951 годов. М.; Стэнфорд, 2002. С. 350.

¹⁰⁰⁰ См.: *Бочкарева М.* Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. М., 2001. С. 263, 284.

¹⁰⁰¹ См.: *Половцев П.А.* Дни затмения. С. 182.

¹⁰⁰² См.: *Передовая* // *Речь*. 1917. 25 июля.

¹⁰⁰³ См.: *Шелохаев В.В.* Николай Виссарионович Некрасов // *Вопросы истории*. 1998. №11-12. С. 84-85.

¹⁰⁰⁴ См.: *Оболенский В.А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж. 1988. С. 158.

Милюкова из власти¹⁰⁰⁵. С этим нельзя согласиться, поскольку еще одна крупная и действительно последняя интрига Некрасова выстраивалась вокруг его альянса с питерскими банкирами. Этот эпизод заслуживает внимания, так как углубляет наши представления о политической ситуации в период созревания Корниловского мятежа.

Эволюция Некрасова вплоть до августа 1917 года полностью повторяла политическую траекторию его патрона Керенского. Напомним: в первом составе Временного правительства Некрасов стал министром путей сообщения. По его словам, это назначение явилось необходимой уступкой левым кругам, благосклонно к нему настроенным¹⁰⁰⁶. Хотя сам новый министр не стремился занять должность руководителя столь беспокойного хозяйства. Некрасов уговаривал своего коллегу по Государственной думе А.А. Бубликова стать его товарищем по ведомству, *«пока ему удастся... убедить правительство назначить его министром без портфеля»*¹⁰⁰⁷. Погружение в конкретную работу явно не входило в планы нового министра, да и все его поведение заметно отличалось от других членов кабинета. Всю работу Некрасов переложил на плечи молодого инженера, ставшего его товарищем по министерству, и стал ухаживать за дочерью директора Политехнического института, члена ЦВПК Д.С. Зернова, на которой вскоре и женился. При этом шаферами на свадьбе стали Керенский и Терещенко. В Петрограде летними вечерами можно было видеть, как Некрасов с молодой супругой совершают прогулки в автомобиле из бывшего гаража Николая II; часто до поздней ночи они развлекались в модном литературно-артистическом кабаре «Привал комедиантов»¹⁰⁰⁸. Однако подобный образ жизни не мешал министру путей сообщения демонстрировать свою приверженность революционной демократии и слыть человеком крайне приятным для Совета рабочих и солдатских депутатов. Он, в частности, привлек к работе ведомства Г.В. Плеханова, который возглавил комиссию по улучшению материального положения железнодорожников. В честь этого ветерана российской социал-демократии даже назвали станцию на Сызрано-Вяземской ветке¹⁰⁰⁹.

Но главное, чем отличился Некрасов на своем посту, – приказ от 27 мая 1917 года, предусматривающий участие профсоюзных комитетов в управлении железными дорогами. (Современники сравнивали этот ведомственный циркуляр с известным приказом №1 для армии¹⁰¹⁰.) Некрасовский документ решительно объявлял, что *«время административного произвола миновало навсегда»* и начальники теперь не смогут осуществлять кадровые перестановки без согласия соответствующих комитетов железнодорожного союза. Приказ вызвал небывалую волну критики со стороны путейских управленцев. Отраслевой союз инженеров отменил упреки в каких бы то ни было административных репрессиях¹⁰¹¹: проблемы отечественных железных дорог, разъясняли там, имеют причиной не дурное

¹⁰⁰⁵ См.: Козлова В.И., Старцев В.И. Николай Виссарионович Некрасов – радикальный политик (1905-1917 годы) // Из глубины времен. 1996. №7. С. 92.

¹⁰⁰⁶ См.: Из следственных дел Н.В. Некрасова // Вопросы истории. 1998. №11-12. С. 20.

¹⁰⁰⁷ См.: Бубликов А.А. Русская революция. С. 9.

¹⁰⁰⁸ См.: Михайловский П.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914-1920 годы. Кн. 1. М., 1993. С. 349.

¹⁰⁰⁹ См.: Новое время. 1917. 14 июня.

¹⁰¹⁰ См.: Милюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 161.

¹⁰¹¹ См.: Циркуляр Н.В. Некрасова перед Особым совещанием по перевозкам // Биржевые ведомости. 1917. 2 июня (вечер).

администрирование – они вызваны влиянием политики на транспортную сферу: политическая благонадежность ставится выше, чем знания и опыт. Вследствие такого отношения к кадрам, уверяли специалисты, за три месяца работы нового министра железнодорожный организм доведен до полного развала и идет к неминуемой катастрофе¹⁰¹². Такую же оценку дал и Совет частных железных дорог, который обратился к главе Временного правительства с соответствующей запиской. Меры, вводимые циркуляром, в записке были признаны не имеющими аналогов в мировой практике. Подчеркивалось, что транспортная система, которая является достоянием всего народа, фактически отдана в распоряжение небольшой группы железнодорожных служащих и рабочих, исповедующих определенные политические взгляды¹⁰¹³. В результате давления на ведомство один из авторов скандального циркуляра товарищ министра В.Д. Марацевич, перешедший из Совета рабочих и солдатских депутатов в министерство, был вынужден оставить должность, не проработав и месяца¹⁰¹⁴. К слову, в то же самое время от И.Г. Церетели – министра почт и телеграфа – подобного шага требовали служащие этой отрасли. Они предлагали упразднить начальников, а таковыми считать своих товарищей по выбору¹⁰¹⁵. Но Церетели наотрез отказался узаконивать выборный принцип в управленческой практике, чем вызвал суровую критику в свой адрес.

Отход Керенского от сотрудничества с Советом заставил переориентироваться и Некрасова. Кстати, именно ему – любимцу советских кругов – на заседании в Зимнем дворце 22 июля 1917 года было поручено огласить ультиматум, фактически означавший разрыв прежних отношений партии друзей Керенского с Советом. Пользуясь своей левой репутацией, Некрасов расставил перед «звездной палатой» все акценты. Вот его слова, воспроизведенные в мемуарах Суханова:

«Я должен вам наконец сказать всю правду, товарищи из Совета. В том, что сейчас происходит, повинны и вы. Разве вы не держали под вечным страхом возможного недоверия министров-социалистов? Разве вы не заставляли их являться к вам два раза в неделю и давать вам отчет о каждом своем малейшем шаге? Разве это могло способствовать спокойствию работы Временного правительства?»¹⁰¹⁶

Этому разрыву предшествовал официальный выход Некрасова из кадетской партии. Взамен союза с кадетами он предложил своим друзьям-соратникам использовать радикально-демократическую партию, чтобы с ее помощью изображать единение с цензовыми элементами. Такая политическая структура, убеждал Некрасов, была бы

¹⁰¹² См.: *Талызин К.* Еще о министре-большевике // Биржевые ведомости. 1917. 7 июня (утро).

¹⁰¹³ См.: Частные дороги и министр путей сообщения Некрасов // Новое время. 1917. 9 июня.

¹⁰¹⁴ См.: Заседание №105 от 12 июня 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 248.

В.Д. Марацевич – активный участник всероссийской железнодорожной стачки 1905 года. До февраля 1917 года работал на Юго-Западной железной дороге. В исполкоме совета рабочих и солдатских депутатов являлся членом железнодорожной комиссии // Новое время. 1917. 24 мая.

¹⁰¹⁵ См.: Протокол съезда Всероссийского почтово-телеграфного союза. 27 мая 1917 года // Вестник почтово-телеграфного союза. 1917. №10. И июня. С. 7.

¹⁰¹⁶ См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 3. С. 40-41.

идеальным партнером при создании коалиции всех демократических сил¹⁰¹⁷. Образованная в апреле 1917 года, эта партия пребывала с тех пор в зачаточном состоянии. Как иронизировала пресса тех дней, история радикальных демократов, *«подобно истории мидян, как учат учебники, темна и загадочна»*¹⁰¹⁸. Тем не менее к июлю 1917 года в партию, кроме самого Некрасова, вступают И.Н. Ефремов, А.А. Барышников, М.В. Бернацкий, М.А. Славинский и др. Именно с их участием происходит формирование третьего кабинета, действовавшего с середины июля по конец августа. Это обстоятельство способствовало полному размежеванию Некрасова и его партнеров по новой партии с кадетами, которые, хоть и вели активные переговоры о своем вхождении в органы верховной власти, остались за ее бортом. Между тем в конце июня в кадетскую партию вступили видные представители московского купечества. Кадеты по своему списку провели на выборах в Московскую городскую думу Коновалова, Третьякова, Смирнова, Бурышкина и других¹⁰¹⁹. Купеческая элита недоумевала по поводу принципов формирования правительства, поскольку вошедшие в него члены Государственной думы Ефремов и Барышников никоим образом не могли выступать выразителями взглядов буржуазии¹⁰²⁰. Новоиспеченные представители радикально-демократической партии в долгу не остались. Партийный орган «Отечество» за месяц вылил на кадетов немало грязи. На его страницах партия народной свободы объявлялась бежавшей с поля битвы за революцию, в отличие от радикально-демократической, которая *«сочла своей обязанностью поспешить на выручку, чтобы спасти идею коалиции, идею единства революционных сил страны»*. По убеждению газеты, именно эта поддержка дала возможность Керенскому смело бросить вызов контрреволюции и справа, и слева¹⁰²¹. Или еще один пассаж:

«Конечно, нельзя отказать в реализме, в знаниях, в богатстве культурными силами кадетской партии. Но она не обладает другим качеством, необходимым для того, чтобы по праву пользоваться доверием широких масс, – она не демократична»¹⁰²².

Крайне важным результатом этих властных пертурбаций стало то, что Некрасов, официально порвав с кадетской партией, к которой примкнули представители московской купеческой элиты, обрел иные точки опоры. К тому же разрыв с Советами значительно повышал его политическую привлекательность в глазах других сил, руководствовавшихся сугубо прагматическими мотивами. Если статус заместителя Керенского как главы правительства вытекал из коалиционных конструкций Некрасова, то его решение занять должность министра финансов удивило тогда многих. Выскажем мнение, что столь неожиданный карьерный поворот как раз и был связан с его новыми союзниками – питерской банковской группой. Важно учесть и еще одно обстоятельство. Управленческая структура Временного правительства претерпела серьезные изменения по сравнению с

¹⁰¹⁷ См.: *Церетели И.Г.* Вспоминания о февральской революции. Кн. 2. С. 262.

¹⁰¹⁸ См.: Р-Д // Современное слово. 1917. 14 июля.

¹⁰¹⁹ См.: *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и предприниматели в 1917 году // Отечественная история. 2007. №6. С. 121.

¹⁰²⁰ См.: Промышленники и правительство // Утро России. 1917. 13 июля.

¹⁰²¹ См.: К текущему моменту // Отечество. 1917. 16 июля.

¹⁰²² См.: К выборам в городскую думу // Отечество. 1917. 19 августа.

царским: как известно, при старом режиме ключевым экономическим ведомством традиционно являлось Министерство финансов, а Министерство торговли и промышленности имело второстепенное значение. После февраля 1917 года аппаратный вес Минфина заметно понизился, а на первую роль выдвинулся Минторгпром с активным Коноваловым во главе. Именно здесь решались теперь наиболее важные социально-экономические вопросы. Но Некрасов в качестве министра финансов меняет приоритеты, пытаясь вернуть своему ведомству прежнее главенствующее значение. Это подтверждает и его высокий статус в правительстве – заместителя премьера (аппаратный вес руководителя Министерства торговли и промышленности С.Н. Прокоповича был, конечно, несоизмеримо ниже некрасовского). Прежняя схема была более привычной, и возврат к ней устраивал прежде всего питерскую финансовую элиту.

Новый министр финансов оказал столичным банкам серьезную услугу, нейтрализовав угрозу, которая нависла над ними в июне – июле 1917 года. Напомним, что еще в середине апреля Временное правительство образовало комиссию по расследованию злоупотреблений в Военном и морском ведомстве; сюда командировалась группа следователей и чинов прокурорского надзора во главе с сенатором В.А. Бальцем¹⁰²³. Уже в конце апреля комиссия расследовала двенадцать случаев злоупотреблений при снабжении армии и флота¹⁰²⁴. Эти действия в первую очередь были направлены против бывшего военного министра В.А. Сухомлинова, в очередной раз арестованного в начале марта. Но к лету, когда пробили звездный час Совета рабочих и солдатских депутатов, комиссия Бальца пополнилась его представителями из армейской среды. Они заметно оживили работу по выявлению коррупционных сделок. В конце июня по ходатайству комиссии был арестован бывший товарищ морского министра М.В. Бубнов (он с марта 1917 года скрывался на ст. Любань Николаевской железной дороги, проживая в простой крестьянской семье). Высокопоставленный царский чиновник в годы службы находился в тесном контакте со столичными финансистами, и теперь ему предъявлялись обвинения в серьезных злоупотреблениях¹⁰²⁵. Однако Бубновым дело не ограничилось, и расследование быстро перекинулось на питерские банки. Этому способствовало и то, что документальный массив пополнился материалами комиссии генерала Н.С. Батюшина, которая до революции буквально терроризировала банковский мир Петрограда. Из этих дел новые сотрудники Бальца почерпнули ценные сведения о деятельности крупных дельцов и в итоге решили произвести в ряде банков обыски и выемки документации. Следственные мероприятия позволили получить достаточно сведений о махинациях финансистов, позволивших им нажить миллионы и причинивших значительный ущерб казне. Некоторых банковских высших руководителей, находившихся на отдыхе в Крыму, срочно доставили в Петроград, где начались их длительные допросы¹⁰²⁶. Как сообщал «Биржевой курьер», работа в этом направлении должна была быть *«весьма энергично»* продолжена. В финансовых кругах

¹⁰²³ Сенатор В.А. Бальц довольно примечательная фигура. Будучи прокурорским чиновником, он выступал обвинителем на процессе против членов Петербургского совета 1905 года и, по мнению многих, сделал все, чтобы они избежали серьезной ответственности. В 1915 году министр юстиции А.А. Хвостов назначил его своим товарищем по министерству. Затем Бальц вместе с Хвостовым перешел в министерство внутренних дел, где и оставался до выхода в отставку, в которую подал вместе с кн. В.М. Волконским в знак протеста против политики А.Д. Протопопова, возглавившего это ведомство .

¹⁰²⁴ См.: Расследование злоупотреблений в военном ведомстве // Раннее утро. 1917. 27 апреля.

¹⁰²⁵ См.: Арест бывшего товарища морского министра // Петербургский листок. 1917. 1 июля.

¹⁰²⁶ См.: Обыски у петроградских банкиров // Биржевой курьер. 1917. 2 августа.

воцарилась паника, грозившая сменой банковского руководства¹⁰²⁷. Но неожиданно только-только развернувшееся следствие затухло: никто так и не был привлечен к ответственности. И вообще комиссия Бальца с конца июля потеряла интерес к финансовым дельцам, обратилась к более мелким вопросам (например, к заготовке мясных продуктов в Астраханской губернии для нужд армии) и продолжила то, с чего, собственно, и начала – раскручивать сухомлиновское дело¹⁰²⁸.

Несложно понять, кто во Временном правительстве мог оказать содействие банковской элите. Тем более что материалы комиссии Бальца никак не могли миновать главу финансового ведомства, в компетенцию которого входило обеспечение нормального функционирования банковской системы. Подтверждением того, что именно министр финансов прикрывал денежных воротил, служит следующий факт. Банкиры сами обратились в главное финансовое ведомство (то есть к Некрасову) с просьбой установить за ними правительственный надзор, направив в банки специальных инспекторов. Это предложение не может не удивлять: ведь с ним выступили те, кто в годы Первой мировой войны доказывали абсурдность и вредность любого контроля. А с момента «воцарения» Некрасова в министерстве сразу была признана его полезность и необходимость. Московская деловая пресса терялась в догадках¹⁰²⁹. Но в отличие от москвичей банкиры знали, что делают, и не сомневались в благожелательном отношении к ним нового министра. И действительно, на одном из заседаний Временного правительства Некрасов предложил образовать совещание министров (военного, финансов, государственного контроля) при ставке Верховного главнокомандующего, коим в то время был Л.Г. Корнилов. По замыслу Некрасова, это совещание будет осуществлять контроль над всеми военными расходами¹⁰³⁰. Новация вызвала неподдельное удивление членов кабинета. Как заметил министр торговли и промышленности С.Н. Прокопович, в этом случае Особое совещание по обороне станет просто ненужным, превратившись в чисто техническое учреждение¹⁰³¹. Надо признать это замечание справедливым: учитывая прыть генерала, после получения им таких полномочий в финансовой сфере многим и правда стало бы нечего делать.

Затем Некрасов помог провести через правительство решение, привлекшее внимание широкой общественности. В начале августа Временное правительство утвердило устав акционерного общества «Русское агентство», ставившее целью наладить собственную телеграфную сеть по примеру государственного Петроградского агентства. Но главное – осуществление этого стратегического проекта отдавалось не кому-либо, а группе Путилова – Стахеева – Ватолина. Московская пресса отмечала: финансовые тузы Петрограда намереваются установить контроль над информационными потоками. И мало кто сомневался, что очень скоро вся российская печать будет обслуживать многообразные интересы этого концерна. В московском «Коммерческом телеграфе» задавались вопросом: почему это вдруг правительство проявляет такую благосклонность к питерским финансистам? И призывали выступить против принятого постановления, потворствующего

¹⁰²⁷ См.: Там же.

¹⁰²⁸ См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 533. Д. 2623. Л. 24-25.

¹⁰²⁹ См.: Ган А. Правительственные инспектора в коммерческих банках // Коммерческий телеграф. 1917. 2 августа.

¹⁰³⁰ См.: Черновые записи заседаний Временного правительства. 3-4 августа 1917 года // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 18. Л. 27.

¹⁰³¹ См.: Там же. С. 29.

общественному злу¹⁰³². Хотя формально документы оформлялись Министерством торговли и промышленности, очевидно, что решение такого уровня могло принимать только руководство кабинета. А кто в нем отдавал предпочтение столичной банковской группе, хорошо видно из кадровых инициатив, исходящих все от того же Некрасова. Так, к себе товарищем министра финансов он официально пригласил директора Русско-Азиатского банка Н.А. Глазберга. (Это был известный петроградский делец; он периодически устраивал в своем доме вечера для художественно-артистической богемы; об одной такой встрече имеются воспоминания З. Гиппиус¹⁰³³.) Правда, Глазберг отказался, сославшись на невозможность совмещения государственной должности со службой в банке, которую он не пожелал прерывать¹⁰³⁴. Некрасов выразил публичное сожаление¹⁰³⁵, но переживал недолго. Вскоре к работе Министерства финансов были привлечены другие, не менее известные питерцы: бывший царский премьер В.Н. Коковцов, трудившийся в Русском банке для внешней торговли, и его товарищ по Министерству финансов С.Ф. Вебер; им планировалось поручить работу особого комитета по сокращению расходов¹⁰³⁶. Как писала пресса, Коковцов специально не торопился с ответом, поскольку ожидал более заманчивого предложения¹⁰³⁷. Известия о привлечении банкиров в ряды правительства оживили в Петрограде разговоры о скором открытии биржи, чего давно добивались столичные деловые круги: с конца июля они ожидали скорого возобновления торгов¹⁰³⁸.

Образ Н.В. Некрасова – приверженца социалистических ценностей, издавшего известный приказ от 27 мая 1917 года, который фактически подрывал основы частного владения железными дорогами, стремительно уходил в прошлое. Теперь новый глава Министерства финансов примерял роль защитника института частной собственности. Происшедшая с ним метаморфоза обнаружилась на Государственном совещании в Москве 12-15 августа 1917 года. С этой высокой трибуны Некрасов обещал поддерживать *«хозяйственный стимул, чтобы промышленность имела возможность существовать и развиваться»*, и грозился пересмотреть эксперименты по налогодобложению, чего настойчиво добивалась буржуазия¹⁰³⁹. Затем он опроверг слухи о готовности Временного правительства конфисковать частные имущества для получения государственных доходов:

«Правительство ничего подобного таким авантюрам не имеет, ввиду того что оно твердо стоит на основах научно подготовленной финансовой политики и на

¹⁰³² См.: Синдикат Путилов – Стахеев – Батолин (угроза российской печати) // Коммерческий телеграф. 1917. 12 августа.

¹⁰³³ См.: *Гиппиус З.* Синяя книга. Петербургский дневник. С. 202-204.

¹⁰³⁴ См.: Новое правительство // Русское слово. 1917. 26 июня; Финансовые перспективы // Новое время. 1917. 29 июля.

¹⁰³⁵ См.: Биржевые ведомости. 1917. 25 июля (вечер).

¹⁰³⁶ См.: Русские ведомости. 1917. 20 августа.

¹⁰³⁷ См.: Н.В. Некрасов и В.Н. Коковцов // Коммерсант. 1917. 28 августа.

¹⁰³⁸ См.: Биржевая вакханалия // Раннее утро. 1917. 3 августа.

¹⁰³⁹ См.: Выступление Н.В. Некрасова // Государственное совещание. 12-15 августа 1917 года. М.; Л., 1930. С. 39-40.

путь рискованных экспериментов этого рода ни в коем случае не вступит»¹⁰⁴⁰.

Как отметили участники совещания, при всем недоверии к автору приказа от 27 мая государственно настроенная часть совещания (то есть буржуазная) дружно приветствовала его выступление; причем из всех выступивших министров аплодисментов был удостоен только Некрасов¹⁰⁴¹. А ведь идеи, положенные в основу его доклада, были почерпнуты именно в банковских кругах: накануне банкиры направили Некрасову записку, где изложили свои проблемы и пути их решения; эти тезисы министр и передал Государственному совещанию¹⁰⁴². Затем новоявленный защитник капиталистических ценностей сосредоточился на другом важном деле. С начала августа Некрасов лоббировал введение специальной должности полномочного комиссара по продовольственным делам и прочил на нее П.П. Ватолина – ближайшего партнера А.И. Путилова и крупного акционера Русско-Азиатского банка. Предполагалось, что помощником Ватолина станет один из сотрудников американской миссии Красного креста¹⁰⁴³. Видимо, этот жест был прежде всего адресован Керенскому, делавшему во внешней политике в тот период ставку на американцев. Социалистическая часть кабинета встретила инициативу в штыки. Назначение Ватолина откладывалось «со дня на день»; Керенский обещал подписать соответствующие документы после Государственного совещания в Москве, когда положение власти укрепитя, но потом опять просил немного повременить¹⁰⁴⁴. Пресса в ожидании назначения Ватолина рассуждала о невозможности сотрудничества известного дельца с лидерами эсеров и меньшевиков, заседающих в правительстве¹⁰⁴⁵. Некрасов же атаковал министра земледелия Чернова и министра продовольствия Пешехонова, которые противодействовали назначению банковского представителя. Ведь речь шла не просто о конкретном кадровом решении, а о серьезном повороте во всей продовольственной политике. Как было известно, Ватолин являлся одним из авторов проекта организации продовольственного снабжения, подготовленного питерскими банками. Этот проект пытался утвердить еще царский глава Министерства внутренних дел А.Д. Протопопов, продвигавший его в пику программе московского купечества. В демократической России старые планы обрели новых сторонников. На заседаниях Временного правительства постоянно происходили стычки между Некрасовым, с одной стороны, и Пешехоновым, Черновым, Авксентьевым – с другой. Стоило Керенскому отлучиться, как между ними вспыхивала перепалка, переходящая в откровенный скандал; министры-социалисты покидали заседание, и Керенскому затем приходилось улаживать конфликт¹⁰⁴⁶.

Набиравший силу «роман» Некрасова с питерской банковской группой закончился внезапно. Черту под ним подвел Корниловский мятеж, мгновенно изменивший

¹⁰⁴⁰ См.: Там же. С. 42.

¹⁰⁴¹ См.: Милуков П.Н. История второй русской революции. С. 306.

¹⁰⁴² См.: Записка банков министру финансов // Финансовая газета. 1917. 12 августа.

¹⁰⁴³ См.: Показания Р. Робинса // Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената. М., 1990. С. 152-153.

¹⁰⁴⁴ См.: Там же. С. 154.

¹⁰⁴⁵ См.: Передовая // Коммерсант. 1917. 23 августа.

¹⁰⁴⁶ См.: Отставка А.В. Пешехонова // Русское слово. 1917. 27 августа.

политическую ситуацию. Уже 31 августа 1917 года Керенский звонил в Москву кадету Н.М. Кишкину с просьбой передать приглашение лидерам купеческой группы войти в новый состав правительства. Эти новости обсуждали встретившиеся специально С.А. Смирнов, Н.Д. Морозов, Н.А. Второв, Д.В. Сироткин, А.Г. Карпов и С.Н. Третьяков¹⁰⁴⁷. Рябушинский отсутствовал по болезни (бурный август совсем выбил его из колеи), А.И. Коновалов отдыхал в Крыму (причем Керенский лично разыскивал его по телефону, желая обсудить ситуацию¹⁰⁴⁸.) Вообще между Керенским и Коноваловым после ухода последнего из Временного правительства сохранялись хорошие отношения. Коновалов, несмотря на пессимизм многих коллег, публично поддерживал Керенского после его выступления на Государственном совещании¹⁰⁴⁹. В свою очередь, премьер предлагал бывшему министру торговли и промышленности важный пост посла в Париже¹⁰⁵⁰. И в трудный час Керенский решил опереться на старых политических союзников еще по борьбе с царским режимом. Осведомленный представитель купеческой Москвы П.А. Бурьшкин утверждал, что ведущую роль в создании нового коалиционного кабинета играла именно «московская промышленная группа», тесно связанная с кадетской партией¹⁰⁵¹. При таком повороте событий Некрасов оставался не у дел. К тому же оживление Совета, примерявшего на себя лавры победителя контрреволюционного заговора Корнилова, вообще исключало активность Некрасова на политическом поле. И Керенский назначил его генерал-губернатором Финляндии вместо измученного финским сепаратизмом М.А. Стаховича. Спустя годы Некрасов так характеризовал июль – август 1917 года – время его пребывания на вершине властного Олимпа:

«Одно из кошмарных воспоминаний моей политической жизни»¹⁰⁵².

После Корниловского мятежа ненадолго был реанимирован московский политический проект, распавшийся в мае – июне 1917 года. Из правительства были удалены социалистические лидеры, которых вряд ли там желали видеть и Керенский, и Коновалов. А новый состав практически полностью совпал с кругом тех представителей социалистических партий, которые еще до Первой мировой войны собирались в купеческих особняках Первопрестольной (А.М. Никитин, П.Н. Малянтович, С.Н. Прокопович; к ним следует добавить и человека Коновалова – лидера рабочей группы при ЦВПК К.А. Гвоздева)¹⁰⁵³. Московское представительство в четвертом (последнем) кабинете было самым широким¹⁰⁵⁴. В Министерстве торговли и промышленности, учитывая занятость

¹⁰⁴⁷ См.: ГАРФ. Ф. 3631. Оп. 1. Д. 2. Л. 46.

¹⁰⁴⁸ См.: Там же. Л. 46 об.

¹⁰⁴⁹ См.: Видные политические деятели о речи Керенского // Биржевые ведомости. 1917. 13 августа (утро).

¹⁰⁵⁰ См.: Русское слово. 1917. 20 августа.

¹⁰⁵¹ См.: *Бурьшкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991. С. 312.

¹⁰⁵² См.: Из следственных дел И.В. Некрасова // Вопросы истории. 1998. №11-12. С. 22.

¹⁰⁵³ См.: *Володарский А.М.* Ленин и партия в годы назревания революционного кризиса. М., 1960. С. 40-41.

¹⁰⁵⁴ Московское представительство во Временном правительстве – весьма интересная и при этом малоизученная тема. Первый думский состав кабинета также был с сильным московским акцентом, а некоторые министерства практически полностью контролировались москвичами. Так, заместителями Г.Е.

Коновалова как заместителя премьера, заправлял В.И. Масальский, в течение десяти лет являвшийся секретарем Московского биржевого комитета. В продовольственном ведомстве заместителем С.Н. Прокоповича и ключевой фигурой стал крупный поволжский купец В.Н. Башкиров. В Министерстве земледелия осваивался молодой талантливый ученый, преподаватель Петровской сельскохозяйственной академии А.В. Чаянов. В Министерстве внутренних дел важным блоком вопросов по избранию и созыву Учредительного собрания ведал бывший член московской городской управы Н.Н. Авинов. Товарищем министра исповеданий профессора А.В. Карташева являлся тесно связанный с московской буржуазией профессор С.А. Котляревский. Главный экономический комитет при Временном правительстве, который планировалось превратить в центральное ведомство по руководству всей хозяйственной жизнью, полностью оказался в руках московского купечества. Председателем этого суперминистерства стал С.Н. Третьяков, а его заместителем – старшина Московского биржевого комитета С.В. Лурье. Неудивительно, что при таком составе кабинета сразу возник вопрос о переезде Временного правительства в Москву. Сначала было решено перевести Министерство исповеданий: для него выделялись площади синодального училища¹⁰⁵⁵. Уже делались приготовления для переезда Министерства иностранных дел¹⁰⁵⁶. Московская пресса, с энтузиазмом встречавшая подобные намерения, усматривала в этом символическое значение:

«Конечно, перемена места не решает еще вопроса о перемене правительственной политики... но она, может быть, послужит толчком к широкому перемещению политических сил в стране, создав новый центр, вокруг которого вновь, как встарь, соберутся все живые, государственные силы»¹⁰⁵⁷.

Но на пути этой воображаемой идиллии, как и в марте – апреле 1917 года, когда дебатировался вопрос о месте созыва Учредительного собрания, возникла укрепившаяся революционная демократия. Слухи о готовящемся переезде очень взволновали эти круги, не говоря уже о крайне левых партиях, считавших подобные замыслы ножом в спину революции¹⁰⁵⁸. Член исполкома совета рабочих и солдатских депутатов В.О. Богданов заявлял: если правительство Керенского – Коновалова все-таки уедет в Москву, то в Петрограде образуется новое – революционное¹⁰⁵⁹.

По сравнению с первыми месяцами после свержения царизма общий политический контекст теперь сильно изменился. И перевести правительство из Петрограда в Москву так и

Львова в МВД являлись его сотрудники из Москвы – Д.М. Щепкин и С.Д. Леонтьев, а также львовский племянник В.В. Вырубов. Шингарев в Министерстве земледелия пережил целое нашествие кооперативных работников из Москвы во главе с В.Н. Зельгеймом. Во втором составе Временного правительства появились социалисты, но в возглавляемых ими ведомствах московское представительство также присутствовало. Например, у Чернова, ставшего министром земледелия, значительную часть практической работы вел П.А. Вихляев, проработавший в течение десяти лет статистиком в Московской губернской земской управе. У Пешехонова в Министерстве продовольствия главным действующим лицом был А.А. Титов – из известной купеческой семьи, бывший гласный Московской городской думы.

¹⁰⁵⁵ См.: Утро России. 1917. 28 сентября.

¹⁰⁵⁶ См.: *Богословский М.М.* Дневники. 1913-1919 годы. М., 2011. С. 421.

¹⁰⁵⁷ См.: Москва и Петроград // Русское слово. 1917. 7 октября.

¹⁰⁵⁸ См.: Протест революционной демократии // Русское слово. 1917. 6 октября.

¹⁰⁵⁹ См.: Там же.

не решились. Крах Корнилова настолько обострил обстановку в целом, что прежние формы политического взаимодействия правительства с демократическими кругами уже не обеспечивали необходимую устойчивость. Даже официальный роспуск Государственной думы и Государственного совета, сопровождавшийся лишь слабыми протестами депутатов, прошел практически незамеченным: такие шаги уже никого не могли удовлетворить¹⁰⁶⁰. Противостоять натиску большевиков, стремительно наращивавших силы, становилось все труднее. Это хорошо осознавали и в Москве, представители которой заняли командные высоты в четвертом составе Временного правительства. В деловых кругах Первопрестольной, где преобладал глубокий пессимизм, руководствовались простой логикой: если кто-нибудь еще надеется спасти положение, мешать ему не следует¹⁰⁶¹. Упадочное настроение усилило известие о задержании Рябушинского в Крыму, куда тот прибыл на лечение. По постановлению Симферопольского совета рабочих и солдатских депутатов знаменитого миллионера подвергли обыску и поместили под домашний арест. Ситуация потребовала вмешательства премьера Керенского и министра внутренних дел Никитина: они распорядились незамедлительно освободить Рябушинского и привлечь к ответственности лиц, виновных в инциденте¹⁰⁶².

На этом фоне многие влиятельные москвичи стали склоняться к мысли привлечь в состав правительства своих оппонентов из петроградской буржуазии. В объединении усилий виделась хоть какая-то возможность спасти положение. Выше уже говорилось о вхождении Московского общества заводчиков и фабрикантов (3 октября 1917) во Всероссийскую организацию таких обществ, сконструированную в Петрограде. Теперь в московских деловых кругах стали раздаваться открытые требования включить в правительство не кого-нибудь, а самого П.П. Батолина. Совсем недавно его называли «хищной столичной акулой», ничем не брезгующей в своих спекулятивных аферах. Ныне же, в тревожные октябрьские дни, Батолин предстал в образе крупной фигуры, чьи частные почины имеют государственный масштаб и приносят стране огромную пользу. Но главное – его считали способным найти общий язык с революционной демократией. Народ пойдет за Ватолиным, убеждал «Коммерсант», поскольку:

«он не ушел еще от интересов простого крестьянина и простого рабочего, не отвык еще разбираться в сущности нужд каждого и мог бы найти выход там, где его не находят сами заинтересованные стороны»¹⁰⁶³.

Этот самородок – продолжала аргументацию газета, – ведущий мощный корабль (то есть Русско-Азиатский банк) мог бы с успехом встать к государственному кормилу, и *«это не явилось бы тем переходом, при котором кормчий теряется и не знает, с чего начать»*¹⁰⁶⁴. Такие же восторженные слова чуть ранее адресовались одному из лидеров московского купечества – Коновалову, ставшему заместителем премьера и главой торгово-промышленного ведомства: его возвращение во властные органы бурно приветствовали

¹⁰⁶⁰ См.: Роспуск Государственной думы // Русское слово. 1917. 8 октября.

¹⁰⁶¹ См.: Бурьшкин П.А. Москва купеческая. С. 313.

¹⁰⁶² См.: Арест Рябушинского // Русское слово. 1917. 16 сентября; К аресту Рябушинского // Утро России. 1917. 26 сентября.

¹⁰⁶³ См.: Турский Н. Реальные силы // Коммерсант. 1917. 20 октября.

¹⁰⁶⁴ См.: Там же.

широкие общественные слои¹⁰⁶⁵. Трудно сказать, как бы пошло сотрудничество давних конкурентов в рамках единого правительства. Несмотря на общую опасность, их коммерческие интересы оставались диаметрально противоположными. Например, сразу после формирования кабинета Коновалов и Третьяков заявили о необходимости поддержать русскую текстильную промышленность, выделив для этого из казны огромную беспроцентную ссуду (4 млрд руб.).¹⁰⁶⁶ Не нужно быть провидцем, чтобы понять, чем бы занялся Батолин, очутившись на одном из ключевых правительственных постов.

Тем не менее первый шаг по привлечению к сотрудничеству представителей питерской буржуазии был сделан. 11 октября на пост товарища министра финансов по внешнеэкономической деятельности был приглашен бывший председатель правления Сибирского торгового банка Э.К. Груббе¹⁰⁶⁷. Это было первое подобное назначение во Временном правительстве за все время его существования – и последнее, поскольку до 25 октября оставались считанные дни. Большевицкое восстание положило конец отечественному капитализму. Осенний реванш московского купечества оказался пирровой победой:

«ибо угодное ему Временное правительство очень скоро исчезло под кулаком таких молодцов, которые и самого купца ограбили»¹⁰⁶⁸.

Глава 6. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ТРИУМФ МОСКОВСКОГО КУПЕЧЕСТВА: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Почти двадцатилетние политические баталии разной степени интенсивности увенчались победой либеральных сил, выступавших под лозунгом ограничения самодержавия и чиновничьего всевластия. Купеческая буржуазия и либералы ратовали за то, чтобы лишить правящую бюрократию административных рычагов, и позиционировали себя более опытными управленцами, способными ответить на модернизационные вызовы. Административный ресурс манил не одно поколение вышедших из народа капиталистов, с завистью наблюдавших за тем, как петербургский бизнес, тесно связанный с чиновничьими кругами, пользуется всевозможными преимуществами. Борьба за утверждение либеральных ценностей, знамя которой в начале XX столетия подхватила московская предпринимательская группа, подразумевала вытеснение с лидирующих позиций петербургского клана и завладение «контрольным пакетом» отечественной экономики.

На рубеже февраля – марта 1917 года для московской буржуазии наконец открылся путь к реализации обширных социально-экономических замыслов. Заметим, что предшествовавшие два месяца были для нее на редкость неудачными. В январе – феврале

¹⁰⁶⁵ См.: Добро пожаловать (возвращение Коновалова) // Коммерческий телеграф. 1917. 27 сентября.

¹⁰⁶⁶ См.: Протокол №4 заседания комиссии Предпарламента по урегулированию народного хозяйства и труда. 19 октября 1917 года // ГАРФ. Ф. 1799. Оп. 1. Д. 35. Л. 14.

¹⁰⁶⁷ См.: Назначение Э.К. Груббе // Коммерческий телеграф. 1917. 12 октября.

¹⁰⁶⁸ См.: Смольянинов В.Н. Воспоминания сенатора Владимира Смольянинова // ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 649. С. 75.

правлящая бюрократия нанесла по купеческой группе ощутимые удары. Первый был связан с конкурсом на строительство Московско-Донецкой железной дороги. Вокруг этого перспективного проекта, которому все эксперты прогнозировали большую доходность, разгорелись нешуточные страсти; главными конкурентами стали американские финансисты во главе с New-York city bank и группа предпринимателей Москвы. Официальными представителями американцев выступили крупный финансист Ф. Хольбрук и член совета Сибирского торгового банка Ф.А. Липский. Они обещали построить магистраль нового типа по последнему слову техники, используя преимущественно русские материалы¹⁰⁶⁹. Со своей стороны, Московский биржевой комитет информировал заинтересованные правительственные ведомства о создании специального консорциума, готового вложить в дело около 500 млн руб. Московские предприниматели настойчиво подчеркивали, что совершенно недопустимо отдавать предпочтение иностранцам, передавая в их руки управление стратегической железнодорожной веткой: ведь они будут руководить ею не из России и в конечном счете не в российских интересах. Подобных примеров, уверяли они, более чем достаточно, чтобы вновь не повторять уже имеющийся печальный опыт¹⁰⁷⁰. Разумеется, московские претенденты заручились поддержкой Государственной думы, где финансовая комиссия признала рассмотрение проекта первоочередным делом. Первого февраля состоялось заседание членов Государственной думы, ЦВПК, Совета съездов представителей промышленности и торговли с чиновниками ряда министерств. Однако последние как раз отдали предпочтение американской заявке, чем вызвали возмущение депутатов, предлагавших обсудить вопрос прежде всего с точки зрения соблюдения российских интересов¹⁰⁷¹. В ответ чиновник Министерства финансов Н.Е. Гиацинтов проинформировал законодателей и их союзников, что начинать дискуссию о строительстве данной трассы в комиссиях Государственной думы вообще излишне: вполне достаточно провести обсуждение в правительственных ведомствах¹⁰⁷². В результате тендер, как и планировало правительство, выиграла американская финансовая группа. Правда, из-за нестабильности, воцарившейся в стране после свержения царизма, американцы так и не приступили к реализации проекта¹⁰⁷³.

Запрет властей на проведение в Москве Всероссийского торгово-промышленного съезда стал не менее сильным ударом по планам московской буржуазии накануне Февральского переворота. Идея провести Всероссийский предпринимательский форум родилась в конце 1916 года; представители биржевых комитетов центра, Поволжья и Сибири обсудили ее в частных московских собраниях. В результате в правительство поступило ходатайство о разрешении собрать съезд¹⁰⁷⁴. Эта инициатива сразу встретила неприятие в столице; питерская пресса писала:

«Москва, в увлечении своим детищем, забывает, что в Петрограде есть уже две центральные организации, объединяющие часть торгово-промышленного

¹⁰⁶⁹ См.: Вопрос о судьбе Донецко-Московской магистрали // Финансовое обозрение. 1917. №4. январь.

¹⁰⁷⁰ См.: Московско-Донецкий бассейн // Раннее утро. 1917. 24 февраля.

¹⁰⁷¹ См.: Американские капиталы в России // Утро России. 1917. 4 февраля.

¹⁰⁷² См.: Борьба вокруг Московско-Донецкой магистрали // Коммерсант. 1917. 19 января.

¹⁰⁷³ См.: Магистраль Московско-Донецкого бассейна // Коммерческий телеграф. 1917. 2 августа.

¹⁰⁷⁴ См.: Письмо Московского биржевого комитета в Министерство торговли и промышленности. 9 января 1917 года // РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 424. Л. 3-3 об.

класса. Не замечать их – значит не объединять, а разъединять. К тому же не следует, осуждая петроградское местничество, культивировать московское...»¹⁰⁷⁵

Монополия на организацию российского бизнеса, считали в столице, принадлежит не Москве: центром является Петроград, где сосредоточены финансово-промышленные учреждения страны¹⁰⁷⁶. Министерство внутренних дел, в свою очередь, озаботилось тем, как воспрепятствовать созданию нового торгово-промышленного союза. А.Д. Протопопов не мог допустить появления на политической арене подобной организации, и, разумеется, ходатайство было признано несвоевременным: мол, в напряженных военных условиях не следует отвлекать предпринимателей от работы на оборону¹⁰⁷⁷. К тому же министр предлагал больше поддерживать окраинную, а не центральную промышленность: это, считал он, «окажет сдерживающее воздействие на политиканов из числа крупных промышленников»¹⁰⁷⁸. Интересно, что официальный запрет на проведение съезда последовал в день открытия фондовой биржи – 24 января 1917 года, когда все ожидали начала долгожданных торгов¹⁰⁷⁹. Раздражение московской буржуазии не знало границ; в купеческих особняках обсуждали дальнейший план действий. П.П. Рябушинский был возмущен таким отношением власти:

«Средства, которыми мы владеем, не являются плодом пожалования, а созданы нами, нашими предками путем упорного труда почти из ничего, часто путем отказа себе в самом необходимом... Если раньше говорили: дворянство обязывает, то теперь нужно сказать: собственность обязывает»¹⁰⁸⁰.

По мнению участников этих встреч, отказ в проведении съезда свидетельствовал о полном разрыве между Москвой и Петроградом, что, несомненно, должно сказаться на предстоящих государственных выборах¹⁰⁸¹.

Но ждать выборов не пришлось. Февральско-мартовские события смели и самодержавие, и ненавистные верхи бюрократии. В мгновение ока купеческие круги оказались в роли триумфаторов; столичные же предприниматели, лишившись административных опор, попали в абсолютно непривычную ситуацию¹⁰⁸². Так, питерские

¹⁰⁷⁵ См.: Передовая // Финансовая газета. 1917. 31 января.

¹⁰⁷⁶ См.: Там же.

¹⁰⁷⁷ См.: Передовая // Финансовая газета. 1917. 25 января.

¹⁰⁷⁸ См.: Письмо Министра внутренних дел А.Д. Протопопова к министру торговли и промышленности кн. В.Н. Шаховскому. 16 февраля 1917 года // РГИА. Ф. 23. Оп. 7. Д. 389. Л. 4.

¹⁰⁷⁹ См.: Передовая // Финансовая газета. 1917. 25 января.

¹⁰⁸⁰ См.: Совещание представителей торгово-промышленных организаций // Утро России. 1917. 26 января.

¹⁰⁸¹ См.: Москва и V Государственная дума // Утро России. 1917. 28 января.

¹⁰⁸² Из тех, кто возглавлял при царе министерства и ведомства, не был заменен лишь глава Госбанка И. П. Шипов, что вызвало у него самого неподдельное удивление. Это обстоятельство объясняли недостаточной подготовленностью молодого министра финансов Терещенко, который не показал необходимых деловых качеств в ходе трехмесячного пребывания на этом важном посту (См.: Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1919. С. 32).

банки оказались вынуждены отвечать согласием на предложения о пожертвованиях в пользу тех, кто находился в рядах их явных недругов. Вскоре после переворота А.И. Вышнеградский на заседании совета представителей акционерных банков заявил:

«Следовало бы прийти на помощь Всероссийскому земскому союзу и ассигновать на его нужды полмиллиона рублей»¹⁰⁸³.

Петроградская биржа жертвовала в распоряжение председателя Государственной думы М.В. Родзянко 1 млн руб., а биржевая кулиса собрала 800 тыс. руб.¹⁰⁸⁴ Более того, контактировать приходилось и с совсем непривычной публикой. Например, управляющий делами комитета съездов банков В.В. Розенберг информировал своих коллег о визите двух лиц, именовавших себя сотрудниками издания «Известия рабочих и солдатских депутатов»: они просили оказать денежную помощь редакции. Изумленные банкиры решили, что после получения письменного заявления следует выделить просителям 3 тыс. руб.¹⁰⁸⁵ Также банкам пришлось предоставить в распоряжение нового министра юстиции А.Ф. Керенского полмиллиона рублей для политических ссыльных, освобождающихся из тюрем¹⁰⁸⁶. А сами заседания банковского комитета начинались по предложению Вышнеградского с минутного вставания в память борцов с царским режимом, погибших за свободу¹⁰⁸⁷. Какие чувства вызывало все это у столичного финансового бомонда, весьма далекого от подобных сторон жизни, представить несложно. Конечно, Совет съездов представителей промышленности и торговли не мог не реагировать на перемены. Главой этой крупнейшей предпринимательской организации был избран Н.Н. Кутлер – член центрального комитета кадетской партии. Этот шаг вполне соответствовал духу переживаемого момента (напомним: члены партии заняли видные места во Временном правительстве). Кстати, решение поставить у руководства Совета съездов именно Кутлера следует назвать весьма удачным. О нем, выходеце из ближнего круга С.Ю. Витте, отличавшемся высокими деловыми и интеллектуальными качествами, отзывались как о «человеке чистом и вообще порядочном»¹⁰⁸⁸, имеющем авторитет в предпринимательских кругах. В годы Первой мировой войны Кутлер входил в состав руководящих органов Совета съездов представителей промышленности и торговли и ЦВПК, с 1913 года являлся председателем Совета съездов горнопромышленников Урала¹⁰⁸⁹. И вместе с тем у него напрочь отсутствовали лидерские качества, главными же его чертами были исполнительность и работоспособность.

Восьмого марта 1917 года в Петрограде состоялось заседание ЦВПК, на котором чествовались организаторы февральско-мартовского переворота. Этот триумф купеческой

¹⁰⁸³ См.: Журнал заседаний совета представителей акционерных коммерческих банков. 7 марта 1917 года // РГИА. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 14. Л. 54.

¹⁰⁸⁴ См.: Журнал заседаний совета представителей акционерных коммерческих банков. 13 марта 1917 года // Там же. Л. 61.

¹⁰⁸⁵ См.: Там же.

¹⁰⁸⁶ См.: Революция и банки // Коммерческий телеграф. 1917. 7 марта.

¹⁰⁸⁷ См.: Международный банк и департамент полиции // Коммерческий телеграф. 1917. 28 апреля.

¹⁰⁸⁸ См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 103.

¹⁰⁸⁹ Подробно см.: *Марченкова Л.В.* Н.Н. Кутлер – материалы к биографии // Из глубины времен. 1997. №8. С. 113-121.

буржуазии и ее союзников стал полным унижением их давних питерских конкурентов. Не случайно им напоминали, что в торжестве обязательно должны принять участие члены не только самого ЦВПК, но и других объединений¹⁰⁹⁰. На заседании Кутлер от лица Совета съездов говорил о наступлении желанного часа народного освобождения, о рухнувших преградах, которые препятствовали проявлению народной энергии, и т.д.¹⁰⁹¹ В устах кадета эти слова выглядели вполне логичными. Однако вслед за ним на трибуне перебивали практически все представители делового Питера и юга России: В.И. Тимирязев, А.И. Вышнеградский, Н.Ф. фон Дитмар, А.П. Мещерский, Э.Л. Нобель и др. Дифирамбы в адрес купеческих министров, чьи имена золотыми буквами будут вписаны в российскую историю, очевидно, стоили им немалых усилий¹⁰⁹². Унижение питерской предпринимательской элиты продолжилось уже в Москве, где в конце марта с большой помпой прошел Всероссийский съезд торгово-промышленного союза – тот самый, который двумя месяцами ранее не позволили провести царские власти. Надо сказать, что Совет Съездов представителей промышленности и торговли намечал свой собственный форум на конец марта – но тут пришло телеграфное извещение об открытии в этих же числах съезда в Москве. Из-за этого пришлось отложить петроградское мероприятие¹⁰⁹³. Не стоит и говорить, с каким настроением ехали в Москву посланцы столичной буржуазии. Встретили их прохладно; даже Кутлера избрали в президиум с большими возражениями¹⁰⁹⁴. Сам он невысоко оценил мероприятие, отметив митинговый стиль и ряд организационных неурядиц. По его мнению:

«съезд представлял собой довольно смешанную картину, так как тут было много лиц, которых мы видели в первый раз... вообще состав съезда можно назвать случайным, хотя такие форумы нужны и понятны»¹⁰⁹⁵.

Присягнув на верность новой демократической власти, петроградские деловые круги сразу повели разговор о сокровенном – об открытии фондовой биржи, работа которой прервалась тревожными днями февраля. Напомним, биржевые торги, начатые 24 января 1917 года после длительного, почти в два с половиной года, перерыва, характеризовались стремительным повышением стоимости различных акций. (Картина довольно странная: непрерывный рост курса ценных бумаг на фоне доживающего последние дни режима; этот феномен, по общему мнению, явился следствием всплеска спекулятивного ажиотажа¹⁰⁹⁶.) Теперь, после крушения царизма, банковские деятели жаждали возобновления торгов; они провели специальное совещание, на котором сформулировали аргументы в пользу

¹⁰⁹⁰ См.: Журнал заседания Совета съездов представителей промышленности и торговли. 5 марта 1917 года // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 52.

¹⁰⁹¹ См.: Заседание ЦВПК // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 марта.

¹⁰⁹² См.: Там же.

¹⁰⁹³ См.: Журнал заседания Совета съездов промышленности и торговли. 7 марта 1917 года // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 27. Л. 58.

¹⁰⁹⁴ См.: Ганелин Р.Ш., Шепелев Л.Е. Предпринимательские организации в Петрограде в 1917 году // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Сб. статей. М.; Л., 1957. С. 272.

¹⁰⁹⁵ См.: Что дал московский съезд (беседа с Н.Н. Кутлером) // Коммерческий телеграф. 1917. 29 марта.

¹⁰⁹⁶ См.: Обзор петроградской фондовой биржи // Торгово-промышленная газета. 1917. 5 февраля.

скорейшего открытия биржи. Но в пылу обсуждения не учли того, что в условиях наступившей политической нестабильности различные непредвиденные обстоятельства способны вызвать существенное падение цен акций: этот весьма вероятный ход событий заслонялся в их глазах двумя практическими соображениями. Во-первых, финансисты считали необходимым прояснить состоятельность акционерных обществ и отдельных держателей ценных бумаг, которые за отсутствием биржевых котировок не знают, чем, собственно, располагают. А во-вторых, сам факт открытия биржевых торгов явился бы, по их мнению, актом доверия новой власти к российскому финансовому миру¹⁰⁹⁷. Однако Временному правительству было явно не до этих реверансов: его заботили непрекращающиеся забастовки на предприятиях; рабочие требовали пересмотра условий трудового найма. Петроградский совет постоянно взывал к продолжению работы, но дело приобретало явно затяжной характер. Требовался какой-то толчок, чтобы ситуация могла нормализоваться. Особые надежды возлагались на соглашение о новых условиях труда, заключенное между Петроградским обществом фабрикантов и заводчиков и исполкомом Совета 10-11 марта 1917 года. Это соглашение усиленно продвигало Министерство торговли и промышленности. На предприятиях учреждались фабрично-заводские комитеты с широкими функциями в области внутреннего распорядка, формировались примирительные камеры из рабочих и предпринимателей на паритетных началах, но главное – вводился восьмичасовой рабочий день¹⁰⁹⁸. Министр А.И. Коновалов после консультаций с руководством военного ведомства на подконтрольных ему предприятиях также установил перечисленные новшества¹⁰⁹⁹. По мысли правительства, эти социалистические по духу меры должны были внести желанное успокоение в рабочую среду.

Однако в Петроградском обществе фабрикантов и заводчиков, наоборот, считали, что образование примирительных камер и комитетов если к чему и привело, то только к обострению конфликтов. Подписанное соглашение, по мнению предпринимателей, во многом оставалось на бумаге и не способствовало урегулированию положения, рабочие предъявляли невыполнимые требования, нередко применяли насилие, производительность труда снижалась и т.д.¹¹⁰⁰ Недовольство столичных предпринимателей было отчетливо выражено на совещании у Коновалова в Министерстве торговли и промышленности. Прежде чем объявлять восьмичасовой рабочий день, заявили они, необходимо разобраться, как это соотносится с интересами обороны страны. Предлагалось также распространять эту норму не по территориальному принципу, то есть по отдельным регионам, а применительно к каждой конкретной отрасли, тщательно взвешивая все за и против¹¹⁰¹. Заметим: купечество Москвы тоже не было в восторге от этого вынужденного новшества. Например, известный фабрикант С.И. Четвериков указывал, что сокращение продолжительности рабочего времени до восьми часов означает снижение нынешнего производства страны на 20%. И потому вместо этого лозунга русский народ должен выставить другой – всё для войны: он больше отвечает военному времени, чем требование добавочного отдыха. Любопытно сравнение, сделанное Четвериковым: как нельзя вообразить жизнь современного человека, в полном объеме выполняющего заповеди Христа, так нельзя представить рабочего, отдающего лишь восемь

¹⁰⁹⁷ См.: РГИА. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 14. Л. 62.

¹⁰⁹⁸ См.: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 247–248.

¹⁰⁹⁹ См.: *Керенский А.Ф.* Россия в поворотный момент. М., 2006. С. 262.

¹¹⁰⁰ См.: Рабочий вопрос // Торгово-промышленная газета. 1917. 19 марта.

¹¹⁰¹ См.: Там же. 18 марта.

часов труда и шестнадцать – отдыху¹¹⁰².

Справедливости ради добавим, что даже в Петроградском Совете не было единодушия по этому вопросу: представители армии считали недопустимым сокращение рабочего дня в то время, когда солдаты круглые сутки находятся в окопах, неся тяжелую и опасную службу¹¹⁰³.

И тем не менее баталии вокруг установления восьмичасового рабочего дня стали своего рода «первой ласточкой» усиливавшихся социалистических тенденций в либерально-буржуазной революции февраля – марта 1917 года. Дальнейший ход событий это подтверждает. Так называемый рабочий вопрос набирает такую силу, что требование восьмичасового рабочего дня вскоре начинает казаться невинной шалостью. Уже в апреле издание Совета съездов «Промышленность и торговля» пророчески предупреждало: трудящиеся посредством Советов рабочих депутатов готовят бизнесу *«не мир, но меч»*. Так, Петроградский совет предложил проект закона о стачках и союзах, предоставляющий рабочим полную свободу забастовок с требованиями повышения заработной платы. В то же время владельцы предприятий, допустившие, по мнению рабочих, ухудшение условий труда и тем самым вызвавшие забастовку, согласно проекту закона были обязаны оплачивать им все время простоя. Таким образом, законопроект делал позицию рабочих абсолютно беспроегрышной. По мнению издания, если бы данный документ, не содержащий признаков элементарного правосознания, превратился в закон, *«то предпринимателям не оставалось бы ничего, как ликвидировать предприятия и искать применения своих сил в других, более нормальных правовых условиях»* ¹¹⁰⁴. М.В. Бернацкий, возглавлявший отдел труда Министерства торговли и промышленности, куда стекались наработки по законодательству, лучше других ощущал остроту происходящего. В своих мемуарах он писал о непомерных аппетитах пролетариев, требовавших контроля над производством, об угрозах немедленной остановки работ и о попытках расправы с управляющим персоналом. Отдел труда добросовестно пытался рассматривать все требования и вырабатывать наиболее приемлемые формы их удовлетворения¹¹⁰⁵. Однако, как вспоминал Бернацкий, обсуждения быстро превратились в самую настоящую пытку: представители Совета нападали на чиновников министерства по малейшему поводу¹¹⁰⁶.

Очень скоро все индустриальные районы страны охватила забастовочная лихорадка. В Петрограде рабочие предприятия «Треугольник» потребовали выдачи им военной прибавки задним числом – с мая 1915 года, что составляло 13 млн руб. Правление нашло сумму чрезмерной и обратило внимание рабочих на долги завода, которых накопилось на 23 млн руб. В случае продолжения забастовки администрация обещала закрыть производство и рассчитать 17 тысяч человек. В ответ рабочие решили арестовать всех административных служащих, часть из которых доставили прямо на квартиру А.Ф. Керенского; тот распорядился освободить заложников, а срочно прибывшая из Петросвета делегация стала

¹¹⁰² См.: Четвериков С.И. 8-ми часовой рабочий день в условиях переживаемого момента // Утро России. 1917. 19 марта.

¹¹⁰³ См.: Хроника // Русский инвалид. 1917. 10 марта.

¹¹⁰⁴ См.: Требования рабочих // Промышленность и торговля. 1917. №1213 (апрель). С. 243-244.

¹¹⁰⁵ См.: Бернацкий М.В. Воспоминания о событиях 1917 года // Английская набережная. СПб., 2000. №4. С. 381-382.

¹¹⁰⁶ См.: Там же.

убеждать рабочих понизить требования¹¹⁰⁷.

Похожая обстановка сложилась и в Центральном регионе. На текстильных фабриках Саввы и Викулы Морозовых, Смирнова, Зиминых и других шли незатухающие забастовки. Рабочие потребовали увеличить заработную плату на целых 200%. Получив отказ, более 60 тысяч человек пригрозили взять фабрики в свои руки. С большим трудом, при помощи Московского совета рабочих депутатов урегулирование конфликта удалось передать согласительной комиссии, то есть перевести его в «*вялотекущий*» режим¹¹⁰⁸. Однако это не успокоило трудящихся: они не без удовольствия продолжали третировать владельцев. Например, на мануфактуре братьев Гандуриных в Иваново-Вознесенске рабочие постановили арестовать хозяина за неподчинение их требованиям, держали его в несносных условиях, отказывали в свиданиях с родственниками. Эксцесс сильно напугал местных промышленников, боявшихся оказаться на месте Гандурина¹¹⁰⁹. Эти примеры подтверждают вывод Бернацкого:

«Революция политическая превращалась в ожесточенную социальную распрю»¹¹¹⁰.

Конечно, подобное развитие событий не могло не беспокоить новое правительство. И оно искренне пыталось нормализовать положение, стараясь нащупать способы взаимоотношений с народом, соответствующие социал-демократическим идеалам. Опора на профсоюзы и фабзавкомы, элементы государственного регулирования – вот те узловые точки, вокруг которых должны были выстраиваться новые социальные связи. Коновалов говорил на заседании Московского биржевого комитета 14 апреля 1917 года:

«Из глубин народных масс выдвигаются настойчивые требования к государству и к имущим слоям населения в отношении наискорейшего удовлетворения духовных и материальных потребностей, задержанных в своем развитии тяжелыми условиями старого режима. На этой почве – приходится слышать – создаются ложные страхи, тревоги и сомнения. Будем глубоко верить, что в процессе народного творчества, реорганизации государственного строя на новых началах, провозглашенных нашей революцией, будет найдена равнодействующая всех справедливых интересов, которая обеспечит социальный мир»¹¹¹¹.

Взаимоотношения труда и капитала также требовали новых форм. В частности, официальная «Торгово-промышленная газета» рекомендовала создавать акционерные общества, предусматривающие два вида ценных бумаг – акции капитала и акции труда. Количество последних должно было определяться собственником предприятия и безвозмездно передаваться рабочим или служащим, которые образуют для этого кооперативное товарищество. Его делегаты участвуют в общих собраниях акционеров и

¹¹⁰⁷ См.: Арест рабочими директоров товарищества «Треугольник» // Коммерческий телеграф. 1917. 4 мая.

¹¹⁰⁸ См.: В совете рабочих депутатов // Утро России. 1917. 7 мая.

¹¹⁰⁹ См.: Иваново-Вознесенское самоуправство // Коммерсант. 1917. 16 июня.

¹¹¹⁰ См.: *Бернацкий М.В.* Воспоминания о событиях 1917 года. С. 380.

¹¹¹¹ См.: Речь министра торговли и промышленности А.И. Коновалова при посещении Московской биржи // Торгово-промышленная газета. 1917. 16 апреля.

получают места в правлении. В конце года на акции капитала выплачивается установленный процент, а дивиденд на акции труда передается товариществу рабочих, и оно само его распределяет. Такая форма объединения труда и капитала должна была позволять трудящимся не только получать долю прибыли, но и участвовать в управлении. В этом случае работники лучше знали бы о состоянии дел на предприятии, а значит, могли бы соразмерять свои претензии с экономическими возможностями¹¹¹².

По указанию Коновалова Министерство торговли и промышленности занялось выработкой типового устава для промышленных обществ с обязательным участием в акционерном капитале рабочих¹¹¹³. Не дожидаясь утверждения устава, купеческие лидеры приступили к апробации этих набросков. Один из лидеров московской буржуазии Н.А. Второв решил объединить все свои предприятия, расположенные в Сибири и на Урале, в большое акционерное общество – с таким расчетом, чтобы треть акций нового АО распределить между всеми служащими и рабочими, а две трети – оставить у себя; в правление планировалось избрать представителей работников¹¹¹⁴. Этот пример свидетельствует, что не только министр Коновалов, но и лидеры буржуазии Москвы поддерживали новые социальные приоритеты. Однако их усилия поблекли на фоне самого мощного конфликта, разразившегося в южном индустриальном районе, где, казалось бы, лучше всего должен был быть известен европейский тип взаимоотношений труда и капитала. Напомним, что располагавшиеся здесь металлургические и горные предприятия принадлежали французскому, английскому и бельгийскому капиталу и европейские союзники болезненно относились к начавшемуся развалу их российских активов. Кроме того, южный регион являлся опорным для Совета съездов представителей промышленности и торговли, а потому руководство этой крупнейшей предпринимательской организации страны более всего донимало Временное правительство призывами об урегулировании положения. Требования рабочих по зарплате и различным выплатам быстро достигли на юге огромной суммы в 800 млн руб. Возник вопрос: кому, собственно говоря, адресованы эти чрезмерные претензии? К широким слоям французского населения, купившим в свое время эти акции, или к разоренной немцами Бельгии? Столичные «Биржевые ведомости» изумлялись:

«Неужели мы намерены этим бельгийцам и французам объявить беспощадную войну и лишить мелких и средних акционеров этих стран тех минимальных доходов, которые они получали от помещенных капиталов в южнорусские металлургические предприятия?»¹¹¹⁵

Понятно, что управляющие этими заводами во главе с Кутлером, фон Дитмаром и другими настойчиво апеллировали к министрам и были настроены весьма резко против новой власти.

Положение в Донецком индустриальном бассейне Временное правительство рассматривало 10 мая на специальном заседании, на которое были приглашены представители заводов. Они сообщали: заработная плата поглощает почти все оборотные средства; рабочие не идут на уступки, отказываются от услуг примирительных камер и не

¹¹¹² См.: Рабочий вопрос. Новая форма объединения труда и капитала // Торгово-промышленная газета. 1017. 1 апреля.

¹¹¹³ См.: *Прилежаев В.В.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

¹¹¹⁴ См.: Реорганизация сибирских предприятий Н.А. Второва // Коммерческий телеграф. 1917. 23 июня.

¹¹¹⁵ См.: Экономический отдел // Биржевые ведомости. 1917. 14 мая (утро).

признают никаких распоряжений администраций; в результате продолжать производство невозможно. Однако М.И. Скобелев, глава только что учрежденного Министерства труда, опроверг сообщение промышленников: рабочие региона выступают за переговоры, для чего в столицу скоро прибудет их делегация и доложит об истинном положении дел. Стремление трудящихся увеличить заработки, говорил министр, вполне понятно, поскольку они всегда были незначительны; в последние же годы произошло необычайное обогащение предпринимателей, а это не способствует оздоровлению ситуации. Поэтому государство вправе рассчитывать, что промышленники создадут атмосферу, которая облегчит урегулирование отношений труда и капитала¹¹¹⁶. С министром полностью согласился Совет рабочих и солдатских депутатов. Капиталистов юга России обвинили в сознательной дезорганизации производства: прекращен ремонт оборудования, шахты не модернизируются, допускается затопление копей и т.д.¹¹¹⁷

То, что министр труда занял такую позицию, объясняется тем, что социалисты из Совета, войдя в состав правительства, пытались нарастить свой политический вес. А для этого им приходилось следовать за стихией и выступать выразителями чаяний масс. Должность Скобелева позволяла развить бурную деятельность по защите рабочего человека от ненасытного капитала. В ходе затяжных переговоров с южными горнопромышленниками министр-социалист доказывал, что российскую промышленность пора серьезно демократизировать: только при этом условии экономическая жизнь нормализуется. Он настаивал на формировании целого ряда органов и комиссий, в фактическое ведение которых должны перейти заводы и фабрики. При таком порядке владельцами предприятий в известной степени станут сами рабочие: это, по мнению Скобелева, и приведет к устранению причин, вызывающих экономический кризис. А предприниматели, развивал он свою мысль дальше, обязаны участвовать в работе предприятий на правах пайщиков, получающих известный процент прибыли, которая, в свою очередь, должна быть ограничена¹¹¹⁸. Несложно понять, какие эмоции вызывали подобные откровения у южных угольщиков и металлургов, традиционно строивших свое производство на иностранных инвестициях. Коновалов пытался вразумить коллегу по кабинету: если хозяева перестанут быть полноправными собственниками своего дела, они не смогут нормально работать, а это прямая дорога к экономическому коллапсу. И вообще совершенствование рабочего законодательства не допускает столь свободного его толкования, граничащего с произвольным¹¹¹⁹. Однако в ответ Скобелев указал на неоплатный долг предпринимателей перед народом: они могут только *«зашибать дивиденды»*, а когда от них требуются жертвы – умывают руки. И многозначительно намекнул, что трудовая повинность для бизнеса была бы совсем не лишней¹¹²⁰.

Перспектив для достижения компромисса явно не просматривалось. Речи Скобелева вызывали возмущение горнопромышленников юга, но еще больше раздражал их министр торговли и промышленности. Еще в середине апреля говорилось, что его речи несут *«чувство бодрости и уверенности в счастливом будущем России»*¹¹²¹, а всего месяц спустя

¹¹¹⁶ См.: Труд и капитал. Совещание правительства с промышленниками // Утро России. 1917. 13 мая.

¹¹¹⁷ См.: Кто разрушает промышленность? // Известия. 1917. 17 мая.

¹¹¹⁸ См.: Рабочий вопрос // Финансовое обозрение. 1917. №17-18. С. 15.

¹¹¹⁹ См.: Там же.

¹¹²⁰ См.: Неоплатный долг предпринимателей // Коммерческий телеграф. 1917. 17 мая.

¹¹²¹ См.: Программа бодрости // Коммерческий телеграф. 1917. 17 апреля.

Коновалова прямо обвиняли в неспособности остановить сползание к катастрофе. К этим обвинениям с энтузиазмом присоединилась и деловая элита Питера. «Биржевой курьер» писал, что пролетарии устроили форменную осаду металлургической индустрии, а призванный защищать ее достопочтенный министр занят исключительно благими беседами, как ранее в ЦВПК и «у себя на Ильинке, в амбаре»¹¹²². В результате Коновалов был отправлен в отставку. М.И. Терещенко сообщал российскому послу в США Б.А. Бахметьеву:

«Причины его ухода не чисто политические, а финансово-политические, связанные с тяжелым экономическим положением и начавшимися решительными нападками против него из промышленной среды»¹¹²³.

Финальное выступление Коновалова в качестве члена Временного правительства состоялось на III съезде военно-промышленных комитетов 16-18 мая 1917 года. Он, в частности, сказал:

«Опасность катастрофы становится с каждым днем все более грозной. Под влиянием агитации безответственных лиц рабочими массами выдвигаются требования, осуществление которых связано с полным разрушением предприятий»¹¹²⁴.

Уходящий министр назвал иллюзорным мнение, будто предприятия, испытывающие затруднения, могут быть переданы государству: оно не располагает свободными кадрами, способными вести технические и управленческие дела. Еще более наивными по его мнению были надежды на удовлетворение за счет казны возросших претензий рабочих: государство было не в состоянии взять на себя подобные финансовые обязательства¹¹²⁵. Примечательно, что делегаты-рабочие, присутствовавшие на форуме, расценили речь Коновалова совсем в ином ключе. Они связали и ее, и некоторые другие выступления с началом контрреволюционного движения. Это заявление вызвало волнения, и работу съезда пришлось перенести на следующий день. Председатель ЦВПК А.И. Гучков с горечью заметил: в свое время старое правительство выставляло промышленников революционерами, а при новом строе их клеймят как контрреволюционеров¹¹²⁶.

Отставка Коновалова с поста министра торговли и промышленности подвела черту под тем политическим курсом, за реализацию которого выступала купеческая буржуазия. Неудача постигла и еще одно знаковое начинание московского происхождения. Речь идет об инициативе крупного фабриканта С.И. Четверикова по ограничению предпринимательской прибыли¹¹²⁷. Его почин, касавшийся текстильной промышленности, быстро оказался в

¹¹²² См.: Задачи министра торговли и промышленности в переживаемое время // Биржевой курьер. 1917. 17 мая.

¹¹²³ См.: Телеграмма М.И. Терещенко послу Временного правительства в США Б.А. Бахметьеву. 6 июня 1917 года // Экономическое положение накануне Великой Октябрьской революции. Документы и материалы. Ч. 2. М., 1957. С. 460.

¹¹²⁴ См.: Всероссийский съезд ВПК // Русское слово. 1917. 17 мая.

¹¹²⁵ См.: Там же.

¹¹²⁶ См.: Всероссийский съезд ВПК // Русское слово. 1917. 20 мая.

¹¹²⁷ См.: Четвериков С.И. Предпринимательская прибыль в условиях переживаемого момента // Утро

центре общего внимания; для разработки этой идеи Московский биржевой комитет 11 апреля 1917 года образовал специальную комиссию¹¹²⁸. Подготовку законопроекта признали своевременной: население должно ощутить патриотический настрой торгово-промышленного класса; необходимо также успокоить рабочих, со стороны которых не прекращаются упреки в адрес предпринимателей. Предлагалось не только установить твердый размер прибыли, но и довести его до возможного минимума; при этом не допускать сокращения производства и оставить возможности для развития. Причем планировалось не распространять новый закон на предприятия, возникшие после его введения, дабы не препятствовать приливу капиталов¹¹²⁹. Многие участники комиссии высказались за установление нормированной прибыли в течение определенного – пятилетнего – срока¹¹³⁰. Временное правительство с энтузиазмом восприняло московскую инициативу. Как напоминали власти, подобные меры уже приняты и успешно действуют в других странах. Проект, выдвинутый Четвериковым, предполагалось распространить на все отрасли¹¹³¹. Но, конечно, главными противниками проекта сразу выступили южане. Их печатный рупор «Промышленность и торговля» утверждал: подобные планы у каждого непредубежденного человека вызывают искреннее недоумение; они несовместимы с подъемом производительных сил страны¹¹³². Но больше всего промышленников юга беспокоило, разумеется, то, как данная мера отразится на притоке средств от зарубежных акционеров. Европейцев привлекала в России возможность получения высоких доходов, что всегда перевешивало боязнь внутренних потрясений. Задуманное же ограничение прибылей на фоне непрекращающихся классовых распрей сведет на нет последнее инвестиционное преимущество страны¹¹³³. Этот пример демонстрирует, насколько разными были устремления московских капиталистов, с одной стороны, и южных и питерских – с другой.

Советская историческая наука, опиравшаяся на определенные исследовательские методы, представляла отечественную буржуазию в виде монолита, противостоящего пролетарским массам, что привело к нелепостям, которые сегодня стали очевидными. В частности, как мы только что увидели, за социально-государственные новации ратовала московская группа. Однако советские ученые называли сторонниками перемен именно питерцев; а причиной, которая якобы заставила их занять такую позицию, они объявляли близость к центру революции, где пролетариат «хорошо проучил» столичных капиталистов¹¹³⁴. Дело в том, что историкам в Советском Союзе было важно показать все происходящее как вереницу фактов, неизбежно ведущих к великой пролетарской победе

России. 1917. 24 марта.

¹¹²⁸ См.: Коммерсант. 1917. 12 апреля.

¹¹²⁹ См.: Журнал комиссии по разработке закона об ограничении прибыли промышленных предприятий. 10 мая 1917 года // ГАРФ. 3348. Оп. 1. Д. 115. Л. 7880.

¹¹³⁰ См.: Что даст ограничение прибылей? // Коммерческий телеграф. 1917. 7 мая.

¹¹³¹ См.: *Твердохлебов В.* Ограничение предпринимательской прибыли и налог на «военную прибыль» // Торгово-промышленная газета. 1917. 9 мая.

¹¹³² См.: Ограничение прибыли и будущее нашей промышленности // Промышленность и торговля. 1917. №14-15 (апрель). С. 265-266.

¹¹³³ См.: Там же. С. 267.

¹¹³⁴ См.: *Волобуев П.В.* Экономическая политика Временного правительства. М., 1962. С. 39-40.

Октября 1917 года. Но в результате противостояние буржуазных группировок оказалось на периферии исследовательского поиска. Эти группировки имели разное происхождение и двигались по разным траекториям, особенно в последние два десятилетия существования империи. Каждая из них по-своему определяла перспективы российской модернизации и свое место в этом процессе. И борьба двух этих сил за доминирование дала возможность оформиться еще одной, третьей, силе.

У московского купечества, активно разыгравшего народную карту, явно оказалось недостаточно политических наработок, чтобы удержать под своим контролем ситуацию после февраля 1917 года. Попытка реализовать программу преобразований не удалась, и эпопея с ограничением прибыли убедительно это подтверждает. Патриотическая инициатива москвичей очень скоро вышла из-под их контроля; ее подхватили те, чья политическая капитализация напрямую зависела от степени радикальности принимаемых решений. Министры-социалисты провели масштабную налоговую реформу – скорее не по ограничению, а по изъятию у предпринимателей прибылей и доходов. Вместо солидного и либерального Четверикова на авансцену вышли новые государственные деятели – лидеры Совета. Их налоговое администрирование, преследовавшее цель переложить тяготы экономического кризиса на плечи имущих слоев, включало три постановления: о повышении подоходного налога, о единовременном налоге и об обложении сверхприбыли¹¹³⁵. После принятия этих постановлений крупные плательщики вынуждены были отдавать государству в общей сложности до 90% своих доходов. Причем обложению подлежали прибыли минувшего операционного года, которые все предприятия уже выплатили и израсходовали¹¹³⁶. И тем не менее Совет рабочих и солдатских депутатов рассматривал эту меру в качестве лишь первого шага и заявлял об обширной финансово-экономической программе, к воплощению которой только еще следовало приступить. Несомненно, «ободряло» революционную демократию и напоминание о том, что сама *«крупная буржуазия не сдаст своих позиций, не откажется от своих привилегий и барышей»*¹¹³⁷.

Происходящее шокировало не только предпринимательские круги питерцев и южан, но и авторов этого купеческого начинания. Последствия намеченных фискальных мер были проанализированы Особым совещанием по обороне. На заседании царила паническая атмосфера; его участники предрекали скорую остановку большинства предприятий, которые вследствие налоговой нагрузки лишатся как оборотных средств, так и части основных капиталов. Фискальное бремя по ставкам, предусматривавшимся новыми постановлениями, превышало действительную прибыль предприятий и по сути устанавливало 100-120-процентное обложение. Подобные выплаты были невозможны без поддержки казны, а это, в свою очередь, лишало государство значительной части налоговых поступлений. Абсурдность ситуации была налицо¹¹³⁸. Питерские банкиры, возмущенные тем, что никто даже не удосужился поставить их в известность о готовящихся налоговых реформах, заявили, что не смогут предоставить кредиты, необходимые предприятиям для выплаты причитающихся платежей, поскольку и сами обессилены тем же фиском¹¹³⁹.

¹¹³⁵ См.: Заседание №108 от 12 июня 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. М., 2004. С. 243.

¹¹³⁶ См.: Там же. С. 244-245.

¹¹³⁷ См.: Первый шаг // Известия. 1917. 17 июня.

¹¹³⁸ См.: Заседание от 17 июня 1917 года // Журналы Особого совещания по обороне. Т. 3. М., 1978. С. 455-457.

¹¹³⁹ См.: Письмо Комитета съездов представителей акционерных коммерческих банков в Министерство финансов. 27 июня 1917 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 106. Л. 141-142.

Здесь следует сказать об одной любопытной странице истории тех дней. После отставки Коновалова, ушедшего под давлением буржуазных группировок, озлобленных последствиями государственных затей московского купечества, в дело вступили международные тяжеловесы. Союзники понимали, в какой сложной ситуации оказывается страна. В Россию командировались видные деятели европейских социалистов, призванные помочь новой российской власти обрести политическую устойчивость, в частности, за счет решения социально-экономических проблем. Одним из первых прибыл член бельгийской рабочей партии Де Букер. Он удивился, что на многих предприятиях управленческие функции взяли на себя фабрично-заводские комитеты, не обладающие нужной подготовкой и не несущие ответственности за производство. Но еще больше его удивила пассивность самих предпринимателей. Если бы у нас случилось нечто подобное, говорил Де Букер, союзы хозяев призвали бы на помощь общественное мнение. А в Петрограде распространено мнение, что рабочие комитеты по крайней мере предохраняют производства от откровенного расхищения¹¹⁴⁰. Бельгийский социалист добросовестно проводил анкетирование предприятий и неизменно предписывал им регулирование по западным образцам: по его убеждению, только промышленная демократия могла помочь русской революции преодолеть экономическое расстройство¹¹⁴¹.

Но главным учителем молодой российской демократии стал английский министр труда А. Гендерсон. Премьер Великобритании Д. Ллойд Джордж считал его не просто опытным политиком, а «*крупнейшим политическим организатором своего времени*»¹¹⁴². По приезде в Россию Гендерсон заявил, что в Великобритании все с восторгом отнеслись к русской революции, однако все чаще недоумевают по поводу того, что же, собственно, здесь происходит¹¹⁴³. На заседаниях во Временном правительстве и затем в Московском биржевом комитете он призвал всех не отчаиваться и наметил четкую программу для российских властей и бизнеса. На русской промышленности, сказал английский министр, лежит особая ответственность: во имя интересов государства следует внимательнее относиться к требованиям рабочих и всеми силами улаживать конфликты. Как он убеждал московских биржевиков, вводимые меры - временные, необходимые в условиях войны. Например, в Англии это хорошо осознали и предприниматели, и рабочие: там налоговая реформа по ограничению прибылей прошла без особых затруднений. По взаимным договоренностям с трудящимися была приостановлена даже деятельность профсоюзов, история которых насчитывала уже около ста лет. Вся промышленность, разъяснял британский министр, находится под строгим государственным контролем, служащим буфером между рабочими и промышленниками. Такая система позволяет избегать конфликтов: все претензии рабочих рассматривает государство; однако существуют и третейские суды, и примирительные камеры. Гендерсон выразил веру в здравый смысл русского рабочего¹¹⁴⁴. И при этом не забыл передать русскому правительству обращение фирм, принадлежащих английскому капиталу: желательно, говорилось в этом документе, чтобы власть взяла на себя ответственность по определению прав рабочих, по разрешению

¹¹⁴⁰ См.: *Церетели И.Г.* Воспоминания о февральской революции. Кн. 1. С. 431.

¹¹⁴¹ См.: Там же. С. 432.

¹¹⁴² См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. М., 1935. С. 117.

¹¹⁴³ См.: Беседа с Гендерсоном // Утро России. 1917. 20 мая.

¹¹⁴⁴ См.: Речь Гендерсона // Утро России. 1917. 15 июня.

конфликтов, связанных с заработной платой, и по защите акционеров от насилия¹¹⁴⁵.

Надо признать, что благодаря примиренческой миссии Гендерсона настрой российского министра труда заметно смягчился. Теперь Скобелев обнадеживал предпринимателей:

«Долг демократии – честно признать, что Россия не готова к социализму и что для торжества свободы необходимо сотрудничество с буржуазными кругами»¹¹⁴⁶.

Или:

«Общение с Москвой дало мне очень много... здесь самобытное творчество, и наша задача свести в единое целое весь этот разнообразный опыт»¹¹⁴⁷.

Казалось, то, что не удавалось Коновалову, совершил маститый британский деятель. Немалое впечатление произвели его речи и на промышленников. Например, С.Н. Третьяков, с удовольствием пересказывая слова Гендерсона о том, что в Англии *«труд и капитал дружно идут нога в ногу»*, прогнозировал: скоро так будет и в России¹¹⁴⁸. На митинге предпринимателей в театре Зимина ему вторил П.П. Рябушинский:

«Как будто все начинает понемногу проявляться и социалистическая часть министерства переменяла уже свои воззрения»¹¹⁴⁹.

Однако если Скобелев внял увещаниям английского коллеги, то в Совете рабочих и солдатских депутатов явно и не помышляли о братании с буржуазией. Это отчетливо выразило эсеровское «Дело народа», уделившее особое внимание миссии Гендерсона. Издание акцентировало внимание на просьбе английских владельцев к российскому правительству передать их предприятия под контроль государства. Этот шаг расценивался как уступка рабочему классу: британцы, не склонные к предпринимательскому максимализму, ясно увидели, в какую бездну увлекают себя и страну русские бизнесмены, привыкшие под охраной старого режима к безудержной эксплуатации и выколачиванию прибылей¹¹⁵⁰. Вместе с тем газета предупреждала: кто думает, что правительственный контроль в России напоминает английский, тот жестоко ошибается. В Великобритании помимо ограничений прибыли и хозяйских прав предусмотрены запрет стачек и административные ссылки за агитацию, то есть фактически сведено на нет фабричное законодательство. Этого Временное правительство никогда не допустит, зато оно, вне всякого сомнения, обязано воспользоваться политикой государственного вмешательства в отечественную промышленность¹¹⁵¹. Так что в целом, помимо вразумления части

¹¹⁴⁵ См.: Миллюков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 159.

¹¹⁴⁶ См.: Министр Скобелев в Москве // Утро России. 1917. 16 июня.

¹¹⁴⁷ См.: Там же. 15 июня.

¹¹⁴⁸ См.: Митинг представителей торговли и промышленности // Утро России. 1917. 15 июня.

¹¹⁴⁹ См.: Там же.

¹¹⁵⁰ См.: Учитесь у старших // Дело народа. 1917. 17 июня.

¹¹⁵¹ См.: Там же.

министров-социалистов, Гендерсон мало чего добился. Выправить ситуацию, используя английский опыт, ему не удалось. Это продемонстрировал громкий конфликт в Москве (где неделей ранее Гендерсон излучал оптимизм) между рабочими и руководством Московского металлического завода Ю.П. Гужона¹¹⁵². В конце июня 1917 года Особому совещанию по обороне пришлось специально рассматривать этот конфликт, пригласив представителей обеих сторон. Но между ними состоялся не диалог, а очередной обмен взаимными претензиями. Администрация указывала на полную дезорганизацию производства и административно-технического персонала. Государству пришлось прибегнуть к секвестру предприятия¹¹⁵³. Рабочие массы никак не соответствовали европейским рецептам нормализации экономики, поскольку ориентировались на иные способы решения своих проблем.

Не меньшее значение, чем социальные проблемы рабочих, имел в тот период и продовольственный вопрос. Московская буржуазия выработала собственную программу в этой области в начале Первой мировой войны. Царское правительство отнеслось к ней без энтузиазма; больше всего его смущала ставка на кооперативное движение, вызывавшее устойчивые опасения в его политической благонадежности. Между тем именно акцент на кооперацию являлся «фирменной» чертой московского проекта. Февральский переворот открыл путь для его воплощения. И 25-28 марта 1917 года – разумеется, в Первопрестольной – прошел первый свободный съезд кооперации. Он собрал видных общественных и научных деятелей – выходцев из оппозиционных кругов; отношение к Временному правительству было у них восторженным. Один из лидеров московской кооперации В.Н. Зельгейм – создатель и руководитель Московского союза потребительских обществ – участвовал в работе съезда уже в качестве товарища министра земледелия А.И. Шингарева. Вместе с Зельгеймом в это ведомство делегировался целый отряд кооперативных работников из Москвы, занявших в нем ключевые должности¹¹⁵⁴. Они предложили решать продовольственную проблему, опираясь на местные, низовые силы, представленные миллионами кооператоров – *«трудоустрой армией муравьев»*. Однако Зельгейм не забыл подчеркнуть, что кооперативы, «сообразуясь со своими силами, не должны брать на себя те функции, которые лучше могут выполнить в данный момент городские и земские или частные торговые организации»¹¹⁵⁵. Шингарев обосновал на съезде необходимость хлебной монополии, введенной 25 марта 1917 года: эта мера, по его словам, могла позволить обеспечить гарантированное снабжение армии и тыла¹¹⁵⁶. Ставка на кооперативы актуализировала также проблему их государственной поддержки, которая, как известно, всегда была камнем преткновения. Царские власти так и не запустили полномасштабную систему мелкого кредитования; занималось ею управление мелкого кредита Министерства финансов, вызывавшее резкое отторжение в кооперативной среде. Считалось, что это типично бюрократическое учреждение старается лишить кооператоров собственной инициативы, поставив их под неослабную опеку чиновничества. Поэтому Временное

¹¹⁵² Подробнее об этом конфликте см.: Лодзинский Э. Экономическая политика Временного правительства. М., 1929. С. 39-42.

¹¹⁵³ См.: Заседание от 28 июня 1917 года // Журнал заседаний Особого совещания по обороне. Т. 3. М., 1978. С. 503-505.

¹¹⁵⁴ См.: Всероссийский съезд кооперативных союзов // Вестник кооперации. 1917. №2-3. С. 105.

¹¹⁵⁵ См.: Там же. С. 100-101.

¹¹⁵⁶ См.: Там же. С. 103-104.

правительство признало целесообразным демонтировать прежнюю систему и разработать новые начала государственного субсидирования кооперации, для чего образовать особое совещание при Министерстве финансов¹¹⁵⁷. (Кстати, в московских общественных кругах даже обсуждалась идея организации специального ведомства или отдельного Министерства кооперации¹¹⁵⁸.)

В марте – апреле 1917 года с восторгом обсуждались различные потребительские и ссудно-сберегательные общества. Казалось, продовольственная программа либеральных сил, сформулированная в начале Первой мировой войны, начинает претворяться в жизнь. Но нет: уже в мае деятели советов во главе с новым министром продовольствия А.В. Пешехоновым внесли в нее серьезные коррективы. Их суть состояла в том, что если прежде участие в решении проблем продовольствия возлагалось примерно поровну на частноторговый капитал и различные кооперативы, то теперь эта пропорция резко изменялась в пользу последних. (Вполне правомерно такое сравнение: в продовольственной сфере Пешехонов выступил в той же роли, что и Скобелев, как было показано выше, в области трудовых отношений.) Обескураженная купеческая буржуазия 9-11 мая 1917 года созвала в Москве Всероссийский съезд по хлебному делу. На нем присутствовали те, кто изначально рассматривал привлечение кооператоров как проявление демократизма, которого была категорически лишена царская бюрократия¹¹⁵⁹. С.Н. Третьяков, С.А. Смирнов, Д.В. Сироткин, В.Н. Башкиров и другие сразу заявили о своем недовольстве привилегированным положением кооперации, данным ей решениями Совета. Купеческим тузам давал объяснения министр земледелия А.И. Шингарев. Указав на затруднительное положение центральной власти из-за несогласованных действий различных самочинных организаций на местах, он напомнил, что приверженность к кооперации – их общее и давнее дело, потому кооперативные организации Москвы и предоставили государству свои лучшие силы¹¹⁶⁰. В заключение министр призвал не выяснять отношения, а отдать все силы для решения продовольственной проблемы.

В ходе съездовских дискуссий наметились два лагеря. Торговцы и мукомолы, связанные с питерскими банками, заняли непримиримую позицию; они считали единственным выходом незамедлительную отмену хлебной монополии и возобновление свободной торговли¹¹⁶¹. В то же время способность кооперации вынести на своих плечах весь груз продовольственных проблем ставилась ими под сомнение. По мнению ряда ораторов, кооперативные общества были не в состоянии стать связующим звеном между производителями и потребителями хлеба, а потому надежды на них неоправданны¹¹⁶². В другом лагере, ориентированном на Москву, к продовольственным новациям властей также относились неодобрительно, но все же считали необходимым к ним приспособиться. Эта часть делегатов признала, что передача хлеба государству, то есть хлебная монополия – неизбежная во время войны мера и весь русский хлеботорговый класс должен поддержать

¹¹⁵⁷ См.: Государственное кредитование кооперативов // Биржевые ведомости. 1917. 9 мая (утро).

¹¹⁵⁸ См.: Революция и акционерно-паевое дело // Коммерсант. 1917. 16 марта.

¹¹⁵⁹ См.: Всероссийский съезд по хлебному делу // Торгово-промышленная газета. 1917. 14 мая.

¹¹⁶⁰ См.: Выступление А.И. Шингарева на Всероссийском продовольственном съезде // Торгово-промышленная газета. 1917. 7 мая.

¹¹⁶¹ См.: Всероссийский съезд по хлебному делу 9-11 мая 1917 года // Известия по продовольственному делу. 1917. №1 (май). С. 16-17.

¹¹⁶² См.: Продовольственная программа // Биржевые ведомости. 1917. 10 мая (утро).

Временное правительство. Правда, была сделана оговорка о необходимости привлечения представителей хлебной торговли к продовольственному снабжению и об обязательном включении их в образованные продовольственные комитеты. Эта позиция на съезде возобладала, что и отразила итоговая резолюция¹¹⁶³. Однако заметим, что в работе форума на правах самостоятельной секции участвовал съезд мукомолов: он представлял крупные структуры, находившиеся под контролем столичных банков. Эти торговцы решили принять собственную резолюцию, отразившую полное неприятие деятельности новой власти. Усугубление и без того тяжелой ситуации они приписывали хлебной монополии и констатировали, что ждать живой и творческой работы неоткуда; в продовольственные комитеты соглашались входить только представители с правом решающего голоса¹¹⁶⁴.

Московская буржуазия на протяжении мая – июня еще надеялась, что ее интересы при организации продовольственного дела будут учтены. Однако эти надежды, как и ожидания по рабочему вопросу, быстро таяли. Июльский кризис с неудавшейся попыткой большевиков захватить власть показал, к чему ведет политика, проводимая советами. А затем оживился давний соперник купечества – питерский буржуазный клан, решивший самостоятельно выбираться из охватившего страну кризиса. В продовольственной сфере петроградские банки попытались захватить командные высоты, оттеснив кооперацию и советскую публику на вторые роли (разочарование партии друзей Керенского в советах рабочих и солдатских депутатов создавало для этого неплохие шансы). Они атаковали Министерство продовольствия уже не на каком-либо форуме, а на подконтрольной советам территории – в Общегосударственном продовольственном комитете (бывшем Особом совещании по продовольствию). В конце июля возник вопрос о ревизии продовольственных дел. Представители Совета негодовали: с их точки зрения, это выглядело уступкой контрреволюционным домогательствам. Общегосударственный продовольственный комитет не усматривал никаких оснований для немедленной ревизии, отвлекающей силы от текущей работы¹¹⁶⁵. Тем не менее очередная, пятая сессия комитета, состоявшаяся 8 августа, была фактически сорвана рядом участников, заявивших о несоответствии программы мероприятия серьезности момента: жизнь требует принципиального разговора о продовольственной политике министерства в целом. Начавшаяся дискуссия потонула в яростных нападках на хлебную монополию, введение которой не позволило создать дееспособную систему снабжения продовольствием. Продовольственные комитеты формировались под лозунгом демократизации во что бы то ни стало: их огромная и дорогостоящая сеть была, быть может, безупречно демократична, но абсолютно неэффективна. Окончательное устранение торгового аппарата от дел квалифицировалось как непоправимая ошибка. На все это представители Совета неизменно отвечали, что политика министерства абсолютно правильна и полезна. Пешехонов заявил, что *«ломать твердые цены невозможно»*; если это произойдет, в стране неминуемо начнется голод¹¹⁶⁶. Питерская пресса развернула безудержную травлю В.Н. Громана, одного из идеологов советской продовольственной политики. Например, «Биржевые ведомости» с издевкой рассуждали о необходимости предоставить ему возможность отдохнуть и подлечиться:

«Громан по всем признакам человек одержимый. Не надо его раздражать

¹¹⁶³ См.: Всероссийский съезд по хлебному делу 9-11 мая 1917 года // Известия по продовольственному делу. №1 (май). С. 17-18.

¹¹⁶⁴ См.: Там же. С. 19.

¹¹⁶⁵ См.: О ревизии продовольственной управы // Речь. 1917. 2 августа.

¹¹⁶⁶ См.: Продовольственный вопрос // Торгово-промышленная газета. 1917. 10 августа.

нападками в печати, не надо расстраивать его толками о ревизии его деятельности, а надо спокойно сделать то, чего требует примитивная гуманность: надо обревивать его личное умственное и душевное состояние»¹¹⁶⁷.

В самом правительстве началось сильное давление на министра продовольствия Пешехонова. Была выдвинута инициатива о введении в противовес ему специальной должности – верховного комиссара по продовольствию. На нее прочили крупного акционера Русско-Азиатского банка П.П. Ватолина¹¹⁶⁸; лоббировал это решение заместитель председателя премьер-министра, глава Министерства финансов Н.В. Некрасов (на этой почве он окончательно перессорился с социалистическим крылом кабинета). Вопреки сопротивлению министров-социалистов Временное правительство приступило к обсуждению с представителями частной торговли порядка их привлечения к продовольственному делу, о чем извещала пресса¹¹⁶⁹. Под представителями частной торговли подразумевались крупные питерские коммерсанты; об этом говорит тот факт, что московское купечество оставалось совершенно не в курсе происходящего. На Втором торгово-промышленном съезде в начале августа 1917 года С.Н. Третьяков для московских деловых кругов комментировал лишь распространявшиеся в столице слухи о возможной отмене хлебной монополии¹¹⁷⁰.

Корниловские события и вызванный ими кризис власти отсрочили реорганизацию продовольственной системы. Однако четвертый состав Временного правительства, образованный на базе московской буржуазии, сразу приступил к делу. Прежде всего был упразднен Общегосударственный продовольственный комитет, вызывавший неприкрытую злобу буржуазных деятелей. Его заседания, прерванные корниловским выступлением, больше уже не возобновлялись. Советская публика негодовала, указывая, что власти юридически не имели права прекращать заседания: это мог сделать по собственному постановлению только сам комитет. Как писали «Известия»:

«путь, на который вступило Временное правительство, представляет собой не что иное, как возврат к худшим временам старого режима с его пренебрежением к общественным силам и общественной самодеятельности».

ВЦИК призывал к самому энергичному давлению на правительство¹¹⁷¹. А оно тем временем провело совещание с крупными банками, на котором обсуждались условия финансирования продовольственных операций. Одного миллиарда рублей, выделенного на эти цели Государственным банком, было явно недостаточно. Банкиры указывали на то, что неустойчивость политического положения неизбежно сказывается на финансовой состоятельности кредитных учреждений. Но желание нового правительства привлечь наконец к хлебным операциям торговцев, обещавших подготовить по этому поводу свои

¹¹⁶⁷ См.: В защиту Громана // Биржевые ведомости. 1917. 20 августа (утро).

¹¹⁶⁸ См.: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената. М., 1990. С. 152-153.

¹¹⁶⁹ См.: Продовольственная брешь // Биржевые ведомости. 1917. 25 августа (утро); Реорганизация продовольственного дела // Русские ведомости. 1917. 25 августа.

¹¹⁷⁰ См.: Выступление С.Н. Третьякова // Второй Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 3-5 августа 1917 года. М., 1917. С. 14.

¹¹⁷¹ См.: Известия. 1917. 6 октября. С. 6.

предложения, можно было, считали финансисты, только приветствовать¹¹⁷². Впрочем, обещания коммерсантов разработать какие-то планы были лишь формальностью, поскольку предложения питерской банковской группы давно уже были разработаны; при царском правительстве их продвигал министр внутренних дел А.Д. Протопопов, а в августе 1917 года – возглавлявший Министерство финансов Н.В. Некрасов. Напомним: суть этих предложений сводилась к передаче хлебной торговли сети банковских филиалов, густо покрывавшей всю страну. С этим связывалось и решение проблем финансирования продовольственного снабжения. Одним из условий открытия большой кредитной линии на продовольственные операции стало назначение на ключевой правительственный пост известного Ватолина. Однако эти меры заметно смущали купеческое правительство. Обещая привлечь на государственные нужды банковский капитал, оно тем временем затеяло реформу продовольственной системы. Предполагалось, что Россия будет разделена на несколько крупных районов; возглавят их известные в стране лица, наделенными большими правами. За назначения отвечал поволжский купец В.Н. Башкиров, занявший пост товарища министра продовольствия С.Н. Прокоповича. В октябре 1917 года особоуполномоченным по южному району, ключевому с точки зрения хлебного производства, успел стать полковник А.Е. Грузинов (герой февральско-мартовской революции в Москве), а по Уральскому району – атаман А.И. Дутов¹¹⁷³. «Биржевые ведомости» выражали недоумение: как, не успев обнадежить банковско-торговые круги, правительство начинает разделение страны на районы, которые должны управляться какими-то «особыми помпадурами»¹¹⁷⁴. Реорганизацию продовольственного дела вскоре прервал октябрьский переворот.

Земельный вопрос, в отличие от продовольственного, потребовал гораздо меньшего участия купеческой буржуазии, поскольку его решение было фактически predetermined. Столыпинский перевод деревни, приверженной общинным порядкам, на частнособственнические рельсы начался в последние десятилетия царизма и проходил с большим трудом. Аграрное законодательство обсуждалось и принималось Государственной думой в 1909 году. О том, какую позицию занимала тогда московская буржуазия, мы знаем благодаря статьям крупного фабриканта С.И. Четверикова. Столыпинские инициативы купечество не одобряло, смыкаясь в этом с кадетами. Как указывал Четвериков, каждому беспристрастному наблюдателю было ясно, что на основе хуторского хозяйства русская деревня существовать не сможет. Эта экономическая форма была чужда вековым устоям крестьянской жизни. Ее эволюция должна идти в сторону расселения «гнездами» по пятьдесят хозяйств. Такие союзы по обработке сравнительно больших участков земли позволили бы сохранить взаимопомощь и связи с другими подобными «гнездами». Тем более что общественные угодья (леса, луга, водоемы) должны были оставаться исключительно в общественной собственности. Четвериков утверждал:

«Какие бы ни были дефекты предполагаемого проекта, в нем есть одна положительная сторона, которая может искупить многое: создается в деревне собственность и не разрушается община»¹¹⁷⁵.

Этот баланс интересов дал бы возможность бороться с самыми темными сторонами общины, но не с самой общиной как таковой. В столыпинском же законе от 9 ноября 1906

¹¹⁷² См.: Продовольственный вопрос // Торгово-промышленная газета. 1917. 26 сентября.

¹¹⁷³ См.: Реформа продовольственного дела // Русское слово. 1917. 14 октября.

¹¹⁷⁴ См.: Продовольственная помощь // Биржевые ведомости. 1917. 18 октября (утро).

¹¹⁷⁵ См.: Там же.

года, констатировал Четвериков, напрочь отсутствовало специфическое народное понимание правды, так как его составители все надежды возлагали на экономическую составляющую:

«Слишком много считались с хозяином и слишком мало – с человеком»¹¹⁷⁶.

Здесь не место комментировать данные рассуждения, заметим только, что весной 1917 года схемы Четверикова невозможно было реализовать, поскольку страну захлестнула настоящая общинная революция снизу с разделом земли по уравнительному принципу. Этому глубинному народному порыву наиболее полно отвечали отнюдь не купеческие, а эсеровские программные установки. Партийный предводитель социалистов-революционеров В.М. Чернов предельно четко формулировал цель:

«Между землей и трудом стоят рогатки монополии собственников; эти рогатки должны быть сняты, и Временное правительство может и должно их снять»¹¹⁷⁷.

Подобные заявления были созвучны народным чаяниям, что продемонстрировал Всероссийский крестьянский съезд, состоявшийся в мае 1917 года. Его участники не хотели слышать ни о чем другом, кроме социализации земли и трудового уравнительного землепользования. Принцип частного землевладения совсем не находил сторонников; значительное большинство выступало против выкупа земли у собственников и не поддерживало их вознаграждение за государственный счет (в смысле компенсации за землю)¹¹⁷⁸. Когда дело так или иначе касалось этих насущных вопросов, крестьянские делегаты *«совершенно теряли выдержку, обнаруживая типичный для того времени максимализм требований»*¹¹⁷⁹. Эсеровские лидеры, предавая на съезде анафеме частную собственность и воспевая общинные порядки, ратовали за запрет залога земель под банковские ссуды, что, по их убеждению, должно было обеспечить прилив кредита непосредственно на сельскохозяйственную модернизацию¹¹⁸⁰. Ходом съезда дирижировал Чернов (кстати, он присутствовал на нем не в качестве нового министра земледелия, а как крестьянский делегат от Камышинского уезда Саратовской губернии, считая это звание более почетным¹¹⁸¹).

Надо отдать должное эсеровской партии: она довольно быстро сумела взять под контроль Главный земельный комитет, превратив его в штаб аграрных преобразований. Идея образования комитета принадлежала кадету А.И. Шингареву, начинавшему свою деятельность в правительстве как раз министром земледелия: он планировал создать центр для подготовки теоретических основ реформы. В Главный земельный комитет предлагалось ввести представителей всех партий, а также частных землевладельцев; никакими

¹¹⁷⁶ См.: Там же.

¹¹⁷⁷ См.: Чернов В.М. Неотложное дело // Дело народа. 1917. 12 апреля.

¹¹⁷⁸ См.: Гуревич В.Я. Всероссийский крестьянский съезд и первая коалиция // Летопись революции. Кн. 1. Берлин, 1923. С. 193.

¹¹⁷⁹ См.: Там же. С. 193.

¹¹⁸⁰ См.: Вихляев П.А. Развитие сельскохозяйственных производительных сил // Дело народа. 1917. 7 мая.

¹¹⁸¹ См.: Выступление Чернова на Всероссийском съезде крестьянских депутатов // Дело народа. 1917. 18 мая.

исполнительными функциями система комитетов на местах не обладала. Однако, войдя в состав Временного правительства, Чернов и Пешехонов наделили земельные комитеты правом разрешения споров и недоразумений в сфере земельных отношений, что придало их деятельности принципиально иной характер¹¹⁸². При Шингареве предполагалось, что Главным земельным комитетом будет руководить постоянно действующий орган из двенадцати человек. Но со вступлением в должность министра Чернова в состав комитета было кооптировано сорок человек из эсеровской среды. В результате этот орган стал напоминать обычный митинг¹¹⁸³. Эсеровская вольница выдвинула целый ряд законопроектов, которые шокировали членов Временного правительства. Чего стоил только обещанный на крестьянском съезде запрет купли-продажи земель (его мотивировали необходимостью приостановить перераспределение земельного фонда). А после правительственного кризиса и отставки премьера князя Г.Е. Львова эсеры смогли приступить к реализации своих обещаний. Сделки с внегородской землей согласно внесенному ими законопроекту могли производиться лишь с разрешения местных земельных комитетов и при утверждении каждого случая министром земледелия. При этих условиях ни о каком праве собственности на землю говорить уже не приходилось¹¹⁸⁴. Кроме того, данный законодательный акт вел к огромным потрясениям всей хозяйственной жизни, ведь под определение «внегородские» попадали земли, приобретаемые или арендуемые коммерческими предприятиями для разработки угля, нефти, сахара и проч. Питерские банки требовали прекратить подобные эксперименты, грозящие им как крупным владельцам соответствующих бизнесов огромными потерями¹¹⁸⁵. Не менее вызывающим был признан законопроект «Об охране лесов и их рубке». Заготавливать древесину по этому закону полагалось только с разрешения уездных земельных комитетов, которые должны были определять, не преследует ли рубка спекулятивных или хищнических целей. Тем самым, по меткому замечанию «Русских ведомостей», под подозрение брался каждый удар топора, даже если он диктовался необходимостью обороны или потребностями общественных организаций¹¹⁸⁶.

Эсеровские лидеры неуклонно придерживались взятого курса и открыто выражали недоверие тем членам Временного правительства, кто отрицательно относился к их партийным наработкам. Например, назначенный министром внутренних дел эсер Н.Д. Авксентьев объяснял товарищам князя Г.Е. Львова по министерству внутренних дел (Щепкину, Леонтьеву, князю Урусову), что вынужден освободить их от занимаемых должностей из-за их принадлежности к землевладельческой буржуазии, к которой подозрительно относятся широкие демократические круги¹¹⁸⁷. Разумеется, свою политику эсеры считали единственно правильной. Как уверенно декларировал их партийный рупор «Дело народа»:

¹¹⁸² См.: *Хрущев А.Г.* Андрей Иванович Шингарев и его деятельность. М., 1918. С. 98-99.

¹¹⁸³ См.: *Шидловский С.И.* Воспоминания. Ч. 2. Берлин, 1923. С. 116-117.

¹¹⁸⁴ См.: Запрещение земельных сделок // *Русские ведомости*. 1917. 29 июля.

¹¹⁸⁵ См.: Комитет съездов банков и неприкосновенность земельного запаса // *Торгово-промышленная газета*. 1917. 9 июня.

¹¹⁸⁶ См.: Об аграрных проектах Чернова // *Русские ведомости*. 1917. 3 августа.

¹¹⁸⁷ См.: В Министерстве внутренних дел // *Русские ведомости*. 1917. 4 августа.

«достаточно короткое время побывать на совещании совета крестьянских депутатов, подышать мужицким воздухом земельных комитетов, чтобы убедиться в том, как искусственен и как несправедлив упрек в адрес земельных законов»¹¹⁸⁸.

Неслучайно противники эсеровского законотворчества именовали Чернова преемником Ленина и считали его присутствие во Временном правительстве *«трагическим и позорным парадоксом»*¹¹⁸⁹. Лишь четвертый состав Временного правительства охладил эсеровский пыл и попытался минимизировать влияние партии в Министерстве земледелия. В ведомстве развернулась упорная позиционная борьба между группой специалистов во главе с новым министром С.Л. Масловым, которые пытались *«свести с небес на землю эсеровскую программу»*, и их оппонентами, стоящими на страже чистоты партийных принципов¹¹⁹⁰. Для пересмотра черновских новаций была образована комиссия при Временном правительстве, куда вошли министры Коновалов, Никитин, Прокопович, Маслов и Малянтович¹¹⁹¹. Но времени для работы им уже не оставалось.

Взаимоотношения между либеральными буржуазными кругами и советскими деятелями особенно выпукло проявились в их активности вокруг Особых совещаний. Как известно, эти структуры были образованы летом 1915 года для координации действий в условиях войны; их контролировали силы, оппозиционные царскому правительству. Представители Государственной думы, ЦВПК, Земского и Городского союзов имели там большое влияние. После февраля 1917 года Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию сохранили свое прежнее значение и состав. Реорганизации подверглось лишь совещание по продовольствию: продовольственная комиссия Временного комитета Государственной думы и Совет рабочих и солдатских депутатов приняли совместное решение о создании Общегосударственного продовольственного комитета с обновленным составом участников, который пополнился представителями революционной демократии и кооперативов. На новый комитет возлагалась разработка общего продовольственного плана и мер по его реализации¹¹⁹².

Однако Особые совещания, которые формировались еще при старом режиме, вызывали все большее недовольство социалистов, вошедших во Временное правительство. Под прицелом оказалось Особое совещание по топливу; штурм этой аппаратной вершины готовился загодя. В конце мая 1917 года прошла реорганизация на демократических началах районных совещаний по топливоснабжению; их руководство оказалось в руках просоветских элементов. 13 июня на заседании Особого совещания по топливу впервые присутствовали представители Совета рабочих и солдатских депутатов. Они отказывались обсуждать важные вопросы в составе, не соответствующем новой обстановке. Их раздражало присутствие членов Государственной думы и Государственного совета, озабоченных обслуживанием интересов буржуазии, а не революции. Поэтому было выдвинуто предложение серьезно обновить персональный состав Особого совещания, включив в него как можно больше демократических представителей. В результате запланированных кадровых изменений из 53 членов совещания оставалось лишь восемь промышленников и производителей топлива

¹¹⁸⁸ См.: К уходу кн. Г.Е. Львова // Дело народа. 1917. 9 июля.

¹¹⁸⁹ См.: Выступление И.А. Ильина // Отчет о московском совещании общественных деятелей. 8-10 августа 1917 года. М., 1917. С. 25, 27.

¹¹⁹⁰ См.: Подготовка аграрной реформы // Русские ведомости. 1917. 5 октября.

¹¹⁹¹ См.: Земельный законопроект // Русское слово. 1917. 18 октября.

¹¹⁹² См.: РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2017. Л. 14-14об.

(угольщики, нефтяники и др.¹¹⁹³). Однако глава Особого совещания по обороне и по топливу П.И. Пальчинский признал такую реорганизацию несвоевременной; причем с представителями демократических организаций он держался с подчеркнутым цинизмом¹¹⁹⁴. В этом нет ничего удивительного: горный инженер Пальчинский, ставший в послефевральский период товарищем министра торговли и промышленности, был тесно связан с буржуазией юга России. Несмотря на активное участие в революции 1905 года, он пользовался доверием ее лидеров (именно они оплачивали ему многолетнее пребывание в Европе¹¹⁹⁵). Но незаурядные деловые качества Пальчинского были также по достоинству оценены и купеческой буржуазией, которая еще в годы Первой мировой войны привлекла его к работе Особого совещания по обороне и в ЦВПК. В этом смысле он был уникальной фигурой во Временном правительстве. И вот на противодействие этого человека натолкнулись рабочие и солдатские депутаты, стремившиеся упрочить свое влияние в управленческих структурах. Хорошо знакомый с горнопромышленным миром России Пальчинский не мог действовать так, чтобы ущемлять интересы тех, в чьих руках находились реальные производственные рычаги. Представители Совета начали забрасывать руководство Временного правительства требованиями незамедлительного устранения Пальчинского¹¹⁹⁶. Против него была развернута целая кампания: его выставляли защитником старого режима, саботажником нового экономического курса, противником назревшей демократизации органов снабжения и т.д.¹¹⁹⁷ А Министерство торговли и промышленности, где он занимал высокий пост, именовали «разбойничьим гнездом», откуда делаются набеги на пролетариат¹¹⁹⁸. Трудно сказать, чем закончились бы атаки на Особые совещания и на самого Пальчинского, если бы не охлаждение Керенского к советам, последовавшее за военным провалом на фронте и июльскими событиями.

Итак, надежды советских деятелей занять прочные позиции в Особых совещаниях не оправдались. И они сосредоточились на созыве своего совещания по обороне, полностью состоящего из представителей демократических организаций. Этот орган, образованный непосредственно при ЦИК, задумывался в качестве альтернативы буржуазным организациям, созданным в годы Первой мировой войны (ЦВПК, Земский и Городской союзы): «Мы глубоко верим, что революционная демократия, а не буржуазия спасет страну», – сформулировал кредо своих единомышленников член ЦИКа Дан¹¹⁹⁹. Однако после корниловских событий Временное правительство приняло решение вообще упразднить систему Особых совещаний. Вместо них был учрежден Главный экономический комитет, куда на правах его отделов входили Особые совещания с их аппаратами. А Особое

¹¹⁹³ См.: Реорганизация «Осоотопа» // Торгово-промышленная газета. 1917. 21 июня.

¹¹⁹⁴ См.: Суханов Н.Н. Записки о революции. Т. 3. М., 1992. С. 29.

¹¹⁹⁵ См.: Гараевская И.А. Петр Пальчинский. М., 1996. С. 30-33.

¹¹⁹⁶ См.: Письмо Председателя Временного бюро Учредительного съезда представителей районных советов по топливу министру – председателю Временного правительства о помехах, чинимых П.И. Пальчинским делу реорганизации Особого совещания по топливу и неотложности создания авторитетного центрального органа по топливоснабжению. 19 июня 1917 года // Экономическое положение России накануне Великой октябрьской революции. Ч. 1. М.; Л., 19157. С. 270-271.

¹¹⁹⁷ См.: Заседание исполнительных комитетов // Русское слово. 1917. 20 июля.

¹¹⁹⁸ См.: Политическое прошлое П. И. Пальчинского // Биржевой курьер. 1917. 15 июля.

¹¹⁹⁹ См.: Материалы совещания по обороне // Известия. 1917. 9 августа.

совещание по обороне планировалось сделать военно-техническим подразделением Военного министерства¹²⁰⁰. В четвертом и последнем составе Временного правительства Главный экономический комитет, превратившийся в своего рода суперминистерство, оказался в руках московского купечества. Как уже говорилось, его возглавил С.Н. Третьяков, заместителем которого стал старшина Московского биржевого комитета С.В. Лурье. В ведение комитета передавались все вопросы, не требовавшие законодательного оформления. Для размещения этого ведомства, становившегося ключевым, планировалось даже отвести Мариинский дворец, где ранее заседало Временное правительство (позже здание решили отдать под заседания Временного совета Республики)¹²⁰¹. Заметим: Совет съездов представителей промышленности и торговли выступил с резкой критикой этой аппаратной реорганизации, проведенной московским купечеством. В его записке Временному правительству подчеркивалось, что создание Главного экономического комитета с такими обширными административными полномочиями приведет к полному подчинению этим органом всех министерств, которые по сути превратятся в его департаменты¹²⁰².

Различие интересов питерского и московского буржуазного кланов проявилось и в отношении к государственным займам. Вообще при царизме правительство не раз практиковало займы, причем их движущей силой выступали столичные банки – они были главными подписчиками, помещавшими свои средства в государственные бумаги. Москва не столь активно участвовала в подписных кампаниях, занимая выжидательную позицию и надеясь на предоставление скидок¹²⁰³. Весной 1916 года министр финансов П.Л. Барк даже пригласил представителей московской прессы: он призывал их популяризировать военные займы и сетовал на отсутствие живого энтузиазма в таком важном государственном деле. В пример москвичам Барк ставил патриотический настрой петроградских банков¹²⁰⁴. Но после февральско-мартовского переворота настроение московской буржуазии резко меняется: уже в начале марта 1917 года Временное правительство объявляет о так называемом «займе свободы», разработанном на новых основаниях. Заем объявлялся долгосрочным (примерно на сорок-пятьдесят лет), объем его составлял 3 миллиарда рублей – эту сумму поровну принимали на себя Государственный банк и коммерческие банки страны. Последние – по причине особого значения займа и общего патриотического подъема – сочли возможным отказаться от обычной комиссионной наценки и предлагали публике облигации по тому же курсу, по которому приобретали сами¹²⁰⁵. Тон подписной кампании теперь задавала Москва, где действовал объединенный комитет по пропаганде «займа свободы»; он регулярно устраивал концерты и митинги с призывами покупать облигации. Так, например, 16 апреля 1917 года в торжественном заседании по содействию займу участвовали члены Временного правительства, посол США Фрэнсис, французский министр снабжения А. Тома,

¹²⁰⁰ См.: РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 121. Л. 97.

¹²⁰¹ См.: Торгово-промышленная газета. 1917. 28 сентября.

¹²⁰² См.: Доклад Совета съездов представителей промышленности и торговли Временному правительству. 26 сентября 1917 года // РГИА. Ф. 150 Оп. 1. Д. 450. Л. 7-7об.

¹²⁰³ См.: Среди московских торгово-промышленных сфер // Коммерческий телеграф. 1916. 18 марта.

¹²⁰⁴ См.: Новый заем // Утро России. 1916. 5 апреля.

¹²⁰⁵ См.: Журнал заседания совета представителей акционерных коммерческих банков. 9 марта 1917 года // РГИА. Ф. 1533. Оп. 1. Д. 14. Л. 58.

а также видные участники революционного движения В.И. Засулич и В.Л. Бурцев¹²⁰⁶. Купеческая буржуазия была полна патриотического энтузиазма. Например, министр финансов М.И. Терещенко вложил в облигации 5 млн руб. из собственных средств¹²⁰⁷. Московский биржевой комитет после визита министра торговли и промышленности А.И. Коновалова обязал торгово-промышленные предприятия, представленные на бирже, обратить 25% основных капиталов в «заем свободы»; прогнозировалось, что это даст от 500 млн до 1 млрд руб.¹²⁰⁸

Подписка началась довольно бойко, почти в два раза превышая сборы по займам царского времени¹²⁰⁹. Даже бывший император Николай II пожелал приобрести облигации на 100 тыс. руб.¹²¹⁰ Однако экономические трудности нарастали, усиливая негативный настрой предпринимательских кругов по отношению к правительственным инициативам. На глазах таяли и надежды на блестящие результаты подписной кампании. К 1 июня общее число подписчиков достигало всего 500 тыс. человек – и это при 180-миллионном населении страны!¹²¹¹ Не способствовала успеху займа и почти месячная заминка с его реализацией, что помешало использовать патриотический порыв первых недель после свержения царизма¹²¹². Заметим, широкие народные массы изначально не проявляли интереса к займу. Хотя Петроградский совет принял решение о его поддержке, а в июне 1917 года даже подписался на 400 тыс. руб.¹²¹³, на местах преобладало полное равнодушие к пропагандистским призывам. На многих предприятиях, как, например, на Большой Ярославской мануфактуре, агитаторов в пользу займа предупреждали о возможной агрессии по отношению к ним со стороны рабочих¹²¹⁴. Исключительно буржуазным делом считала заем свободы революционная демократия, и ее представители из 677 тыс. подписчиков составляли лишь около 3%¹²¹⁵. «Известия» указывали на странное обстоятельство:

«С одной стороны, господа капиталисты готовы отказаться от всех доходов, а с другой – они не желают занять государству денег из 6% годовых. И не служит ли это лучшим доказательством лицемерия всех заявлений капиталистов об их

¹²⁰⁶ См.: Письмо ЦВПК всем областным и местным военно-промышленным комитетам. 22 апреля 1917 года // РГИА. Ф. 45. Оп. 1. Д. 108. Л. 80.

¹²⁰⁷ См.: Михайловский Г.Н. Из истории внешнеполитического ведомства. Кн. 1. М., 1993. С. 365.

¹²⁰⁸ См.: Подписка на заем свободы // Торгово-промышленная газета. 1917. 16 апреля.

¹²⁰⁹ См.: Заем свободы // Русское слово. 1917. 27 мая.

¹²¹⁰ См.: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 1450. Л. 2-3.

¹²¹¹ См.: Там же. 7 июня.

¹²¹² См.: Бубликов А.А. Русская революция. С. 33.

¹²¹³ См.: Заем свободы и советы рабочих депутатов // Биржевой курьер. 1917. 2 августа.

¹²¹⁴ См.: Там же.

¹²¹⁵ См.: Ган А. Государственный банк и Временное правительство // Русский экономист. 1923. №7-8 (январь). С. 11.

безвыходном и трагичном положении?»¹²¹⁶

Со своей стороны, питерская буржуазия, первой заговорившая о провале «займа свободы», также предлагала прекратить всю эту комедию и расстаться с надеждами на патриотические чувства населения. Она начала открыто высмеивать эту инициативу властей. Много ли осталось чудаков в обширной пустыне, недавно именовавшейся Российской империей, любящих свободу, понимающих ее значение, готовых ради нее понести жертвы? – вопрошало столичное «Новое время». И предлагало переименовать «*заем свободы*» в «*заем спасения себялюбцев*»¹²¹⁷. Путилов призывал для изъятия излишков бумажных денег делать ставку не на красивые лозунги, а на принудительные займы. По его расчетам, это без всяких уговоров позволило бы государству гарантированно собрать 5-6 млрд руб. наличными¹²¹⁸. Московское купечество, признав, что «заем свободы» не оправдал ожиданий, тоже сетовало на наличие избыточной денежной массы на руках бесчисленных спекулянтов, менее всего помышлявших о «*тихом пристанище*» для своих средств¹²¹⁹. В августе – октябре 1917 года подписка на заем, объявленный постоянным, практически прекратилась. Окончательным его фиаско можно считать более чем успешное размещение займа частных железных дорог в первой половине октября. Подписка на эти бумаги в объеме 750 млн руб. прошла буквально в несколько дней, в три раза превысив номинал. Как констатировала «Русская воля»:

«публике одинаково надоели и перманентная революция, и перманентный заем. Под такую свободу, которую устроили на нашей земле, денег много не соберешь»¹²²⁰.

В отличие от «займа свободы» финансово-промышленное акционирование после февральского переворота переживало небывалый взрыв активности. Министерство торговли и промышленности значительно больше, чем при старом режиме, занималось уставами учреждаемых акционерных обществ¹²²¹. В новых условиях и питерский, и московский кланы пытались нарастить потенциал, усилить свои позиции в экономике. Казалось, февральско-мартовская победа открывала для этого блестящие перспективы. Однако на самом деле положение нынешних победителей было гораздо слабее, чем прежнее положение имперского чиновничества. Вследствие общей политической неопределенности Временное правительство попало в зависимость от западных союзников, а точнее – от их финансовой поддержки: без нее существование нового строя было бы, мягко говоря, весьма затруднительным. Неизменной заботой новой власти стало внимание к иностранным экономическим интересам, а их в российской экономике было более чем достаточно: французскому, английскому, бельгийскому бизнесу принадлежали крупные активы в ключевых отраслях промышленности. Более того, европейский капитал владел значительными пакетами питерских банков: через них инвестиционные потоки шли в

¹²¹⁶ См.: *Заем свободы и капиталисты* // Известия. 1917. 19 мая.

¹²¹⁷ См.: *Заем свободы* // Новое время. 1917. 3 июня.

¹²¹⁸ См.: А.И. Путилов о принудительном займе // Финансовое обозрение. 1917. №16 (май). С. 3-4.

¹²¹⁹ См.: *Четвериков С.И.* К борьбе с финансовым кризисом // Утро России. 1917. 6 июня.

¹²²⁰ См.: *Богомолов М.* Внушительная демонстрация // Русская воля. 1917. 15 октября.

¹²²¹ См.: *Прилежаев В.В.* Воспоминания // РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 45. Л. 66.

Россию. Понятно поэтому, что правительство, как бы ни благоволило оно московскому купечеству, не могло откровенно вытеснить столичный банковский клан с лидирующих позиций в экономике, поскольку при этом пострадали бы интересы союзников, чего, разумеется, никто допускать не хотел. Поэтому Временное правительство уделяло особое внимание горной промышленности юга, находившейся в иностранном акционерном владении.

Русские министры трепетно относились к недовольству администраций металлургических и угледобывающих предприятий региона, оперативно реагируя на их требования. Это демонстрирует следующий пример. До революции южные горнопромышленники торговались с царским правительством о повышении цен на уголь на 3-5 коп. за пуд. При новой власти они сразу запросили – и получили – 11-копеечную прибавку; в результате цены увеличились с 18 до 29 коп. за пуд, причем надбавка распространялась и на старые поставки с января 1917 года¹²²². «Известия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов» писали по этому поводу, что Министерство торговли и промышленности подчиняется интересам южной индустрии, по сути попав к ней в плен¹²²³. Или еще один характерный случай с Путиловским заводом. После наложения на завод секвестра в феврале 1916 года были расторгнуты четыре договора с французской фирмой «Шнейдер-Кредо». Это вызвало резкий протест французской стороны, заявившей о большой значимости данных договоров для местной металлургии и банков. Царское правительство пошло на возобновление контрактов, но не в полном объеме. А новая демократическая власть восстановила действие всех договоров, хотя они находились в явном противоречии с потребностями секвестрированного завода¹²²⁴. Выше уже упоминалось о просьбе английских акционеров ряда предприятий взять их активы под особый государственный контроль (просьбу передал министр труда Великобритании А. Гендерсон). Английские собственники ходатайствовали, чтобы русские власти приняли на себя решение вопросов о заработной плате, о защите имущественных прав и т. д. Временное правительство высказалось за удовлетворение их просьб, обеспечив этим конкретным предприятиям более или менее сносное существование. Таким образом, создавалась как бы привилегированная промышленность иностранного происхождения¹²²⁵.

Все это показывает, что победу купечества и его либеральных союзников нельзя назвать полной или хотя бы достаточной для реализации нужных им экономических сценариев. Политическая неопределенность и тесная зависимость от союзников из Антанты не позволяли Временному правительству допустить доминирование купеческой буржуазии в экономике страны. Это прекрасно осознавала петроградская финансовая группа: оправившись от февральско-мартовского шока, она продолжила экспансию в различные отрасли российской экономики, следуя путями, определившимися еще при царском режиме. Забегая вперед, скажем, что в течение 1917 года ей удалось серьезно продвинуть свои интересы, и лишь Октябрьская революция прервала уверенную поступь питерских капиталистов. Именно при Временном правительстве завершается начатая в годы предвоенного подъема экспансия столичных банков в индустрию Урала. Все наиболее крупные уральские промышленные округа окончательно переходят под контроль этих финансовых структур. Так, Нижнетагильский округ был фактически куплен Русским для

¹²²² См.: Страна в опасности // Рабочая газета. 1917. 14 мая.

¹²²³ См.: Там же.

¹²²⁴ См.: Лодзинский Э. Экономическая политика Временного правительства. М., 1929. С. 92-95.

¹²²⁵ См.: Привилегированная промышленность // Коммерческий телеграф. 1917. 1 июля.

внешней торговли банком, а перспективные платиновые прииски перешли к французской компании. Богатейший Верхне-Исетский округ при крупной задолженности Государственному банку оказался в руках Азовско-Донского банка¹²²⁶. Та же участь постигла Невьяновский округ, попавший в полную финансовую зависимость от Сибирского торгового банка. Русско-Азиатский банк установил контроль над Алапаевским округом. А Сысертский округ управлялся из лондонской штаб-квартиры¹²²⁷. Новые собственники предполагали перестроить производство по отраслевому принципу с широкой кооперацией между отдельными хозяйствами, расположенными в других регионах. Например, Петроградский международный банк, скупивший акции Белорецкого общества, планировал использовать заводы в кооперации с концерном «Коломна–Сормово», Азовско-Донской банк обдумывал проект слияния Верхне-Исетского и Сысертского округов, с выкупом последнего у англичан¹²²⁸.

Но самое интересное, что за 1917 год петроградские банки серьезно укрепились в горной индустрии юга России. Развернувшиеся там рабочие беспорядки вызывали у зарубежных собственников обоснованные опасения по поводу судьбы их активов. Адресованные к властям требования нормализовать ситуацию мало к чему приводили. Тогда европейские акционеры стали воздерживаться от финансовых вложений, выжидая, чем закончится воцарившаяся в южном регионе анархия. Вот этой ситуацией и решили воспользоваться петроградские банки. Они активно начали предоставлять ссуды предприятиям, оказавшимся в сложном положении из-за недостатка оборотных средств. Причем финансирование организовывалось посредством выпуска новых акций, которые приобретались самими банками. В результате влияние питерской элиты в горной промышленности юга стало быстро нарастать. Если до войны предприятия Донецкого бассейна, находившиеся в собственности у иностранцев, давали 3/4 добываемого угля, то в послефевральский период этот показатель стал неуклонно снижаться¹²²⁹.

Лидером питерской экономической экспансии выступал Русско-Азиатский банк, располагавший наиболее мощным финансовым потенциалом. В 1917 году денежные вклады банка в тринадцать раз превышали собственный капитал; одних только депозитов было привлечено на 805 млн руб.¹²³⁰ В годы Первой мировой войны Русско-Азиатский банк подвергся серьезной акционерной перестройке. На первые роли выдвинулись новые собственники в лице фирмы Стахеева – Ватолина, которых привлек к работе непосредственно глава банка Путилов. Эти представители купечества чувствовали себя в своей тарелке при работе на внутрироссийском рынке – в отличие от старых крупных акционеров, лучше знакомых с европейскими реалиями. В Первую мировую войну именно союз с Путиловым постепенно делает стахеевскую фирму серьезным экономическим игроком с интересами в самых различных отраслях экономики. А в 1917 году группа Стахеев – Батолин – Путилов превращается в ударную силу агрессивной банковской экспансии. Партнеры могущественного Путилова становятся крупными акционерами Русско-Азиатского банка. Однако этот процесс протекал весьма болезненно: другие акционеры были не в

¹²²⁶ См.: *Вяткин М.П.* Горнозаводской Урал в 1900-1917 годах. М.; Л., 1965. С. 312-313.

¹²²⁷ См.: Там же. С. 297, 302.

¹²²⁸ См.: *Буранов Ю.А.* Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861-1917 годы). М., 1982. С. 249-250.

¹²²⁹ См.: Торгово-промышленная газета. 1917. 6 октября.

¹²³⁰ См.: Коммерческий телеграф. 1917. 27 мая.

восторге от новых партнеров. Ближайшие многолетние соратники Путилова француз Верстрат и Н.А. Гордон выступили против операций, которые Батолин проводил через банк (например, под залог различных векселей получал крупные кредиты в десятки миллионов рублей). Дело доходило до ультиматумов: если этим коммерсантам будут с легкостью сужаться средства, то в банке последуют отставки. Однако Путилов не только не отступил, но и решил распрощаться с давними коллегами, фактически вынудив их продать паи своим новым партнерам¹²³¹. Все эти события, будоражившие финансовый мир России, сопровождались пересудами о хитроумных комбинациях Путилова. Например, упорно циркулировали слухи о том, что контрольный пакет Русско-Азиатского банка продан некой парижской финансовой структуре, специально учрежденной для этого самим Путиловым. Если требуется совершить какую-либо сделку, ее оформляют от имени французских акционеров – на сцене появляется парижский банк, по существу не совершающий никаких других операций. То есть перед нами такая комбинация: парижский банк владеет контрольным пакетом акций Русско-Азиатского банка, а последний держит этот пакет у себя. Смысл всего этого – в страховке на случай неблагоприятного развития событий в России. По мысли Путилова, иностранному собственнику проще будет получить от российского правительства возмещение убытков¹²³². Но даже самые предусмотрительные банкиры не могли представить, с чем им придется столкнуться в очень недалеком будущем.

А пока группа Стахеева – Батолина – Путилова уверенно расширяла финансовый потенциал, в частности, сумела поставить под свой контроль крупный Соединенный банк, располагавшийся в Москве. Весь 1916 год вокруг него шла борьба с целью скупки значительного числа акций, позволявших влиять на ход дел¹²³³. В мае следующего года трем агрессивным капиталистам удалось собрать контрольный пакет. 20 мая на общем собрании акционеров управляющий Соединенным банком граф В.С. Татищев складывает свои полномочия. Вместо него избирается руководитель московского отделения Русско-Азиатского банка А. де Сево. Заметим, что этот переход крупной финансовой структуры в другие руки прошел довольно мирно: Татищев остался председателем правлений в тех предприятиях, которые ранее контролировал¹²³⁴. Совсем по-другому получилось с Волжско-Камским банком. Стахеев с Ватолиным начали скупать и его акции, но встретили сопротивление Кокоревых и Мухиных – семей, давно владевших контрольным пакетом банка и не желавших отдавать бразды правления. Позиционная борьба, не завершившаяся победой ни одной из сторон, тянулась вплоть до Октябрьской революции. Однако новые акционеры все-таки получили доступ к денежным ресурсам Волжско-Камского банка и смогли из этого извлечь для себя определенную пользу. Цель синдиката, выросшего вокруг Русско-Азиатского банка, состояла в том, чтобы объединить три эти крупные финансовые структуры под общим управлением. Если бы объединение удалось, то агрессивность, присущая организаторам этих сделок, превратила бы их в доминирующую силу на российском экономическом пространстве¹²³⁵. Акции Соединенного и Волжско-Камского банков были заложены в Русско-Азиатском банке, который выдал под них повышенные

¹²³¹ См.: Махинация синдиката Путилов – Стахеев // Коммерческий телеграф. 1917. 9 августа.

¹²³² См.: В Русско-Азиатском банке (Синдикат Путилов – Стахеев) // Коммерческий телеграф. 1917. 14 июня.

¹²³³ См.: Интерес к акциям Соединенного банка // Биржевой курьер. 1916. 17 ноября.

¹²³⁴ См.: Биржа и финансы // Коммерческий телеграф. 1917. 23 мая.

¹²³⁵ См.: Финансовый синдикат А.И. Путилова, И.И. Стахеева // Коммерческий телеграф. 1917. 19 мая.

ссуды; все эти средства направлялись на скупку различных предприятий. Наблюдатели того времени подсчитали: состояние самого Стахеева оценивалось в 8 млн руб., стоимость же приобретенных им акций достигает 100 млн руб. Московская пресса была убеждена: этот елабужский предприниматель ничего не делает самостоятельно, без поддержки могущественного Путилова – и предостерегала об опасности, нависшей над Россией¹²³⁶.

Но в Петрограде совсем иначе расценивали активную деятельность концерна. Об отмечавшей очередной день своего рождения фирме Стахеева и Ватолина писали:

«В ней рельефно намечается тонко задуманный, грандиозный план – создать в различных отраслях русской промышленности целый ряд предприятий, раскинув их по всей необъятной Руси и связав их общностью задач и целей. Эта колоссальная русская работа... пробуждает к жизни производительные силы страны. Какая широта творческой мысли, какой охват, сколько жизненной энергии, какая удивительная способность претворять идею в дело!»¹²³⁷

Все эти качества три предпринимателя применили еще на одном направлении своей деятельности: в 1917 году они продолжили штурмовать цитадель купеческой экономики – российскую текстильную промышленность. Пресса апреля – августа пестрит сообщениями о покупке ими различных текстильных предприятий как в Центральной России, так и в Петрограде¹²³⁸ (десять мануфактур, мощностью 500 тыс. веретен, и 10 тыс. ткацких станков¹²³⁹). Однако главное состояло в другом: летом 1917 года Путилову с партнерами удалось окончательно договориться с бухарским эмиром о совместном освоении земель ханства – ключевых в поставке хлопка для текстильной промышленности России. Этот проект вынашивался еще с царских времен, лоббировал его тогда министр внутренних дел А.Д. Протопопов. Теперь питерские финансисты увлекли эмира перспективой создания в Бухаре крупного банка на паритетных началах, пообещав выделить ему большие финансовые ресурсы¹²⁴⁰. Надежда купеческой буржуазии центра России закрепиться на хлопковых территориях окончательно растаяла. Текстильная индустрия оказалась перед угрозой ценового диктата, устроенного столичными банкирами.

Следует обратить внимание и еще на один аспект послефевральской активности питерских финансистов: в апреле – мае 1917 года Русско-Азиатский и Петроградский международный банки получили крупные правительственные заказы под свои проекты в тяжелой индустрии. При этом ранее, в 1916 году, Государственная дума наотрез отказалась выделить двадцатимиллионный кредит АО «Кузнецкие каменноугольные копи» на строительство нового металлургического завода. Но после февраля, когда со сцены сошла царская бюрократия, безуспешно продвигавшая этот проект названных банков, он неожиданно получает поддержку – уже от новой власти. Теперь акционерному обществу делается заказ на поставку 75 млн пудов рельсов и 12 млн пудов скреплений в 1921-1930 годах. Для этих целей правительство предоставило беспроцентный кредит в размере 65% от

¹²³⁶ См.: Там же.

¹²³⁷ См.: Отрадное явление // Финансовое обозрение. 1917. №17-18 (июнь). С. 56.

¹²³⁸ См.: Покупка И.И. Стахеевым хлопчатобумажных фабрик // Коммерческий телеграф. 1917. 18 апреля; Продажа крупных мануфактур // Коммерсант. 1917. 17 июня; Новое приобретение И.И. Стахеева // Коммерсант. 1917. 14 июля.

¹²³⁹ См.: Коммерческий телеграф. 1917. 30 сентября.

¹²⁴⁰ См.: Эмир бухарский и Русско-Бухарский банк // Коммерческий телеграф. 1917. 23 сентября.

стоимости заказа; расценки на поставку были установлены более низкие, чем на южнорусских заводах; окончательное уточнение цен (в зависимости от уровня инфляции) назначалось на 1918 год¹²⁴¹. Это решение вызвало неоднозначную реакцию в правительственных кругах. Председатель Совещания товарищей министров Д.Д. Grimm информировал премьера князя Г.Е. Львова о возникших разногласиях. В частности, Министерство финансов задавалось вопросом, насколько своевременны заказы, требующие крупных расходов казны и при этом не связанные с текущими военными потребностями¹²⁴². Товарищ министра юстиции А.С. Зарудный указывал, что подобные соглашения следует заключать лишь на конкурсной основе и после проведения тщательной экспертизы, отдавая предпочтение тем фирмам, которые выставили более низкие цены¹²⁴³. Однако представители Министерства путей сообщения заявили, что имеющиеся производственные мощности не могут удовлетворить огромный спрос на рельсы, а также утверждали, что квалифицированная ведомственная экспертиза уже проведена¹²⁴⁴. Временное правительство согласилось с этой аргументацией: у одного из сельских обществ Томской губернии изымалась в бессрочное пользование одна тысяча десятин под строительство завода для АО «Кузнецкие каменноугольные копи»¹²⁴⁵.

Интересно, что это решение не стало исключением. Правительство утвердило также договор с обществом «Коломенский машиностроительный завод», находившимся в собственности Петроградского международного банка. В 1915-1916 годах этот актив у банка пыталось отбить Особое совещание по обороне, теперь же коломенское предприятие получало государственный заказ по той же схеме, что и «Кузнецкие копи». Правление обязалось поставить одну тысячу паровозов и 15 тысяч крытых товарных вагонов; за это оно получало беспроцентный аванс в размере 13,5 млн руб. из расчета 65% стоимости заказа¹²⁴⁶. Аналогичная сделка была заключена и с правлением Русского общества для изготовления снарядов и военных припасов (те же акционеры) – на поставки подвижного состава с предоставлением денежного аванса в 15 млн руб. и на тех же условиях, что и в предыдущих случаях¹²⁴⁷. В результате почти 50 млн руб. выделялось в качестве аванса конкретным столичным банкам. С такой легкостью банкиры получали беспроцентные ссуды разве только при царском военном министре В.А. Сухомлинове, когда в мае 1915 года они вместе с ним начинали осваивать бюджетные средства. Оппозиционно настроенное Особое совещание по обороне с июля 1915 года перестало допускать подобные вольности, а уж после победы оппозиции фортуна, казалось бы, должна была окончательно отвернуться от питерских финансистов. И тем не менее им удавалось проталкивать нужные решения даже в

¹²⁴¹ См.: Журнал заседания Временного правительства по заключениям, состоявшимся 4 апреля 1917 года в совещании товарищей министров. 21 мая 1917 года // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 29. Л. 24-25.

¹²⁴² См.: Письмо Д.Д. Гримма к председателю Совета министров кн. Г.Е. Львову. 29 апреля 1917 года // ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 37. Л. 1-2.

¹²⁴³ См.: Там же.

¹²⁴⁴ См.: Там же.

¹²⁴⁵ См.: Журнал заседаний Временного правительства по заключениям, составившимся 12 апреля 1917 года в совещании товарищей министров. 24 мая 1917 года // ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 29. Л. 65об.

¹²⁴⁶ См.: Журнал заседания Временного правительства по заключениям, состоявшимся 4 апреля 1917 года в совещании товарищей министров. 21 мая 1917 года // Там же. Л. 26.

¹²⁴⁷ См.: Там же. Л. 29 об.

такой неблагоприятной ситуации. Объяснение этого парадокса кроется в том, кто был заказчиком этих поставок: их лоббировало Министерство путей сообщения, возглавляемое знакомым нам Н.В. Некрасовым (об этом представителе оппозиции говорилось в предыдущей главе). Переместившись с поста главы железнодорожного ведомства на должность министра финансов, Некрасов делает ставку на сотрудничество с питерскими банкирами, которые и навели его на мысль осесть именно в финансовом ведомстве. Этот неожиданный союз, явственно проявившийся в июле – августе 1917 года, подспудно вызревал уже давно. Во всяком случае, деловые отношения Некрасова с питерской финансовой группой сложились не летом, а несколько раньше. Выгодные контракты, дарованные банкирам Министерством путей сообщения в апреле – мае, стали прелюдией к их тесному взаимодействию. Причем тогда решение еще принималось с трудом – об этом свидетельствует слишком большая пауза (с начала апреля по конец мая) между заседаниями совещания товарищей министров, одобрявшими заключение договоров, и заседанием Временного правительства, на котором это решение было утверждено. Такие затяжки были совсем не характерны для практики того времени. Кроме того, окончательно постановление о заказах и авансах банкам было принято 21 мая, то есть сразу после того, как правительство покинул Коновалов – один из лидеров московского купечества и давний противник питерцев.

Не менее интересные процессы происходили и в деловом мире Москвы. Под руководством Н.А. Второва продолжал стремительно наращивать свой потенциал Московский промышленный банк. В 1917 году его текущие счета и вклады превысили в общей сложности 240 млн руб.¹²⁴⁸ Конечно, до показателей ведущих питерских финансовых структур Моспромбанку было еще далеко, но динамика развития позволяет утверждать, что в ближайшем будущем он мог бы встать с ними вровень. Осенью 1917 года Второв был близок к получению контроля над Донецко-Юрьевским обществом, чего настойчиво добивался на протяжении двух предшествующих лет¹²⁴⁹. В то же время он активно проводил операции по объединению в синдикаты однородных предприятий. Иными словами, Московский промышленный банк уверенно шел проторенными финансовыми путями, составляя конкуренцию сильным столичным игрокам. А вот стратегия Московского банка, являвшегося вотчиной группы Рябушинских, на первый взгляд вызывает большое удивление. В 1916 году этот банк участвовал во многих крупных проектах, стремясь завладеть крупными промышленными активами. Здесь и борьба за Коломенско-Сормовские и Выксунские заводы, и участие в консорциуме по проведению Московско-Донецкой железнодорожной магистрали, и проч. По логике вещей, в новых государственных условиях эта московская группа могла бы наконец серьезно усилить свои позиции. Однако, как отмечают исследователи:

«после февральской революции активность Рябушинских и их Московского банка заметно ослабла. Они не прилагали заметных усилий к тому, чтобы реализовывать свои начинания... Мы не имеем никаких сведений о попытках приобретения Рябушинскими в этот период контрольных пакетов акций коммерческих банков и промышленных предприятий»¹²⁵⁰.

¹²⁴⁸ См.: Деятельность Московского промышленного банка // Коммерческий телеграф. 1917. 16 сентября.

¹²⁴⁹ См.: Биржа и финансы // Коммерческий телеграф. 1917. 4 октября.

¹²⁵⁰ См.: *Лаверычев В.Я.* Монополистический капитал в текстильной промышленности России (1900-1917 годы). М., 1963. С. 325.

Обстоятельный Лаверычев нашел лишь один эпизод с участием Московского банка в коммерческом проекте за этот период. В середине сентября 1917 года (когда П.П. Рябушинский после насыщенных летних месяцев уже находился на лечении в Крыму) банк совместно с Московским купеческим банком открыл кредит Московско-Казанской железной дороге (Там же. С. 326).

(В советское время их пассивность объяснялась вполне традиционно – предчувствием пролетарской революции. Правда, непонятно, почему у других капиталистов продолжалась акционерная горячка – едва ли только потому, что они не были столь проницательны.) Причем Рябушинские не только не затевали никаких новых дел, но и фактически забросили уже начатые проекты. Это относится даже к широко разрекламированному строительству автомобильного завода в Москве. В конце 1916 года фирма получила из казны 10 млн руб. аванса с обязательством поставки первых 150 автомобилей¹²⁵¹; Рябушинские очень гордились ролью устроителей новой отрасли отечественного машиностроения, но забросили и это дело. В результате Особое совещание по обороне в середине июля 1917 года рассматривало вопрос о дополнительных авансах на строительство автомобильного завода. Причем запланированный на предыдущий год объем работ не был выполнен, и речь шла уже не о запуске серьезного производственного объекта, а о переквалификации его в обычные ремонтные мастерские широкого профиля¹²⁵². При этом политическая деятельность П.П. Рябушинского весь 1917 год вплоть до начала сентября, когда он выехал на лечение, была как никогда интенсивной.

Чтобы понять довольно странное деловое поведение Рябушинских в послефевральский период, следует вспомнить об их настойчивых попытках 1916 года закрепиться в каком-нибудь из крупных питерских банков. Траектория их движения была такова: Русский торгово-промышленный банк, Волжско-Камский банк и Русский банк для внешней торговли. Лишь в первом из них дело продвинулось довольно далеко: группе Рябушинских удалось аккумулировать значительный пакет акций, проведя в руководящие органы своих представителей. Но их стремление стать полноценным владельцем банка, вершащим в нем свою политику, натолкнулось на нежелание Министерства финансов отдавать москвичам крупный финансовый актив. Рябушинские были вынуждены отступить, но не оставили замыслов по вторжению в столичную финансовую элиту. Они продумали стратегию, направленную на раскол петроградской банковской группы. Ранее борьба с этим мощным противником традиционно имела форму соперничества за обладание торгово-производственными активами в различных отраслях экономики. И успех чаще сопутствовал питерцам, располагавшим большими денежными и административными ресурсами. Напора московского капитала, хотя и усилившегося в годы Первой мировой войны, не хватало для того, чтобы оттеснить столичных финансистов с лидирующих позиций. В этой ситуации напрашивалось иное решение: не трата силы и средства на борьбу за принадлежащие банкам многочисленные активы, войти непосредственно в капитал банков и заполучить их контрольные пакеты. В случае успеха обширные промышленные империи, собранные питерскими финансовыми структурами, могли бы оказаться в распоряжении новых удачливых акционеров.

Вот этот-то элегантный сценарий и выбрали Рябушинские. Он требовал предельной концентрации финансовых ресурсов и не допускал преследования каких-либо иных коммерческих целей – что и объясняет резкий спад их текущей деловой активности. Однако реализовывать этот сценарий собственными руками было неразумно: питерские финансисты сразу оказали бы резкое сопротивление своими давним врагам из Москвы. Внимание Рябушинских привлекает фигура Карла Ярошинского, чья коммерческая репутация никак не

¹²⁵¹ См.: Автомобильный завод Рябушинских // Коммерческий телеграф. 1916. 14 октября.

¹²⁵² См.: Из журнала подготовительной комиссии по общим вопросам Особого совещания по обороне об отпуске дополнительных денежных средств автомобильному московскому заводу для завершения строительства завода. 13 июля 1917 года // Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Ч. 1. С. 390-391.

ассоциировалась с их группой. Этот амбициозный киевский предприниматель внезапно взошел на деловой Олимп в 1916-1917 годах. Он всегда мечтал стать сахарным дельцом и потому приобретал небольшие пакеты акций в рафинадных обществах, расположенных на Украине¹²⁵³. Здесь он контактировал с одним из крупных сахарозаводчиков региона М. И. Терещенко, получившим большие предприятия по наследству. Однако накануне и особенно в первые годы войны питерские банки начали бурную экспансию в сахарную промышленность. Старым собственникам, которые не выдерживали их натиска, приходилось расставаться с активами. Не миновала эта участь и молодого Терещенко, уступившего свои заводы тем, кто работал в интересах банкиров¹²⁵⁴; особенно же пострадали средние и мелкие владельцы¹²⁵⁵. В результате таких изменений в отрасли появилось немало недовольных; среди них был и Терещенко, который из приверженца либеральных идей превратился в деятельного оппозиционера и занял пост заместителя председателя ЦВПК, а также главы Киевского военно-промышленного комитета.

Терещенко, находившийся в самой гуще борьбы с царским режимом, покровительствовал Ярошинскому, грезившему расширением сахарного бизнеса, но не имевшему соответствующих возможностей. Причем это покровительство не было эпизодическим и продолжилось и при Временном правительстве: есть свидетельства, что Терещенко даже устраивал своему земляку аудиенции у премьера Керенского¹²⁵⁶. С 1916 года Ярошинский приступил к скупке паев некоторых рафинадных заводов, для чего специально приобрел Киевский коммерческий частный банк, основанный еще в 1868 году. До Первой мировой войны эта структура принадлежала столичному Азовско-Донскому банку, но Ярошинский внезапно предложил за нее очень хорошую цену, и столичные банкиры решили не упускать возможность заработать, после чего вновь приступили к созданию отделения Азовско-Донского банка в том же Киеве, который и не думали покидать. Никто не знал, откуда в распоряжении молодого предпринимателя оказалась необходимая для такой операции сумма. Заметим, что предположения о том, что в своей кипучей деятельности Ярошинский выступал как подставное лицо, высказывались исследователями уже давно¹²⁵⁷. К примеру, его удачный коммерческий старт объясняли связями при дворе: родной брат Ярошинского Франц был произведен в камер-юнкеры¹²⁵⁸. В доказательство приводилась записка Г. Распутина к министру финансов П.Л. Барку: помочь активному бизнесмену в каком-то коммерческом вопросе¹²⁵⁹. Однако эта версия более чем сомнительна: трудно найти представителя высшей российской бюрократии, которому бы Распутин не адресовал поток всевозможных просьб; на них уже мало кто

¹²⁵³ См.: *Вонлярлярский М.В.* Мои воспоминания. 1852-1939 годы. Берлин, 1939. С. 227.

¹²⁵⁴ См.: *Коммерческий дневник // Утро России.* 1915. 22 мая.

¹²⁵⁵ См.: *Банки и сахарная промышленность // Финансовое обозрение.* 1916. №3 (февраль). С. 20.

¹²⁵⁶ См.: *Показания А.Ф. Керенского по делу об убийстве царской семьи // Российский архив.* Вып. VIII. М., 1998. С. 245.

¹²⁵⁷ См.: *Гиндин И.Ф.* Некоторые итоги в области изучения финансового капитализма в России // *Вестник коммунистической академии.* 1929. Кн. 33. С. 196.

¹²⁵⁸ См.: *Фурсенко А.А.* Русский Вандербильт // *Вопросы истории.* 1987. №10. С. 183.

¹²⁵⁹ См.: *Шемякин И.Н.* О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции // *Социалистические преобразования в СССР и их экономические предпосылки.* М., 1959. С. 60.

обращал внимание¹²⁶⁰. Существует также версия о тесной связи Ярошинского с Русско-Азиатским банком. Но в этом случае получается, что мощный финансовый концерн сам создал себе проблемы, которые ему в скором времени пришлось разрешать (о чем речь впереди). Гораздо интереснее в этом отношении связи Ярошинского с купеческими банковскими структурами – немалые средства он сумел почерпнуть именно там. К примеру, известен его договор 1915 года с Московским купеческим банком на получение кредита в 8,5 млн руб., причем с обязательством не кредитоваться нигде без согласия данного банка. Судя по всему, потребности Ярошинского стремительно росли, и вскоре он поставил вопрос о выделении ему еще 14 млн руб. Так как решение о новом займе затягивалось, Ярошинского освободили от предыдущего обязательства¹²⁶¹, и он получил кредит под товары в размере 13,5 млн руб. – теперь уже в Волжско-Камском банке¹²⁶². В коренных петроградских банках ему шли навстречу менее охотно; известный шведский банкир У. Ашбер вспоминал, что при упоминании Ярошинского столичные финансисты *«только с презрением пожимали плечами, но в скором времени [сами] попали в угрожающее положение»*¹²⁶³.

Тем не менее активный киевский бизнесмен делает в столице первый по-настоящему крупный шаг: он нацеливается на контрольный пакет Русского торгово-промышленного банка и уже в мае 1916 года получает статус одного из его акционеров¹²⁶⁴. К осени усилия Ярошинского заметно возрастают, и он проводит успешные переговоры с Министерством финансов о приобретении находившегося у него в залоге пакета акций англичанина Ч. Криспа. Точнее, переговорами с ведомством занимался по доверенности Ярошинского банкир Г. Лесин, широко известный в финансовых кругах Петрограда. Несомненно, это сыграло положительную роль: то, чего не смогли в свое время сделать Рябушинские, осуществил крупный столичный делец. Он же провернул дело с А.В. Коншиным, владевшим значительным пакетом акций. В результате крупный Русский торгово-промышленный банк оказался в руках Ярошинского¹²⁶⁵. Интересно, что в Петрограде тогда не совсем понимали, с какой целью затеяна вся эта довольно хлопотная эпопея. Если интерес Лесина, работавшего за приличные комиссионные, был очевиден, то поступок Ярошинского расценивали как игру азартного или психически больного человека, страдающего манией величия¹²⁶⁶. Однако после того как Ярошинский получил контроль над банком, туда в виде вкладов стали поступать денежные средства, причем в таких объемах, которые удивили многих¹²⁶⁷. В

¹²⁶⁰ См.: Допрос И.Ф. Манасевича-Мануйлова // Падение царского режима. М.; Л., 1926. Т. 2. С. 53; Допрос М.М. Андроникова // Там же. Т. 1. С. 400.

¹²⁶¹ См.: *Шемякин И.Н.* О некоторых экономических предпосылках Великой Октябрьской социалистической революции. С. 61.

¹²⁶² См.: *Гиндин И.Ф., Шепелев Л.Е.* Банковские монополии в России накануне Великой Октябрьской революции // Исторические записки. М., 1966. Т. 68. С. 26.

¹²⁶³ См.: *Ашбер У.* Между Западом и Россией. 1914-1924 годы. Из воспоминаний «красного банкира» // Из глубины времен. 1993. №2. С. 25.

¹²⁶⁴ См.: Общее собрание акционеров Русского торгово-промышленного банка // Коммерсант. 1917. 21 мая.

¹²⁶⁵ См.: Семенов Е. Русские банки за границей и большевики. Париж. 1926. С. 57-58.

¹²⁶⁶ См.: Там же.

¹²⁶⁷ См.: Приток денежных вкладов в Русский торгово-промышленный банк // Финансовая газета. 1916. 10 октября; Биржа. 1916. №37-38 (октябрь). С. 15.

столичных биржевых кругах начали циркулировать различные слухи. В частности, говорили о заинтересованности московского дельца Н.А. Второва, якобы стремившегося объединить Русский торгово-промышленный банк со своим Московским промышленным (этот слух оказался вымыслом)¹²⁶⁸. Министр внутренних дел А.Д. Протопопов – лоббист петроградских банков – счел нужным запросить информацию о Ярошинском. Киевское губернское жандармское управление сообщало, что последний действительно орудует большими капиталами, но соответствует ли его имущественное положение суммам, которыми он оперирует, *«установить не представляется возможным»* ¹²⁶⁹. (Это очень напоминало ситуацию со Стахеевым, когда тот, не обладая большими собственными капиталами, с легкостью приобрел акций на сумму около 100 млн руб.) Проливает же свет на всю историю один любопытный документ, а именно письмо Н.С. Брасовой к своему супругу великому князю Михаилу Александровичу – младшему брату Николая II. Как известно, Брасова была самым тесным образом связана с московской купеческой группой: ее отец и его ближайшие родственники работали в качестве юристов на клан Рябушинских. В одном из писем к супругу Брасова рассказывала, как ее дядя рекламировал финансиста Ярошинского, всячески расписывая его таланты. В свою очередь и она сама убеждала мужа вступить в дело, затеваемое этим уникалом. По ее словам, главная его цель – создать противовес Д.В. Рубинштейну и ему подобным банкирам, то есть питерцам. Как она поясняла, Ярошинский желал бы придать усилиям в этом направлении надлежащую окраску, а потому *«ищет лицо русское и с большим положением, находя, что великий князь как нельзя более соответствует этим требованиям»* ¹²⁷⁰. Несложно догадаться, кто был истинным организатором данной затеи. Если бы, используя Ярошинского, удалось создать противовес столичным банкам, украсив его участием младшего брата Николая II, который как раз из-за своей супруги находился в натянутых отношениях с императорской четой и двором, это создало бы ситуацию с поистине скандальным оттенком. Лишь пассивность Михаила Александровича помешала осуществиться этой заманчивой комбинации.

Получив такую удобную площадку, как Русский торгово-промышленный банк, Ярошинский приступает к реализации главной части задуманного плана – к расколу столичной банковской группы. Как мы уже упоминали, в историографии господствует мнение, что за спиной киевского дельца стоял все тот же Е. Лесин, а за ним – Русско-Азиатский банк. Однако факты этого не подтверждают. Во-первых, как только Лесин помог Ярошинскому заполучить Русский торгово-промышленный банк, у него испортились отношения с питерским банковским сообществом, он ликвидировал свои дела и покинул Россию в конце лета 1917 года¹²⁷¹. Во-вторых, если бы заказчиком захвата Русского торгово-промышленного банка выступал Русско-Азиатский банк, это нарушило бы все взаимосвязи в столичном банковском мире, поставив под вопрос само существование питерской финансовой группы: ведь, как стало ясно в дальнейшем, целью кампании, начатой этим захватом, являлись Русский банк для внешней торговли и Петроградский международный банк. И направление удара было выбрано не случайно: оно имело идейную подоплеку, а именно намерение ликвидировать немецкое засилье в российской экономике. Напомним, что вдохновительницей этой борьбы выступала как раз купеческая буржуазия,

¹²⁶⁸ См.: Коммерсант. 1917. 23 марта.

¹²⁶⁹ См.: Донесение Киевского губернского жандармского управления в Департамент полиции. 9 декабря 1916 года // ГАРФ. Ф. 102. ОО. 1916. Д. 48. Ч. 32. Л. 97-97 об.

¹²⁷⁰ См.: Письмо Н.С. Брасовой к вел.князю Михаилу Александровичу. 9 июля 1916 года // ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 79. Л. 53об.

¹²⁷¹ Коммерческий телеграф. 1917. 16 сентября.

сделавшая ее с начала войны своим знаменем. Из ведущих петроградских банков два названных выше были особенно тесно связаны с немецким капиталом. Русский для внешней торговли банк, основанный при самом деятельном участии Deutsche Bank, всегда считался форпостом германских сил, распространяющим немецкое влияние по всей стране. Возглавляли этот питерский банк выходцы из высшей бюрократии: член Государственного совета В.И. Тимирязев и бывший высокопоставленный чиновник Министерства финансов Л.Ф. Давыдов. Однако из пятнадцати членов совета банка только шестеро находились в России, а остальные проживали в Германии¹²⁷². Аналогичная ситуация наблюдалась и в Петроградском международном банке. Его называли проводником немецких интересов, а руководство банка подвергали нещадной критике за якобы осуществлявшееся им расхищение богатств России; особое внимание обращалось на то, что членом правления банка состоял бывший директор департамента полиции А.А. Лопухин¹²⁷³. Иными словами, в условиях войны с Германией эти финансовые активы представляли собой весьма перспективные объекты для рейдерской атаки. И Ярошинский в начале весны 1917 года начинает активно заниматься ими. В апреле Русский торгово-промышленный банк создает «для поддержки полезных России предприятий и для взаимной помощи в случае уменьшения оборотных средств» два консорциума с целью покупки и последующей продажи 40 тыс. акций Русского для внешней торговли банка и 40 тыс. акций Петроградского международного банка¹²⁷⁴. Как и в случае с приобретением Русского торгово-промышленного банка, основными операторами по скупке выступили известные питерские и киевские дельцы; официальная доля Ярошинского, вдохновителя всего начинания, составляла в этих консорциумах около трети¹²⁷⁵.

Уже в июле 1917 года подводились первые итоги. Русский для внешней торговли банк находился на грани капитуляции перед Ярошинским; сопротивление оказывал лишь швейцарский подданный И. Кестлин – ключевое лицо в правлении. Упорного иностранца обвиняли в симпатиях к немцам, но никак не могли отправить восвояси. (Интересно, что в то же время начали ходить слухи о скором переводе правления банка из Петрограда в Москву, где будто бы подыскивалось соответствующее его статусу здание¹²⁷⁶.) С Петроградским международным банком дело обстояло сложнее. Его правление во главе с Вышнеградским до войны уверенно держалось за счет пакетов, принадлежащих германским банкам. С начала войны общие собрания акционеров стали случайными, что вполне устраивало руководящие органы. Но когда началась массированная скупка акций, положение изменилось.

Ярошинский был близок к тому, чтобы заполучить контрольный пакет банка и реорганизовать правление, удалив из него Вышнеградского и его сторонников. Это предполагалось осуществить на чрезвычайном общем собрании акционеров. Правление отбивалось всеми силами, пытаясь перекупить свои же акции там, где это представлялось возможным¹²⁷⁷. Параллельно оно пыталось найти компромисс, предлагая Ярошинскому

¹²⁷² См.: Русский для внешней торговли банк // Биржа и русская промышленность. 1915. №35 (сентябрь). С. 7.

¹²⁷³ См.: Докладная записка о Международном банке // Коммерческий телеграф. 1917. 8 марта; Международный банк и департамент полиции // Коммерческий телеграф. 1917. 28 апреля.

¹²⁷⁴ См.: Протокол заседания Правления Русского торгово-промышленного банка. 24 апреля 1917 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 258. Л. 1-1 об.

¹²⁷⁵ См.: Там же. С. 3.

¹²⁷⁶ См.: Коммерческий телеграф. 1917. 12 сентября.

¹²⁷⁷ См.: Борьба вокруг Петроградского международного банка // Коммерческий телеграф. 1917. 8 августа.

отказаться от попыток сместить руководство и обещая взамен широкое финансирование его предприятий¹²⁷⁸. Однако Ярошинский не польстился на это предложение (что, кстати, свидетельствует о его истинных намерениях). На заседании правления Русского торгово-промышленного банка под председательством Ярошинского было решено: по причине того, что:

«количество купленных акций еще не образует действительно контрольного пакета... признать целесообразность усиления консорциального пакета акций Петроградского международного банка до размера действительно контрольного»¹²⁷⁹.

Обострившийся конфликт разрешился лишь благодаря активному вмешательству Русско-Азиатского банка. Его ключевые акционеры выступили на стороне Вышнеградского и его правления. В трудную минуту они не оставили своих давних партнеров: Батолин перекупил часть акций, не дав Ярошинскому собрать искомое большинство¹²⁸⁰. Конечно, это был не просто дружественный акт: летом 1917 года речь фактически шла о развале мощной питерской банковской группы с ее устоявшимися многолетними связями. В случае перехода Петроградского международного банка в недружественные руки положение остальных становилось крайне уязвимым.

Но этому сценарию не суждено было осуществиться: после корниловских событий дела Ярошинского резко пошли на спад. Ощущая серьезный денежный дефицит, он обратился к Временному правительству за финансовой помощью. Но теперь купеческий состав кабинета не только отказывает ему, но и поднимает вопрос о злоупотреблениях в Русском торгово-промышленном банке. В результате от значительного числа акций Русского для внешней торговли банка и Петроградского международного банка Ярошинскому пришлось отказаться¹²⁸¹. Проект по развалу столичной банковской группы после корниловской эпопеи явно не имел уже перспектив.

Пока москвичи пытались повернуть все эти операции, питерцы не оставались пассивными наблюдателями. Летом 1917 года они повели крупную политическую игру, успех в которой должен был обеспечить им возврат лидирующих позиций. Об этом и пойдет речь далее.

Глава 7. КОРНИЛОВСКАЯ ЭПОПЕЯ

События, связанные с вооруженным выступлением под руководством генерала Л.Г. Корнилова, – ключевые для бурного и насыщенного периода, когда у власти в России находилось Временное правительство. Эти события стали прелюдией катастрофы, круто изменившей весь ход российской истории и судьбы всех россиян. Многие из них на

¹²⁷⁸ См.: Ган А. Борьба двух финансовых групп (вокруг пакета Петроградского международного банка) // Коммерсант. 1917. 19 октября.

¹²⁷⁹ См.: Протокол заседания Правления Русского торгово-промышленного банка. 17 июля 1917 года // РГИА. Ф. 634. Оп. 1. Д. 258. Л. 14.

¹²⁸⁰ См.: Коммерсант. 1917. 28 июля.

¹²⁸¹ См.: Шатающиеся миллионы // Коммерсант. 1917. 25 октября.

протяжении последующих десятилетий вновь и вновь будут обращаться к этим событиям, уточняя детали и пытаясь проникнуть в суть противостояния Керенского и Корнилова. Историки также не оставили без внимания август 1917 года: огромное количество литературы на данную тему – лучшее тому свидетельство¹²⁸². И так как этот судьбоносный эпизод изучен довольно обстоятельно, в настоящей работе он будет рассмотрен лишь в контексте общей задачи, поставленной автором; будут выделены те аспекты, которые связаны с борьбой двух мощнейших группировок отечественной буржуазии. Корниловская эпопея убедительно показывает, какими трудными были взаимоотношения питерского и московского кланов. Тогда под угрозой оказалась судьба отечественного капитализма в целом, но даже в этой драматической ситуации они не смогли продемонстрировать элементарного доверия друг к другу и предпринять те действия, в которых, казалось, были кровно заинтересованы.

Мысль о том, что именно конкуренция двух буржуазных кланов помешала успешной реализации замыслов Корнилова, не нова. Еще в советский период историк В.Я. Лаверычев обратил внимание на то, насколько непохожими политическими путями двигались эти буржуазные группы¹²⁸³. Купеческая буржуазия изначально ориентировалась на сотрудничество с различными политическими партиями, которые появились в России в 1905 году – в преддверии выборов в Государственную думу. Более того, она всячески способствовала их формированию, будучи крайне заинтересованной в создании законодательного органа нового типа. И либеральные партии, заседавшие в Государственной думе, действительно превращали нижнюю палату в своего рода инструмент по ограничению всевластия правящей бюрократии. Питерские же предприниматели, напротив, в партийном строительстве не участвовали, не видя в этом большой надобности: их аффилированность с придворными и правительственными кругами служила залогом успешной коммерческой деятельности. Таким образом, задача по ограничению власти правящей бюрократии, жизненно важная для московского купечества, явно не отвечала интересам питерского клана, опиравшегося на эту самую бюрократию. Столичные инициативы не шли дальше учреждения общественно-предпринимательских организаций, целью которых было исключительно взаимодействие с чиновничеством. Как мы видели, после февраля 1917 года и крушения царского правительства деловая элита Петербурга перестраивалась с большим трудом. Она так и не обзавелась дружественной партийной структурой, не смогла наладить публичную политическую деятельность, по-прежнему тяготея к полузакрытому от общественности решению насущных проблем.

Всероссийский торгово-промышленный союз, учрежденный московской буржуазией, активно вел политическую пропаганду. Достаточно просмотреть протоколы заседаний его совета, чтобы убедиться в размахе и профессионализме этой деятельности. К ней были привлечены известные интеллектуалы (Г.И. Чулков, Н.А. Бердяев, Б.П. Вышеславцев) и популярные литераторы (И.А. Бунин, Е.Н. Чириков, И.С. Шмелев и др.); было налажено сотрудничество с рядом членов Временного комитета Госдумы. Протоколы заседаний показывают также тесную связь купечества со ставкой и ее главой генералом М.В. Алексеевым, чьи посланцы периодически появлялись в Москве для обсуждения конкретных

¹²⁸² См.: *Владимирова В.* Контрреволюция в 1917 году (Корниловщина). М., 1924; *Мартынов Е.И.* Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927; *Видясов Ф.И.* Контрреволюционные замыслы иностранных империалистов и корниловщина // *Вопросы истории.* 1963. №5; *Капустин М.И.* Заговор генералов. М., 1968; *Иванов В.Я.* Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977; *Поликарпов В.Д.* Военная контрреволюция в России. М., 1990; *Иоффе Г.З.* Керенский, Корнилов, Ленин. М., 1995; *Федюк В.П.*, *Ушаков А.И.* Лавр Корнилов. М., 2006; *Федюк В.П.* Керенский. М., 2009; *Тютюкин С.В.* Керенский: страницы политической биографии. М., 2012.

¹²⁸³ См.: *Лаверычев В.Я.* Русские монополисты и заговор Корнилова // *Вопросы истории.* 1964. №4. С. 32-43.

вопросов¹²⁸⁴. Особенно тесными были отношения с кадетской партией, так что *«иногда затруднительно определить, где кончается партия кадетов и начинается союз»*¹²⁸⁵. В питерской же предпринимательской группе, располагающей мощным финансовым ресурсом, дело обстояло совсем иначе. Как вспоминал глава Русско-Азиатского банка А.И. Путилов, для нужд политической борьбы петроградскими капиталистами в короткий срок было аккумулировано около четырех миллионов рублей; свой вклад сделали крупные банки и страховые общества. Но вот что удивительно: по откровенному признанию Путилова, финансово-промышленные воротилы слабо представляли, что делать с собранной ими суммой¹²⁸⁶. Забегая вперед, скажем: данное обстоятельство не ускользнуло от внимания современных ученых, серьезно изучающих события 1917 года. Поддержку Корнилова партией кадетов, опиравшейся на общественное мнение, они назвали «надпольем», а усилия питерских финансистов по укреплению позиций генерала – «подпольем»¹²⁸⁷. В этих определениях верно схвачены поведенческие отличия двух буржуазных сил, противостояние которых является одним из важнейших факторов, определивших исход корниловского выступления, и потому нуждается в самом внимательном изучении.

И все-таки питерские финансисты нащупали выход из трудной политической ситуации, сложившейся после крушения царизма. А связан он был с обретением ими неожиданного союзника – А.И. Гучкова. В начале мая 1917 года он был отставлен с должности военного и морского министра. Разочарованный ходом событий в стране и действиями коллег из Временного правительства Гучков (уже после апрельского кризиса) дистанцируется от своих прежних соратников. Он понимает, что ситуация становится неконтролируемой и приближается катастрофа. Выступая на торжественном заседании Государственных дум четырех созывов (27 апреля 1917 года), уходящий министр заявил: пока еще не создан тот жизненный центр, который мог бы сплотить оставшиеся здоровые силы, способные выправить положение¹²⁸⁸. А вскоре он обрел этот жизненный центр, наладив связь с лидерами питерского клана, которые по определению не могли приветствовать происходящие в стране перемены. Безусловно, такой разворот не просто активного оппозиционера, а одного из ключевых действующих лиц февральского переворота не может не поражать. Однако для этого имелись все основания. Напомним, что начиная с 1905 года, когда, собственно, и началась в России публичная политика, Гучков всегда стоял особняком. Недолгое и неудачное пребывание на посту председателя Государственной думы (март 1910 – март 1911) не поддержало его претензии на руководящую роль в деловом и политическом мире Москвы. К тому же незадолго до завершения работы III Государственной думы Гучков рассорился с московской купеческой элитой. Он инициировал законопроект по двукратному повышению экспортных пошлин из США (в ответ на выдачу американцами паспортов российским евреям, которые незаконно эмигрировали в Новый Свет). Драконовскому таможенному обложению подлежал и хлопок, поставлявшийся на текстильные предприятия центра России, – для них же такое удорожание сырья было неприемлемым. Купеческие

¹²⁸⁴ См.: РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 244. Л., 13-13 об., 17-18, 19-20, 21-22 об., 25.

¹²⁸⁵ См.: *Лаврычев В.Я.* Всероссийский союз торговли и промышленности // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 42.

¹²⁸⁶ См.: Заговор Корнилова (Из воспоминаний А. И. Путилова) // Последние новости. 1937. 20 января.

¹²⁸⁷ См.: *Ушаков А.И., Федюк В.П.* Лавр Корнилов. М., 2006. С. 98.

¹²⁸⁸ См.: Заседание четырех дум // Русское слово. 1917. 28 апреля.

магнаты вызвали Гучкова в Первопрестольную для объяснений¹²⁸⁹. В результате он потерпел поражение на очередных думских выборах в Москве и сошел с политического Олимпа.

После этого Гучков проживал в Петербурге, где даже избрался в столичную городскую думу (он занимался проблемами водопровода и канализации), а также стал членом совета Петербургского учетного и ссудного банка. В этом качестве, в компании с главой банка Утиным и руководителем Петербургского международного банка Вышнеградским, он даже лоббировал проект прокладки метрополитена в Москве, чем вызвал немалое раздражение местной деловой элиты¹²⁹⁰. И лишь начавшаяся вскоре Первая мировая война вынудила оппозиционные круги изменить отношение к «блудному сыну»: понадобились его связи в армейской среде.

Теперь же, весной 1917 года, после ухода с поста военного и морского министра и после критических высказываний в адрес бывших коллег, Гучков вновь и уже окончательно примыкает к столичным финансовым кругам. Конечно, питерцам в данной ситуации пришлось наступить себе на горло, учитывая, сколько нервов в 1915-1916 годах измотал им этот неутомимый деятель, возглавлявший ЦВПК (достаточно вспомнить эпопею с секвестром Путиловского завода, чтобы понять отношение к нему со стороны того же Русско-Азиатского банка). Однако в новых тяжелейших условиях заинтересованность в Гучкове пересилила неприязнь: ведь он не только располагал связями в военной сфере, но и обладал серьезным политическим опытом, в том числе как лидер партии октябристов. По решению питерской финансовой элиты, Гучков должен был осуществлять практические шаги в общественной сфере. И он справился с задачей, приведя за собой ударную силу и вселив в столичных дельцов надежду на восстановление пошатнувшихся позиций. Под ударной силой мы имеем в виду генерала Л.Г. Корнилова.

Корнилов родился в Семипалатинской губернии в простой семье; учился в Сибирском кадетском корпусе и Михайловском артиллерийском училище, окончил Академию Генерального штаба; служил в Туркестанском военном округе, в Китае. Его становление как личности прошло вне столицы, где он прослужил меньше года¹²⁹¹. Большими боевыми заслугами генерал похвастаться не мог, но после дерзкого побега из австрийского плена его имя приобрело популярность. Интересно, что вначале Корнилов придерживался монархических взглядов, неодобрительно высказываясь о лидерах оппозиции¹²⁹². Однако уже к концу 1916 года он демонстрировал критический настрой по отношению к Николаю II¹²⁹³. Общение с Гучковым явно не прошло даром: испытывая личную ненависть к императору, тот воистину мог заразить ею кого угодно. Гучков общался с бравым генералом ради конкретной цели: он хотел собрать вокруг себя популярных военачальников, которые могли быть полезны для осуществления дворцового переворота и были способны воздействовать на широкую армейскую среду. В их число входили и Корнилов, и генерал Крымов, и адмирал Колчак. Поначалу Гучков делал ставку на Колчака, думая о нем *«как о возможной центральной фигуре для той второй национальной революции, без которой не*

¹²⁸⁹ См.: Возможна ли торговая война с Америкой? // Утро России. 1917. 10 декабря; 11 декабря; 13 декабря.

¹²⁹⁰ См.: А.И. Гучков и метрополитен // Раннее утро. 1913. 22 января.

¹²⁹¹ См.: Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927. С. 12-13.

¹²⁹² См.: Там же. С. 16.

¹²⁹³ См.: Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 215.

могло быть спасенья»¹²⁹⁴. Возглавив министерство, Гучков хотел взять Колчака своим заместителем (фактически морским министром). Но затем отказался от этой мысли, посчитав целесообразным не отрывать адмирала от командования Черноморским флотом, развалу которого тот смог успешно противостоять (эти результаты особенно впечатляли на фоне анархии, охватившей Балтийский флот). Колчак не стал дожидаться, когда организуются матросские комитеты, а сам инициировал их создание и таким образом взял их под свой контроль. Гучков так характеризовал действия адмирала: уступки во второстепенном и непреклонность в существенном¹²⁹⁵.

Затем Гучков и его соратники сосредоточились на фигуре Корнилова. Член Государственной думы октябрист граф Э. Беннигсен, придя в тревожные дни переворота в Таврический дворец, застал сына председателя думы М.В. Родзянко, восторженно говорящим о Корнилове, в чьей дивизии он состоял уполномоченным думского отряда Красного Креста¹²⁹⁶. В этом отношении не отставал от сына и отец: сам М.В. Родзянко слал телеграммы в ставку генералу М.В. Алексееву с просьбой срочно командировать Корнилова в Петроград на должность командующего войсками столичного округа. Свою настойчивость Родзянко мотивировал необходимостью как можно скорее водворить порядок¹²⁹⁷. Надо заметить, что это назначение, произведенное в обход военного командования, пришлось ставке не по вкусу. Но в конечном итоге Алексеев уступил организаторам февральского переворота, хотя этот случай не добавил ему симпатий к Корнилову.

В первых числах марта 1917 года Корнилов прибыл к новому месту службы. А так как вступление в должность командующего войсками Петроградского военного округа требовало утверждения в Совете рабочих и солдатских депутатов, он получил знаковое поручение: произвести в Царском Селе арест императрицы Александры Федоровны. Подробности этого события излагались в печатном органе военного министерства «Русский инвалид»¹²⁹⁸. Спустя всего несколько дней официальное издание ведомства уже именовало Корнилова вождем народной армии¹²⁹⁹, и советская публика тоже с энтузиазмом приветствовала нового командующего на ответственном посту. Между тем от очевидцев не ускользнуло, что при посещении Совета генерал демонстрировал нескрываемое недовольство. Неудачным посчитали то, что его – совершенно случайно – разместили в окружении лиц явно еврейской внешности, многие из которых выглядели довольно карикатурно; с ними генералу пришлось провести более часа. В.Б. Станкевич, упомянувший данный факт в своих мемуарах, задавался вопросом:

«Кто знает, какое влияние имело это на отношение Корнилова к русской революции?»¹³⁰⁰

¹²⁹⁴ См.: Письмо А.И. Гучкова к Д.В. Филатьеву. 25 октября 1931 года // Грани. 1983. №130. С. 12.

¹²⁹⁵ См.: Там же. С. 13.

¹²⁹⁶ См.: Граф Э. Беннигсен. Первые дни революции 1917 года // Возрождение. 1954. Кн. 33. С. 127.

¹²⁹⁷ См.: *Лукомский А.С.* Воспоминания. Т. 1. Берлин, 1922. С. 141.

¹²⁹⁸ См.: Лишение свободы Александры Федоровны // Русский инвалид. 1917. 11 марта.

¹²⁹⁹ См.: Вождь народной армии // Русский инвалид. 1917. 14 марта.

¹³⁰⁰ См.: *Станкевич В.Б.* Воспоминания. 1914-1919 годы. Берлин, 1920. С. 86-87.

Заняв пост командующего Петроградским военным округом, Корнилов при поддержке Гучкова стал настойчиво добиваться расширения своей служебной компетенции. В частности, он разработал проект создания Петроградского фронта, прикрывающего подступы к столице через Финляндию и Финский залив. В состав нового фронта планировалось включить части Кронштадта, Ревельского укрепленного района и самого Петроградского гарнизона; обсуждалось и присоединение к нему Балтийского флота. Таким способом авторы проекта хотели освободить столицу от воинских частей, становившихся весьма ненадежными: эта реорганизация давала право командующему фронту проводить передислокацию фронтовых и тыловых частей по своему усмотрению¹³⁰¹. Но назначенный Верховным главнокомандующим Алексеев был не в восторге от учреждения нового фронта под Корнилова. Завязалась бесконечная переписка со ставкой о территориальных границах предполагаемого фронта¹³⁰². От этой интриги отвлек апрельский кризис, наглядно показавший, что столичный гарнизон с готовностью откликается на подстрекательство посторонних лиц и не склонен неукоснительно исполнять приказы непосредственного начальства. Временное правительство в эти дни находилось в смятении, и лишь обращение Корнилова к солдатам с напоминанием, что они – революционные войска и не должны подтверждать мнение о себе как о недисциплинированном сброде, выправило ситуацию¹³⁰³.

Командующий разными способами пытался укрепить дисциплину. Так, в ответ на участвовавшие случаи побегов из воинских подразделений он решил оглашать в печати фамилии дезертиров, нарушивших свой долг перед Родиной¹³⁰⁴. Однако это мало помогало, и Корнилов жаловался военному и морскому министру на усиливающуюся анархию во вверенном ему округе. Анализируя ситуацию, он пришел к такому выводу:

«Во всех воинских частях, где быстро и глубоко пошло разложение, надо искать причины в командном составе, и это в большинстве случаев не слабость, а революционный карьеризм»¹³⁰⁵.

Гучкова не надо было долго убеждать: в самом аппарате министерства многие офицеры намеревались вступить в партию эсеров, поскольку рассматривали Временное правительство как непрочную, промежуточную структуру. Их помыслы концентрировались на социалистах, к которым, им казалось, следовало втереться в доверие¹³⁰⁶. Образец такого поведения демонстрировали *«младотурки»*, которые все больше ориентировались на Керенского с Советом и намеревались делать *«определенную демагогическую революционную карьеру»*¹³⁰⁷. Все это подводило к мысли, что оздоровление армии должно начаться с фронта, где еще существовал надежный воинский контингент. После апрельских событий, накануне своего ухода, Гучков пожелал провести своего протеже на должность командующего

¹³⁰¹ *См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2003. С. 526-527.*

¹³⁰² *См.: Половцев П.А. Дни затмения. М., 1999. С. 83.*

¹³⁰³ *См.: Семенов Е. Начало корниловского движения // Русская неделя. 1925. Париж. №2. С. 12-13.*

¹³⁰⁴ *См.: Приказ генерала Корнилова // Русский инвалид. 1917. 27 апреля.*

¹³⁰⁵ *См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... М., 1993. С. 103.*

¹³⁰⁶ *См.: Там же. С. 100-101.*

¹³⁰⁷ *См.: Там же. С. 106.*

Северным фронтом, освободившуюся после увольнения генерала Рузского. Сам военный министр так мотивировал свое намерение:

«Я ждал после апрельских дней повторения этих дней в более общей форме, полагая, что дойдет дело до вооруженного мятежа, но мне казалось, что надо сохранить Корнилова на таком посту, где он в нужный момент мог бы быть использован»¹³⁰⁸.

Непреодолимым препятствием для осуществления гучковского плана вновь стал Алексеев. Несмотря на настойчивость министра, ставка не менее шести раз отвергала кандидатуру Корнилова. Гучков говорил о трудностях управления наиболее распущенным Северным фронтом, о необходимости присутствия там твердой руки, об уместности Корнилова в непосредственной близости от Петрограда – на случай будущих событий. Но Алексеев оставался непреклонным, игнорируя политическую сторону и ссылаясь на недостаточный командный стаж Корнилова, а также на невозможность обойти других, более опытных кандидатов, которые лучше знают фронт. Подводя итог бурной дискуссии, Алексеев заключил: если назначение состоится помимо его воли, он незамедлительно подаст в отставку¹³⁰⁹. В результате достигнутого компромисса Корнилов оказался лишь командующим 8-й армией Юго-Западного фронта. Добавим: неприязненные отношения, установившиеся между Алексеевым и Корниловым в первые месяцы революции, сохранялись и в дальнейшем. Даже когда в 1918 году генералы встретились в Новочеркасске, приступив к формированию Добровольческой армии, они мгновенно начали ожесточенную борьбу друг с другом, причем резкие конфликты возникали по самым незначительным поводам¹³¹⁰.

Корнилов отправился на Юго-Западный фронт – принимать командование 8-й армией – не один: за ним последовал В.С. Завойко. Этот крайне любопытный персонаж, ставший ординарцем генерала, никогда не имел отношения к воинской среде, но обладал богатой биографией, наполненной иным жизненным опытом. Еще в 1902 году тогдашний министр внутренних дел В.К. Плеве предлагал ему стать чиновником по особым поручениям с перспективой назначения на пост товарища министра; Завойко, по его собственным словам, отказался от этого заманчивого предложения. Затем он неудачно баллотировался во II Государственную думу; даже успел побывать под следствием за растрату 1800 рублей¹³¹¹. После всех мытарств решил сосредоточиться на предпринимательстве. Будучи родственником известного питерского дельца А.Ф. Рафаловича, он быстро влился в столичную финансовую элиту¹³¹², став доверенным лицом знаменитого банкира Путилова: фамилия Завойко неизменно встречается в списках акционеров предприятий с участием Русско-Азиатского банка (в среднеазиатском нефтепромышленном обществе «Санто», в нефтяном и торговом обществе «А.И. Манташев и Ко»¹³¹³ и др.). Исследователи, глубоко

¹³⁰⁸ См.: Там же. С. 11.

¹³⁰⁹ *См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 528.*

¹³¹⁰ *См.: Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). С. 167.*

¹³¹¹ *См.: Показания В.С. Завойко // ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 4-5.*
(Данный отрывок из показаний Завойко не вошел в публикацию двухтомника «Дело Корнилова».)

¹³¹² *См.: Лаверычев В.Я. Русские монополисты и заговор Корнилова // Вопросы истории. 1964. №4. С. 35.*

¹³¹³ *См.: Финансовая газета. 1916. 1 июня; 1 июля.*

занимающиеся историей экономики, уверенно называют Завойко агентом путиловского бизнеса¹³¹⁴. Теперь же его таланты пригодились для другого, не менее серьезного дела: он становится, попросту говоря, связным между своим новым военным патроном и столичными банковскими кругами¹³¹⁵. С огромным энтузиазмом восприняв это поручение, Завойко быстро стал доверенным лицом Корнилова, у которого стойкость характера сочеталась с детской доверчивостью к людям, умевшим ему льстить¹³¹⁶.

Союз решительного генерала с финансовой элитой наладился в течение апреля 1917 года при посредничестве Гучкова. Ощувив в Корнилове силу, способную бросить вызов послереволюционной смуте, питерские дельцы сделали на него ставку. Крупные денежные суммы, собранные столичными капиталистами, были предоставлены в распоряжение генерала. Как говорил Гучков, тот тратил их на пропаганду среди офицерских и нижних чинов, на подарки солдатам 8-й армии – в общем, для поднятия своего личного престижа¹³¹⁷. Один только Завойко побывал в пятнадцати-восемнадцати полках, вручая солдатам от имени командующего армией табак, папиросы, бумагу и т.д.¹³¹⁸ Отношения с генералом строились по всем правилам предпринимательской практики: акционеры делегировали доверенное лицо – ординарца генерала – для текущего контроля над делом, в которое вложились. Кстати, через ординарца шла вся личная переписка Корнилова, не написавшего собственной рукой ни одной бумаги. А потому написанное Завойко фактически считалось написанным самим командующим¹³¹⁹. Понятно, насколько это было безопасно и удобно для поддержания связи между Завойко и столичными банкирами, без сомнения, хорошо знакомыми с почерком своего доверенного. Следует сказать и еще об одном важном обстоятельстве: сделав ставку на Корнилова, питерские финансисты так и не включились в какой-либо партийный проект. Даже попытка создания новой республиканско-либеральной партии на базе «Союза 17 октября», инициированная братьями Гучковыми в начале июня, не получила развития¹³²⁰. Не случайно главная обязанность Завойко, как он сам говорил Корнилову, состояла в том, чтобы оберегать его от влияния любых партийных течений, которые захотят привлечь генерала в свои ряды. Корнилов должен был стоять выше каких-либо партий и *«объединять страну во имя одной великой цели: спасения родины от внешнего врага»*¹³²¹. Он, собственно, и действовал в рамках этой идейной установки. К примеру, когда Гучков прибыл в штаб 8-й армии с просьбой ходатайствовать о зачислении его в один из полков, Корнилов счел это для себя неудобным из-за того, что общественный облик бывшего военного министра обладал яркой политической окраской, и попросил его

¹³¹⁴ См.: Китанина Т.М. Исторические условия формирования группы Путилова – Стахеева – Ватолина // Очерки истории российских фирм: вопросы собственности, управления и хозяйствования. СПб., 2007. С. 267.

¹³¹⁵ См.: Иванов Н.Я. Контрреволюция в России в 1917 году и ее разгром. М., 1977. С. 34.

¹³¹⁶ См.: Милуков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 338.

¹³¹⁷ См.: Александр Иванович Гучков рассказывает... С. 79.

¹³¹⁸ См.: Показания ординарца генерала Корнилова прапорщика В.С. Завойко. 6 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. М., 2003. С. 83.

¹³¹⁹ См.: Из мемуаров русского министра В.Н. Львова // Последние новости. 1920. 30 ноября.

¹³²⁰ См.: Русская воля. 1917. 6 июня.

¹³²¹ См.: ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

добиваться зачисления самостоятельно¹³²².

Возвышению Корнилова способствовало наступление российских войск в июне 1917 года. Точнее, то жестокое поражение, к которому привел быстро иссякнувший наступательный порыв, подогреваемый Керенским. Как известно, в начале июля армия пережила подлинный разгром, сопровождавшийся массовым и беспорядочным отступлением вглубь страны. На фоне этой катастрофы наиболее слаженными и достойными выглядели действия 8-й армии Юго-Западного фронта. Ее командующий сумел оказать хоть какое-то воздействие на своих подчиненных; в частности, он, несмотря на официальную отмену смертной казни, решился применить расстрелы. Это оценили Керенский и его окружение. В создавшейся ситуации персону деятельного генерала они признали оптимальной для использования на более высоких военных должностях (в пользу его кандидатуры выступал, в частности, Б.В. Савинков, который и обратил внимание премьера на Корнилова¹³²³). Но такого стремительного карьерного взлета, какой осуществил Корнилов в течение одного месяца, не ожидал, пожалуй, никто. 8 июля Корнилов возглавил весь Юго-Западный фронт, а всего через неделю с небольшим стал верховным главнокомандующим российской армии. Как удачно замечено, столь бурное продвижение Корнилова *«создало и укрепило в нем сознание, что не соблюдение буквы закона, а исполнение своего долга, хотя бы и очень тяжелого, находит оправдание и одобрение»* ¹³²⁴. После происшедшего разгрома Керенский стал очень одобрительно относиться к аргументам в пользу самых жестких мер для наведения дисциплины. Теперь он неизменно говорил, что политика заигрывания с солдатскими комитетами не оправдала надежд. Ни для кого не составляло секрета, что ярим противником провалившейся линии был и Корнилов. Конечно, тут он не отличался от большинства российских генералов, но Керенский явно не желал выдвигать кого-либо из устоявшегося круга высшего военного руководства и по совокупности причин остановился на кандидатуре Корнилова. И это несмотря на то, что новый верховный главнокомандующий явно не обладал необходимым опытом. К середине июля 1917 года он имел около пятнадцати месяцев фронтового стажа (ровно столько же он провел и в австрийском плену), из них восемь месяцев командовал дивизией, погода – корпусом, два месяца – 8-й армией и всего 11 дней – войсками Юго-Западного фронта¹³²⁵. На фоне биографий предыдущих Верховных главнокомандующих – М.В. Алексева или А.А. Брусилова – достижения Корнилова выглядели довольно блекло. Однако это не стало препятствием для начала шумной кампании по его восхвалению. Инициатором ее в июле 1917 года выступила питерская печать, тесно связанная с банковскими кругами. «Русская воля» на первых страницах помещала портреты храброго генерала¹³²⁶. «Новое время» с умилением повествовало о его простом происхождении, о трудном детстве, о том, как он самостоятельно пробивал себе жизненную дорогу¹³²⁷. Завойко подготовил специальную

¹³²² См.: Там же. С. 15.

¹³²³ См.: Протокол допроса бывшего управляющего Военным и морским министерством Б.В. Савинкова. 13-15 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 300.

¹³²⁴ См.: Протокол допроса в.и.о. дипломатической канцелярии Верховного главнокомандующего Г.Н. Трубецкого. 31 августа 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 325.

¹³²⁵ См.: Гребенкин И.Н. Генерал Л.Г. Корнилов: штрихи к портрету // Отечественная история. 2005. №4. С. 113-114.

¹³²⁶ См.: Русская воля. 1917. 27 июня.

¹³²⁷ См.: Корнилов // Новое время. 1917. 20 июля.

брошюру «Первый народный Главнокомандующий», отпечатанную в типографии «Нового времени»¹³²⁸. Это был настоящий пиар-проект. Общественному мнению презентовалась мифологема о «*всаднике на белом коне*», въезжающем в город победителем; как заметил атаман Краснов, красивый образ внедрялся так настойчиво, что им было трудно пренебречь при подготовке государственного переворота¹³²⁹. Технология раскручивания Корнилова строилась на сравнении его выдающихся качеств и слабости Брусилова, замененного на посту верховного главнокомандующего восходящей военной звездой. Безудержное превозношение Корнилова за счет ущемления Брусилова вынудило последнего даже обратиться с письмом в столичные «Биржевые ведомости». В нем он опровергал утверждение, что подал в отставку вследствие неспособности справиться с ситуацией на фронте, для чего на выручку и был направлен человек железной воли – Корнилов. Обиженный генерал апеллировал к своему трехлетнему боевому опыту, по которому и следует судить о его недостатках и способностях¹³³⁰. Добавим, что Брусилов был совершенно чужд питерской элите. Французский министр А. Тома в своих донесениях в Париж подчеркивал его популярность именно в Москве, где проживали семья и ближайшие родственники генерала¹³³¹ и где он пользовался огромным авторитетом, в частности, и в местном Совете рабочих и солдатских депутатов¹³³².

Восхождение Корнилова по военной лестнице сопровождалось знаковыми для него акциями. Например, еще на Юго-западном фронте он издал приказ об обеспечении армии продовольствием, который, вступив в должность главковерха, распространил на все российские вооруженные силы. Приказ декларировал сохранность собственности и имущества на театре военных действий и пресечение его самоуправного расхищения; приказом воспрещалось увеличение договорных расценок на труд, не допускались насильственные захваты посевов, хлеба и кормовых трав. Лица, виновные в неисполнении данного приказа, кроме предусмотренной общей законной ответственности, подвергались аресту или денежному взысканию в соответствии с воинским уставом о наказаниях; совершившие преступления по сговору с группой лиц подлежали заключению в исправительные арестантские отделения сроком до трех лет. Наблюдение за исполнением данного приказа возлагалось на губернских и уездных комиссаров, а суды обязаны были рассматривать подобные дела вне очереди¹³³³. Помещики прифронтовых областей, на которые распространялось действие корниловского распоряжения, выражали большое удовлетворение. Они информировали Временное правительство, что приказ главковерха «внес некоторое успокоение и дал хоть какую-нибудь надежду на пониженные земельной разрухой урожаи». В этой связи земельные собственники просили скорее отменить закон от 12 июля о запрещении земельных сделок как противоречащий приказу верховного

¹³²⁸ См.: *Мартынов Е.И.* Корнилов (попытка военного переворота). С. 41.

¹³²⁹ См.: *Краснов П.Н.* Атаман. Воспоминания. М., 2006. С. 308.

¹³³⁰ См.: *Брусилов А.А.* Я не дезертир // *Биржевые ведомости*. 1917. 1 августа (утро).

¹³³¹ См.: *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М., 1983. С. 242.

¹³³² См.: Телеграмма А. Тома в МИД Франции. 13 июня 1917 года // *Попова С.С.* Между двумя переворотами. М., 2010. С. 141.

¹³³³ См.: Обязательное постановление Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова о борьбе с аграрным движением в прифронтовой полосе. 31 июля 1917 года // *Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции. Документы и материалы*. Ч. 3. М., 1967. С. 249-250.

главнокомандующего¹³³⁴. Очевидно, что эта смелая инициатива Корнилова претендовала на то, чтобы задать определенный политический курс. Подобные новации, направленные против законотворчества Министерства земледелия, которое возглавлял эсер Чернов, крайне тревожили социалистические круги. Так, министр продовольствия Пешехонов просил Корнилова в обязательном порядке согласовывать с представителями ведомства приказы, касающиеся продовольственных дел¹³³⁵.

Однако верховный главнокомандующий не собирался исполнять данную просьбу; более того, он явно нацелился на расширение своего влияния, теперь за счет контроля над предприятиями, работающими на оборону. В своих записках во Временное правительство Корнилов обосновывал необходимость распространения военных законов, предусматривающих строгие наказания за нарушение дисциплины, на промышленность и железнодорожный транспорт. Он ратовал даже за введение смертной казни в тылу. Причем облакал свои предложения в ультимативную форму, и это все больше раздражало Керенского. (Уже на исходе жизни Керенский сожалел, что не сместил генерала сразу после того, как тот начал говорить языком ультиматумов, и называл это одной из главных своих ошибок¹³³⁶.)

Следует подчеркнуть, что Корнилова отличало резкое неприятие советов и советских деятелей. Именно как проявление этого неприятия следует рассматривать реанимацию им старых замыслов по раскассированию петроградского гарнизона. Корнилов приступил к формированию петроградской армии, куда планировалось перебросить ряд частей с Юго-Западного фронта. Как признавался главком, это было продиктовано не столько стратегическими, сколько политическими причинами – намерением оздоровить общественные настроения в столице¹³³⁷. (Заметим: Керенский никак не хотел отдавать Петроград с окрестностями в подчинение верховному главнокомандующему¹³³⁸.) Кроме того, Корнилов непоколебимо выступал против назначения на высшие должности тех военачальников, которые пользовались симпатиями Совета. Нам известно о конфликте, происшедшем при назначении генерала Черемисова командующим Юго-Западного фронта.

Корнилов, тогда же утвержденный главкомом, категорически возражал против этого решения, угрожая собственной отставкой. В итоге Черемисова отозвали в распоряжение Временного правительства¹³³⁹. Заступив на новый пост, Корнилов сразу обратил внимание на председателя Могилевского совета прапорщика Гольдмана. При Алексееве этого деятеля с полномочиями Петроградского совета нарочито игнорировали; Брусилов же наладил с прапорщиком тесный контакт¹³⁴⁰. Корнилов поступил иначе: по его приказу Гольдмана,

¹³³⁴ См.: Телеграмма Союза земельных собственников Овручского уезда Волынской губернии Временному правительству с ходатайством отменить закон от 12 июля 1917 года о запрещении земельных сделок. 2 августа 1917 года // Там же. С. 252.

¹³³⁵ См.: Русское слово. 1917. 25 августа.

¹³³⁶ См.: Новиков Г.Н. Об архиве А.Ф. Керенского в Техасе // Новая и новейшая история. 1993. №1. С. 212.

¹³³⁷ См.: Иоффе Г.З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995. С. 120.

¹³³⁸ См.: Показания 1-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем И.П. Романовского. 2-4 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 289.

¹³³⁹ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. М., 2003. С. 531.

¹³⁴⁰ См.: Воспоминания адъютанта главного квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Ф.Ф. Кирхгофа // Архив Дома русского зарубежья им. А.И. Солженицына. Ф. 1. Оп. 1. Д. 180. Л. 76.

обвинив в дезертирстве, арестовали, а все ходатайства об освобождении оставались без последствий¹³⁴¹. Показательно распоряжение главковерха, чтобы начальники штабов всех действующих армий предоставили списки офицерских чинов, имеющих отношение к большевистской партии. Это смутило управляющего Военным министерством Савинкова: контроль над политическими убеждениями не входил в компетенцию ставки и мог вызвать нежелательные последствия¹³⁴². В ответ на корниловские новации солдатская секция Харьковского совета рабочих и солдатских депутатов приняла резолюцию с требованием отстранить его от должности и выражением готовности бороться за права солдата-гражданина¹³⁴³. Но Корнилова подобные акции не смущали. Мало того, резкое неприятие главковерха распространилось и на министров-социалистов. Так, он с нескрываемым недоверием относился к министру земледелия Чернову, а главу министерства внутренних дел Авксентьева называл неподготовленным¹³⁴⁴. Да и сам Керенский не вызывал у генерала восхищения. Как заметил один из современных биографов премьера:

«Керенский недооценил Корнилова. За предыдущие месяцы он привык к тому, что рядом с ним нет человека, равного ему по масштабу. Тем более он не ожидал найти такого среди генералитета... Но Корнилов был не просто генералом. Он стремительно превращался в политическую фигуру. Пост Верховного главнокомандующего ставил его вровень с премьером, а учитывая, что Россия была воюющей страной, в чем-то даже и выше. Может быть, другой на его месте и смог бы оставаться в рамках "технического назначения", но Корнилов уже думал о большем»¹³⁴⁵.

К этой справедливой оценке остается добавить одно: имея опору в лице столичной финансовой элиты, мало кто – а уж тем более темпераментный генерал – удержался бы от попытки «снять банк», представ в образе лидера российского государства.

Столкновение на политическом Олимпе казалось делом времени. Керенский готовил почву для отстранения только что назначенного главковерха, в частности налаживая отношения с бывшим главнокомандующим Алексеевым, который находился не у дел с момента отставки в конце мая 1917 года. 16 июля в Могилеве, на совещании по итогам разгрома российских войск Алексеев предложил премьеру свои услуги, сделав шаг навстречу в этой сложной ситуации¹³⁴⁶. Керенский отреагировал довольно быстро: 1 августа Временное правительство приняло постановление, которым генералу Алексееву назначалось содержание, равное окладу министра кабинета¹³⁴⁷. Таким образом, он как бы приравнивался к действующим членам правительства. А вскоре Керенский обратился к бывшему премьеру Г.Е. Львову с просьбой уговорить Алексеева принять пост Верховного

¹³⁴¹ См.: Арест Гольдмана // Русские ведомости. 1917. 28 июля.

¹³⁴² См.: Большевики-офицеры // Русское слово. 1917. 20 августа.

¹³⁴³ См.: Без руля // Русские ведомости. 1917. 22 июля.

¹³⁴⁴ См.: Савинков Б.В. К делу Корнилова. Париж, 1919. С. 20.

¹³⁴⁵ См.: Федюк В.П. Керенский. М., 2009. С. 224.

¹³⁴⁶ См.: Новосильцев Л.Н. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 1. Л. 216об.

¹³⁴⁷ См.: Заседание №145 от 1 августа 1917 года // Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. М., 2004. С. 211.

главнокомандующего, хорошо зная, что последний «*весьма скептически относился к военным талантам Корнилова*»¹³⁴⁸. Львову вместе с его племянником В.В. Вырубовым, к которому генерал относился весьма доброжелательно, удалось склонить Алексеева к согласию. Они договорились, что примерно 20 августа тот придет в Петроград для окончательного выяснения всех вопросов, связанных с назначением. В ответ Алексеев предложил Вырубову стать комиссаром по делам общественных организаций на правах товарища военного министра с обязательством руководствоваться приказами ставки¹³⁴⁹. После этих, прямо скажем, необременительных хлопот дело оставалось за малым: уговорить Корнилова покинуть свою должность. Нетрудно догадаться, что это было гораздо сложнее. Из воспоминаний Вырубова нельзя понять, как, собственно, они предполагали справиться с этой проблемой. Уговорить Корнилова уйти с поста главковерха в командующие одним из фронтов в обмен на удаление какого-то высокопоставленного и конфликтующего с ним комиссара – этот план представляется крайне легкомысленным. Еще более удивительными кажутся призывы к Корнилову осознать необходимость уступок левым кругам¹³⁵⁰. Очевидно, что никакого разумного плана по отстранению Корнилова у Керенского и Алексеева просто не было – да и мог ли он быть вообще?

Весь август политический вес главковерха Корнилова стремительно рос. Имея прочные договоренности с петроградской буржуазной группой, он обратился теперь к московским кругам. Октябрист Н.В. Савич упоминает в своих мемуарах о трех встречах накануне Государственного совещания в Москве; к этому времени здесь собрались общественные деятели, члены Государственной думы. На одну из встреч с ними прибыл сын известного депутата-октябриста А.А. Лодыженского: он являлся доверенным лицом начальника штаба главнокомандующего А.С. Лукомского. Этот молодой человек проинформировал собравшихся о якобы готовившемся перевороте с целью свержения действовавшей власти, опиравшейся на социалистов. Заговорщики, по словам Лодыженского, предполагали установить диктатуру, которая разогнала бы совдепы и обеспечила суровую дисциплину в армии и стране. По поводу Керенского было сказано так: если он пойдет со ставкой – хорошо, а нет – справятся и без него. Корнилов, утверждал докладчик, надеется на общественных деятелей при реорганизации государственного аппарата. Присутствовавшие на встрече представители буржуазных партий приветствовали подобные намерения, но аккуратно заметили, что сами они не смогут принести большой пользы: ведь старые общественные организации утратили какую-либо опору в массах и потому не представляют реальной силы. Посланец штаба был явно разочарован¹³⁵¹. (В эмиграции Лодыженский вспоминал о своем докладе общественным деятелям в более мягких тонах: он говорил, что Корнилов не собирался свергать или уничтожить Временное правительство, а намеревался лишь избавиться его от вредного влияния Совета¹³⁵².) Аналогичная встреча состоялась у кадета Н.М. Кишкина, где подобные планы излагал Л.Н. Новосильцев, лидер Союза офицеров, размещавшегося непосредственно в ставке. Смысл сказанного был тот же: всякому диктатору необходим компетентный государственный аппарат, а для его формирования требуется помощь всего мыслящего общества. Новосильцев уверил

¹³⁴⁸ См.: *Вырубов В.В.* Воспоминания о корниловском деле // *Минувшее*. Вып. 12. М., СПб., 1993. С. 9.

¹³⁴⁹ См.: Там же. С. 10.

¹³⁵⁰ См.: Там же. С. 12.

¹³⁵¹ См.: *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 248.

¹³⁵² См.: *Лодыженский А.А.* Воспоминания. Париж, 1984. С. 92.

присутствующих в активном содействии намерениям ставки со стороны офицерских чинов¹³⁵³. По воспоминаниям Н.В. Савича, от участников заседания не ускользнуло, что вся затея с переворотом казалась посланцам ставки:

«какой-то легкой военной прогулкой, которая не встретит и не может встретить сопротивления ни со стороны Керенского, ни со стороны революционной демократии».

Но стоило углубиться в детали, как становилось ясно:

«Все, решительно все в этой авантюре не продумано и не подготовлено, есть только болтовня и добрые намерения»¹³⁵⁴.

На другой день подобное совещание прошло на квартире князя Е.Н. Трубецкого. Здесь выступал близкий родственник хозяина князя Г.Н. Трубецкой, состоявший при ставке по дипломатической части. Он также просил гражданские элементы о помощи в осуществлении переворота. Здесь встречные сомнения высказал лидер кадетов П.Н. Милюков: эти патриотичные планы ставки не найдут отклика в широких массах, а общественные деятели крайне ограничены в своих возможностях и не смогут направить процесс в нужное для ставки русло¹³⁵⁵.

В середине августа в череде этих событий наступила кульминация: в Москве состоялось Государственное совещание, а за два дня до него – совещание общественных деятелей (его называли генеральной репетицией Госсовещания¹³⁵⁶). Собрался весь цвет политической и деловой элиты, включая и руководство питерских банков. Некоторые исследователи полагают, что в кулуарах этих совещаний лидеры двух предпринимательских групп пытались найти точки соприкосновения¹³⁵⁷. Но это представляется весьма сомнительным, поскольку атмосфера совещания общественных деятелей 8-10 августа совсем не располагала к конструктивным переговорам. Более антипитерское мероприятие – а были приглашены и питерские финансисты – сложно себе представить. Московские ораторы соревновались в унижении своих вечных оппонентов. Князь Е.Н. Трубецкой говорил об антинациональных традициях столицы, где сам воздух пропитан антирусским духом¹³⁵⁸. А.А. Чаманский объявил Петроград:

«самым злоумышленным городом России, который питался заграничным сырьем, возил себе из Англии топливо и, расширяя за счет этого свои заводы, вследствие войны стал тащить все необходимое для себя».

Более того, каждый заказ на новое оборудование, сделанный питерским заводам,

¹³⁵³ См.: *Савич Н.В.* Указ. соч. С. 249.

¹³⁵⁴ См.: Там же. С. 249-250.

¹³⁵⁵ См.: Там же. С. 251.

¹³⁵⁶ См.: Совет общественных деятелей в Москве. 1917-1919 годы // *На чужой стороне.* 1925. №9. С. 92.

¹³⁵⁷ См.: *Селезнев Ф.А.* Путилов и выступление генерала Корнилова (апрель-август 1917 года) // *Падение империи, революция и гражданская война. Сб. статей.* М., 2010. С. 82-83.

¹³⁵⁸ См.: Отчет о московском совещании общественных деятелей. 8-10 августа 1917 года. М., 1917. С. 13.

оратор предлагал приравнять к государственному преступлению. «Петроград зарезал нас!» – в сердцах восклицал Чаманский¹³⁵⁹. Удивительно, что после таких речей столичные гости вообще не покинули заседание и продолжали терпеливо выслушивать московских обличителей. Очевидно, полемика не входила в их планы: они строго следовали намеченным курсом, главным ориентиром которого выступал Корнилов. К его приезду на Государственное совещание Москву наводнили портреты и биографии генерала¹³⁶⁰. Огромной рекламной кампанией руководил все тот же Завойко. Особой театральностью отличалась встреча на вокзале:

«дамы в белых платьях с цветами и крики "ура" со стороны не совсем трезвых кавалерийских офицеров – все это носило следы какой-то бутафории, казалось, что у кого-то был определенный расчет подчеркнуть торжественность встречи генерала Корнилова по сравнению с приемом членов Временного правительства»¹³⁶¹.

Кроме того, в ставке решили перебросить в Москву на время проведения Государственного совещания 7-й Сибирский казачий полк, чему категорически воспротивился командующий Московским военным округом А.И. Верховский¹³⁶². Перед открытием совещания прошел обед, который устроил для участников М.В. Родзянко. Заметим, что перед банкетом доклад о внешнеполитическом положении России делал А.Ф. Аладьин – советник Корнилова по международным вопросам; в окружении генерала он неизменно находился в прямом и переносном смысле рядом с Завойко, в квартире которого остановился по приезде из Англии¹³⁶³.

Дни Государственного совещания продемонстрировали, что достичь соглашения между двумя сторонами невозможно. Питерские банкиры, возглавляемые Путиловым и Вышнеградским, чувствовали себя рулевыми; было видно, что инициатива у них в руках. Воспользовавшись пребыванием в Москве Корнилова, они ознакомили его с положением в стране, подчеркнув катастрофическое углубление кризиса в экономике. Их вердикт был пессимистичным: продолжение хозяйственного хаоса отбросит Россию из числа ведущих мировых держав и приравняет к Персии и Турции¹³⁶⁴. На встрече обсуждались также намечаемые шаги: собеседники Корнилова подтвердили наличие средств на счетах крупнейших петроградских банков. А Путилов заверил главковерха, что они могут в кратчайшие сроки аккумулировать для его нужд еще 10 млн рублей¹³⁶⁵. И это были не просто слова: 31 мая 1917 года комитет съездов представителей коммерческих банков призвал вносить по 0,5% от основного и запасного капитала для образованного «Общества

¹³⁵⁹ См.: Там же. С. 115-116.

¹³⁶⁰ См.: *Верховский А.И.* На трудном перевале. М., 1959. С. 308.

¹³⁶¹ См.: Протокол допроса полковника, командующего войсками военного округа К.И. Рябцева. 24 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 295.

¹³⁶² См.: Там же. С. 295-296.

¹³⁶³ См.: Протокол допроса бывшего управляющего Военным и морским министерством Б.В. Савинкова. 13-15 сентября 1917 года // Там же. С. 302.

¹³⁶⁴ См.: Банки и состояние страны // Коммерсант. 1917. 23 августа.

¹³⁶⁵ См.: Заговор Корнилова (из воспоминаний А.И. Путилова) // Последние новости. 1937. 20 января.

экономического возрождения России», на специальные счета в ведущих питерских банках¹³⁶⁶. Также к финансированию затеи генерала активно присоединился Сибирский торговый банк; Корнилова посетил председатель правления Бессарабских железных дорог Николаевский, оставшийся очень довольным встречей (сношения по этой линии поручались Новосильцеву, так как частое появление Николаевского в ставке могло броситься в глаза¹³⁶⁷).

Главковерх мог быть вполне удовлетворен поддержкой петроградского бизнеса. Примечательно, что он просил банкиров побудить москвичей к более активной помощи. И эта просьба была более чем оправданна: московское купечество явно не торопилось заключить генерала в объятия. Например, визит Новосильцева, ответственного за связь с московскими кругами, к П.П. Рябушинскому успешным назвать трудно. После долгой беседы тот передал лидеру Союза офицеров небольшую сумму (10 тыс. руб.), что очень напоминало вежливый отказ от обсуждения финансового вопроса¹³⁶⁸. Поэтому Путилов решил встретиться с С.Н. Третьяковым, которому пересказал пожелания Корнилова. Но сподвижник Рябушинского ответил, что *«в таких авантюрах не участвует»*, и Путилову пришлось удалиться ни с чем¹³⁶⁹. Правда, уже в эмиграции, опровергая рассказ Путилова, Третьяков утверждал, что этой встречи не было, а виделся он только с Завойко, который приходил к нему. Путилов же продолжал уверять в обратном, говоря, что прекрасно помнит эту встречу; да и не мог он не выполнить просьбы Корнилова *«растормошить»* москвичей. Завойко же он поручал лишь передать генералу о неудаче своей миссии¹³⁷⁰. Трудно разобраться, кто же был прав на самом деле, однако Корнилов едва ли стал бы направлять Завойко к Третьякову или к кому-либо еще из купеческих тузов. Это можно заключить из мемуаров Новосильцева: хорошо зная настроение Первопрестольной, он уже ранее сообщал Корнилову, что Завойко там считают откровенным авантюристом¹³⁷¹. Добавим, и в отношении самого Корнилова у московской деловой элиты сложилось устойчивое предубеждение, поскольку она уже пребывала в полной уверенности, что бравый генерал *«являлся только исполнителем чужой воли и чуждых сил»*¹³⁷², чьего усиления допустить ни в коем случае нельзя.

Общение лидеров финансово-промышленного Петрограда с московскими коллегами все же состоялось – 16 августа 1917 года на совещании по выработке плана экономической политики при Московском биржевом комитете. Состоявшаяся дискуссия касалась организации совместной работы в данном направлении. Московские деятели хотели увязать

¹³⁶⁶ См.: Письмо А.И. Вышнеградского в правления акционерных коммерческих банков. 31 мая 1917 года // РГИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 106. Л., 116.

¹³⁶⁷ См.: Новосильцев Л.Н. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 1. Л. 181.

¹³⁶⁸ См.: Там же. Л., 186 об.

¹³⁶⁹ См.: Заговор Корнилова (из воспоминаний А.И. Путилова) // Последние новости. 1937. 20 января.

¹³⁷⁰ См.: Заговор Корнилова (А.И. Путилов и С.Н. Третьяков) // Последние новости. 1937. 29 января.

¹³⁷¹ См.: Новосильцев Л.Н. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6422. Оп. 1. Д. 1. Л. 233.

Кроме этого, Завойко вызывал резкое неприятие у управляющего Военным министерством Савинкова. Борьба за влияние на Корнилова быстро привела их к столкновению. Савинков требовал у генерала удалить Завойко, но безрезультатно (см.: Савинков Б.В. К делу Корнилова. Париж, 1919. С. 6-7).

¹³⁷² См.: Временное правительство в августе 1917 года (Воспоминания П.П. Юренева) // Последние новости. 1924. 3 апреля.

ее с программой кадетской партии и ратовали за соглашение кадетов с торгово-промышленными кругами. (Правда, ради приличия Третьяков предложил пригласить представителей и других партий, а также беспартийных, известных своими знаниями и опытом.) Более того, они предлагали приурочить подготовку экономического плана к открытию кадетского съезда¹³⁷³. Однако столичные гости отказались обсуждать хозяйственные проблемы в партийном ключе. Они были готовы обсуждать продовольственную сферу, железнодорожное строительство, денежное обращение исключительно с профессиональных позиций, а не ради шлифовки каких-либо партийных программ¹³⁷⁴. Прийти к согласию стороны так и не смогли. Единственное, о чем в эти дни питерским банкирам удалось договориться с москвичами, так это о необходимости соблюдать более сдержанный тон в выступлениях на самом Государственном совещании (в частности, удалось успокоить неистового Рябушинского, который постоянно находился на грани срыва¹³⁷⁵). Питерским дельцам это было важно: публичное обострение ситуации накануне предстоящих событий в их планы не входило. Во время Государственного совещания они демонстрировали прохладное отношение к Керенскому. Гучков, выступавший в роли их публичного рупора, назвал пламенную речь премьера *«ужасной и по форме и по содержанию»* ¹³⁷⁶. В то же время орган московских капиталистов «Народоправство» совсем иначе оценил его ораторское искусство: *«Впервые глава демократической России говорит языком великодержавного народа»*, в нем, заявляла газета, чувствуется священная одержимость¹³⁷⁷. А вот о корниловском выступлении сказано было весьма сдержанно¹³⁷⁸. Тем не менее, как говорили очевидцы, Корнилов уехал с московского совещания в глубоком убеждении, что *«всякий его смелый шаг будет поддержан восторженным сочувствием всей общественности»* ¹³⁷⁹.

Участие столичной финансовой элиты, безусловно, являлось большим плюсом в организации переворота, однако не было решающим. Напрямую успех этого рискованного предприятия зависел от офицерства. А точнее, от боеспособности, решимости и морального состояния тех, кто взялся исполнить столь нелегкую миссию. А вот с этим, как выяснилось, были проблемы. Прежде всего их почувствовали сами банкиры, взявшиеся финансировать будущих участников переворота. Путилов вспоминал, как к нему явились полковники Пронин и Десиметьер. Они предъявили письмо от Корнилова (написанное Завойко), содержащее просьбу о выдаче им 800 тыс. рублей. Однако офицеры запросили два миллиона. Путилов выдал первую сумму, а по поводу 1200 тыс. руб. решил посоветоваться с коллегами. Хотя внушительная разница всех смущала, деньги после обмена мнениями в квартире Гучкова, решили выделить. Но сделать этого не удалось, поскольку просители не явились. Путилов и Белоцветов разыскали их в обществе сорока офицеров в одном из фешенебельных

¹³⁷³ См.: Протокол совещания при Московском биржевом комитете по вопросу о выработке плана финансово-экономической политики. 16 августа 1917 года // ЦИАМ. Ф. 143. Оп. 1. Д. 632. Л., 1-1 об.

¹³⁷⁴ См.: Там же. Л. 2-2 об.

¹³⁷⁵ См.: Любош С. Церетели и Бубликов // Биржевые ведомости. 1917. 17 августа (утро).

¹³⁷⁶ См.: Видные политические деятели о речи Керенского // Биржевые ведомости. 1917. 13 августа (утро).

¹³⁷⁷ См.: Вышеславцев Б.В. Государственное совещание // Народоправство. 1917. №7. С. 2.

¹³⁷⁸ См.: Внутреннее обозрение // Там же. С. 21-23.

¹³⁷⁹ См.: Из мемуаров русского министра В.Н. Львова // Последние новости. 1920. 27 ноября.

ресторанов Петрограда. Шумная компания изъявила полную готовность принять деньги на святую борьбу, после чего банкиры незамедлительно удалились¹³⁸⁰. Уже в эмиграции полковник Сидорин опровергал этот рассказ Путилова¹³⁸¹.

Однако сегодня исследователи располагают мемуарами офицера Ф.В. Винберга, где тот рисует ту же картину, что и Путилов, внося в нее дополнительный штрих: офицеры были причастны к «Республиканскому центру». Эта организация, в которой состояло немало армейских кадров, использовалась в качестве опорной для подготовки корниловского выступления. Винберг пишет об активной деятельности «Республиканского центра»; возглавляли его председатель правления общества «Бессарабская железная дорога» Николаевский и один из директоров той же фирмы Финисов, а сама организация располагалась в Петрограде в здании правления общества¹³⁸². Заметим, что это частное железнодорожное предприятие находилось в сфере влияния столичного Сибирского торгового банка. По словам Винберга, «Республиканский центр» *«имел в своем распоряжении очень большие суммы и широко раздавал их ради того большого политического дела, которое, разумеется, требовало расходов»*¹³⁸³. Ключевую роль здесь играли военные, которые должны были координировать и согласовывать действия офицеров, находившихся в городе, с подступающими частями генерала Крымова. Также Винберг сообщает о множестве агентов центра, занимающихся банальным прикарманиванием выдаваемых средств под предлогом работы с нужными для дела людьми. Эти «спасители отечества» предавались кутежам и карточной игре, некоторые даже снимали роскошные квартиры; ходили слухи о присвоении нескольких сот тысяч рублей¹³⁸⁴.

Тем не менее выступление Корнилова все же состоялось. В то время многие сочли его просто недоразумением, происшедшим между Керенским и главковерхом. До сих пор не утихают споры о том, кто и против кого выступал, какие имелись договоренности и т.д. Разумеется, свой интерес преследовала каждая из сторон. Керенский был не прочь использовать Корнилова для того, чтобы поставить на место Совет, довольно сильно ему мешавший.

По свидетельству В.Н. Львова, сыгравшего в те дни печальную роль, премьер собирался ввести деятельность Совета в строгие рамки, превратив его в нечто подобное профсоюзу рабочих. А вот советы солдатских депутатов он хотел уничтожить, так как, по его убеждению, они революционизируют общую атмосферу¹³⁸⁵. Корнилов был настроен более решительно, планируя не только разгон советов, но и серьезную реорганизацию Временного правительства. В окружении генерала с энтузиазмом составляли списки будущего корниловского кабинета. Причем предполагалось издание особого закона, по которому отказ от занятия какой-либо правительственной должности квалифицировался бы как преступление¹³⁸⁶. В показаниях Завойко приводятся два варианта состава правительства: на

¹³⁸⁰ См.: Заговор Корнилова (из воспоминаний А.И. Путилова) // Последние новости. 1937. 24 января.

¹³⁸¹ См.: Заговор Корнилова (письмо в редакцию генерала Сидорина) // Последние новости. 1937. 26 февраля.

¹³⁸² См.: Винберг Ф.В. В плену у «обезьян» // Верная гвардия. М., 2008. С. 176-177.

¹³⁸³ См.: Там же. С. 178.

¹³⁸⁴ См.: Там же. С. 178-179, 184.

¹³⁸⁵ См.: Из мемуаров русского министра В.Н. Львова // Последние новости. 1920. 30 ноября.

¹³⁸⁶ См.: Показания ординарца генерала Корнилова прапорщика В. С. Завойко 6 сентября 1917 года // Дело

пост министра финансов намечались кандидатуры Путилова, Ватолина и самого Завойко, в Министерство продовольствия – опять Батолин. Отметим, что Министерство торговли и промышленности отдавалось купеческой буржуазии в лице Третьякова¹³⁸⁷. Керенский должен был остаться в новом кабинете в качестве заместителя премьера (то есть Корнилова); это признавалось необходимым, поскольку его имя служит знаменем для солдат¹³⁸⁸. Интересно, что после своего ареста Корнилов, говоря о кандидатурах на министерские посты, называл разных московских деятелей, с которыми лично даже не был знаком, а о Путилове, Вышнеградском, Батолине не упомянул вообще¹³⁸⁹. Хотя в ноябре 1917 года, после большевистского переворота, генерал не замедлил обратиться все к тем же питерским банкирам – за жертвованием на борьбу с большевизмом; доверенным лицом по сбору средств он назвал своего ординарца¹³⁹⁰. (Кстати, в эмиграции Путилов отрекся от связи с Завойко, утверждая, что тот не представлял никаких промышленных кругов и не играл никакой роли¹³⁹¹. Приведенные факты показывают, что знаменитый банкир лукавил. А вот и еще одна деталь: в сентябре 1917 года за «ненужного» арестованного Завойко ходатайствовало Средне-Азиатское промышленно-торговое общество «Санто», чей контрольный пакет принадлежал Русско-Азиатскому банку. Правление предприятия просило следствие освободить Завойко под залог или поручительство ввиду необходимости его участия в производственных процессах¹³⁹².)

Итак, у Керенского и Корнилова имелись и общие, и самостоятельные задачи. Перспектива разогнать генеральскими руками Совет не могла не привлекать премьера. Впоследствии В.Н. Башкиров, занимавшийся во Временном правительстве продовольственными вопросами, напоминал на встрече с Керенским в Нью-Йорке, как тот давал распоряжения приготовить фураж и продукты для идущих на Петроград корниловских отрядов. Записавший их беседу Р. Гуль уверял, что Башкиров говорил *«сущую правду»* и премьер был связан с этим *«нелепым восстанием генерала»*¹³⁹³. В согласованных действиях главноверха и премьера мало кто сомневался и в самой ставке¹³⁹⁴. Но вместе с тем Керенский чувствовал, что только разгоном Совета дело не ограничится и корниловский триумф не позволит ему удержаться на вершине власти. Отсюда его колебания в отношении выступления конца августа 1917 года. Это видели многие участники тех событий. Например, комиссар при ставке М.М. Филоненко прямо объяснял провал выступления *«придворными*

Корнилова. Т. 2. М., 2003. С. 103.

¹³⁸⁷ См.: Там же. С. 103, 106.

¹³⁸⁸ См.: Из мемуаров русского министра В.Н. Львова // Последние новости. 1920. 9 декабря.

¹³⁸⁹ См.: Показания Верховного главнокомандующего Л.Г. Корнилова. 2-5 сентября 1917 года // Там же. С. 197.

¹³⁹⁰ См.: Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 2. С. 101-102.

¹³⁹¹ См.: Заговор Корнилова (из воспоминаний А.И. Путилова) // Последние новости. 1937. 24 января.

¹³⁹² См.: ГАРФ. Ф. 1780. Оп. 1. Д. 93. Л. 255.

¹³⁹³ См.: Гуль Р.Б. Я унес Россию. Апология эмиграции. М., 2001. С. 74-75.

¹³⁹⁴ См., напр.: Показания заведующего особым делопроизводством Управления 2-го генерал-квартирмейстера при Верховном главнокомандующем К.В. Сахарова. 4-6 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 317.

интригами». На просьбу пояснить, где теперь могут вестись придворные интриги, он отвечал: там же, где и раньше, – в Зимнем дворце (место пребывания Керенского)¹³⁹⁵. О неоднозначной позиции премьера высказывался – уже в эмиграции – и хорошо информированный И.Г. Церетели:

«У Керенского была подлинно двойная игра. Он вел переговоры с Корниловым, но хотел сам возглавить восстание (против Совета. – *А.П.*). Корнилов же этой роли ему не давал. Из-за первой роли и произошел разрыв. Когда Керенский увидел, что Корнилов первой роли ему никогда не даст, а может быть, и расправится в конце концов с ним, Керенский переметнулся к революционной демократии»¹³⁹⁶.

Добавим, что переметнулся он не только к революционной демократии, но и к московской буржуазии. Разногласия премьера и главковерха усугубляло то, что они опирались на разные финансово-промышленные группы и придерживались разных подходов к формированию государственной власти. Купеческие тузы выступали за создание правительства доверия на базе совещания общественных деятелей. Питерские дельцы ратовали за кабинет, состоящий из технократов-профессионалов, а не публичных политиков. Выбор одного из этих подходов означал усиление либо того, либо другого клана. Московские дельцы, видя, кто готовит «деловой кабинет», предпочли сохранение премьера. И в конечном счете они, так же как Керенский, в решающий момент не включились в корниловскую силовую акцию. Как отмечают исследователи:

«именно 27-28 августа в московских деловых и политических кругах произошел какой-то несомненный, хотя и трудноуловимый перелом в отношении к Корнилову»¹³⁹⁷.

Москвичи по разным причинам уклонились от визита в ставку, куда планировали выехать восемь человек: М.В. Родзянко, князь Г.Е. Львов, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, П.П. Рябушинский, С.Н. Третьяков, Д.С. Сироткин и Н.Н. Львов¹³⁹⁸. Родной брат последнего – Владимир Львов – представлял и в ставке, и в правительстве интересы московских кругов. Именно ради них он осуществлял «челночную дипломатию» между Керенским и Корниловым, которую многие считали нелепой. Следует согласиться, что именно арест В.Н. Львова поставил точку в хлопотах вышеназванных деятелей¹³⁹⁹. Купеческая буржуазия хорошо понимала, что в случае победы Корнилова с последующим формированием делового правительства питерские банкиры быстро вернут себе положение главенствующей силы в отечественной экономике. И потому, не одобряя деятельность Временного правительства, они в то же время не спешили поддерживать главковерха. Кроме того, москвичи были резко против появления в правительстве В.С. Завойко и советника

¹³⁹⁵ См.: На лекции М.М. Филоненко // Петроградские ведомости. 1917. 12 сентября.

¹³⁹⁶ См.: *Гуль Р.Б.* Я унес Россию. Апология эмиграции. С. 94.

¹³⁹⁷ См.: *Лаверычев В.Я.* Русские монополисты и заговор Корнилова // Вопросы истории. 1964. №4. С. 42.

¹³⁹⁸ См.: Показания статского советника И.А. Добрынского. 16-17 октября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 74.

¹³⁹⁹ См.: Там же.

генерала по международным вопросам А.Ф. Аладьина¹⁴⁰⁰.

Повторим: поражение Корнилова и победа Керенского давали московской буржуазной группе очевидные преимущества. Так и произошло: уже 31 августа Керенский предложил видным представителям московского клана сформировать новый кабинет. Во Временном правительстве произошло крушение так называемой партии Керенского, заправлявшей в третьем составе кабинета в июле–августе 1917 года. Наиболее достойно держался министр иностранных дел М.И. Терещенко. В эти тревожные дни он сразу взял сторону премьера, не поддержав даже Крымова, с которым его связывали дружеские отношения. Свою симпатию к нему Терещенко пришлось продемонстрировать только на похоронах генерала: после провала корниловского мятежа Крымов покончил жизнь самоубийством¹⁴⁰¹. Происшедшая трагедия так потрясла Терещенко, что на этой почве у него наметилось некоторое охлаждение в отношении к премьеру¹⁴⁰². Совсем иначе повел себя другой ближайший сподвижник Керенского – Н.В. Некрасов. В отличие от Терещенко он находился в контакте с питерскими финансистами и выстраивал свои перспективы в соответствии с их намерениями. Очень интересна характеристика, данная ему в донесении английского посла Дж. Бьюкенена. По мнению британского дипломата, активный заместитель Керенского:

«не внушает доверия, так как он слишком непостоянен и не один раз менял партии с целью улучшить свое личное положение. Его стремление – сделаться премьер-министром»¹⁴⁰³.

Поведение Некрасова в дни корниловского выступления было странным – об этом мы можем получить представление из мемуаров Вырубова, входившего тогда в окружение премьера. После начала мятежа Керенский ознакомил с ситуацией Некрасова, показав ленту разговоров со ставкой. Ошеломленный Некрасов заявил, что ему нужно ненадолго отлучиться, дабы осознать происшедшее. Через некоторое время он вернулся к удивленному премьеру с уверениями в искренней преданности. После чего развил бурную деятельность по противодействию корниловским отрядам, предлагая пустить им навстречу пустые паровозы, чтобы вызвать крушение на железнодорожных путях. Затем он с энтузиазмом принял участие в составлении известного правительственного сообщения, где Корнилов объявлялся государственным изменником¹⁴⁰⁴. Вырубов оставил весьма интересную запись:

«Некрасовым был составлен текст этого сообщения, и я лично был свидетелем того, как Керенский категорически предложил ему этого сообщения не опубликовывать. По неизвестным мне соображениям Некрасов самовольно разослал эту телеграмму по всей России. Таким образом, мосты были сожжены»¹⁴⁰⁵.

¹⁴⁰⁰ См.: Показания бывшего члена Временного правительства П.Н. Милокова. 21 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 245.

¹⁴⁰¹ См.: *Верховенский А.И.* На трудном перевале. С. 358-359.

¹⁴⁰² См.: *Набоков В.Д.* Временное правительство // Архив русской революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 46.

¹⁴⁰³ См.: *Ллойд Джордж Д.* Военные мемуары. Т. 3. М., 1938. С. 79.

¹⁴⁰⁴ См.: *Вырубов В.В.* Воспоминания о корниловском деле // Минувшее. Вып. 12. М., СПб., 1993. С. 13-14.

¹⁴⁰⁵ См.: Там же. С. 15.

Эта важная информация полностью соответствует показаниям Алексеева: генерал подтверждает некрасовское авторство телеграммы, лишившей стороны всякой возможности прийти к соглашению¹⁴⁰⁶. Что это – элементарная паника или желание замести следы? В любом случае Керенский почувствовал неладное и удалил Некрасова из правительства на пост генерал-губернатора Финляндии. Тем более что в кабинет уже входили представители московского купечества, тесно связанные с кадетами, и с ними Некрасову было уже не по пути.

Неудача Корнилова самым серьезным образом отразилась на общем положении дел в России. Во внешних делах наметился разрыв единого союзнического фронта. Не секрет, что Англия открыто симпатизировала главковерху, связывая с ним перспективы наведения порядка в армии, а значит, и продолжения военных действий. Глава британской военной миссии при ставке Ч. Бартер всячески превозносил Корнилова, а Керенского называл «оппортунистом», на которого нельзя положиться. Английский представитель предлагал Лондону поддержать Корнилова, поздравив премьера с теми мерами, которые проводил главковерх для укрепления порядка в стране¹⁴⁰⁷. Неудивительно, что после провала мятежа сотрудничество с Англией пошло на спад, в частности с осени 1917 года сократились британские военные поставки. Да и в целом в отношении стран-союзниц к России стало проскальзывать пренебрежение. Особенно явно это проявилось в совместной ноте послов Англии, Франции и Италии, переданной Керенскому в конце сентября. В ноте отмечалось, что последние события в России заставляют ее партнеров по коалиции опасаться, в состоянии ли она продолжать войну и выполнять союзнические обязательства. А ведь общественность западных стран может потребовать у своих правительств отчета за предоставленную материальную помощь (это был прозрачный намек на возможность сокращения поставок и кредитов). Русским властям, заявляли европейские дипломаты, следует на деле доказать свою решимость восстановить боевой дух в армии и обеспечить должное функционирование государственного аппарата в тылу. Керенский пришел в бешенство – как от содержания ноты, так и от формы, в которую оно было облечено¹⁴⁰⁸. Но это был вполне осознанный выпад: нота полностью отражала мнение глав правительств союзников. Лидеры западных держав позволяли себе не менее резкие заявления. Например, британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж уверял, что «Россия как боеспособная сила распадалась на части»¹⁴⁰⁹. И когда в начале октября 1917 года немцы провели высадку 12 тыс. человек на острова близ Финского залива, Великобритания не помогла России, просившей направить английские корабли в Балтийское море¹⁴¹⁰.

Совсем иначе повели себя в данной ситуации США: американский посол Д. Фрэнсис не присоединился к своим европейским коллегам, вручившим Керенскому скандальную ноту. И российский премьер лично посетил посла, чтобы поблагодарить его за этот демонстративный поступок. Однако позиция США вполне объяснима. Североамериканцы с момента вступления Керенского в должность главы Временного правительства интенсивно шли на сближение с российскими властями, делая ставку на молодого премьера. Накануне

¹⁴⁰⁶ См.: Показания М.В. Алексеева. 7 сентября 1917 года // Дело Корнилова. Т. 2. С. 23.

¹⁴⁰⁷ См.: Колоницкий Б.И. Британская миссия и А.Ф. Керенский // Россия в XIX-XX веках. Сб. статей. СПб., 1998. С. 69-70.

¹⁴⁰⁸ См.: Там же. С. 72.

¹⁴⁰⁹ См.: Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 5. М., 1938. С. 84.

¹⁴¹⁰ См.: Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 295, 296.

Государственного совещания в Москве президент США В. Вильсон направил Керенскому личное приветствие, где говорилось о единении двух наций¹⁴¹¹. А по итогам совещания американская сторона объявила о скором предоставлении России займа в размере 5 млрд долларов, который предполагалось реализовать на американском рынке¹⁴¹². Напомним, с середины августа 1917 года в России активно действовала американская миссия Красного Креста, наделенная самыми широкими полномочиями и располагавшая крупными денежными суммами. Миссию возглавлял профессор медицины Ф. Биллинг; в нее входили двадцать четыре специалиста (инженеры, банкиры, журналисты), изучавшие конкретные пути сотрудничества в самых разных областях¹⁴¹³. Советником Министерства путей сообщения был назначен опытный инженер Стивенс (один из строителей Панамского канала): американцы рассматривали возможность аренды Транссибирской магистрали. Вызывало у них интерес и приобретение в счет военных поставок некоторых дальневосточных территорий (в качестве прецедента вспоминали о продаже Аляски)¹⁴¹⁴. Вообще отношения России и США становились разносторонними, и корниловские события нисколько не помешали их стремительному развитию. Постоянную и тесную связь премьера с представителями США поддерживал личный секретарь Керенского Д. Соскис; кроме того, он непосредственно участвовал во многих проектах, продвигаемых американской стороной¹⁴¹⁵. Кстати, в октябре 1917 года сын Соскиса, служивший инженером в правительственном Главном управлении пограничному снабжению, был откомандирован в распоряжение полковника Томсона из той же американской миссии Красного креста¹⁴¹⁶. Сам Д. Соскис входил в состав учрежденного Комитета гражданского воспитания свободной России, объединившего ряд общественно-политических сторонников Керенского во главе с Е.К. Брешко-Брешковской. Комитет ставил главной задачей нейтрализацию большевистской пропаганды и подготовку правительственных агитаторов. На эти цели петроградское отделение New-York City Bank предоставило кредит в 12 млн долларов¹⁴¹⁷. Советские историки утверждали, что тем самым американский капитал «взял эсеровскую верхушку прямо на жалованье»¹⁴¹⁸.

Если говорить о внутренней политике, то провал корниловского выступления не только привел к распаду триумvirата – Керенский, Некрасов, Терещенко, – но также послужил катализатором для распыления социалистических партий. В партийной сфере разброд в рядах эсеров и меньшевиков, наметившийся уже летом 1917 года, с осени стал стремительно нарастать. Образовались два полюса: один вокруг большевизма, одержавшего крупную

¹⁴¹¹ См.: Биржевые ведомости. 1917. 16 августа (утро).

¹⁴¹² См.: Биржевые ведомости. 1917. 17 августа (вечер).

¹⁴¹³ См.: Биржевые ведомости. 1917. 9 августа (вечер).

¹⁴¹⁴ См.: *Афанасьев А., Баранов Ю.* Одиссея генерала Яхонтова. М., 1988. С. 7-9.

¹⁴¹⁵ См.: Там же. С. 20-21.

¹⁴¹⁶ См.: ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 367. Л. 93.

¹⁴¹⁷ См.: Октябрьская революция перед судом американских сенаторов. Официальный отчет «Оверменской комиссии» сената. М., 1990. С. 162-163.

¹⁴¹⁸ См.: *Покровский М.Н.* Историческое значение Октябрьской революции // Покровский М.Н. Избранные произведения. Т. 4. М. 1967. С. 95.

победу на перевыборах в Петроградский и Московский советы в начале сентября, другой – вокруг социалистов, ориентированных на всероссийский ЦИК. Внутрипартийные размежевания проявлялись и в сосуществовании двух комитетов одной партии, и в формировании различных списков от одной партии на выборах, и в свободе голосования по конкретным вопросам членов одной организации, и т.п. П. Сорокин, в тот период сотрудник секретариата Керенского, даже писал о расколе или даже более того – об исчезновении социалистических партий (эсеров, меньшевиков) как единого целого. Будущий знаменитый социолог обратил внимание и еще на одно важное обстоятельство: политическая дифференциация, с другой стороны, сопровождалась интеграцией, то есть партийное расщепление приводило к соединению однородных частей, отколовшихся от разных партий. Так, левые эсеры, все дальше и дальше расходясь с остальными однопартийцами по вопросу о войне, стремительно сближались с большевиками. То же самое происходило и у так называемых меньшевиков-интернационалистов, которые настаивали на незамедлительном сворачивании военной кампании. И наоборот, антибольшевистские элементы демонстрировали солидарность и призывали к доведению боевых действий до победного конца¹⁴¹⁹. Помимо вопроса о мире другим ключевым пунктом внутрипартийного размежевания стало отношение к российской буржуазии. За коалицию с ней продолжали ратовать и Керенский с Авксентьевым, и Церетели со Скобелевым. Они утверждали, что буржуазию рано сдавать в архив истории: она способна принести немало государственной и экономической пользы¹⁴²⁰. А деятели, группировавшиеся вокруг большевиков, стояли на совершенно иной позиции. Они считали русскую буржуазию контрреволюционной силой, мешающей победоносной поступи демократической революции. При этом они ссылались на отсталость российского капитализма, способного существовать лишь в тепличных условиях, созданных царизмом¹⁴²¹. Левые эсеры даже грозились, придя к власти, отменить все покровительственные пошлины, дабы очистить экономическое пространство страны от неконкурентных местных буржуа¹⁴²².

Разъединительные тенденции проявились уже в ходе Демократического совещания во второй половине сентября 1917 года, а затем в октябре, во время недолгой работы Совета республики. Так называемый предпарламент был образован на срок до проведения выборов и созыва Учредительного собрания, с тем чтобы укрепить коалиционное Временное правительство и предоставить трибуну для противостояния большевизму¹⁴²³. Само понятие «предпарламент» было позаимствовано из истории германской революции 1848 года. Правда, многих смущало, что немецкий предшественник оставил по себе нелестную память полной бездеятельностью и неудержимой болтовней (так охарактеризовал его К.

¹⁴¹⁹ См.: *Сорокин П.* Линия раздела демократии и блок оборонцев // *Воля народа.* 1917. 22 сентября.

¹⁴²⁰ См., напр.: *Выступление М.И. Скобелева на Всероссийском кооперативном съезде в Москве*// *Русское слово.* 1917. 12 сентября.

¹⁴²¹ См.: *Передовая* // *Дело народа.* 1917. 22 сентября.

¹⁴²² См.: *Трутовский В.* Какова должна быть наша торговая политика? // *Дело народа.* 1917. 7 сентября.

Левые эсеры считали, что открытие границ и конкуренция с западной промышленностью неизбежно приведут к разорению российских предприятий. Это, в свою очередь, подтолкнет процесс обобществления различных отечественных отраслей и создание государственных монополий. Если капиталистический частник не в состоянии конкурировать с заграничными производителями, то обобществленные производства, имеющие готовые рынки сбыта, смогут намного успешнее развивать экономику. См.: *Там же* // *Дело народа.* 1917. 8 сентября.

¹⁴²³ См.: *Набоков В.Д.* Временное правительство // *Архив русской революции.* Т. 1. С. 79.

Маркс)¹⁴²⁴. В 1917 году в России исторические аналогии оправдались. Набиравшие силу большевики после выступления Л.Д. Троцкого, красовавшегося на трибуне в рабочей вязаной куртке, вообще покинули заседание. Учитывая совещательный характер органа, они именовали его новым изданием булыгинской думы 1905 года¹⁴²⁵. Левые эсеры вышли из общей эсеровской фракции Совета республики, и на повестке дня оказался вопрос об их уходе из партии¹⁴²⁶. Упомянувшийся выше П. Сорокин даже прогнозировал, что эволюция партийного размежевания должна дойти до своего логического завершения и вскоре на политической арене страны появятся новые блоки, составленные из представителей разных партий¹⁴²⁷.

Однако уровень сплоченности этих потенциальных новых партий был явно неодинаков. Как заметил Д. Философов (соратник четы Мережковских), большевики и их союзники – куда более реальная сила, чем проправительственные оборонцы. В отличие от последних большевики ни перед чем не собираются останавливаться и ведут себя так, будто власть уже у них в руках. А вот поведение Церетели, Скобелева, Авксентьева, Дана и других, продолжал Философов, не может не разочаровывать. Всю свою жизнь с величайшими страданиями они добивались власти, а теперь не знают, как ее применить. Лично мужественные люди демонстрируют «всю меру интеллигентской беспомощности и трусости». Весьма уместно было и напоминание Философова о том, что всякая власть не только милует, но и карает. Поэтому он сожалел об удалении из правительства Б. В. Савинкова, которого ценил как человека воли и решительного действия, для которого свобода и оборона России – не прекрасная маниловщина, а исполнение сурового и жесткого долга¹⁴²⁸. Даже победитель корниловского мятежа премьер Керенский был уже не в состоянии выполнить какую-либо объединительную миссию. Как с иронией говорили в октябрьские дни, *«раньше у нас была Александра Федоровна, а теперь – Александр Федорович!»*¹⁴²⁹ Нельзя не отметить и парадоксальность отношения противников большевиков к бурному росту их влияния. Общественность считала, что победа большевиков не только неизбежна, но и полезна для всей русской жизни. Многие, включая бывших членов Государственной думы, буквально ждали большевистского восстания, которое, по распространенному убеждению, наконец встряхнет все здоровые силы¹⁴³⁰. Люди, как правило, пребывали в уверенности, что большевики пробудут у власти месяца два, а затем маятник качнется обратно и Россия сумеет найти правильный путь¹⁴³¹. Потому,

¹⁴²⁴ См.: Плеханов Г.В. Год на родине. Поли. собр. статей и речей 1917-1918 гг.: В 2 т. Париж, 1921. Т. 2. С. 166.

¹⁴²⁵ См.: Авксентьев Н.Д. Большевистский переворот // История СССР. 1992. №5. С. 150.

¹⁴²⁶ См.: Уход «левых» из фракции социал-революционеров и его последствия // Воля народа. 1917. 17 октября.

¹⁴²⁷ См.: Сорокин П. Линия раздела демократии и блок оборонцев // Воля народа. 1917. 22 сентября.

¹⁴²⁸ См.: Философов Д. Непротивленцы // Речь. 1917. 7 сентября.

¹⁴²⁹ См.: Глазами петроградского чиновника. Запись 23 сентября 1917 года // Нева. 1990. №8. С. 193.

¹⁴³⁰ См.: Стрелюхов П.П. Все в прошлом. Воспоминания // ГАРФ. Ф. 6546. Оп. 1. Д. 5. Л. 29; Васильчикова Л.Л. Исчезнувшая Россия. 1881 1919. СПб., 1995. С. 411-412.

¹⁴³¹ См.: Лопухин В.Б. Воспоминания бывшего товарища директора департамента МИД. СПб., 2008. С. 306.

когда в середине октября группе петроградских дельцов было сделано предложение «убрать» Ленина и Троцкого, они наотрез отказались финансировать это мероприятие¹⁴³².

Подводя итоги, следует дать общую оценку корниловским событиям. В современной историографии намечается пересмотр традиционных оценок этой драматической страницы в истории революции. Как известно, одна из таких оценок была представлена непосредственно Керенским, который выставлял Корнилова заговорщиком. Эта версия получила самое широкое распространение, поскольку большевики остро нуждались именно в такой интерпретации конфликта. Лишь заинтересованный ленинский взгляд устремлялся гораздо дальше. Вождь Октябрьской революции, не отягощая себя изучением фактической стороны дела, объявил заговорщиками как Корнилова, так и самого Керенского. Он не делал различия между ними («*Керенский – корниловец, рассорившийся с Корниловым случайно*»¹⁴³³), поскольку оба стремились к диктатуре и оба были наймитами иностранной буржуазии, обслуживавшими интересы мирового капитала. И большой разницы в том, кто в итоге взял верх, с точки зрения вождя большевиков, не было. Эти взгляды, естественно, всячески развивала советская историография, позаимствовав из левой прессы тех дней сам термин «*корниловщина*». Отсюда неизбежно следовало преувеличение масштабов заговора: большая победа должна преодолевать большие препятствия.

«Вся сила богатства встала за Корнилова, а какой жалкий и быстрый провал!»¹⁴³⁴

– воскликнул Ленин, и советская историческая наука навсегда осталась в этой парадигме. С другой стороны, зарубежная историография точно так же раздувала масштабы корниловских событий, поскольку была одержима поиском альтернативы большевизму. Идеологическая запрограммированность – как в первом, так и во втором случае – не способствовала качеству исследований. Отрадно, что в последние годы выработались новые подходы, основанные на более широком круге источников, в частности на материалах чрезвычайной следственной комиссии по делу Корнилова, которые пока нельзя назвать полностью освоенными. Исследователи, занимавшиеся их публикацией, склонны утверждать, что никакого заговора ставки против Временного правительства вообще не существовало¹⁴³⁵.

И действительно, мнение, будто бы Корнилов вынашивал планы самостоятельного заговора, не выдерживает критики.

Разумнее действия генерала рассматривать в контексте общего с Керенским стремления ограничить влияние Совета. С одной разницей: премьер намеревался вогнать Совет в жесткие рамки, а главноверх – разогнать вообще. После решения этой, вне всякого сомнения, общей для обоих задачи вставал вопрос об устройстве будущего правительства, свободного от влияния советских деятелей. И вот здесь начинались куда более серьезные расхождения. Корнилов опирался на возможности питерских финансистов, чьи интересы были слабо представлены в публичной политической сфере. И будущий кабинет они собирались формировать не из общественно-политических деятелей, а преимущественно из профессионалов-технократов. Это, кстати, вполне соответствовало имиджу Корнилова,

¹⁴³² См.: Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 111.

¹⁴³³ См.: Ленин В.И. О героях подлога и об ошибках большевиков // ПСС. Т. 34. М., 1981 С. 250.

¹⁴³⁴ См.: Ленин В.И. Русская революция и гражданская война // Там же. С. 219.

¹⁴³⁵ См.: Иванцова О.К. Предисловие // Дело Корнилова. Т. 1. С. 3-18.

который сознательно позиционировал себя в качестве общенационального, а не партийного лидера. С другой стороны, национальный вождь должен собрать под свои знамена как можно больше здоровых сил. Ради этого и велись вялотекущие переговоры с московской элитой – давней участницей открытого политического процесса. Причем инициатива объединения принадлежала не Москве, и купеческая знать это очень хорошо осознавала. Ее интересы в финальной части переговоров представлял В.Н. Львов (он вместе со своим братом Н.Н. Львовым пользовался благосклонностью московских дельцов). Важно подчеркнуть, что В.Н. Львов был посредником между купеческой знатью с одной стороны и обоими главными действующими лицами, Керенским и Корниловым, – с другой. (Посредником между Керенским и Корниловым был Савинков, а уж никак не В.Н. Львов, озабоченный прежде всего продвижением московских интересов.) Однако премьер не мог воспринимать визиты Львова в ставку иначе как попытку московской буржуазии договориться с Корниловым, и это крайне его насторожило. А арест Львова, оттолкнувший москвичей от участия в намечаемом деле, сыграл на руку Керенскому. К тому же премьер прекрасно знал, как относится к нему деловой Петроград, и ничего хорошего от него не ждал. Поэтому, разбив национальное единение в корниловском исполнении, он немедленно приступил к единению всех здоровых сил вокруг себя. И начал с того, что первым протянул руку московским дельцам.

Таким образом, корниловские события нельзя объяснять исключительно борьбой двух личностей. В них выразилось давнее соперничество питерского и московского буржуазных кланов. Провал генерала Корнилова стал следствием его неудачной попытки объединить их стремления. Керенский не допустил этого, оказавшись более изощренным политиком.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Выделение противоборства питерской и московской финансово-промышленной группы в качестве самостоятельного объекта изучения позволило лучше уточнить некоторые моменты отечественной истории. Изложение перипетий борьбы за контроль над конкретными активами, за обладание более прочными коммерческими позициями, разумеется, являлось необходимой, но далеко не главной целью предпринятой работы. Гораздо более существенное значение имело выявление тех двух моделей политического поведения, в рамках которых отстаивали свои политико-экономические интересы питерский и московский кланы. Разность их стратегий основывалась на различных представлениях о том, каким образом должна идти модернизация страны, насколько та или иная ее логика приемлема для российских условий и менталитета.

Московская купеческая группа – крайне интересное явление нашего исторического прошлого. Купечество, о котором идет речь, по большому счету, явилось продуктом царствования Екатерины II. Напомним, с последней трети XVIII века, когда были запущены рыночные механизмы, в российской экономике полноценно заработал внутренний рынок. Утверждая доктрину свободного предпринимательства, власти заимствовали опыт европейских держав, демонстрировавших преимущества промышленного прогресса. Как известно, в России торгово-мануфактурная сфера не стала уделом дворянства, ориентированного главным образом на сельскохозяйственные дела и обслуживание экспортно-импорт-ных операций. В силу этого роль локомотива внутреннего экономического развития империи досталась крестьянству, неплохо адаптировавшемуся в новом хозяйственном климате. Именно этим объясняется тот факт, что отечественная купеческая элита, выросшая из недр внутреннего рынка, в подавляющем большинстве была крестьянского происхождения. Во многом так обстояло дело и на Западе, где значительная часть буржуазии также вышла из низших (только городских) слоев населения. Тем не менее в Европе жизненные интересы мощного третьего сословия, выраженные в партийно-политических формах, стали основой государственной системы, а буржуазия – краеугольной

частью западного истеблишмента.

В России же аналогичные процессы протекали совсем иначе. Серьезным фактором, осложнившим вхождение капиталистов из народа в правящие элиты, оказались религиозные причины. Подобного не наблюдалось в Европе, где страны представляли практически однородные конфессиональные образования, созданные по принципу – *«чья власть, того и вера»*. Но в России утверждение данной доктрины привело не к конфессиональной рассортировке, а к фиксации вероисповедной разобщенности в рамках единого государства. Не принявшая нововведений патриарха Никона значительная часть русского населения оказалась на экономической периферии, отстраненной от государственной службы и земельного фонда. Шансы реализовать свою пассионарность появились у приверженцев старой веры с формированием рыночных механизмов, благодаря которым любой (независимо от положения) мог проявлять хозяйственную инициативу. Староверы вложились в торгово-мануфактурное строительство, далекое от устремлений дворянства; раскольников из религиозной общности трансформировалось в обширную экономическую корпорацию, а ее представители составили костяк купеческой элиты, группировавшейся вокруг древней столицы – Москвы. С 60-х годов XIX столетия, с нормализации обстановки вокруг старообрядчества, налаживается и расширяется диалог купечества с государством. Этому немало поспособствовала славянофильская и патриотическая интеллигенция, идейно патронировавшая купеческих выходцев из народа. Именно с ее подачи в годы царствования Александра III происходит долгожданное для московской буржуазии сближение с властью. Ободренное купечество начинает претендовать на «контрольный пакет» российской экономики, объясняя свое право на это своим истинно русским происхождением.

Однако эти надежды купечества перечеркнула ставка на иностранные инвестиции в российскую экономику, которую сделал при поддержке Николая II министр финансов С.Ю. Витте. Со второй половины 1890-х именно в зарубежном капитале власти видели панацею от российской экономической отсталости. По замыслу правительства, европейские инвестиции должны были обеспечить нужный для модернизации страны промышленный рост. У России не было времени ждать, пока собственный доморощенный бизнес достигнет надлежащего развития: в этом случае отставание от западных держав приняло бы необратимый характер. Провозглашенный государственный курс стал своего рода вердиктом о неконкурентоспособности купеческой элиты. В этой ситуации московское купечество могло рассчитывать не на обладание «контрольным пакетом» российской экономики, а лишь на малопривлекательные миноритарные роли. Конечно, такие изменения в экономической политике неизбежно вели к пересмотру отношений с государством. Ущемленная купеческая элита бросилась искать «спасательный круг», обретя его в западных конституционно-либеральных ценностях. Отринув верноподданническую идеологию, она устремилась навстречу радикальному общественному движению, начав исповедовать ограничение самодержавия и всевластия высшего чиновничества. Под этим идеологическим знаменем московская деловая элита вступила в борьбу с правящей бюрократией за обладание административно-управленческими рычагами.

Политические вождедения московского купечества и его либеральных союзников вдохновлялись западноевропейской практикой, служившей, по их убеждению, образцом для устройства России. По аналогии с тем, как это было в развитых державах, мотором отечественной модернизации объявлялся частный бизнес и частные собственники. В их распоряжении, по представлениям московской буржуазии, должны находиться ключевые российские активы, поскольку только частные хозяева способны эффективно управлять ими. Государственная дума московскому купечеству и его политическим союзникам виделась парламентом западного типа. Его компетенция – утверждение министров, которые несут ответственность перед депутатами. Работа Думы строится на основе партийного принципа: партии либерального направления вместе с общественными организациями должны идейно обслуживать многообразные потребности частного предпринимательства. В этой конструкции оставалось немного места для государства как в политической сфере, так и в

экономической жизни. Бюрократия представлялась исключительно тормозом прогресса, и ее влияние на управленческие процессы следовало минимизировать. Так в общих чертах выглядел модернизационный проект, продвигавшийся московским купечеством и его политическими сторонниками. Подчеркнем, что в большинстве современных исторических исследований именно он презентуется в качестве магистрального российского пути, срыв которого по вине реакционной и недалекой бюрократии привел к краху империи.

Сегодня можно констатировать, что восторженные оценки либеральной модели государственного развития Российской империи заслонили другую интересную страницу последних двух десятилетий ее существования. Речь идет о совершенно забытой программе модернизации, выработанной высшей петербургской бюрократией. Той самой бюрократией, на которую был прочно навешен ярлык недееспособности к чему-либо созидательному. Рассмотреть на историческом полотне этот сюжет помогла исследовательская «оптика» данной книги. Разматывание противоборства московского и питерского буржуазных кланов позволило увидеть модернизационные подходы правящей бюрократии того периода, в корне отличающиеся от московского общественно-либерального творчества.

Сразу скажем, функционирование петербургской бюрократии и крупного столичного бизнеса нельзя рассматривать изолированно. Со времен Петра I власть в лице самого императора, приближенных, чиновничества, озабоченная растущими казенными потребностями, выступала инициатором всех значимых деловых начинаний. Излишне говорить, что насаждаемый «сверху» капитализм осознавал себя не свободным предпринимательством западного типа, а своего рода правительственным агентом, рассчитывающим главным образом на содействие властей. Рыночная экономика, взрастившая купеческих капиталистов, не изменила делового менталитета правящего сословия. Оно по-прежнему чуждалось свободного рынка, считая его механизмы недостаточно надежными. Коммерческая активность дворянства заметно возросла после отмены крепостного права. 60-70-е годы XIX века – время формирования петербургской буржуазной группы. Ее становление происходило опять-таки «сверху», став плодом усилий бюрократической элиты. Именно правительство насаждало капиталистическое развитие, оживляя его иностранными вложениями и вовлекая правящее сословие в коммерческую сферу. Учреждение банков, железнодорожные концессии, создание новых предприятий – в этой новой бизнес-реальности тесно переплетались деловые и чиновничьи устремления. Подчеркнем, что для российских элит освоение новых коммерческих горизонтов оказалось заманчивым соблазном. В тот период официально разрешалось совмещение государственной службы с участием в различных деловых проектах; чиновничество с энтузиазмом пользовалось этим правом. В результате Зимний дворец превратился в место, где аристократия и чиновничество разного уровня вели откровенную торговлю концессиями и лицензиями. Крупные дельцы не без успеха лоббировали назначения на ответственные должности. В 1873 году даже был наложен мораторий на банковское учредительство, дабы сбить нездоровый ажиотаж в финансовой сфере. Иными словами, насаждение рыночных отношений в российских условиях сопровождалось для государства большими издержками.

В Российской империи предел всему этому был положен твердой рукой Александра III, который инициировал закон, запрещающий чиновникам заниматься коммерцией, а также осуществил выкуп значительной части железнодорожной сети государством и приструнил высшую аристократию начиная с членов разросшейся царской фамилии. Говоря иначе, взаимоотношения власти и бизнеса подверглись кардинальному пересмотру и оздоровлению, а это серьезно повысило компетентность бюрократической элиты. Уже к концу XIX столетия она представляла собой субъект, способный адекватно обслуживать модернизационные вызовы. Так, выход России на мировые финансовые рынки и приток зарубежных инвестиций не привел к подчинению страны иностранному капиталу, как уверяла советская история. Преградой тому как раз и стало качество высшей бюрократии, руководившейся не стремлением к личному обогащению, а государственными потребностями. Западные денежные потоки проникали в российскую экономику преимущественно через

петербургские банки, которые играли роль своего рода финансовых окон. Одновременно власти запрещали открытие филиалов иностранных банковских структур, но им разрешалось присутствовать в акционерном капитале тех же петербургских банков. Руководящий состав последних преимущественно комплектовался из чиновников министерства финансов, юстиции, госбанка и др., ориентированных в первую очередь на правительственные интересы. В итоге на рубеже XIX-XX столетий произошло резкое усиление петербургского банковского сообщества: оно становится оператором государства в обеспечении экономического подъема. Напомним, что именно это обстоятельство переполнило чашу терпения московской буржуазии, толкнув ее на освоение либеральных рубежей.

Пул крупнейших петербургских банков при поддержке правительства деятельно участвовал в реформировании отечественной экономики с целью повышения ее конкурентоспособности. Питерские финансовые структуры, подпитываемые иностранными ресурсами и средствами государственного банка, активно входили в различные отрасли отечественной экономики, устанавливая контроль над многими из них. К началу Первой мировой войны столичные банки стали полноправными участниками монополистических нефтяных концернов в Кавказском регионе на паритетных началах с зарубежными собственниками. Сахарная отрасль на Украине практически полностью перешла под контроль банкиров и действовавших по их поручениям дельцов. Произошла масштабная смена собственников уральской индустрии, которая перешла в руки питерских банков. Экспансия петербуржцев неумолимо приближалась к цитадели купеческой буржуазии – текстильной и легкой промышленности центра России. Столичным финансистам удалось овладеть хлопкозаготовительными рынками Средней Азии, что выглядело весомым аргументом в борьбе с купеческими текстильными королями. В то же время целые отрасли промышленности стратегического назначения (оборонный комплекс, главные железные дороги) неизменно находились в собственности государства; петербургские банки только обслуживали их счета, обеспечивая нужным кредитованием. Заметим, мощная горнопромышленная индустрия юга России, принадлежащая иностранным акционерам, также обслуживалась в тех же столичных структурах и их южных филиалах.

Именно в этом ключе бюрократические верхи намечали дальнейшее расширение экономического строительства. Министерствами и ведомствами был разработан новый цикл индустриализации страны. Планировалось коренное освоение Урала, Кузнецкого бассейна, постройка крупных индустриальных гигантов, сети гидроэлектростанций начиная с ДнепроГЭСа и т.д. Практическое же воплощение этой обширной индустриальной программы по-прежнему опиралось на потенциал и возможности крупных банковских структур. Очевидно, что в условиях догоняющего развития это являлось оптимальным способом концентрации усилий на нужных направлениях. Заметим, что наработки именно этой программы были реализованы уже в советские 30-е годы в ходе так называемой сталинской индустриализации, сполна воспользовавшейся плодами трудов царской бюрократии. Добавим: важнейшим направлением программы последней являлась столыпинская аграрная реформа, призванная сформировать обширный слой небольших собственников – потребителей растущих объемов промышленной продукции. Говоря современным языком, речь шла о поощрении малого бизнеса, выступавшего в качестве естественной опоры экономического роста.

Перед нами самостоятельная модель модернизации, целенаправленно реализуемая государством, то есть высшей бюрократией, определяющей базисные векторы развития. Подчеркнем, что ключевое положение бюрократии в управленческой системе обусловлено порядком ее формирования. Качественный состав высшего чиновничества при Николае II кардинально улучшился. Верхи бюрократии формировались главным образом двумя путями: посредством постепенного возвышения по административной лестнице и переходом на государственную службу профессоров из российских университетов и институтов – признанных специалистов в своих отраслях. Такой механизм пополнения бюрократической элиты позволял аккумулировать требуемый опыт и компетенцию, дефицит которых заметно

ощущался в общественной среде, во многом случайной и нестабильной. Иными словами, приоритет признавался не за партийными деятелями, а за профессионалами-технократами. Потому-то в данной конструкции Государственная дума не наделялась управленческими полномочиями, а влияние разноликих общественных организаций на правительственные дела было ограничено. Нетрудно заметить, что эта модель, запущенная в дореволюционной России, очень напоминает ту, которая успешно функционирует в современном Китае. Как известно, китайское экономическое чудо – это как раз результат деятельности бюрократии, занимающей центральное место в модернизационных процессах Поднебесной.

Так в начале XX века действовала царская власть. Именно ее усилиям противостояла московская альтернатива, состоявшая из пропагандистских апелляций думских ораторов и публицистики либеральных деятелей широкого профиля. Купеческая буржуазия – основной бенефициар данной альтернативы – прекрасно осознавала, что продвижение правительственного экономического курса означает для нее окончательную утрату каких-либо перспектив на обладание «контрольным пакетом» российской экономики. Поэтому старания оппозиционных сил неизменно концентрировались на дискредитации правящей бюрократии и ее планов. Разразившийся кризис царской империи имел сугубо политические корни, а не экономические причины. Отметим, что последнее десятилетие дореволюционной России характеризовалось наиболее высоким экономическим ростом и форсированным развитием социальной сферы страны. Однако широкомасштабная программа преобразований была опрокинута падением монархии и царского правительства. В феврале 1917 года московская буржуазная группа и ее политические союзники захватили власть, в конечном счете не сумев использовать ее во благо страны.

Реанимация либерального проекта в России была осуществлена в 90-е годы XX столетия. Нынешние ее итоги таковы: частная олигархия и ее идейная обслуга, воспетые еще в дореволюционные времена как движущие силы модернизации, воспринимаются сегодня в качестве дееспособных субъектов вовсе не развития, а небывалого в отечественной истории разграбления страны. В этих условиях бюрократия как таковая быстро превратилась в «приводной ремень» расхищения активов, создававшихся трудом не одного поколения россиян. Весьма символично, что упадок России, оказавшейся во власти такого «прогресса», проходил на фоне беспрецедентных успехов Китая, вышедшего на невиданный уровень развития без использования либеральной классики. Однако западный истеблишмент упорно характеризует китайский путь как некое недоразумение, лишь временно существующее вне либеральных политико-экономических стандартов.

В этой связи актуализируется ряд принципиальных задач. Во-первых, осмыслить модернизационные модели Петербурга и Москвы, которые базировались на разных ветвях либерализма (государственного или общественного). Во-вторых, показать исторический вектор развития Российской империи, двигавшейся в начале XX века в том же модернизационном русле, что и Поднебесная в конце столетия. В-третьих, конвертировать дореволюционный опыт для возвращения России на тот естественный путь, с которого она была выбита бурей 1917 года и последующими советскими экспериментами. Очевидно, что нынешнее государство крайне нуждается в ясных идеологических опорах. Их обретение связано не с реализацией имитационной логики западной либеральной проекции, а прежде всего с четким осознанием своего прошлого, которое должно стать твердым источником исторической легитимации современной российской власти и ее политического курса.